АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

СБОРНИК СТАТЕЙ И ВЫСТУПЛЕНИЙ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

г. Москва, 10-12 мая 2018 г.

Научно-инновационный центр
Красноярск, 2019

федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Актуальные проблемы психологической науки

Сборник статей и выступлений

международной научной конференции

г. Москва, 10-12 мая 2018 г.

Под редакцией Горбуновой Е.С.

Научно-инновационный центр
Красноярск, 2019

УДК 159.9
ББК 88.3
А43

А43 **Актуальные проблемы психологической науки:** Сборник статей и выступлений международной научной конференции (г. Москва, 10-12 мая 2018 г.) [Электронный ресурс] / под редакцией Горбуновой Е.С. – Электрон. текстовые дан. – Красноярск: Научно-инновационный центр, 2019. – 432 с. – Режим доступа: http://nkras.ru/arhiv/2019/psychology.pdf – Систем. требования: IBM PC; Internet Explorer и др.; Acrobat Reader 3.0 или старше.

ISBN 978-5-6042232-1-5
DOI: 10.12731/978-5-6042232-1-5

10-12 мая 2018 г. состоялась конференция молодых ученых «Актуальные проблемы психологической науки». Веб-сайт конференции находится по адресу https://social.hse.ru/psy/molconf/.

Это первая конференция молодых учёных, которая была организована профессорско-преподавательским составом и научным студенческим обществом департамента психологии НИУ ВШЭ. Основная цель конференции — дать молодым исследователям возможность представить свои работы, посвящённые эмпирическим исследованиям в области психологии, научному сообществу.

Данный сборник может быть полезен всем, кто интересуется проблемами и перспективами современных исследований в психологической науке.

ISBN 978-5-6042232-1-5

© Коллектив авторов, 2019
© НИУ ВШЭ, 2019 (верстка, редактирование)
© Научно-инновационный центр, 2019 (обложка)

Программный комитет конференции

Фаликман М.В., д. психол. наук, руководитель департамента психологии – председатель

Горбунова Е.С., канд. психол. наук., доцент кафедры общей и экспериментальной психологии – зам. председателя

Агадуллина Е.Р., канд. психол. наук; Белов А.В.; Благовещенский Е.Д., канд. биол. наук; Болотова А.К., д. психол. наук; Будинайте Г.Л., канд. психол. наук; Бушина Е.В., канд. психол. наук; Варга А.Я., канд. психол. наук; Вечерин А.В., канд. психол. наук.; Галяпина В.Н., канд. психол. наук.; Елисеенко А.С.; Исаева А.Н., канд. психол. наук; Ключарев В.А., канд. биол. наук; Костенко В.Ю., канд. психол. наук.; Котов А.А., канд. психол. наук.; Кургинян С.С., канд. психол. наук; Лебедева Н.М., д. психол. наук; Люсин Д.В., канд. психол. наук; Молчанова О.Н., канд. психол. наук;
Нартова-Бочавер С.К., д. психол. наук; Орлов А.Б., д. психол. наук; Осин Е.Н., канд. психол. наук; Поддьяков А.Н., д. психол. наук; Рябиченко Т.А., канд. психол. наук; Сариева И.Р.;
Спиридонов В.Ф., д. психол. наук; Стакина Ю.М., канд. психол. наук; Старовойтенко Е.Б., д. психол. наук; Татарко А.Н., д. психол. наук; Тюрина Н.А., канд. психол. наук.; Уточкин И.С., канд. психол. наук.; Фам А.Х., канд. психол. наук; Хачатурова М.Р., канд. психол. наук; Чебутарева Е.Ю., канд. психол. наук; Чумакова М.А., канд. психол. наук; Шадриков В.Д., д. психол. наук; Шестакова А.Н., PhD;
Штроо В.А., канд. психол. наук; Яголковский С.Р., канд. психол. наук.

Организационный комитет конференции

Макаров И.М., студент 3 курса бакалавриата, председатель Научного Студенческого Общества департамента психологии – председатель

Батхина А.А., Берберян Э.С., Богатырева Н.И., Бульцева М.А., Василевская Е.Ю., Волкова К.В., Горин А.А., Грибкова О.А., Дурнева Л.К., Зинченко О.О., Кузнецов Н.Р., Кузьмина А.А., Ле С.Т.Т., Лукашевич А.О., Милн А.Р., Моспан А.Н., Осаволюк Е.Ю., Поздняков И.С., Савело О.А., Серветник М.В., Тарасова Е.О., Тонких А.И., Тушева Д.И., Шаповалов Р.А., Ярмоленко Е.В.

Под редакцией Горбуновой Е.С.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ. СБОРНИК СТАТЕЙ И ВЫСТУПЛЕНИЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 10-12 МАЯ 2018 Г.

6

Кросс-культурная психология

Баязитова Диана Анваровна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Взаимосвязь личностных метачерт и аккультурационных ожиданий принимающего населения России

В России миграция является актуальным феноменом, поскольку каждый год границы России пересекают миллионы людей, большая часть из которых – это мигранты со стран СНГ. У принимающего населения, в свою очередь, возникают те или иные установки, ожидания по отношению к мигрантам. Цель данного исследования - выявление связи личностных факторов и аккультурационных ожиданий представителей принимающего населения.

Под аккультурационными ожиданиями мы понимаем те или иные ожидания того, как должны вести себя мигранты, переезжая в новую страну. Дж. Берри выделяет 4 таких стратегии, которые мы используем в данном исследовании (Berry, 1994): (1) Мультикультурализм (доминирующее население принимает мигрантов и позволяет им сохранять собственную культурную идентичность); (2) «Плавильный котел» (стратегия на основе ассимиляции, основанная на утрачивании культурного наследия мигрантов и полного растворения в новом обществе); (3) Исключение (полная изоляция миграционного потока от коренных жителей, создание некоего «гетто»); (4) Сегрегация (стратегия, при которой мигранты сами отдаляются от принимающего населения, желая при этом сохранять собственную культуру). В теоретическую основу личностных факторов легла круговая модель метачерт личности, предложенная Штрус и др. в 2014 году (Strus et al, 2014). Авторами модели были выявлены два фактора высшего порядка: Альфа/Стабильность и Бета/Пластичность или же «Общий фактор личности» (GFP; Musek, 2007). Используя огромный перечень опросников (включая большую пятерку, удовлетворенность жизнью, ценностный портрет и т.д.) авторами была произведена валидизация нового инструментария, включающего в себя 8 метачерт: Дельта-плюс (Самообладание), Альфа-плюс (Стабильность), Гамма-плюс (Интеграция), Бета-плюс (Пластичность), Дельта-минус (Поиск стимуляции), Альфа-минус (Расторможенность), Гамма-минус (Дисгармония), Бета-минус (Пассивность). Мы предполагаем, что, опираясь на личностную модель метачерт, нам удастся выявить индивидуальные характеристики

общего порядка, которые помогут понять современную картину отношения к мигрантам в России.

В исследовании принимали участие граждане Российской Федерации разных регионов. Выборка исследования составила 88 человек в возрасте от 20 до 57 лет, 22 мужчин и 66 женщин. Участникам исследования предлагалось заполнить онлайн-опросник состоящий из трех блоков. Первый блок составлял опросник на выявление мета-черт личности, состоящий из 72-х вопросов. Второй блок был посвящен выявлению аккультурационных ожиданий, измеряемых с помощью опросника Дж. Берри (в модификации Лепшоковой, Татарко, 2017), который называется Шкала для измерения установок на аккультурационные ожидания (32 пункта). Третий блок охватывал демографические особенности респондентов, такие как возраст пол, образование, город проживания и т.д.

Для выявления зависимости выбора аккультурационной стратегии от той или иной метачерты использовался регрессионный анализ. Интересен тот факт, что одна и та метачерта является фактором выбора разных аккультурационных ожиданий. Таким образом, гамма-минус (дисгармония) оказывается предиктором таких ожиданий как мультикультурализм, сепарация и исключение. Метачерта дисгармония представляет собой индивидуальную характеристику, которая выражается в отстраненности в межличностных отношениях, пессимистических настроениях и недоверии к окружающим. Исходя из вышесказанного, данная метачерта отрицательно связана с аккультурационной стратегией интеграции, а гамма-плюс (интеграция), наоборот,мположительно связана с данной стратегией. Интеграция характеризуется теплым отношением к окружающим людям и открытостью к миру. Согласно круговой модели метачерт это противоположные характеристики личности. Следовательно, граждане, демонстрирующие аккультурационное ожидание мультикультурализм как положительное отношение к мигрантам, принятие их культуры, имеют высокие показатели таких метачерт как гамма-плюс и гамма-минус, то есть открыты к миру и тепло относятся к людям.

У аккультурационного ожидания “плавильный котел” не наблюдается значимых предикторов в результате регрессионного анализа, однако можно говорить о положительных корреляционных связях с метачертами гамма-минус (дисгармония) и бета-минус (пассивность).

Сегрегация по отношению к мигрантам связана с такими предикторами как дельта-плюс (самообладание) и дисгармония. По результатам корреляционного анализа можно еще добавить положительную взаи-

мосвязь с альфой-минус (расторможенность), которая характеризуется высоким уровнем антисоциальных наклонностей и агрессией к людям, что весьма логично, поскольку сегрегация желанием держать мигрантов “на расстоянии”.

Последнее аккультурационное ожидание - исключение. Предикторами данной стратегии выступили опять же гамма-плюс (с отрицательным влиянием) и гамма-минус. Таким образом можно сказать, что стратегия полной изоляции мигрантов также связана с отстраненностью и недоверием в межличностных отношениях.

Исходя из результатов исследования, стоит отметить что некоторые индивидуальные характеристики могут влиять на отношение к мигрантам: способствовать их принятию или же наоборот, отстраненности и недоверию.

Литература

Лепшокова З. Х., Татарко А. Н. Адаптация и модификация методики аккультурационных ожиданий Джона Берри // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8. № 3. С. 125-146

Berry J. W. (1994). Acculturative Stress // Psychology and Culture / ed. by W. J. Lonner, R.S. Malpass. New York

Musek, J. (2007). A General Factor of Personality: Evidence of the Big One in the Five-Factor model. Journal of Research in Personality 41(6):1213-1233

Strus, W., Cieciuch, J., & Rowinrski, T. (2014). The Circumplex of Personality Metatraits: A synthesizing model of personality based on the Big Five. Review of General Psychology, 18(4), 273–286.

В.Д. Косьмин

МГУ имени М.В. Ломоносова

Проблема этнической толерантности (на примере исследования стереотипов восприятия японцев у российских студентов)

В настоящее время проблема этнической толерантности является одной из основных проблем современных проблем полинационального и поликонфессионального общества.

Понятие этнической толерантности и её функции

Так, исследователи Е.И. Шлягина и С.Н. Ениколопов считают этническую толерантность «одной из форм проявления этнических установок» и «частным случаем общей толерантности» личности. (1, с. 82). Важно, что другие исследователи Н.М. Лебедева, О.В. Лунева и Т.Г. Стефаненко определяют понятие этнической толерантности, как «отсутствие негативного отношения к иной этнической культуре, а точнее – наличие позитивного образа иной культуры при сохранении восприятия своей собственной, а А.Г. Асмолов рассматривает понятие толерантности как норму поддержки разнообразия и устойчивости разных систем, которая обеспечивает расширение диапазона их возможностей, а также выполняет следующие функции:

- обеспечение устойчивого развития человека, разных социальных групп и «человечества как единства разнообразия» в изменяющемся мире;
- право и ценность каждого человека как индивидуальности, право быть «Иным»;
- баланс и гармонизация интересов противоборствующих сторон в идеологии, политике, экономике, а также в любых других формах межличностного, социального и политического взаимодействия отдельных личностей больших и малых социальных групп;
- возможность диалога, переговоров, накопления потенциала солидарности, согласия и доверия различных мировоззрений, религий и культур (Асмолов, 2011).

Понятие интолерантности как противоположное явление и её профилактика

Следует сказать, что в настоящее время в окружающем мире находится куда больше примеров проявления обратного явления – интолерантности, неразрывно связанной с вышеуказанным понятием. Таким образом, Г.У. Солдатова и Т.А. Нестик отмечают, что интолерантность проще и доступнее для понимания, чем толерантность.

Исследователем В. Шнирельманом отмечается следующая закономерность: в России с конца 1980-х годов наряду с традиционным антисемитизмом нарастало недоверие к чужакам, выходцам из других регионов. Тот же автор указывает на расистское прошлое США, им было отмечено коренное отличие между «американским» и «европейским» расизмом: в США и ЮАР расизм не распространялся на большие расы и не соотносился к принадлежностью к этносу, а в других странах Европы наблюдалась биологизация нации и этничности.

Современные исследователи считают, что бороться с проявлениями этнической интолерантности важно на самых ранних этапах развития ребёнка путём проведения специальных тренингов. Таким образом, он получит больше полезных ориентиров для успешной социализации и функционирования в современном мире. Что же касается закоренелых сторонников негативного отношения к чужеродным культурам и этносам, то особенно важно соблюдение уголовно-процессуального кодекса с их стороны, поскольку не менее важной проблемой, освещаемой В. Шнирельманом, является этническая преступность (Шнирельман, 2011). .

Эмпирическое взаимодействие японской массовой культуры со стереотипами японцев у российских студентов

Объектом исследования, проведённого в 2014 г. на факультетах психологии, журналистики и ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, являлись этнические стереотипы в отношении японцев, как воспринимаемой студентами нации. Исследование проводилось на выборке студентов в возрасте от 18 до 20 лет. Данные выборки студентов были подобраны таким образом, что предметом исследования было выбрана зависимость этнических стереотипов японцев и русских, а также образов себя у российских студентов от опыта их взаимодействия с японской массовой культурой.

На основании полученных характеристик, присущих «типичному японцу», гипотезой исследования была выбрано отличие этнических

стереотипов японцев в зависимости от фактора опыта их взаимодействия с продуктами японской массовой культуры.

Материалы исследования, были собраны при помощи контент-анализа методов свободного описания, биполярных шкал и факторного анализа. Отсюда можно выделить следующее следствия: студенты, имеющие разный опыт взаимодействия с японской массовой культурой, наделяют японцев положительными, отрицательными или нейтральными качествами.

Полученные в ходе исследования данные показали, что незнакомые с японской массовой культурой респонденты выбрали больше положительных характеристик относительно своей этнической принадлежности и не наделяют японцев отрицательными качествами, а фактор ознакомления с японской массовой культурой не является в данном вопросе определяющим.

Литература

Асмолов А.Г. Школа жизни с непохожими людьми // Национальный психологический журнал, №2, 2011.

Шлягина Е.И., Ениколопов С.Н. Исследования этнической толерантности // Национальный психологический журнал, №2, 2011.

Шнирельман В.А. Порог толернатности: идеология и практика нового расизма – Том II – М.: Новое литературное обоозрение, 2011

Азимзаде Айдан Алтай кызы

Бакинский Государственный Университет

Межкультурные различия ценностных ориентаций азербайджанских и русских студентов

Проблема ценностей и ценностных ориентаций является актуальным предметом современных социально-психологических исследований. Согласно Г.М. Андреевой, главной задачей социальной психологии является выявление того, каким образом социальные условия оказывают влияние на поведение и деятельность отдельной личности. (Андреева, 2010). Однако, чтобы решить эту задачу, необходимо ввести так называемые «медиаторы», опосредующие это влияние. Ценности в данном случае оказываются подходящим конструктом, так как, с одной стороны, возможность двухуровневого анализа ценностей позволяет нам изучить как ценности, центральные в той или иной культуре, так и ЦО отдельных индивидов. С другой стороны, несмотря на их относительную устойчивость, они также, в той или иной степени, подвергаются влиянию внешних факторов. Масштабные изменения, происходящие в обществе, приводят к смене превалирующих там ценностей, что, в свою очередь, приводит к изменению ЦО отдельных индивидов. Таким образом, ценности могут служить надежным конструктом, посредством которого мы можем изучить влияние масштабных изменений, происходящих в обществе на поведение отдельных его членов, т.е. как отмечал М. Рокич изучить связь между обществом и личностью. (Rokeach, 1973, Yaz c , 2013, Smith, 1996). Также актуальность данной проблематики обусловлена недостатком научных данных о проблеме ценностей для азербайджанской культуры.

Методы и процедура исследования

В нашем исследовании приняли участие студенты как азербайджанских, так и российских вузов. Выборка исследования включала 4 подгруппы: азербайджанцы, проживающие в Азербайджане и в России; русские, проживающие в Азербайджане и в России. Общее количество респондентов было 200 (99 азербайджанцы и 101 русские). Средний возраст - 22 лет. Гипотезой исследования является отсутствие различий в ЦО азербайджанских и русских студентов, проживающих в Азербайджане и России. Для проверки гипотезы была использована последняя версия методики «Ценностный опросник» Ш.Шварца и ме-

тодика Г. Триандиса « NDCOL», которая была переведена и адаптирована в 2003 году А.Е. Бушминой.

Результаты исследования. Результаты анализа с помощью U-критерия показали, что во всех группах наиболее значимыми ценностями являются «Благожелательность-надежность», «Благожелательность-забота», «Самостоятельность поступки». Сравнительный анализ по признаку страна проживания (Азербайджан) показал наличие различия в значимости ценностей «Власть-Доминирование», (p=0,024) «Гедонизм», (p=0,029) «Универсализм - забота» (p=0,006) с большей значимостью первого для русских, а последних для азербайджанцев. По признаку страна проживания (Россия) статистически значимые различия наблюдаются в значимости ценностей «Самостоятельность мысли» (p=0,023), «Гедонизм» (p=0,003), «Власть доминирование» (p=0,014), «Репутация» (p=0,015), «Безопасность социальная» (p=0,05), «Традиционализм» (p=0,00), «Благожелательность надежность» (p=0,011), «Универсализм забота»(p=0,02). Если первые три более значимы для русских, то остальные более значимы для азербайджанцев, проживающих в России. Сравнительный анализ по признаку национальность показал наличие статистически значимых различий в ЦО лишь азербайджанцев, проживающих в Азербайджане и России. Ценности «Самостоятельность мысли» (p=0,03), и «Гедонизм» (p=0,00) более значимы для студентов, проживающих в Азербайджане, «Традиционализм» (p=0,00) и «Универсализм толерантность» (p=0,02) для студентов, проживающих в России. Также нами было выявлено, что у азербайджанцев, проживающих в Азербайджане, и русских, проживающих в двух странах, наблюдалась большая выраженность индивидуалистических тенденций, а у азербайджанцев, проживающих в России, уровень коллективизма превышал уровень индивидуализма.

Обсуждение результатов. В целом отсутствие различий в ЦО азербайджанцев и русских, проживающих в Азербайджане, мы можем рассматривать как результат процесса гибридизации культур (Астафьева, 2012). Однако, наличие различий в ценностной системе азербайджанцев и русских, проживающих в России, допускает наличие явления «Изоляционизма», под которым мы понимаем закрытость к изменениям. Мы предполагаем, что причиной этому может быть различия в референтных группах, на которые ориентируются азербайджанская молодежь, проживая в инокультурной среде. Для азербайджанских студентов референтной группой, возможно, является семья, ценности которых интериоризируются, тем самым проявляя закрытость к ценностям русской культуры. (Керимова, 2015)

Литература.

Андреева, Г. М. (2010) Психология социального познания. М., Аспект Пресс.

Астафьева, О.Н. (2012). Взаимодействие культур: динамика моделей и смыслов. Вопросы социальной теории: научный альманах (Том 4). М.: Независимый институт гражданского общества.

Керимова, И. А. (2016). Особенности ценностных ориентаций подростков, ориентированных на различные референтные группы (на примере коренных жителей и мигрантов). Сибирский педагогический журнал, 2

Rokeach, M. (1973) The nature of human values. New York: Free Press.

Smith, P.B. & Schwartz, S. H. (1996) Handbook of cross cultural psychology. Social behavior and application. n J.W. Berry, H.S. Marshall,C. Kag t bas (Ed.). Boston, Allyn & Bacon.

Yaz c , M. (2013) Toplumsal de i im ve sosyal de erler. Turkish Studies - International Periodical For The Languages, Literature and History of Turkish or Turkic, 8.

Чулюкин Кирилл Сергеевич

Казанский (Приволжский) Федеральный Университет

Творческое мышление младших школьников при разном уровне культурной конгруэнтности

Младший школьный возраст является важным интегральным этапом вхождения в культуру, приобретения новых социальных контактов, смены социальных ролей, активного формирования психических процессов, проявления креативности, стремления к творческому самовыражению.

Творческое мышление является как процессом, так и продуктом, по мнению Е.Е. Туник, при этом Елена Евгеньевна проводит дифференциацию детей в любом возрасте по их творческому потенциалу (Туник, 2002).

Творческая личность, по мнению А.В. Брушлинского, личность, сочетающая в себе наиболее оптимальным образом интеллектуальные и мотивационные факторы, личность как непрерывное единство процессуальных и личностных компонентов мышления и творческого мышления (Брушлинский, 1969).

А.Н. Поддьяков выделяет в мышлении отличительную особенность - способность изобретать новое, оригинальное, до этого не существовавшее и не известное (Поддьяков, 2002). В данном понимании Александр Николаевич определяет важнейшим фактором формирования творческого мышления и творческой личности - социальную среду.

Социальная среда, включающая в себя социальную ситуацию развития, позволяет увидеть динамику и изменчивость взаимодействия ребенка как развивающегося субъекта культуры. Определяя младшего школьника как субъекта культуры, стоит уточнить, что в психологии существует самостоятельная линия объяснения культуры через её нормативное содержание. Продуцируемые культурой нормы инициируют необходимость их трансляции уже на самых ранних этапах онтогенеза. В те возрастные периоды, когда в социальной ситуации развития значимым субъектом взаимодействия с ребёнком выступает взрослый, перед ним возникает культурная функция трансляции норм в виде правил – некоторых директив, обращенных к ребенку. Ребёнок же в своём поведении либо соответствует, либо не соответствует предъявляемым ему правилам.

Взаимодействие ребёнка и правила создает определенную ситуацию, которая в психологии получила название нормативной ситуации (Веракса, 2000). Ядром нормативной ситуации является правило, поэтому психологический анализ ситуации сводится, прежде всего, к анализу взаимодействия субъекта и правила. В силу того, что каждый возрастной этап предполагает специфичную для того или иного возраста социальную ситуацию развития, актуальными становятся и специфичные для возраста правила, а также типичные в том или ином возрасте нормативные ситуации. В связи со сказанным можно предположить, что анализ взаимодействия ребёнка и культуры в нормативной ситуации, предусматривает определение его соответствия тем правилам, которые характерны для возраста - его культурную конгруэнтность.

Гипотеза

Гипотезой исследования выступает предположение о том, что существует взаимосвязь творческого мышления и культурной конгруэнтности.

В исследовании приняли участие 293 респондента - дети младшего школьного возраста, а также классные руководители начальных классов в количестве 10 человек.

Методики

В качестве диагностического инструментария были использованы следующие методики:

Экспресс-диагностика творческого мышления детей Е.Е. Туник (модификация теста Гилфорда) (Туник, 2002).

Авторская методика определения культурной конгруэнтности младшего школьника, включающая соответствующие факторы типичных правил в нормативной ситуации (Л.Ф. Баянова, Е.А. Цивильская, Р.М. Байрамян, К.С. Чулюкин) (Баянова и др., 2016).

Результаты

Анализ корреляций показал, что при низком, среднем и высоком уровне соответствия поведения младших школьников типичному для возраста спектру правил, показатели творческого мышления имеют обратную достоверную статистическую значимую связь, при $p \leq 0{,}01$. То есть, чем выше показатели творческого мышления, тем ниже показатели культурной конгруэнтности, и наоборот, чем ниже показатели творческого мышления, тем выше показатели культурной конгруэнтности детей младшего школьного возраста.

Таким образом, наша гипотеза в установлении связи между творческим мышлением и культурной конгруэнтностью нашла свое подтверждение.

Литература

1. Веракса, Н. Е. (2000). Личность и культура: структурно-диалектический подход // Перемены, 1, 81-107.

2. Брушлинский, А. В. (1969). Воображение и творчество (трудности в трактовке воображения) // Научное творчество. Под ред. С. Р. Микулинского, М. Г. Ярошевского. М.: Наука, С. 341-

3. Поддьяков, А. Н. (2002). Ты гений или просто умный? (У интеллекта и творческих способностей разная природа) // Знание – сила, 9. С. 78-81.

4. Туник, Е. Е. (2002). Психодиагностика творческого мышления. Креативные тесты. — СПб.: Изд-во «Дидактика Плюс», С. 48.

5. Bayanova, L. F., Tsivilskaya, E. A., Bayramyan, R. M. & Chulyukin, K. S. (2016). A cultural congruence test for primary school students // Psychology in Russia: State of the Art, 9(4), 94-105. doi: 10.11621/pir.2016.0408

Бомбиери Лучия

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Teachers' role in facilitating cross-cultural attitudes among students.

Migration floods have dramatically increased in frequency and numbers over the past two decades. The phenomenon is continually changing in characteristics and populations affected by it. The challenges they are posing are evolving, as well, and they demand a difficult shift in the host communities. The focus of this paper is on the key role teachers play in facilitating or impeding integration. We collected data in Italy among 5th-grade students (10-11 y.o.) observing how teachers' instructions and arose empathy can modulate the likeability, ingroup/outgroup identification and acculturation expectations toward a fictional migrant peer. Results are still under processing, but at this preliminary stage the impact of both teachers and empathy seems to be confirmed, even though at different extents. Implications, limitations and future directions will be discussed.

Key words: migration, education, in-group and out-group attitudes

Психология развития и образования

Назаретян Аничка Самвеловна

ЯрГУ им. П.Г. Демидова

Мотивация образования взрослых

Процесс обучения взрослых имеет свои особенности, которые необходимо учитывать при работе с ними. Взрослый обучающийся обладает сформировавшимися, устоявшимися психологическими качествами, следовательно, он осознает себя самостоятельной самоуправляемой личностью, имеет запас жизненного и профессионального опыта, с помощью обучения стремится решить собственные проблемы и достичь определенных целей. Многие организации на сегодняшний день, стараются принимать сотрудников, которые владеют широким спектром компетенций, связанных с их профессиональной деятельностью, поэтому большое количество людей, стремятся получить образование или повысить квалификацию для достижения каких-либо карьерных или профессиональных целей. Это определяет необходимость изучения факторов формирования образовательных мотивов обучающихся взрослых. По нашему предположению, они могут быть детерминированы, в частности, половой принадлежностью субъекта обучения и его возрастными характеристиками.

Цель исследования: определить половозрастные различия в образовательных мотивах обучающихся взрослых на аналитическом и структурном уровнях исследования.

Объект исследования: образовательные мотивы обучающихся взрослых.

Предмет исследования: половые и возрастные различия в мотивах получения образования во взрослом возрасте

В качестве гипотезы исследования мы выдвинули предположение, что существует половозрастная специфика образовательных мотивов обучающихся взрослых, выражающаяся на уровне выраженности отдельных образовательных мотивов, а также на уровне их структурной организации.

Характеристика выборки: в исследовании приняло участие 249 человек (131 – взрослые обучающиеся, 118 – взрослые не обучающиеся).

Методы исследования

Диагностические:

- Методика «Потребность в общении» (Ю. М. Орлов)

- Методика «Оценка потребности в одобрении» (Ю.Л. Ханин)
- Методика «Мотивация аффилиации» (А. Меграбян, в модификации М.Ш. Магомед-Эминова)
- Методика «Мотивация достижения успеха» (Т. Элерс)
- Опросник «МАС» (М. Кубышкина)
- Методика «Определение лидерских качеств» (Р.С. Немов)
- Методика «Сознательная направленность личности» (Б. Басса)
- Методика «Мотив власти» (Е.П. Ильин)
- Направленность на получение знаний. (Е.П. Ильин)

Математико-статистические:

- Критерий U Манна-Уитни
- Критерий H Крускала–Уоллиса
- Метод структурного анализа с использованием коэффициента ранговой корреляции r-Спирмена

Проведенный в данной работе теоретический и эмпирический анализ половозрастных различий образовательных мотивов взрослых обучающихся позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Образовательная мотивация обучающихся взрослых имеет половую и возрастную специфику, выражающуюся в различной степени представленности отдельных образовательных мотивов в выборках обучающихся мужчин и женщин, а также в их системной организации.

2. Мотив страх отвержения наиболее выражен у обучающихся женщин; мотив достижения успеха специфичен для не обучающихся женщин. Мотив стремление к принятию характерен для группы не обучающихся мужчин, а мотив стремления к соперничеству является специфичным для обучающихся мужчин.

3. Мотивы власти и страха отвержения имеют возрастную специфику выраженности у обучающихся женщин, а мотив потребности в общении, потребности в одобрении и достижении успеха имеет возрастную специфику у обучающихся мужчин.

4. Структурная организация образовательных мотивов обучающихся и не обучающихся мужчин и женщин различается, что выражается, прежде всего, на уровне общей организованности структур, а также определяет их качественное своеобразие.

Список литературы

Филиппова Ю.В. Динамика формирования учебной мотивации студентов // Деятельностная теория учения: современное состояние и перспективы: Материалы Международной научной конференции / Отв. ред.: Ю.П. Зинченко, О.А. Карабанова, А.И. Подольский, Г.А. Глотова. М., 2014. С. 166-169.

Карпов А.В. Методологические основы психологии принятия решения. Ярославль: ЯрГУ, 1999.232 с.

Карпов А.В., Маркова Е.В. Психология стилей управленческих решений. Ярославль, 2003. 108 с.

Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. Серия «Мастера психологии». СПб.: Питер, 2002 512 с.

Ильин Е. П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. — СПб.: Питер, 2003. 366 с.

Лункина Мария Владимировна

МГУ им. М.В. Ломоносова

Здоровое самоуважение, как предиктор психологического благополучия, академической мотивации и успешности подростков

Здоровое самоуважение является важнейшим психологическим ресурсом, имеющим существенные мотивационные и поведенческие последствия, связанным с продуктивностью учебной деятельности и успехом профессиональной карьеры; межличностным статусом и стилем общения (Молчанова, Некрасова, 2013). Современные исследователи все чаще приходят к выводу, что большую роль роль в том, насколько здоровым, аутентичным, способствующим психологическому благополучию и успешной деятельности, играет не только уровень самоуважения (высокий или низкий), но и его основания (за что человек себя уважает?) и то, насколько эти основания здоровые (Crocker, Wolf, 2001, Deci, Ryan, 2002). Исходя из этого, было выдвинуто предположение о том, что различные основания самоуважения будут иметь разные следствия для психологического благополучия и учебной деятельности школьников.

В исследовании приняли участие учащиеся 8-х классов общеобразовательных школ г. Москвы (N=223, из них 105 девочек, 113 мальчиков, пятеро пол не указали). Исследование было анонимным и добровольным.

Для диагностики оснований самоуважения использовалась авторская методика (2 = 201,186; df = 162; p = 0,0197; CFI = 0,964; NNFI = 0,958; RMSEA = 0,033), состоящая из 20 утверждений, начинающихся с фразы «Я уважаю себя, когда...», которые необходимо оценить по 5-балльной шкале, отражающей степень согласия испытуемого с утверждением. Методика диагностирует пять оснований самоуважения (пять шкал): самоуважение, основанное на компетентности, самоуважение, основанное на одобрении учителей, самоуважение, основанное на одобрении родителей, самоуважение, основанное на одобрении сверстников, компенсаторное самоуважение. Для оценки конструктной валидности новой методики использовался опросник общего самоуважения М. Розенберга (1965) (Психологическая диагностика, 1987), позволяющий оценить общее ощущение собственной ценности как личности.

Для оценки удовлетворенности жизнью как показателя психологического благополучия подростков были использованы три шкалы из детской многомерной шкалы удовлетворенности жизнью Е. Хуэбнера (перевод Е.Н. Осина): отношение к себе, отношение к семье и отношение к школе. Для диагностики оптимистического атрибутивного стиля - опросник «Стиль объяснения успехов и неудач» (СТОУН, Гордеева, Осин, Шевяхова, 2009). Для диагностики учебной мотивации и настойчивости: опросник «Шкалы академической мотивации» (Гордеева, Сычев, Гижицкий, Гавриченкова, 2017), Grit-опросник (Гижицкий, Гордеева, Гавриченкова, 2015). Для сбора данных об успеваемости в анкетах детей просили указать их оценки за прошлую четверть / полугодие по дисциплинам: русский язык, литература, алгебра, геометрия, иностранный язык, история, биология, химия. На основе полученных данных для каждого испытуемого был вычислен средний балл успеваемости.

Корреляционный анализ полученных данных, показал, что самоуважение, основанное на компетентности, самоуважение, основанное на одобрении учителей и самоуважение, основанное на одобрении родителей, коррелирует с высоким уровнем самоуважения (по методике Розенберга), оптимизмом в ситуации успехов и неудач, удовлетворенностью семьей и собственной личностью (по методике Хуэбнера). Также эти три типа мотивации коррелируют с хорошей успеваемостью и с такими важными компонентами успешной учебной деятельности, как внутренняя учебная мотивация и учебная настойчивость. Самоуважение, основанное на компетентности, к тому же отрицательно коррелирует с амотивацией. Все виды самоуважения, кроме компенсаторного, коррелируют с достаточно продуктивными формами внешней мотивации: мотивацией самоуважения, интроецированной мотивацией и мотивацией уважения родителями. Самоуважение, основанное на компетентности и самоуважение, основанное на одобрении учителей, коррелирует также с удовлетворенностью школой. Самоуважение, основанное на одобрении сверстников - с удовлетворенностью собственной личностью. А компенсаторное самоуважение, напротив, отрицательно коррелирует со школьным и семейным благополучием, внутренней мотивацией, настойчивостью и успеваемостью, а позитивно - с экстернальной мотивацией и амотивацией.

Регрессионный анализ показал, что самоуважение, основанное на компетентности, предсказывает оптимистичный атрибутивный стиль в ситуации успехов и неудач, удовлетворенность собой, высокий уровень самоуважения, все виды внутренней мотивации, интроецирован-

ную учебную мотивацию и мотивацию самоуважения, настойчивость и успеваемость. Самоуважение, основанное на одобрении родителей, предсказывает высокий уровень самоуважения, удовлетворенность собой и оптимистичный атрибутивный стиль в ситуациях успеха, познавательную мотивацию и мотивацию саморазвития, интроецированную мотивацию, мотивацию самоуважения и мотивацию уважения родителей, тогда как самоуважение, основанное на одобрении учителей, предсказывает удовлетворенность школой, мотивацию достижения и мотивацию самоуважения. Компенсаторное самоуважение выступает негативным предиктором удовлетворенности семьей и школой, а также познавательной мотивации, настойчивости и академических успехов; и позитивным предиктором экстернальной мотивации и амотивации.

Результаты показывают, что некоторые типы оснований самоуважения действительно более здоровые, аутентичные, чем другие. Так, наиболее здоровыми являются самоуважение, основанное на компетентности, а наименее – компенсаторное самоуважение. Практическим выводом из данного исследования может служить понимание необходимости создания тренингов, помогающих подросткам научиться уважать себя за приложение усилий при реализации учебных задач, постановку целей и их самостоятельное достижение, умение справляться с трудными ситуациями.

Литература

Молчанова, О.Н., Некрасова, Т.Ю. (2013). Адаптация методики Дж. Крокер, направленной на исследование базовых оснований самооценки. Культурно-историческая психология, 4, 65-74.

Crocker, J., & Wolfe, C. (2001). Contingencies of Self-Worth. Personality and Social Psychology Review,108 (3), 593—623.

Deci, E., Ryan, R. (Eds). (2002). Handbook of Self-Determination Research. University of Rochester Press.

Горбунов Кирилл Александрович

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Проект исследования особенностей рефлексивной сферы у асоциальных подростков

Актуальность

При работе с асоциальными подростками основной упор делается преимущественно на формирование у них высокоэффективных поведенческих стратегий, просветительскую деятельность, обучение поиску и восполнение личностных ресурсов. Однако существуют и подходы, которые, показывают, что при работе с семьей, необходимо все же концентрировать внимание ребенка на том, что его развитие и самосовершенствование зависит в первую очередь от него самого, а не от состояния отношений родителей с ним и между собой. Если говорить о такой форме самодетерминации и фокусе именно на ребенке, как на объекте работы, а не на всей семье сразу, то необходимо также изучить сего собственное восприятие себя и способности к самопознанию, составлению гипотез и мощной аналитической деятельности. В таком случае, необходимо изучить рефлексивную сферу асоциального подростка, определить ее форму, составляющие и роль в жизни

Цель исследования – описание особенностей рефлексивной сферы у асоциальных подростков и выявление того, существует ли, и в какой степени и форме взаимосвязь рефлексии и асоциального поведения у подростков.

Научная проблема

Малое количество исследований рефлексии в области именно асоциального поведения подростков. Кроме того, в ходе практической работы по коррекции асоциального поведения упор именно на механизм рефлексии делается редко или второстепенно, в форме тренировки у клиента подростка способностей к самопознанию.

Гипотезы

Рефлексивная сфера асоциальных подростков значимо отличается хотя бы по одному из параметров от социализированных подростков

Низкий уровень рефлексии коррелирует с асоциальным поведением.

Уровень рефлексии влияет на асоциальное поведение.

Методы исследования

Выборка состоит из учащихся 9-х и 11-х классов, в возрасте от 14 до 17 лет. Две группы выборки необходимы, чтобы сравнить результаты в младшем подростковом возрасте и старшем подростковом возрасте. Это требуется, чтобы рассмотреть как период еще формирующейся рефлексивной сферы, так и почти сформированной. Выборка будет систематической. Отобраны школьники определенных классов, являющиеся одноклассниками. Методики будут предъявляться лично, с указанием в каждой анкете имени испытуемого. Это необходимо для проведения социометрии анализа жизненной ситуации и побочных переменных каждого из респондентов в случае необходимости.

Для выявления асоциальных индивидуумов в выбранных группах будет использован метод социометрии Дж. Морено. Вопросы будут составляться так, чтобы была возможность отделить непосредственно асоциальных подростков, от тех, у кого есть только проблемы в коммуникации. После выделения в каждой из групп асоциальных и социализированных подростков (два полюса), с учащимися будут проведены тестирования по следующим методикам:

Тест эмоционального интеллекта Сергиенко Е.А и Ветрова И.И. «Эмоциональный интеллект: русскоязычная адаптация теста Мэйера–Сэловея–Карузо».

Методика диагностики рефлексивности А.В. Карпова.

Дифференциальный тест рефлексивности Д.А. Леонтьева и Е.Н. Осина

Шкала «Психологической разумности», разработанная в 1990 Х.Р. Конте и адаптированная в 2013 году М.А. Новиковой и Т.В. Корниловой.

Последовательность предъявления методик соответствует вышеизложенной, но может, будет еще модифицироваться после пилотного исследования.

Ожидаемые результаты исследования

Предположительно общие показатели рефлексивной сферы у подростков 9-ых классов будут слабее, чем у 11-ых классов, в связи с еще активно формирующимися личностными особенностями. Однако, мы можем полагать, что уровень рефлексии у асоциальных подростков 9-ых классов может быть лучше, чем у асоциальных подростков 11-ых, в связи с тем, что они прошли больший путь, руководствуясь асоциальным поведением, в связи с чем, велика вероятность, что их рефлексивная сфера либо не развивалась, либо деградировала. Это пред-

положение пока не подкреплено теоретически или эмпирически, одна в данном разделе мы можем основываться лишь на интуитивном предвосхищении результатов исследования.

Вероятнее всего влияние рефлексивной сферы в целом на асоциальное поведение не обнаружится, или оно будет малозначительным. Однако, после пилотного исследования мы могли бы вычленить по одной из дифференциаций, какая из шкал или форм рефлексии все же способна оказать значимое влияние на асоциальное поведение. Также, скорее всего, уровень рефлексии будет значительно коррелировать с асоциальным поведением.

Литература

Карпов А. В. (2003) Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики. Психологический журнал, т. 24, № 5, 45-57

Леонтьев Д.А., Осин Е.Н. (2014) Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике. Психология. Журнал Высшей школы экономики, т. 11, № 4,110–135

Новикова М.А., Корнилова Т.В. (2013) Психологическая разумность в структуре интеллектуально-личностного потенциала. Психологический Журнал, т. 34, № 6

Палаццоли М. С., Босколо Л., Чеккин Дж., Прата Дж. (2002) Парадокс и контрпарадокс: Новая модель терапии семьи, вовлеченной в шизофреническое взаимодействии. пер. с итал. : Когито-Центр

Сергиенко Е.А., Ветрова И.И. (2009) Эмоциональный интеллект: русскоязычная адаптация теста Мэйера–Сэловея–Карузо (MSCEIT V2.0) [Электронный ресурс]. Психологические исследования: электрон. науч. журн., 6(8), (дата обращения: 14.03.2018)

Гончарова Дарья Владимировна

МОУ СОШ № 22 с УИОП

Исследование мотивов деятельности волонтеров подросткового возраста

Гипотезой нашего исследования послужило утверждение о том, что у волонтеров подросткового возраста, прошедших психолого-педагогическое сопровождение, включающее развитие навыков целеполагания и рефлексии, а также коммуникативных и организаторских умений рост развивающих мотивов над мотивами поддержания происходит в большей мере, чем у подростков, которые данное сопровождение не проходили.

Опытно-экспериментальной базой исследования являются молодежное движение «Православные добровольцы» и волонтерский театральный клуб г. Раменское.

Всего в исследовании приняли участие 56 человек.

В экспериментальной группе 27, в контрольной-29.

Исследование длилось с сентября по май 2017 года.

Экспериментальное исследование включало три этапа: констатирующий, формирующий и контрольный. На констатирующем и контрольном этапах нашего исследования мы изучили личностные и индивидуально-психологические особенности начинающих подростков-волонтеров с помощью диагностической методики мотивационной структуры личности В. Э. Мильмана.

На констатирующем этапе было обнаружено, что среди подростков, занимающихся волонтерской деятельностью, у большинства нет четко выраженного типа мотивации. В дальнейшем экспериментальная группа была подвержена вышеописанному психолого-педагогическому сопровождению.

На контрольном этапе в экспериментальной группе наблюдался заметный рост количества подростков с преобладанием развивающих мотивов (общественная деятельность, общая деятельность и творчества) над мотивами поддержания (комфорт, социальный статус и поддержка жизнеобеспечения), (как самый яркий показатель-рост респондентов с прогрессивным типом мотивационного профиля (в экспериментальной группе 45%, в контрольной - 22%), который обычно соответствует лицам с социальной направленностью).

Обсуждение: Деятельность волонтеров подросткового возраста характеризуются полимотивированностью: стремлением к различным видам и формам социальной активности, общественной значимости, комфорту, творчеству. Начинающие волонтеры испытывают значительные трудности в установлении контакта с людьми, организации собственной деятельности, переживают дискомфорт при взаимодействии с теми, кому они оказывают помощь. В данном случае развитие навыков целеполагания, рефлексии, коммуникативных и организаторских умений способствовало развитию развивающих мотивов у подростков, однако исследование не претендует на окончательное решение поставленной проблемы. Требуют изучения вопросы, связанные с развитием мотивации волонтеров на различных этапах деятельности и особенностях их личностных характеристик в зависимости от уровня жизни и образования, гендерных особенностей и т.д.

Литература

1.Азарова, Е.С. Психологические детерминанты и эффекты добровольческой деятельности. Вестник Томского государственного университета, 2008., №306, с. 120-125.

2. Anderson, J. C., Moore L.F. The Motivation to volunteer. Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly, 1978. (V. 7 (30). pp. 120–129).

3. Clary, E. G., Snyder M. The motivations to volunteer: theoretical and practical considerations// Current Directions in Psychological Science.1999. (V. 8 (5), pp. 156–159).

Чёрная Яна Евгеньевна

МГУ им. М.В.Ломоносова

Связь эмоционального интеллекта и логического мышления

Проблема интеллекта была и остается актуальной по сей день. Исследования, некогда начавшиеся с разработки диагностического иструментария для различных видов интеллекта, в настоящее время постепенно поднимают вопрос о том, можно ли так или иначе развивать интеллект и каким образом можно сделать человека более интеллектуально развитым в той или иной области.

В сферу наших интересов входит логическое мышление, а также конструкт эмоционального интеллекта, а именно, вопрос об их взаимосвязи, ответ на который в будущем поможет рассмотреть возможность формирующего эксперимента для развития эмоционального интеллекта людей.

Описав еще в прошлом веке стадиальное развитие интеллекта, известный учёный Жан Пиаже уделил особое внимание развитию формальной логики, включающего в себя возникновение новой структуры мышления — структуры четырех трансформаций INRC. Здесь I — это прямая операция (или идентичная трансформация), N — обратная операция, R — операция реципрокности (взаимная трансформация), C — отрицание реципрокности (трансформация коррелятивная или дуальная первой). Именно структуру INRC в качестве основого компонента формальной логики рассматриваем мы в нашем исследовании. Кроме того интерес для нас представляют также операции классификации и сериации: способность разделять множества на группы по какому-либо признаку (являющемуся основанием классификации) в первом случае и выстраивать объекты в порядке возрастания и убывания по какому-либо признаку во втором случае. (Пиаже, 2003; Погожина, 2006)

При рассмотрении конструкта эмоционального интеллекта нами особое внимание уделялось его структуре, а именно: оценка и выражение эмоций, регулирование эмоций, использование эмоций в мышлении и деятельности. (Сергиенко, Ветрова, 2009)

Таким образом, для того, чтобы проверить взаимосвязь между структурами логических операций, а также эмоционального интеллекта, было проведено следующее исследование.

Гипотезы звучали следующим образом:

Между уровнем развития формально-логического мышления и уровнем развития эмоционального интеллекта существует значимая положительная взаимосвязь

Существует значимая связь между уровнем развития структурных компонентов логического мышления, а также структурными показателями компонентов эмоционального интеллекта.

Выборка состояла из 80 студентов Московских ВУЗов.

Был использован следующий методический материал:

Для измерения уровня эмоционального интеллекта были использованы русскоязычная адаптация теста Мэйера–Сэловея–Карузо (MSCEIT V2.0), а также «Тест эмоционального интеллекта» Люсина (Salovey, Mayer, 1990; Сергиенко, Ветрова, 2009)

Для измерения уровня сформированности логического мышления были использованы задачи Пиаже на операции «INRC» (Пиаже, 2003; Погожина, 2006), а также авторские задачи на классификацию и сериацию.

В настоящий момент результаты проведенного исследования обрабатываются и планируются быть озвученными в ближайшее время.

Литература

Salovey P., Mayer J.D. Emotional intelligence // Imagination, Cognition, and Personality. 1990.

Пиаже Ж. Психология интеллекта.- СПб.: «Питер», 2003

Погожина И.Н. Методика диагностики формально-логического мышления: диагностика сформированности структуры INRC // Школьный психолог. 2006. №9

Сергиенко Е.А., Ветрова И.И. Эмоциональный интеллект: русскоязычная адаптация теста Мэйера–Сэловея–Карузо//Психологические исследования. 2009. №6

Бухаленкова Дарья Алексеевна

МГУ имени М.В. Ломоносова

Развитие регуляторных функций у дошкольников с разным качеством образовательной среды

Согласно международным лонгитюдным исследованиям, качество дошкольного образования имеет огромное значение для дальнейшего развития учащихся (Веракса, Веракса, 2014). В новом ФГОСе большое внимание отведено всем аспектам качества дошкольного образования. При этом влияние различных факторов образовательной среды на развитие детей дошкольного возраста еще не до конца изучено.

Особый интерес представляет развитие регуляторных функций у дошкольников, которые являются основой для овладения поведением и обеспечивают целенаправленное решение задач и успешную адаптацию в новых ситуациях, что крайне необходимо при переходе ребенка в школу (Diamond, Lee, 2011; Miyake et al., 2000). В связи с этим, целью данного исследования выступило выявление особенностей развития регуляторных функций у дошкольников с разным качеством образовательной среды.

Согласно модели А.Мияке (Miyake et al., 2000), регуляторные функции разделяются на следующие три основных компонента: 1) рабочую память; 2) гибкость внимания или переключение; 3) сдерживающий контроль или торможение. Для изучения рабочей памяти были использованы два субтеста нейропсихологического диагностического комплекса NEPSY-II (Korkman, Kirk, Kemp, 2007): «Memory for Designs» для измерения уровня развития зрительной памяти ребенка и «Sentences Repetition» для измерения уровня развития вербальной памяти ребенка. Для диагностики уровня развития когнитивной гибкости и торможения были использованы следующие две методики: «Inhibition» (субест NEPSY-II) и «Dimensional Change Card Sort» (Zelazo, 2006).

В качестве инструмента оценки качества дошкольного образования были выбраны «Шкалы комплексной оценки качества образования» (ECERS) (Хармс, Клиффорд, Крайер, 2017), который успел хорошо себя зарекомендовать в отечественных исследованиях (Юдина, 2015; Реморенко, Шмис и др., 2017).

В данном исследовании приняли участие 259 воспитанников 15 старших групп детских садов г.Москвы и г.Казань. Из них 54% (140) мальчиков и 46% (119) девочек.

Шкала ECERS представляет из себя оценки по 43 показателям, объединенным в 7 шкал: 1) пространство и его обустройство; 2) уход за детьми; 3) речь и мышление; 4) детская активность; 5) взаимодействие; 6) структурирование программы; 7) родители и персонал. В представляемой части исследования мы анализировали оценки не по отдельным показателям, а по шкалам.

В результате проведенного корреляционного исследования (коэффициент корреляции Спирмена), были получены следующие связи:

Оценки по рабочей слухоречевой памяти оказались связанными прямо с оценками по всем шкалам ECERS, кроме 2 шкалы «Уход за детьми» (r – от 0,150 до 0,261 при $p < 0,05$);

Память на пространственное расположение оказалась обратно связана с тремя шкалами ECERS: «Пространство и его обустройство», «Взаимодействие» и «Родители и персонал» (r – от -0,236 до - 0,160 при $p < 0,05$);

Оценки по когнитивной гибкости оказались связанными обратно с 5 шкалой ECERS «Взаимодействие» (r=-0,191 при $p < 0,05$);

Время, затраченное на пробы на называние и торможение связано со всеми шкалами ECERS, кроме первой «Пространство и его обустройство» (r – от 0,179 до 0,230 при $p < 0,05$), тогда как количество исправленных ошибок в пробе на торможение оказалось связанным с 4 шкалой «Детская активность» (r=0,225 при $p < 0,05$).

Полученные связи показывают важность образовательной среды для развития регуляторных функций. При этом то, что часть из полученных связей прямые, часть обратные говорит о том, что некоторые аспекты РФ лучше развиваются при некоторых (не критичных) дефицитах в образовательных средах.

Исследование выполнено при поддержке Гранта РНФ №17-78-20198

Литература

Веракса Н.Е., Веракса А.Н. Оценка качества дошкольного образования: зарубежный опыт – М.: Мозаика-Синтез, 2014. – С. 161–178;

Реморенко И.М., Шмис Т.Г., Шиян О.А., Шиян И.Б., Ле-ван Т.Н., Сивак Е.В. Ключевые проблемы реализации ФГОС дошкольного обра-

зования по итогам исследования с использованием «Шкал для комплексной оценки качества образования в дошкольных образовательных организациях (ECERS-R): «Москва-36» // Современное дошкольное образование. Теория и практика, 2017, 2, 16-31.

Хармс Т., Клиффорд Р.М., Крайер Д. Шкалы для комплексной оценки качества образования в дошкольных образовательных организациях. – М.: Национальное образование, 2017. - 136с.

Юдина Е.Г. Шкалы ECERS как метод оценки качества и развития системы российской системы дошкольного образования // Современное дошкольное образование. Теория и практика, 2015, 7, 50-53.

Diamond A., Lee K. Interventions shown to aid executive function development in children 4-12 years old // Science - 2011. - V. 333. - P. 959-964.

Korkman M., Kirk U., Kemp S.L. NEPSY II. Administrative manual. San Antonio, TX: Psychological Corporation, 2007.

Miyake A., Friedman N.P., Emerson M.J., Witzki A.H., Howerter A., Wager T. The unity левиA latent variable analysis // Cognitive Psychology. - 2000. - V. 41. - P. 49-100.

Zelazo P.D. The Dimensional Change Card Sort (DCCS): a method of assessing executive function in children. // Nat. Protocols, 2006, V.1, P. 297–301.

Сиповская Яна Ивановна

Институт психологии Российской академии наук

Влияние фактора образовательной среды старших подростков на проявления различной степени интенсивности сенсорных семантических способностей

Введение

При выделении сенсорных семантических способностей как базового вида сенсорных способностей понятийного опыта, регулирующего процессы первичной кодировки информации посредством разных органов чувств (Сиповская, 2017), была установлена значимость влияния фактора окружающей образовательной среды на этот конструкт (Сиповская, 2018). Однако он предстает в разных степенях выраженности, что также может оказывать влияние на продуктивность деятельности, если исходить из единой концепции сознания и эмоций Ю.И. Александрова (2005). Этими теоретическими представлениями аргументируется предпринятое эмпирическое исследование, в котором приняли участие школьники старшего подросткового возраста, что было обусловлено принципиальной критичностью этого возрастного периода по отношению ко многим сферам человеческой деятельности, в том числе ментальной.

Таким образом, были установлены переменные – проявления различной степени интенсивности сенсорных семантических способностей и образовательная среда участников исследования.

Гипотеза исследования: существует значимые различия между старшими подростками из разных школ (разные образовательные среды) в уровне выраженности сенсорных семантических способностей разного типа модальности.

Методика

Участники исследования: 82 школьника (53 девочки и 29 мальчиков) в возрасте 15-ти лет.

Методика выявления степени интенсивности семантических способностей (Сиповская, 2018).

Исследование проводилось в 2-х общеобразовательных школах Москвы: 1) школа с углубленным изучением английского языка (41 чел.); 2) спортивно-патриотическая школа (41 чел.).

Результаты и их обсуждение

На первом этапе анализа данных проведена проверка гипотезы о различии двух групп старших подростков по уровню выраженности показателя интенсивности сенсорных семантических способностей методом Краскела-Уоллеса. Результаты анализа позволили уточнить гипотезу. Так, нулевая гипотеза правдоподобна по признаку средней степени интенсивности сенсорных семантических способностей тактильного типа (χ^2=4,429, =0,035) и сильной степени проявлений сенсорных семантических способностей слухового типа (χ^2=4,583, =0,032). Соответственно, старшие подростки из разных образовательных сред – лингвистическая и спортивная специфика, - различаются по проксимальным тактильным ощущениям и дистальным слуховым.

Для формулировки вывода о направленности выявленных различий был проведен анализ данных методом Манна-Уитни, вывод которого состоит в утверждении, что у учащихся школы с углубленным изучением иностранных языков более развиты сенсорные семантические способности тактильного типа дифференцированной степени проявления (∑ рангов=1930,50; U=570,5; W=1390,5; Z=-2,364; =0,018). Тогда как у школьников из образовательного учреждения со спортивным и патриотическим уклоном в большей степени представлены чрезмерно эмоциональные сенсорные семантические способности слухового типа (∑ рангов=1941; U=601; W=1462; Z=-2,237; =0,025).

Анализируя эти результаты, следует в первую очередь отметить, что сенсорные семантические способности разных типов связаны с соответствующими органами чувств, которые формировались на различных этапах филогенетического и онтогенетического развития. Например, Lickliter R., Bahrick L.E. (2000) утверждает, что в онтогенезе млекопитающих тактильная чувствительность начинает формироваться раньше, по сравнению со слухом и зрением. Несмотря на тот факт, что у учащихся английской школы проксимальные тактильные ощущения проявлены в большей степени, нежели у учеников спортивной школы, тем не менее, у этой группы старшеклассников сенсорные семантические способности представлены в дифференцированной степени, что характеризует интеллектуальную компетентность (Сиповская, 2017). Соответственно, в полученных результатах следует сделать вывод о разных способах интеллектуальной адаптации старших подростков из школ с различной педагогической направленностью. Итак, комбини-

рование раннего и позднего (онтологически) способа кодирования информации с разной степенью выраженности этих способностей нивелирует средовое влияние на продуктивность деятельности.

Литература

Сиповская Я.И. (2017). Проявления регрессии в структуре понятийного опыта старших подростков. // American scientific journal. № 14. P. 28-35.

Сиповская Я.И. (2018). Сопряженность специфики школьного обучения и проявлений семантического сенсорного опыта разного типа модальности: тактильной, вкусовой, обонятельной, слуховой и зрительной // Сборник статей III-ей Международной научно-практической конференции «Личность, интеллект, метакогниции: исследовательские подходы и образовательные практики». В печати.

Alexandrov Yu.I., Sams M.E. (2005). Emotion and consciousness: Ends of a continuum // Cognitive brain research. V. 25. P. 387–405.

Lickliter R., Bahrick L. E. (2000). The development of infant intersensory perception: advantages of a comparative convergent-operations approach // Psychological bulletin. V. 126. № 2. P. 260–280.

Сайфуллина Надежда Алексеевна

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Исследование уровня развития речекоммуникативной функции прогностической компетентности младших школьников с тяжелыми нарушениями речи

Одной из важнейших высших психических функций, играющих приоритетную роль в психическом развитии, является речевая функция. Именно формирование и овладение навыками коммуникации создает фундамент для специфических социальных контактов ребенка.[1] Глобальный характер проблемы социализации детей с тяжелыми нарушениями речи обусловлен показателями данных статистики. В последние годы отмечается неуклонный рост числа детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), в том числе, страдающих тяжелыми нарушениями речи. Актуальность разработки всесторонней психологической помощи лицам, страдающим тяжелой речевой патологией, обусловила необходимость углубленного психологического изучения данной категории. В настоящее время внимание психологов направлено на новое актуальное направление, а именно – изучение характеристик прогностической компетентности лиц с речевой патологией. Прогнозирование речи отражает некоторый фрагмент предшествующего опыта в единстве его перцептивных, когнитивных и аффективных характеристик, ракурс переживания этого опыта и отношение к нему . У лиц с речевой патологией данный компонент имеет отличительные черты, которые на сегодняшний день не изучены комплексно.

Цель

Изучение рече-коммуникативной функции прогностической компетентности младших школьников с тяжелыми нарушениями речи. Респонденты и методы. Всего в исследовании приняли участие 36 респондентов младшего школьного возраста с тяжелыми нарушениями речи, учащиеся ГБОУ «Казанская школа-интернат №7». Была применена методика «Способность к прогнозированию в ситуациях потенциального или реального нарушения социальной нормы», разработанная кафедрой дефектологии и клинической психологии Казанского (Приволжского) федерального университета (А.И. Ахметзянова,2017) Она позволяет определить основные сферы отношений младших школьников: учение, общение со сверстниками, общение со взро-

слыми, виртуальное общение, отношение к болезни, отношения в семье. Каждая сфера отношений позволяет увидеть действия как в учебной, так и в неучебной ситуациях.

Результаты

При исследовании рече-коммуникативной функции прогностической компетентности у 36% респондентов был выявлен высокий уровень (16-24 б.), у 47% средний уровень (8-16 б.). У 17% респондентов результаты соответствовали низкому уровню (менее 8б.), характеризующемуся посредственным выполнением предъявленных заданий. Респонденты слабо ориентировались в коммуникативной ситуации, 16% респондентов оказались неспособны спрогнозировать дальнейшую коммуникацию. Стоит подчеркнуть, что наибольшие трудности были отмечены в планировании коммуникативной деятельности. Особое внимание стоит уделить анализу уровня развития рече-коммуникативной функции прогностической компетентности по критериям, предложенными автором методики: вербализация прогноза, полнота использования рече-языковых средств, наличие в прогнозе высказываний участников, наличие в речи формы будущего времени глагола. Средний балл по шкале «Вербализация прогноза» о,81, по шкале «Рече-языковые средства» 0,57. Показатели среднего балла по шкале «Высказывания в прогнозе» равны 0,58 и по шкале «Глаголы формы будущего времени» 0,7. Стоит отметить, что максимальный балл по каждому критерию равен 1.

Максимальные показатели достигнуты по критерию «Вербализация прогноза», что является отражением систематической коррекционной работы с детьми с тяжелыми нарушениями. Однако мера владения респондентов лексико-грамматическими и синтаксическими конструкциями явилась самым низким показателем – 0,57б., что отражено в шкале «Рече-языковые средства». (См.Рис.1) Респонденты не использовали языковые средства в соответствии с речевой ситуацией. По шкале «Высказывания в прогнозе» видно, что данный показатель характеризуется уровнем ниже среднего, что напрямую влияет на низкий уровень коммуникативной компетентности в целом и дельнейшую социализацию данной категории детей.

Выводы

Выявленные показатели уровня развития рече-коммуникативной функции прогностической компетентности свидетельствуют о необходимости целенаправленной коррекционно-развивающей работы у детей с тяжелой речевой патологией с учетом каждого из критериев ме-

тодики. Трудности формирования коммуникативных компетенций определяют особые образовательные потребности учащихся с тяжелыми нарушениями речи, которые заключаются в специальных методах формирования эффективной речевой коммуникации, подборе адекватных способов достижения образовательных целей. Все это позволит не только добиться высокого уровня прогностической компетенции в коммуникации, но и сможет оптимизировать пути успешной социализации детей, путем более эффективной коррекционной работы с учетом полученных результатов. На основании и полученных результатов и были разработаны игры и задания, направленные на формирование рече-коммуникативной функции прогностической компетентности младших школьников с тяжелыми нарушениями речи.

Литература

1. Артемьева, Т. В., & Ахметзянова, А. И. (2017). Диагностика прогностической компетентности младших школьников с ограниченными возможностями здоровья.

2. Ломов, Б. Ф., & Сурков, Е. Н. (1980). Антиципация в структуре деятельности. Наука.

Капуза А.В., ***Тюменева Ю.А., Вергелес К.П.***

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Исследование конструктной валидности метода концептуальных карт

Настоящая работа посвящена проверке пригодности концептуальных карт (КК) для того, чтобы различить структуру знаний у людей, имеющих разные уровни компетентности в той или иной дисциплине. Эмпирически установлено, что КК могут отражать изменения в индивидуальной структуре знания, связанные с обучением [например, Novak, Musonda, 1991; von der Heidt, 2015]. Однако предыдущие исследования фокусировались на конкретных областях знаний и не рассматривали универсальные характеристики КК [например, Wallace, Mintzes, 1990, Lapp, Nyman, Berry, 2010; Dauer, Long, 2015].

Целью настоящей работы является определение формальных характеристик КК, общих для определенного уровня компетентности, но не зависящих от конкретных понятий или областей знания. Таким образом, будет сделан вклад в доказательство конструктивной валидности метода. Это позволит сделать процедуру оценки КК стандартизованной, независимой от компетентности оценивателя и доступной даже для неспециалистов.

Для достижения цели мы ставим две задачи. Во-первых, теоретически определить набор формальных показателей КК, которые будут отражать некоторые особенности структуры знаний. Во-вторых, продемонстрировать, что выделенные показатели позволяют различить новичков и экспертов в определенной области знаний.

Выборку составили новички – студенты первого курса магистратуры (n=9) и эксперты (n=4) в области анализа данных. Респонденты после прохождения инструкции индивидуально строили карты на тему «Статистический анализ данных». Задание имело открытую форму: инструкция содержала только тему и не содержала списка понятий. Затем мы кодировали формальные и качественные показатели КК. К количественным относились обобщенность используемых понятий, связанность структуры, доля единичных и комплексных понятий. Качественные показатели составили общий набор ключевых концептов, использование декларативных знаний и допущенные ошибки.

Результаты

Для оценки значимости различий количественных показателей между группами мы использовали непараметрический критерии Манна-Уитни. Мы нашли существенные результаты для таких показателей, как число связей, уровень обобщения и объем ($U = 0$; $p < 0{,}01$). Количество одиночных концептов было значительно выше у новичков, чем у экспертов (12,0 и 2,5 соответственно, $U = 2{,}5$, $p < 0{,}01$). В то же время количество сложных понятий было больше для экспертов ($M_{эксперты} = 11{,}0$, $SD = 4{,}1$; $M_{новички} = 2{,}8$, $SD = 3{,}2$). Таким образом, как и ожидалось, уровень связанности КК у экспертов был выше, чем у новичков.

Что касается качественных показателей, мы выявили три отличительные особенности карт новичков. Во-первых, это отсутствие единого набора понятий. Все эксперты использовали следующие понятия: «гипотеза», «данные», «анализ», «переменные» и «результаты». Эти концепции действительно являются ключевыми элементами статистического анализа. Новички же использовали только «переменные» и «данные. В то же время внутри группы новичков не было других общих понятий. Во-вторых, новички преимущественно использовали процедурные понятия. Другими словами, они использовали концепции, которые описывали конкретные шаги анализа данных, например, типы регрессионного анализа или графической информации (гистограмма, график и т.д.). В-третьих, в картах новичков часто встречалась некорректная связь между концепциями. Например, интерпретация «переменных» как формы описания «данных» является ошибочной. «Заключение» не должно вытекать из «Построенной модели» и концепции «Статистика» не может объяснить концепцию «Исследование».

Выводы

Как мы и ожидали, формальные показатели, которые были найдены, показывают значительные различия между экспертами и новичками. Такими показателями были уровень обобщенности используемых понятий, присутствие понятий разного уровня обобщенности, связанность понятий друг с другом, доля комплексных и единичных понятий. Таким образом, мы предоставили доказательства для обоснованности предыдущих исследований. Например, было показано, что новички выбирают решение задачи по отдельным процедурам и внешним характеристикам задачи [Chase, Simon, 1973; Perkins, Salomon, 2012].

Важно, что такой формальный подход позволил превратить крайне индивидуализированные КК в набор объективных параметров, не зави-

сящих от профессионального уровня самих оценщиков карт, и тем самым поставил их в один ряд с другими стандартизированными методами оценивания. Предыдущие работы показали, что КК чувствительны к индивидуальным изменениям в структуре знаний по мере роста уровня компетентности, наши же результаты свидетельствуют о том, что КК пригодны для использования в сравнительных исследованиях.

Литература

Chase W.G., Simon H.A. (1973) The Mind's Eye in Chess. / W.G. Chase (ed.) Visual Information Processing. New York: Academic Press. P. 215–281.

Lapp, D. A., Nyman, M. A., & Berry, J. S. (2010). Student connections of linear algebra concepts: an analysis of concept maps. International Journal of Mathematical Education in Science and Technology, 41(1), 1-18.Dauer, 15. Dauer J.T., Long T.M. (2015) Long-Term Conceptual Retrieval by College Biology Majors Following Model-Based Instruction // Journal of Research in Science Teaching.

Vol. 52. No 8. P. 1188–1206.

Novak J.D., Musonda D. (1991) A Twelve-Year Longitudinal Study of Science Concept Learning // American Educational Research Journal. Vol. 28. No 1. P. 117–153

Perkins D.N., Salomon G. (2012) Knowledge to Go: A Motivational and Dispositional View of Transfer // Educational Psychologist. Vol. 47. No 3. P. 248–258.

Von der Heidt T. (2015) Concept Maps for Assessing Change in Learning: A Study of Undergraduate Business Students in First-Year Marketing in China // Assessment & Evaluation in Higher Education. Vol. 40. No 2. P. 286–308.

Wallace J.D., Mintzes J.J. (1990) The Concept Map As a Research Tool: Exploring Conceptual Change in Biology // Journal of Research in Science Teaching. Vol. 27. No 10. P. 1033–1052.

Ефремова Татьяна Николаевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Трансляция смыслов Учителем как фактор стабильной мотивации к обучению ученика и эффективности обучения.

В рамках данного исследования мы будем отслеживать корреляцию между способностью Учителя показывать, передавать, транслировать смыслы как сущность изучаемых предметов в более широком контексте реальности и эффективность обучения в нескольких измерениях.

Дизайн исследования

Количественные методы исследования

Для выявления смыслоообразующих факторов в восприятии преподаваемого предмета будут использованы:

Проективный подход к диагностике смысловых структур. Проективный подход, относятся к субъективно-феноменологическим подходам. Можно охарактеризовать суть проективной методологии как предоставление испытуемому возможности структурировать или интерпретировать предложенный проективный материал в соответствии с его картиной мира так, что проективная продукция (рисунок, рассказ, завершение предложений и др.) будет в каком-то отношении изоморфна его субъективной реальности и вследствие этого позволит выносить суждения об этой реальности.

Методика «Ценностный спектр» Д А Леонтьева (1997), в рам- ках которой испытуемым предлагается список из 18 бытийных цен- ностей, предложенных А. Маслоу, и список объектов; предлагается выбрать ценности, связанные с каждым из объектов.

Метод отраженной субьетности Петровского В.А.

Измерять эффективность обучения планируется по модели Дональда Киркпатрика (1954), которая включает в себя анализ следующих уровней: реакция, обучение, поведение, результаты, ROI (Return of Investment).

Качественные методы исследования

Для исследования трансляций смыслов у преподавателей предполагается использование качественного контент анализа и нарративного анализа транскриптов занятий.

Гипотезы исследования

В рамках данного исследования мы предполагаем, что есть прямая корреляция между факторами эффективности обучения и трансляцией смыслов в пространстве обучения

Есть корреляцией между трансляцией смыслов Учителем и интериоризацией этих смыслов учащимися

Литература

Асмолов А. Г. Личность как предмет психологического исследования. — М., 1984. — 103 с.

Леонтьев Д. А. Методика ценностного спектра и ее возможности в исследовании субьективной реальности // Методы психологии: Ежегодник Т 3 Вып. 2 Ростов н/Д 1997 с 163-166

Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) М.; Смысл, 2000

Петровский В. А Принцип отраженной субьектности в психологическом исследовании личности. 1985г

Donald Kirkpatrick, James Kirkpatrick. Evaluating training programs // Berrett-Koehler Publishers, 2006

Владимиров Олег Сергеевич

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Компьютерные игры как предмет гуманитарной экспертизы

В данный момент компьютерные игры играют весомую роль в жизни как детей и подростков, так и взрослых людей. Но однозначного вывода об их вреде или пользе по-прежнему нет. Ведь существуют множественные исследования, подтверждающие как одну, так и другую точку зрения. Мы решили создать инструмент оценки восприятия влияния компьютерных игр на психическое развитие детей и подростков.

Целью данного исследования было изучение восприятия респондентами разных категорий компьютерных игр (КИ) в контексте их потенциального влияния на развитие детей и подростков. Предварительно выдвигались следующие гипотезы.

Общая гипотеза исследования: игры разных типов в восприятии респондентов обладают разным влиянием на психическое развитие детей и подростков.

Операциональные гипотезы исследования:

Педагоги оценивают развивающий потенциал игр ниже, чем не-педагоги;

Наличие у испытуемых опыта компьютерных игр может вести к более позитивной их оценке;

Традиционные игры, перенесенные на компьютер, оцениваются как более развивающие, чем игры других типов.

Для проверки выдвинутых гипотез был проведен опрос с помощью опросника, составленного на основе возрастной периодизации Д.Б. Эльконина и классификации компьютерных игр по типу ролевой позиции игрока Смирновой Е.О. и Радевой Р.Е. (Радева Р.Е., Смирнова Е.О., 2000). Участие в опросе приняли 30 педагогов ГОУ ЯО «Центр помощи детям», а также 30 человек разных профессий с помощью онлайн-версии опросника.

Исследование показало, что игры разных жанров могут существенно отличаться в плане предположительно оказываемого влияния на психическое развитие детей и подростков. Во многом это определяется игровым процессом КИ, что делает жанровую классификацию КИ актуальной на ряду с психологическими классификациями. Предположи-

тельно оценка респондентами влияния компьютерных игр на психическое развитие детей и подростков зависит от собственного опыта пользования компьютерными играми. В нашем исследовании выборка, в которой число людей, играющих в КИ, было выше, давала более высокие оценки. Мы считаем, что имеет значение период возрастного развития, в который у респондента произошло знакомство с компьютерными играми. Если оно было в раннем возрасте, игры могли оставить более приятное впечатление т.к. соответствовали одной из основных деятельностей того периода – игре. Если же знакомство происходило во взрослом возрасте, то игры могли восприниматься как пережиток детского возраста и как менее полезная деятельность. Однако для подтверждения этого вывода требуется дополнительное исследование. После анализа нескольких игр можно сказать, что большинство из них несут тот или иной развивающий потенциал. Однако ни одна из них не является универсальным средством развития. Мы считаем, что выделенные критерии влияния КИ на развитие детей и подростков и классификацию КИ можно использовать как инструмент экспресс-оценки положительного влияния компьютерных игр.

Литература

Аветисова А. А. Психологические особенности игроков в компьютерные игры // Психология. Журнал ВШЭ. 2011. №4. С.35-58.

Белозеров С.А. Виртуальные миры MMORPG: часть II. Средство от социального и психологического неблагополучия // Психология. Журнал ВШЭ. 2015. №1. С.71–89.

Богачева Н.В., Войскунский А.Е. Когнитивные стили и импульсивность у геймеров с разным уровнем игровой активности и предпочитаемым типом игр // Психология. Журнал ВШЭ. 2015. №1. С.29–53.

Богачева Н.В. Компьютерные игры и психологическая специфика когнитивной сферы геймеров // Вестник Московского университета Сер. 14, Психология. – 2015. – №1. – С.94-103.

Радева Р.Е., Смирнова Е.О. «Психологические особенности компьютерных игр: новый контекст детской субкультуры»//Образование и информационная культура. Социологические аспекты. Труды по социологии образования. Том V. Выпуск VII. / Под ред. В.С. Собкина. - М.: Центр социологии образования РАО, 2000.

Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. / под ред. В.В. Давыдова, В.П. Зинченко, 1989.

Левина Софья Дмитриевна

ГБОУ Школа 1535

Исследование манипулятивных форм поведения у подростков

Актуальность исследования. Подросток невероятно внушаем, легко поддается влиянию, порой сам того не замечая. В настоящее время подростки все чаще сознательно, или нет, прибегают к манипулятивным действиям для достижения желаемых целей. Сильная внушаемость делает подростка уязвимым для различного рода манипуляций, что негативно сказывается на его неокрепшей психике. Подростки, применяющие манипулятивные техники (в основном бессознательно), как правило страдают от нерешенных внутренних проблем, что и делает их основной моделью поведения манипуляции.

Цель работы: изучить различные манипулятивные техники, используемые подростками, рассмотреть причины возникновения манипулятивного поведения, а также выяснить насколько осознанными являются действия манипуляторов.

Задачи работы: 1. Провести анализ материалов по исследуемой теме, опираясь на научные труды специалистов в области психологии и психиатрии. 2. Провести опрос среди группы подростков для выявления уровня осведомленности о манипуляции как явлении в принципе, ее техниках, а также мотивах ее применения. 3. Обобщить и структурировать знания, полученные по изучаемой проблеме, использовать их для доказательства гипотезы исследования.

Объект исследования: Манипуляция как активно используемая модель поведения в подростковой среде.

Предмет исследования: Особенности манипулятивного общения подростков, а также осознанность действий манипуляторов.

Значимость работы: Данная работа поможет разобраться в скрытых мотивах подростков, активно совершающих манипулятивные действия, что существенно поможет в борьбе с применением подобных техник (так как манипулятивный стиль общения приносит вред как самому манипулятору, так и его «жертвам»).

Гипотезы

Большинство подростков знакомы с понятием манипуляции, могут его объяснить.

Большинство подростков несколько раз в жизни совершали какое-либо необдуманное действие по отношению к другому человеку, и лишь после его совершения осознавали, что совершили манипуляцию.

Шантаж и мнимые обиды-наиболее знакомые подросткам манипулятивные техники.

Выборка: В опросе участвовало 48 подростков от 14 до 18 лет.

Методика. Для практической части мы использовали созданный нами опросник, включающий в себя 8 вопросов с выбором одного ответа и 5 вопросов, требующих самостоятельного развернутого ответа.

Результаты их обсуждение. Из 48 опрошенных 45 человек знакомы с понятием «манипуляция» и смогут объяснить, что это. 3 человека знакомы с данным понятием, но объяснить его своими словами не смогут. Из 48 человек 31 сознательно совершали манипулятивные действия, 17 человек никогда сознательно людьми не манипулировали. По результатам опроса 29 из 48 человек подвергались манипуляциям со стороны родственников, 21 человек из 48 подвергались манипуляциям со стороны учителей, и 31 человек из 48 подвергался манипуляциям со стороны друзей/знакомых. Проведя анализ развернутых ответов, можно сгруппировать ответы опрошенных на 4 группы: Подростковые манипуляции чаще происходят неосознанно, так как подростки импульсивны/не всегда до конца осознают свои действия/привыкли к такой модели поведения с детства: 19 из 48 человек. Подростковые манипуляции-осознанные действия, так как они (действия) должны быть хорошо продуманы для эффективного достижения цели: 14 из 48 человек. Осознанные и неосознанные манипуляции происходят одинаково часто: 8 из 48 человек. Не смогли пояснить ответ: 7 из 48 человек. Из опрошенных, 27 человек из 48 часто плачут и/или проявляют беспричинную агрессию, что еще раз доказывает то, что в подростковом возрасте человек эмоционально нестабилен и импульсивен => более склонен к неосознанным манипулятивным действиям. Самыми частыми манипулятивными техниками являются шантаж, образ «жертвы» и давление на слабые стороны.

Выводы. Гипотезы нашли свое подтверждение. Мы выяснили, что большинство подростков знакомы с понятием «манипуляция» и могут его объяснить. Также подтвердилась гипотеза о том, что большинство манипуляций совершаются неосознанно, и такие случаи имели место быть в опыте опрошенных подростков. Наиболее известные подросткам манипулятивные техники-шантаж, давление на слабые стороны, а также использование манипулятором виктимного типа поведения («жертва»). Также по результатам опроса мы выявили склонность

подростков к эмоциональности и импульсивности, узнали производили ли подростки манипулятивные действия сознательно, а также манипулировали ли опрошенными их родственники, учителя и друзья.

Литература

[1] https://ru.wikipedia.org

[2] Шостром, Э. Человек-манипулятор. Внутреннее путешествие от манипуляции к актуализации // Изд-во Института Психотерапии, 2008 г. (главы 9-10).

[3] https://psymod.ru/psikhologiya-obshcheniya/23-manipulyativnoe-povedenie.html

[4] https://makeright.ru/blog/izlyublennye-priemy-manipulyatorov-i-kak-izmenit-pravila-ih-igry/

Зорина Валерия Сергеевна

Государственное бюджетное образовательное учреждение Школа №1517 им. А. Л. Баренбаума

Исследование оптимальных способов организации учебной деятельности школьников с учетом доминирующей перцептивной модальности

Начав исследовать проблему восприятия в прошлом году, мы пришли к выводу, что у каждого человека преобладает один канал восприятия, но учителя не всегда знают об этой особенности и не используют ее достаточно эффективно. Мы решили изменить это.

Проблемой исследования является вопрос: как разработать урок по гуманитарному циклу дисциплин таким образом, чтобы доминирующая модальность (ДПМ) каждого учащегося была максимально учтена?

Гипотезы: 1. Традиционный урок с учетом преобладающего канала восприятия каждого ученика практически невозможен; 2. Одним из оптимальных способов организации учебной деятельности школьников с учетом доминирующей перцептивной модальности является «перевернутый урок».

Цель: изучить все возможные способы построения урока с учетом ДПМ учащихся, разработать и провести уроки по различным методикам (обязательными являлись методики традиционного и выбранного нами в дальнейшем перевернутого уроков).

Методы исследования: анализ источников (для изучения восприятия и памяти, также существующих педагогических методик), проведение определения типа перцептивной модальности у каждого респондента при помощи метода С. Ефремцева, разработка урока с учетом ДПМ и традиционного уроков, проведение уроков по различным методикам, наблюдение, анализ результатов урока (для выявления уровня усвоения материала), анализ полученных результатов.

Работая над проблемой исследования, мы изучили возрастные и другие особенности восприятия и памяти. Также мы выяснили, что восприятие условно делится по видам каналов восприятия на: визуальный, аудиальный и кинестетический и изучили особенности каждого из типов.

Следующим нашим шагом стало изучение современных педагогических технологий и выбор методики построения урока. Мы выяснили, что существует личностно-ориентированное обучение и инновацион-

ные технологии. Это важно, т.к. путем изучения существующих технологий и методик мы могли выбрать подходящую для нашего урока методику и с помощью нее разрабатывать планы уроков.

Итак, для организации успешного урока учителю очень важно знать модальность восприятия своих учеников. Понимание преобладающих каналов восприятия помогает построить более эффективные взаимоотношения, т.к. воздействие учителем на преобладающий канал восприятия учащегося способствует непосредственному восприятию материала. Правильное применение преобладающего сенсорного канала способствует лучшей самоподготовке учащегося.

Репрезентативная группа исследования составила 30 человек. Перед проведением уроков мы провели диагностику ДПМ по методу С. Ефремцева и выяснили, что в моем классе преобладают аудиалы (51%), в меньшинстве находятся кинестеты – их 18 %.

После определения модальностей восприятия мы провели 2 урока: «перевернутый» урок с учетом ДПМ и традиционный урок с разделением подачи материала по каналам восприятия. При таком построении урока теоретический материал изучается самостоятельно до начала урока, а свободное время на уроке направлено на решение проблем, взаимодействие с учениками, применение знаний и умений в новой ситуации. Суть методики традиционного урока заключается в его названии – урок строится путем лекций и проверки/задачи домашнего задания. Также стоит отметить, что слабыми сторонами традиционного урока является шаблонное построение, отсутствие самостоятельности и активности на уроке со стороны учеников, обеспечение лишь базовыми знаниями, слабая обратная связь с учителем. Приоритетами же традиционного урока является систематический, упорядоченный характер обучения, организационная четкость, оптимальные затраты при массовом обучении.

Для перевернутого урока мы представили 3 разработки: аудиофайл, видео-лекцию и текстовый материал. Все они были выложены в социальной сети и ребята самостоятельно изучили эти ресурсы дома, но при этом они не знали свою ДПМ. Мы специально не стали говорить им результаты эксперимента, т.к. хотели убедится, знают ли они, каким путем им лучше всего усваивать информацию. Как мы выяснили, большинство из них выбрали текст и это было ошибкой с их стороны: аудиалом плохо усваивается текст, визуалом – лекция и т.д. Время на уроке было использовано для решения вопросов и/или углубления темы. В конце урока был дан тест. Второй урок строился по традиционной методике: ученики на уроке изучали новую для них тему.

Весь урок лишь был разделен на три блока, где изучались 3 подтемы. Также были предоставлены 3 разработки, каждая из которых изучалась на одном из блоков. Т.о. на каждый блок выделялось 10-15 минут и в конце урока был дан тест. Уровень усвоения материала выявлялся путем выходных тестирований на каждом из уроков. К примеру, вот один из результатов анализа выходного тестирования на перевернутом уроке: «При выборе правильного суждения между «А. Клерикальные партии придерживаются религиозной идеологии» и «Б. Коммунистические партии стремятся к полному огосударствлению экономики» поровну были выбраны варианты ответов «Верны оба суждения» (правильный ответ) и «Верно только Б» (38%). И 24% выбрало вариант ответа «Верно только А».» Средний уровень правильных ответов на перевернутом уроке составил 66%, на традиционном – 61%

Сравнивая результат урока с традиционным, проведенным нами по тому же предмету, мы пришли к выводу, что уровень усвоения нового (основного) материала на традиционном уроке ниже от 10 до 25%, перейти на углубленный уровень удается единицам. Разработанный нами урок оказался гораздо эффективнее традиционного.

Также отмечаю, что дисциплина была отличной и ребятам понравились уроки, проводимые мной по разным методикам. Некоторые учителя уже используют данную методику на своих уроках.

Таким образом, обе наши гипотезы подтвердились.

Идеальный урок может, на наш взгляд, строиться по схеме «перевернутого урока»: учащиеся дома изучают тему, используя на выбор любой из предложенных способов подачи информации. Однако во время проведения очного занятия необходимо с начала урока разделить класс на группы в зависимости от преобладающих каналов восприятия, а эти группы, в свою очередь, на подгруппы в зависимости от уровня усвоения темы. Каждая подгруппа, кроме кинестетов, работает либо по тем же материалам, либо по углубленным или облегченным. В группе кинестетов ученики, хорошо усвоившие тему, обучают ребят, не справившихся с задачей, при этом они сами могут рисовать схемы, карточки, интерактивные презентации.

Литература

Алейникова Т.В. Возрастная психофизиология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений/ Ростов н/Д, 2002 – 147 с.

Величковский Б.М., Зинченко В.П., Лурия А.Р. Психология восприятия: учебное пособие/ М.: Издательство Московского университета, 1973, 247с. - URL https: E (дата обращения 18.10.2017)

Данилова Н.Н. Психофизиология: Учебник для вузов / М.: Аспект Пресс, 2012, 373 с.

Евсюткина П. А. Роль модальностей восприятия в сенсорно-перцептивной организации учащегося // Молодой ученый. — 2017. — №38. — С. 101-104. — URL https://moluch.ru/archive/172/45689/ (дата обращения: 05.11.2017).

Педагогические технологии: учебное пособие/ Т. П. Сальникова - М.: Сфера, 2010 – 125 с.

Организация личностного подхода в обучении школьников с учетом их доминирующего канала восприятия/ Н. В. Дегтярева. – 2016. – URL http://www.uchportal.ru/publ/23-1-0-7435

Когнитивная психология и нейронаука

Савинова Анна Джумберовна, Коровкин Сергей Юрьевич

ЯрГУ им. П.Г. Демидова

Илияние степени загрузки рабочей памяти на решение мыслительных задач[1]

В психологии мышления существует двоякое представление о том, какова роль рабочей памяти (РП) в решении мыслительных задач. С одной стороны, считается, что и творческие, и алгоритмизированные задачи в одинаковой степени используют ресурсы РП, т.к. оба типа задач представляют собой пошаговое применение алгоритмов (Kaplan & Simon, 1990). С другой стороны, есть результаты о том, что нарушение функционирования РП не только не ухудшает решение творческих задач, но, напротив, улучшает его (DeCaro et al., 2016; Jarosz et al., 2012). В данной работе мы хотели проверить идею о том, как будет влиять степень загрузки РП на динамику решения мыслительных задач.

Гипотеза: степень загрузки РП влияет на динамику решения неинсайтных задач, но не на динамику решения инсайтных задач.

Метод

Для фиксации динамики решения задачи мы использовали метод когнитивного мониторинга (одновременное выполнение решения мыслительной задачи и дополнительного задания).

Выборка: 32 (из них 25 женщин) человека в возрасте от 18 до 34 лет (M = 22.16; = 3.18).

Материалы

Мы использовали 2 типа мыслительных задач – инсайтные (творческие) и неинсайтные (алгоритмизированные). Пример инсайтной задачи: «Если у Вас в ящике есть черные и коричневые носки, перемешанные в соотношении 4 к 5. Как много носков Вам понадобится вынуть, чтобы быть уверенным в том, что у Вас есть пара одного цвета?» Пример неинсайтной задачи: «Даны 4 монеты, две из которых немного тяжелее и две немного легче, но на вид и ощущения идентичные. Как Вы можете понять, какие из них какие, если у Вас есть 2 взвешивания на весах?»

---

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ №18-013-01056-а

Мы также использовали два задания-зонда: 1) простое условие (на экране компьютера появлялась одна из двух возможных альтернатив – черный круг или черный квадрат. Когда испытуемый видел черный круг, ему необходимо было нажимать стрелку влево; когда он видел черный квадрат – стрелку вправо. Задание нужно было выполнять как можно быстрее и точнее); 2) сложное условие (данное условие аналогично простому варианту, но с б льшим количеством альтернатив. Теперь, если испытуемый видит круг, треугольник или пятиугольник, он нажимает стрелку влево; если он видит квадрат, крест или шестиугольник – нажимает стрелку вправо).

Процедура

Перед решением основной серии испытуемые проходили тренировку, где учились выполнять зондовое задание. В основной серии испытуемые одновременно решали задачи и выполняли задание-зонд. Всего испытуемому необходимо было решить 4 инсайтных и 4 неинсайтных задачи, выполнив одновременно с ними 4 простых и 4 сложных задания-зонда. Мы фиксировали время реакции (ВР) испытуемого на появляющиеся стимулы. Мы предполагаем, что чем выше ВР на дополнительное задание, тем более сложные операции осуществляет испытуемый в решении мыслительной задачи (Kahneman, 1973).

Результаты

Для анализа данных мы поделили все решенные задачи на 3 равные по времени части. На основе получившихся 3-х этапов мы сможем оценить динамику решения задач. В результате получилось, что динамика значима как в решении инсайтных ($F (2, 24) = 21.489$, $p <0.001$, $p2 = 0.642$), так и в решении неинсайтных задач ($F (2, 28) = 88.984$, $p <0.001$, $p2 = 0.864$), при чем с каждым этапом ВР возрастало в обоих видах задач. Динамика инсайтных задач различалась в простом и сложном условии на 1 и 2 этапах ($t (25) = 3.093$, $p = 0.005$ и $t (25) = 2.763$, $p = 0.011$). Точно такие же результаты были получены для неинсайтных задач ($t (29) = 2.654$, $p = 0.013$ и $t (29) = 2.773$, $p = 0.01$). Решение инсайтных и неинсайтных задач отличается на последних этапах решения (простое условие на 3 этапе: $t (28) = 2.957$, $p = 0.006$; сложное условие на 2 и 3 этапе: $t (27) = 2.579$, $p = 0.016$ и $t (27) = 3.14$, $p = 0.004$). В среднем ВР в неинсайтных задачах выше, чем в решении инсайтных задач (2.209 vs 1.842).

Обсуждение

Полученные результаты частично подтверждают нашу гипотезу. Мы предполагали, что характер динамики инсайтных и неинсайтных задач

будет различен – ВР будет постепенно возрастать в неинсайтных задачах (т.к. будет расти количество вычислительных операций, промежуточных результатов и др.), но не в инсайтных. Однако ВР росло в обоих видах задач, что, на наш взгляд, говорит о том, что РП необходима для решения инсайтных задач. С другой стороны, мы получили разницу во ВР для инсайтных и неинсайтных задач. Оказалось, что в среднем ВР в неинсайтных задачах выше (особенно в сложном условии). Мы считаем, что данный результат говорит в пользу того, что решение неинсайтных задач требует б льшего участия ресурсов рабочей памяти. Вероятно, самыми ресурсозатратными операциями в решении обоих видов задач являются – счёт промежуточных результатов, разработка гипотез и вербализация ответа. Чтение и построение репрезентации, происходящие на первом этапе, требуют ресурса в меньшей степени.

Литература

DeCaro, M. S., Van Stockum, C.A., & Wieth, M.B. (2016). When higher working memory capacity hinders insight. Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition, 42(1), 39–49.

Jarosz, A. F., Colflesh, G. J. H., & Wiley, J. (2012). Uncorking the muse: Alcohol intoxication facilitates creative problem solving. Consciousness and Cognition, 21(1), 487–493.

Kahneman, D. (1973). Attention and Effort. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, Inc.

Kaplan, C. A., & Simon, H. A. (1990). In search of insight. Cognitive Psychology, 22(3), 374–419.

Elizaveta Kuznetsova[1], Lucca Montero[1], Shelly Pisarenko[2], Marie Arsalidou[1,2]

[1] National Research University Higher School of Economics

[2] York University, Toronto

Colour-word Stroop and English-Russian bilinguals[1]

People tend to read regular words as a whole regardless of correct and incorrect spelling. For example, research shows that when the first and last letter positions remain the same in word the rest of the letters can be in any position and our mind is still able to read the word (Grainger and Whitney, 2004). This is important as it shows that our mind can derive meaning even in misleading situations. Misleading situations require the inhibition of irrelevant information. The color-word Stroop, a popular measure of inhibition, is a task that relies heavily on reading proficiency. Classic research shows that manipulating letter position in the Stroop test still elicits longer reaction times for incongruent conditions in adults (Regan, 1978; McCown and Arnoult, 1981). Our research shows that orthographic manipulations (i.e., changing letter positions in a word) have an effect on the word's readability and that children as young as seven years can experience the Stoop effect when first and last positions of a colour word remain the same (onarge written in purple; Arsalidou et al., 2013).

The purpose of this study was to examine effects of letter position in the color-word Stroop in the English and Russian language in English-Russian bilingual adults.

We tested 50 English-Russian adult bilinguals (32 ± 3 years; 29 Females), recruited from the community in Toronto. They completed a computerized color-word stroop in English modified with orthographic manipulations (Arsalidou et al., 2013) as well as the same task in Russian. For example, in addition to the standard condition color-word (i.e., orange, желтый) letter positions: First/Last letter in place (e.g., onagri, жетылй) and Scrambled (e.g., ragoen, тжеыйл) was modified. Participants also completed the Language and Social Background Questionnaire (LSBQ, Luk & Bialystok, 2013) and a measure of mental-attentional capacity, the figural intersection task (FIT; Pascual-Leone & Bailargeon, 1994).

Preliminary results show that in agreement with past research participants are hindered the most for incongruent conditions regardless of whether the

1 This abstract was prepared with the support of the Russian Science Foundation (project No. 17-18-01047).

word has correct or incorrect spelling, while the fastest reaction times are observed when ink-color and spelling are congruent. Performance on Word-congruent is different from any other performances (First/last-congruent, Scrambled-congruent, Scrambled-incongruent, Color-baseline etc.). This is in agreement of the hypothesis that Word-congruent is facilitating (Arsalidou et al., 2013). The most interesting fact is that the reaction times for First/last-incongruent in both languages was slower than Scrambled-incongruent, which means that by keeping the first and last letters of a word not changed, but altering the order of the letters in between a person can still detect the word, whereas performance is delayed as participants strived to recover from the incongruent ink color, similar to what they experienced with correctly spelled color-words. Bivariate correlations between Stroop conditions with LSBQ scores show the strongest relation between first/last incongruent condition in Russian (r= .456), suggesting that degree of bilingualisms shares 20.7% of its variance with the ability of whole-word reading when words are misspelled.

Overall, the evidence support that the English-Russian bilinguals not read every letter by itself, but the word as a whole in both languages. These findings contribute to the understanding of the relation among, inhibition, interference control, orthography and reading.

References

Arsalidou M. et al. “I can read these colors.” Orthographic manipulations and the development of the color-word Stroop //Frontiers in psychology. – 2013. – Т. 3. – С. 594.

Grainger J., Whitney C. (2004). Does the huamn mnid raed wrods as a wlohe? Trends Cogn. Sci. 8, 58–5910.1016/j.tics.2003.11.006

Luk, G., & Bialystok, E. (2013). Bilingualism is not a categorical variable: Interaction between language proficiency and usage. Journal of Cognitive Psychology, 25(5), 605-621.

McCown D. A., Arnoult M. D. (1981). Interference produced by modified Stroop stimuli. Bull. Psychon. Soc. 17, 5–7

Pascual-Leone J., Baillargeon R. Developmental measurement of mental attention //International Journal of Behavioral Development. – 1994. – Т. 17. – №. 1. – С. 161-200.

Regan J. (1978). Involuntary automatic processing in color-naming tasks. Atten. Percept. Psychophys. 24, 130–13610.3758/BF03199539

Tamara Khagabanova[1], Anastasia Liashenko[1], Marie Arsalidou[1,2]

[1]National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

[2]York University, Toronto, Canada Figural intersection task: Data from Russian children

Figural intersection task: Data from Russian children[1]

Scholastic performance is related to cognitive abilities. Cognitive abilities improve significantly during childhood and adolescence (Arsalidou, & Im-Bolter, 2017). One way to measure cognitive competence is by assessing the amount of information that children can hold and manipulate in mind, which we refer to as mental-attentional capacity. Within the theory of constructive operators (Pascual-Leone, 1970) mental-attention represents a domain general resource that enables problem solving and serves as the maturational component of working memory (Arsalidou et al., 2010). According to Pascual-Leone & Baillargeon (1994), the capacity of mental attention (M-operator) is limited at every developmental stage by the quantity of separate "chunks" of information, which a child can keep and operate in its own mind simultaneously or the number of schemes that can be picked from one's repertoire and activated by M-operator all at one time using "mental effort".

A classic measure of mental attentional capacity is the Figural Intersection Task (FIT). The FIT is parametric paradigm for quantitative measure of mental-attentional capacity in the visuo-spatial domain, developed by Juan Pascual-Leone (1970). It includes series of similar tasks with unchanging instructions and multiple levels of difficulty (Arsalidou, & Im-Bolter, 2017). Difficulty levels differ by number of items they require to store and manipulate in mind and the number of irrelevant items that are to be ignored. These items are figures with different shape, size and orientation, portrayed in paper booklet. On each page of the booklet there is a set of segregated figures right side and the same figures overlapping on the left side. Participants are asked to look at all the figures on the right side and afterwards on the left side to put only one dot into all the figures that come from the right side while ignoring extra shapes, which are absent on the right side. The items with highest number of figures a child can solve correspond to his or her mental-attentional capacity level (Pascual-Leone & Baillargeon, 1994). Theoretically after the age of 3 years mental-attentional capacity increases by one unit every other year until the age of 15-16 years when it reaches 7 units (Pascual-Leone, 1970, 1987).

---

1 This abstract was prepared with the support of the Russian Science Foundation (project No. 17-18-01047).

The FIT has been used to evaluate children's cognitive competency in many countries in North America, South America, Europe and Australia (Arsalidou & Im-Bolter, 2017). Results show consistent patterns of stepwise increases in mental-attentional capacity supporting the cross-cultural validity of this measure. No study to date has used this classic measure of mental-attentional capacity with Russian children. The purpose of this paper was to examine performance of school-age children with the FIT.

Participants were school-age children from elementary schools in Moscow, whose parents provided informed consent. We report data from children second to fourth class aged 7 to 11 years (N = 240, 121 females, M = 9.5±0.94 years). Results show that children in grade 2 (8.6±0.37 years), grade 3 (9.6±0.41years) and grade 4 (10.6±0.85years) have a mental-attentional capacity of 3.12, 3.96 and 4.53, consistent with theoretical expectations and previous empirical findings (Arsalidou & Im-Bolter, 2017). This effect is significant between groups $F(5, 234) = 3.42$, $p = .007$) and is expressed in a significant correlation between age and mental-attentional capacity-scores ($r(240) = .203$, $p = .002$).

Overall, our results correspond with predictions of how mental-attentional capacity quantitatively increases throughout a young child's cognitive development. Importantly, these results contribute to evidence that Figural Intersection Task is culture fair as they show that Russian children perform this task across developmental stages similarly to young participants in other countries with different language and cultural background.

References

Arsalidou, M., & Im-Bolter, N. (2017). Why parametric measures are critical for understanding typical and atypical cognitive development. Brain Imaging and Behavior, 11, 1214–1224. doi: 10.1007/s11682-016-9592-8.

Arsalidou, M., Pascual-Leone, J., & Johnson, J. (2010). Misleading cues improve developmental assessment of working memory capacity: the color matching tasks. Cognitive Development, 25(3), 262-277.

Pascual-Leone, J. (1970). A mathematical model for the transition rule in Piaget's developmental stages. Acta Psychologica, 32, 301–345.

Pascual-Leone, J. (1987). Organismic processes for neo-Piagetian theories: A dialectical causal account of cognitive development. International Journal of Psychology, 22, 531-570.

Pascual-Leone, J., & Baillargeon, R. (1994). Developmental measurement of mental attention. International Journal of Behavioral Development, 17, 161–200.

Abdul-Raheem Mohammed, Dmitry Lyusin

National Research University Higher School of Economics

The role of updating of valenced information in emotion regulation

Introduction

Updating of valenced information refers to the ability to modify emotional content in our working memory by way of encoding new information which sometimes demands that we delete the existing information in order to accommodate the new one. Previous studies have shown that there is a mood congruency effect in updating of emotional content in our working memory (Levens & Gotlib, 2010; Pe, Koval, & Kuppens, 2013). That is whilst individuals in negative mood are better at updating negative information, those in positive mood perform better in updating of positive emotion. However, these studies (e.g. Levens & Gotlib, 2010) mostly focused on comparing individuals with mood disorders to a control group without mood disorders. Beyond mood and updating, to what extent is this ability related to emotion regulation? Research has shown that individuals with higher capacity in executive functions (such as memory updating, response inhibition, and cognitive flexibility) are better at regulating their emotions (Schmeichel & Tang, 2015). However, not much is known specifically about the relationship between updating and reappraisal strategy of emotion regulation. The present study therefore aimed at examining how mood influences our ability to update emotional content in our working memory and also to what extent it is related to emotion regulation strategies.
In all three hypotheses were formulated. First, participants who are in negative mood spend more time in updating of emotional information than participants who are not in that mood. Second, participants who are in negative mood will perform better in updating of mood congruent information than incongruent ones. Third, there will be a negative correlation between the response time (RT) of emotional updating and reappraisal strategy of emotion regulation.

Methods

52 participants took part in an experiment to assess their ability to update emotional information. They also filled some questionnaires which included the Russian adaptation of the Gross and John (2003) emotion regulation questionnaire, the EmIn questionnaire (Lyusin, 2006) for emotional intelligence, the Emos-18 (Lyusin, 2014) used for measuring their mood and

selected pictures from IAPS for mood induction. They were divided into two groups; the experimental group was presented with disturbing pictures to induce negative mood whilst the control group was presented with neutral pictures. In all cases, participants completed the first set of an emotional n-back task followed by the presentation of either disturbing or neutral pictures depending on the group. This was immediately followed by another set of n-back task.

Results and Discussion

The analysis of the mood induction measures shows that it was effective at inducing negative mood for the experimental group and there was a significant difference between the control group and the experimental group as far their mood is concerned. A repeated measures ANOVA was used to analyze the mean scores and RT of the trials before mood induction and after mood induction. The results showed that participants in both groups generally had an improvement in performance (accuracy rates increased and RT decreased) after the presentation of the pictures. The rate of improvement was marginally higher for the control group than the experimental group even though it was not statistically significant. Hence the first hypothesis was not supported. This trend also occurred with trial types (that is mood congruent and incongruent trials). In the case of trial types, the positive unmatched trial type showed the greatest effect which was almost significant. Hence, the second hypothesis was partially supported. This means that probably the disturbing pictures disrupted updating, however the effect is too small to be noticed with this sample size. The performance of participants in the updating task between the control and the experimental groups presents an interesting finding. This trend can be explained by training effect. Furthermore, even though participants reported change in mood in the experimental group, it was not strong enough to disrupt their cognitive functions such as updating ability. It can therefore be concluded that momentary less intense change of mood does not disrupts one's ability to update emotional content in working memory. Previous studies used participants with mood disorders, thereby obtaining the mood congruency effect in their results.

The test on the relationship between updating of emotional information (using reaction time) and reappraisal strategy showed that whilst there was low positive correlation in the control group, low negative correlation was found in the experimental group. The difference between these correlations was statistically significant. Thus, the correlation between reappraisal and updating becomes more negative in the experimental group not because changes in updating was influenced by the pictures but exclusively due to

changes in reappraisal. The plausible explanation is that the participants after watching the disturbing pictures activated the reappraisal strategy since it was assessed after the mood induction. This partially confirms the third hypothesis.

References

Gross, J.J., & John, O.P. (2003). Individual differences in two emotion regulation processes: Implications ...for affect, relationships, and well-being. Journal of. Personality and Social Psychology, 85, 348- ..... 362.

Levens, S. M., & Gotlib, I. H. (2010). Updating positive and negative stimuli in working memory in depression. Journal of Experimental Psychology. General, 139(4), 654–664.

Lyusin, D. (2006). A new measure for emotional intelligence: EmIn Questionnaire. .... Psikhologicheskaya Diagnostika, No 4, 3–22.

Lyusin, D. (2014). A self-report measure for assessment of emotional states. In V.T. Kudryavtsev (Ed.) . Thinking and speech: approaches, problems, and decisions. Proceedings of the 15th Vygotsky readings. Vol. 1 (pp. 140 - 143). Moscow: Lev.

Pe, M. L., Koval, P., & Kuppens, P. (2013). Executive well-being: Updating of positive stimuli in .....working memory is associated with subjective well-being. Cognition, 126(2), 335–340.

Schmeichel, B. J., & Tang, D. (2015). Individual differences in executive functioning and their ..... relationship to emotional processes and responses. Current Directions in Psychological .....Science, 24(2), 93-98.

Калинина Олеся Тимофеевна

Школа № 1553 имени В.И. Вернадского

Исследование переноса навыков зрительного поиска при выполнении заданий разного типа

Зрительный поиск — способ восприятия, связанный с функциями внимания, при котором осуществляются активные зрительные процессы проверки среды на наличие определённых признаков и предметов (Зрительный поиск. URL). На данный момент зрительный поиск исследуется в контексте нисходящих и восходящих влияний в контексте изучения внимания и структурирования (Falikman, 2014), в практических целях изучают восприятие 3-D изображений чтобы уменьшать ошибки диагностики в радиологии (Wolfe etc. 2013), изучают особенности памяти через исследования зрительного поиска по памяти и т.д. Изучают также взаимосвязи характеристик зрительного поиска в контексте восприятия множеств однотипных объектов (Белинская, Уточкин, 2015). Таким образом, цель нашего исследования: изучение переноса навыков зрительного поиска при выполнении заданий разного типа по параметрам эффективности зрительного поиска (ЭЗП). Для реализации данной цели нами были сформулированы следующие задачи: 1. Организовать 2 группы испытуемых для прохождения обучения и контрольной записи на базе программы Psycho.Py и html-страницы с двумя типами задач – у группы 1 параметрами поиска были цвет стимула и его ориентация, у группы 2 параметром поиска было расположение окраса. 2. Провести сравнительный анализ ЭЗП (по времени реакции и количеству ошибок): А. На протяжении обучения, направленного на повышение ЭЗП при выполнении заданий одного типа. Б. При выполнении заданий другого типа (задания другой группы) до-, после обучения и через одну неделю после завершения обучения. 3. С помощью математического анализа определить особенности переноса навыков зрительного поиска после прохождения обучения по параметрам ЭЗП. Методы: 1. Эксперимент 2. Методы математической статистики: корреляционный анализ Пирсона. Гипотеза: 1. После обучения у обеих групп параметры ЭЗП будут иметь меньшие значения, чем до обучения. 2. Через 2 недели после окончания тренировок значения параметров времени реакции и количества ошибок у обеих групп возрастёт, по сравнению со временем окончания постоянных тренировок 3. После окончания тренировок испытуемые не смогут успешно выполнить задания другой группы, переноса полученных навыков не

произойдёт. Мы предполагаем, что приобретение навыка находить фигуру среди фигур такой же формы, но другого цвета и ориентации (поворота) не даёт навык находить фигуру той же формы, что и дистракторы, но с другим положением окраски. Дизайн эксперимента: Нами было выбрано 2 группы испытуемых по 16 человек в каждой – 8 человек мужского пола, и 8 – женского с нормальным или скорректированным зрением. Возраст всех испытуемых 15-18 лет. Обе группы проходили десятидневное обучение по 1 тренировке в день. Каждая тренировка состояла из 50 изображений, которые программа создавала и показывала рандомно. Когда испытуемый находил цель, он нажимал запрограммированные клавиши и переходил к следующему изображению. У первой группы (далее мы будем называть «группой 1») это были изображения с 5, 10, 15 или 20 стимулами, среди которых либо была одна цель для поиска, либо ни одной. У группы 1 целью была буква «Т» красного цвета. Дистракторами были: буквы «Т» синего цвета той же ориентации, перевёрнутые буквы «Т» красного цвета и перевёрнутые буквы «Т» синего цвета. Таким образом менялись только два параметра поиска: цвет и ориентация (поворот). Программа написана на языках программирования java script и html и представляла собой html страницу, которую открывал испытуемый для прохождения тренировки (Автор программы Gijsbert Stoet). У второй группы (группы 2) целью было искать красно-синий квадрат среди сине-красных идентичных по размеру квадратов. Здесь параметром поиска было только положение окраски стимула. Таким образом измерялось время реакции и нахождения цели, и её отсутствия. Количество стимулов на изображениях было равно 4, 8, 12 или 16. Результаты тренировки сохранялись в файле формата xlsx в папке data, которую испытуемый копировал и отправлял экспериментатору. Тренировки написаны на языке программирования Python и открывались в программе PsychoPy (Автор программы Хвостов В.А.). До начала обучения, в последний день тренировок и через неделю после окончания обучения испытуемые проходили задание другой группы – группа 1 проходила задания первого дня группы 2, а группа 2 проходила задания группы 1.

Расчёты осуществлялись с помощью программы SPSS 25 и EXCEL 2016. Вычислялись: средние арифметические; коэффициент корреляции Пирсона по экспериментальным параметрам для каждой из двух групп: по параметрам поиска (цвет стимула и ориентация стимула для 1 группы и расположение окраса стимула для 2 группы); и ЭЗП - времени реакции и количеству ошибок.

Результаты

В среднем время реакции обеих групп с начала до конца обучения уменьшилось в 1.6 раз.

Через 10 дней по завершении обучения навык сохранился, но значения времени реакции были больше, чем в последний день тренировок. Значение соответствовало времени реакции в середине обучения.

Выявлена статистически значимая взаимосвязь между временем реакции до и после обучения при выполнении задания другой группы ($k=0.7$; $p<0.05$). Этот результат позволяет сделать вывод о том, что перенос навыка, полученного при обучении - произошёл.

Литература

Белинская А. А., Уточкин И. С. Статистический модуль в структуре зрительного восприятия//Когнитивная наука в Москве: новые исследования: сб. материалов конф./под ред. Е. В. Печенковой, М. В. Фаликман. -2015.-С. 35-40.

Зрительный поиск. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Зрительный поиск

Jeremy M. Wolfe, Steven E. Seltzer, Francine Jacobson, Alex Olwal, Melissa Le-Hoa Vo, Trafton Drew Scanners and drillers: Characterizing expert visual search through volumetric images// Journal of Vision (2013) 13(10):3, 1–13

Falikman M.V. Attention and chunking in visual search among letter stimuli//Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т.11. №2. С. 150-159.

Макаров И.Н., ***Маркина П.Н.***

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Возможно ли предсказать возникновение тупика в инсайтных задачах?[1]

Проблема механизмов возникновения и преодоления тупика является одной из ключевых в исследовании решения инсайтных задач. Множество исследователей выделяют тупик как обязательный этап решения инсайтных задач. Каплан и Саймон считают, что решение задачи обычно следует за тупиком (Kaplan & Simon, 1990), в котором решатель застревает и не понимая, как решить задачу. Ольссон писал, что инсайт и есть преодоление тупика (Ohlsson, 1992); в соавторстве с Кноблихом и коллегами они разработали теорию изменения репрезентации, в рамках которой рассматривали тупик как свидетельство невозможности решить задачу в её изначальной репрезентации (Knoblich, 1999). МакГрегор с коллегами в теории мониторинга прогресса описывают, что тупик возникает только тогда, когда решатель задачи обнаруживает, что избранная им эвристика решения не даёт желаемого результата, и когда все доступные ходы в изначальном задачном пространстве испробованы (MacGregor et al., 2001). То есть большинство исследователей не только сходятся во мнении, что тупик обязательно присутствует в решении инсайтных задач, но и называют условия, при которых испытуемый попадёт в него.

Так мы предположили, что возможно определить время попадания в тупик, если нам известно, какой тип тупика провоцирует задача, и каков способ его разрешения.

Гипотеза: тип механизма преодоления тупика в инсайтной задаче влияет на время возникновения тупика в ней и их количество.

Операционализированные гипотезы:

1) Тип механизма преодоления тупика влияет на количество тупиков в ней

2) Тип механизма преодоления тупика влияет на время возникновения первого тупика

3) Количество тупиков зависит от времени решения задач

---

1 Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 17-06-00672

Для проверки этой гипотезы в качестве материала мы выбрали две инсайтные задачи со спичками из исследования Кноблиха, Ольссона и коллег (Knoblich, 1999): первая задача заключала в себе сложность в виде «декомпозиции чанка» (III+III=XI) — то есть мысленного разделения целостного элемента X на составляющие его две палочки, и составление из них нового элемента V (ответ III+III=VI). Вторая задача требовала «ослабления ограничения» (III+III=III). Для её решения нужно было преодолеть ограничение в виде предположения, что в равенстве содержится только один знак равенства, и переставить одну палочку в знаке «плюс» так, чтобы получился знак «равно» (ответ III=III=III).

Методика

Испытуемому предлагалось последовательно решить сначала тренировочную задачу с перемещением спичек, потом две вышеописанные задачи. В любой момент решения он мог нажать пробел, что по предварительной договорённости значило, что он попал в тупик при решении задачи.

Время решения ограничивалось пятью минутами, кроме того, из выборки были выкинуты решения, длившиеся менее 15ти секунд.

Результаты и обсуждение

Сначала с помощью t критерия Стьюдента мы проверили влияние типа механизма преодоления тупика на количество тупиков в ней. Результаты оказались не значимыми ($t = -0.572$, $df = 96.035$, p-value = .568) во многом потому, что решение задач в среднем длилось 50 секунд, за это время решатели попадали максимум в 3 тупика.

Далее с помощью того же метода анализа мы проверили гипотезу о том, что тип механизма преодоления тупика влияет на время возникновения первого тупика. Время возникновения тупика имеет больший разброс, тем не менее, результаты тоже оказались не значимыми ($F(1, 103)=0,284$, $p = .598$, $p2 = 0.009$).

Для проверки последней гипотезы мы использовали корреляцию r Пирсона. По его результатам время решения и количество тупиков связаны на уровне значимости $p <.001$

Вывод

Гипотеза о том, что тип механизма преодоления тупика влияет на количество тупиков в ней оказалась неверной, как и гипотеза о том, что тип механизма преодоления тупика влияет на время возникновения первого тупика. Тем не менее, количество тупиков зависит от времени

решения задач. Таким образом мы косвенно можем сказать, что тупики в решении задач трудно идентифицировать заранее.

Литература

Kaplan, C. A., & Simon, H. A. (1990). In search of insight. Cognitive Psychology, 22, 374–419.

Knoblich, G., Ohlsson, S., Haider, H., & Rhenius, D. (1999). Constraint relaxation and chunk decomposition in insight problem solving. Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition, 25,1534–1555.

MacGregor, J. N., Ormerod, T. C., & Chronicle, E. P. (2001). Information processing and insight: A process model of performance on the nine-dot and related problems. Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition, 27, 176–201.

Ohlsson, S. (1992b). Information-processing explanations of insight and related phenomena. In M. Keane & K. Gilhooley (Eds.), Advances in the psychology of thinking (pp. 1—44). London: Harvester-Wheatsheaf.

Valentina Bulgakova

National Research University Higher School of Economics

Effects of focal vibration on spatial and temporal dynamics of sensorimotor brain activity

Introduction

Focal vibration, applied to muscles or tendons, modulates afferent inputs to the brain and has been shown to induce positive changes to motor related deficits and is used in neurorehabilitation practice (Murillo et al., 2014). However, the underlying mechanisms of the effects of focal vibration are not completely understood. To disentangle the underlying neurophysiological effects of focal vibration, we recorded on-going EEG of 12 healthy subjects during rest, motor condition, and vibration stimulation to evaluate the hypothesis that focal vibration applied to the distal area of the forelimbs modulates the rhythmic activity of the human sensorimotor cortex, causing event-related desynchronization (ERD) during stimulation, and event-related synchronization (ERS) afterwards (Pfurtscheller, 2001).Thus, the goal of the study was to investigate the spatial and temporal effects of focal vibration .

Methods

12 healthy volunteers (6 female) aged 22-25 were recruited for this study. All subjects were right-handed. Written informed consent was obtained from every subject prior to participation in the study. Focal vibration was delivered by using the powerplate platform (45Hz, 1 minute) with an attached strap with a handgrip held by the participant's right hand. EEG recording was performed using 32 AgCl electrodes placed according to a modified "10%-system" (ground – Afz, reference - both ears). The signal was recorded by the NVX-136 amplifier (MCS, Zelenograd, Russia) with 500 Hz sampling rate. Acquisition was controlled by NeoRec software and transmitted online via LSL (Lab Streaming Layer protocol). LSL data recording and stimulus presentation was managed by NFBLab software.

Subjects were seated in a comfortable armchair facing a computer screen. After the setup of EEG electrodes, the subjects were presented with two types of stimuli, corresponding to the rest and motor tasks. For the rest condition subjects were instructed to place their arms on the armrests of the chair, stay relaxed, motionless and focus on the fixation cross, which appeared on the screen; during the motor condition, participants were asked to elicit consequent voluntary movements of grasp and release with their right

hand with a frequency of 1-3 Hz for the duration of the whole stimulus, while, in a similar manner, fixating their gaze on the computer screen and staying motionless other than the right hand movement. The study followed a within-subject design and was divided into two blocks (control and experimental), separated by a short 10-15 minute break. The experimental block followed the control block. Each block consisted of 2 trials with equivalent design, the first trial of each block was followed by an intervention (vibration stimulation or control). Each trial consisted of the presentation of 3 stimuli in the following order: Rest, Motor, Rest. Each stimulus was presented for 2 minutes, making the length of each trial 6 minutes. For the experimental block, after the duration of the first trial, focal vibration to the palmar side of the hand was induced. For the control block, subjects held the belt attached to the vibration platform in the same way, however, no vibration would be delivered.

Results

Spatial filtration was performed by using independent component analysis (ICA) to identify the sensorimotor component of the EEG of each subject for the ipsi- and contralateral hemispheres (Frolov et al., 2017). Individual spatial patterns were identified and obtained for 11 subjects (one subject was excluded from further analysis), and showed the central and centro-parietal activation in the corresponding EEG channels, overlaying the area of the sensorimotor cortex. The individual spatial filters were applied to raw EEG data for both blocks and the obtained time-series were studied in the time-frequency domain using the short-time Fourier transform (length of window-10 seconds, 80% overlap).

It was shown that vibration of the right hand induces a significantly larger and more sustained ERD pattern, compared to the control condition in the alpha (8-15 Hz) frequency band (Wilcoxon signed-rank test, p-value <0.05).

For all trials, ERD during the motor condition was calculated for both ipsilateral and contralateral hemispheres in alpha (8-15 Hz), beta (15-20 Hz) and high beta (20-28 Hz) frequency bands and was significant (Student t-Test, $p<0.05$). However, no significant differences were observed in the amount of ERD between the control and experimental conditions.

Differences in the resting-state synchronization before and after the intervention was quantified for the same frequency bands. Significant increases in the alpha (Wilcoxon signed-rank test, $p=0.032$), beta (Wilcoxon signed-rank test, $p=0.032$) high beta (Wilcoxon signed-rank test, $p=0.003$) frequency bands were observed in the contralateral hemisphere and changes in the ipsi-lateral hemisphere were observed.

References

Frolov, A. A., Aziatskaya, G. A., Bobrov, P. D., Luykmanov, R. K., Fedotova, I. R., H sek, D., & Sna el, V. (2017). Electrophysiological brain activity during the control of a motor imagery-based brain–computer interface. Human Physiology, 43(5), 501–511. https://doi.org/10.1134/S036211971705005X

Murillo, N., Valls-Sole, J., Vidal, J., Opisso, E., Medina, J., & Kumru, H. (2014). Focal vibration in neurorehabilitation. European Journal of Physical and Rehabilitation Medicine, 50(2), 231–242.

Pfurtscheller, G. (2001). Functional brain imaging based on ERD/ERS. Vision Research, 41(10–11), 1257–1260. https://doi.org/10.1016/S0042-6989(00)00235-2

Макаров И.М., ***Горбунова Е.С.***

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Влияние перцептивно схожих стимулов на амплитуду «мигания внимания».

«Эффект мигания внимания - кратковременное ухудшение обнаружения или опознания второго целевого стимула (зонда) или нескольких таких стимулов, наступающее вслед за обнаружением или опознанием предшествующего целевого стимула в критическом временном диапазоне после его предъявления» (Raymond, Shapiro & Arnell, 1992). Феномен «мигания внимания» наблюдается в промежутке от 200 мс до 500 мс после предъявления испытуемому первого целевого стимула.

За чуть больше чем 25 лет исследования данного феномена, появилось множество моделей, которые пытаются объяснить происхождение «мигания внимания». Одна из них – это модель интерференции. Суть данной модели заключается в том, что второй целевой стимул не опознается в результате интерференции, которая происходит в рабочей памяти.

Феномен интерференции изучался Лином и Лаком в экспериментах с методикой обнаружения изменений (Lin et al, 2009). В условии увеличения перцептивного сходства стимулов эффект интерференции снижался. Данный результат может быть объяснён повышением уровнем стабильности репрезентации в памяти.

На основании вышеизложенного может быть выстроена гипотеза, что в условии быстрого последовательного предъявления зрительных стимулов успешность опознания зонда будет повышаться при увеличении количества общих признаков у двух целевых стимулов.

Методика

Испытуемыми выступили 25 человек, студенты НИУ ВШЭ. Зрение – нормальное или скорректированное до нормального. Задачей испытуемого в каждой пробе было опознать форму двух целевых стимулов и ответить, какой формы были эти стимулы при помощи двухальтернативного выбора ответа в конце пробы. Эксперимент состоял из 320 проб. Последовательность предъявления проб была рандомизирована. Целевые стимулы могли быть абсолютно идентичны (схожи по форме, размеру 40 проб); иметь один общий признак (форма, 120 проб), (размер, 40 проб) или не иметь общих признаков вовсе (120 проб). Первый целевой стимул всегда был желтого цвета и стоял на различных по сче-

ту позициях в стимульном ряду, зонд всегда синего, дистракторывсегда имели зеленый цвет. В начале каждой пробы на 500 мс предъявлялся фиксационный крест, а затем на его месте поочередно предъявлялось 14 фигур на 90 мс с межстимульным интервалом 10 мс. Затем появлялась маска. Зонд предъявлялся на 5 различных позициях относительно первого целевого стимула. В конце каждой пробы испытуемый давал ответ – выбирал последовательно форму первого и второго целевого стимула из двух предложенных вариантов. Все варианты ответов были среднего размера и черного цвета, так как целевым признаком являлась форма.

Результаты

Сравнению подлежал процент правильных ответов относительно формы зонда, при условии, что форма первого целевого стимула была опознана верна. В качестве факторов выступали позиция зонда относительно первого целевого стимула и количество общих признаков.

В результате ANOVA с повторными измерениями было выявлено значимое влияние позиции ($F = 4,850$; $p = 0,012$; $p2 = 0,168$) и количества общих признаков ($F = 10,333$; $p = 0,000$; $p2 = 0,301$). Влияние взаимодействия факторов не значимо ($F = 1,387$; $p = 0,243$ $p2 = 0,55$).

Попарные сравнения выявили значимые различия позиций между условиями с 0 общими признаками и 1 общим признаком ($p = 0,020$), 0 общим признаком и 2 общими признаками ($p = 0,008$).

Дополнительно был проведён анализ фактора позиции для разных уровней фактора количества общих признаков. Этот анализ выявил, что фактор позиции статистически значим для условия с 0 общими признаками ($F = 8,586$; $p = 0,001$; $p2 = 0,263$). Значимые различия были получены между первой позицией и второй позицией ($p = 0,004$), первой позицией и пятой позицией ($p = 0,000$), второй позицией и пятой позицией ($p = 0,000$), третьей позицией и пятой позицией ($p = 0,005$), четвертой и пятой позицией ($p = 0,005$). Также фактор позиции статистически значим для условия с 1 общим признаком ($F = 6,479$; $p = 0,001$; $p2 = 0,213$). Значимые различия были получены между первой позицией и пятой позицией ($p = 0,002$), второй позицией и пятой позицией ($p = 0,000$), третьей позицией и пятой позицией ($p = 0,001$), четвертой позицией и пятой позицией ($p = 0,000$). Фактор позиции для условий с 2 общими признаками незначим ($F = 1,163$; $p = 0,332$; $p2 = 0,046$).

Обсуждение

Полученные данные говорят о том, что эффект «мигания внимания» наблюдается в условии, когда целевые фигуры перцептивно не были схожи друг с другом (0 общих признаков). В случае частичного сходства целевых стимулов (1 общий признак) наблюдается редуцированная амплитуда «мигания внимания», а также отсутствует эффект первой позиции. В условии полного сходства целевых стимулов (2 общих признака) эффекта мигания внимания не наблюдалось. Полученные данные говорят о том, что перцептивная установка повышает вероятность успешность опознания зонда в интервале «мигания внимания».

Литература

Lin P.-H., Luck S. J. (2009). The influence of similarity on visual working memory representations. Visual Cognition, 17, 356–372.

Raymond, J. E., Shapiro, K. L., & Arnell, K. M. (1992). Temporary suppression of visual processing in an RSVP task: An attentional blink? Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance, 18, 849-860.

Проскурякова Елизавета Александровна

Санкт-Петербургский Государственный Университет

Нейродинамические свойства, обуславливающие воздействие городской среды на жителей

Ожидается, что рекреационные ресурсы (парковые зоны, пляжи, водоемы) должны оказывать успокаивающее воздействие на человека или активизировать процессы торможения в мозге. Наоборот, активная и даже агрессивная среда, оказывает активизирующее, возбуждающее действие на мозг. При этом полагают, что воздействие среды примерно одинаково для всех субъектов восприятия.

Мы полагаем, что особенности среды могут влиять на людей в разной степени, в зависимости от их личностных особенностей. Гипотеза исследования: место может оказывать весьма различное воздействие на человека, в зависимости от особенностей его нейродинамики, Так, например, на человека с высоким уровнем возбуждения и нейротизма парковая зона может не оказывать расслабляющего эффекта и, одновременно с этим, возбуждать, поскольку темп движения среды в парке сильно разнится с темпом функционирования нервной системы человека.

Мы провели исследование с использованием нейродевайса Mind Link через приложение TuSion - прибором, измеряющим два основных показателя – возбуждение как активацию и расслабление, которые связаны с волнами мозга, альфа и бета ритмами. С подключенным нейродивайсом испытуемые проходили по заранее зафиксированному маршруту, который включает в себя 5 разнообразных по темпам функционирования среды мест: от тихих и медленных до быстрых и шумных. Данным местам мы присвоили ранги от 1 до 5 по этим параметрам.

На данный момент было проведено пилотное исследование с участием 31 человека. средний возраст 26,68. Женщин 56, 7%, мужчин 43,3%.

В качестве сравниваемых параметров были представлены средние по показателям расслабление и возбуждение по 5 местам, баллы по методикам темперамент Стреляу (возбуждение, торможение, подвижность и устойчивость R как отношение возбуждения к торможению), а также количественное выражение результатов по методике EPI Айзенка (экстравертированность, нейротизм).

В процессе статистической обработки были выявлены следующие корреляции:

Расслабление в месте 2 ранг 2 отрицательно коррелирует с возбуждением Стреляу (-,375, p=0,038) и подвижностью Стреляу (-,397, p=0,027);

Активация в месте 4 ранг 4 коррелирует с возбуждением Стреляу (,538, p=0,005);

Активация в месте 5 ранг 5 коррелирует с возбуждением Стреляу (,446, p=0,012) и подвижностью Стреляу (,380, p=0,035).

Выводы

Наша гипотеза частично подтвердилась. Получены корреляции данных с помощью оборудования и заполненных тестов на темперамент, Так, шкала возбуждения по Стреляу положительно связана с параметром активации и отрицательно с параметром расслабления, что частично подтверждает природу замеряемых процессов и предполагаемую гипотезу.

Заключение

Можно говорить о частичном соответствии. В целом, при анализе данных видно обсуждаемые закономерности (в месте 5 ранг 5 меньше параметр расслабления по сравнению с местом 4 ранг 4; минимальная активация в парке место 3 ранг 1 также соответствует представлениям). Также заметны отличия в логике: мы получили минимальное, а не максимальное расслабление в самом тихом парке (3 место ранг 1, 44,8 % по сравнению с максимальными 55,1%), максимальную активацию на пешеходной улице место 1 ранг 3 и в Румянцевском саду место 3 ранг 1 – местах с минимальным количеством машин и характеризующихся спокойной атмосферой.

По поводу связи нашего эксперимента с результатами исследования К. Ньюмана: корреляций полученных усредненных данных параметров активации и расслабления по местам с показателями нейротизма выявлено не было.

Литература

Al-barrak L, Kanjo E, Younis EMG (2017). NeuroPlace: Categorizing urban places according to mental states. PLoS ONE 12(9): e0183890.

Lulwah Al-Barrak, Eiman Kanjo. (march, 2013). NeuroPlace: Making Sense of a Place. Conference paper.

Newman K. When are natural urban environments restorative? The impact of environmental compatibility on self-control restoration. Journal of Consumer Psychology. URL: http://www.journals.elsevier.com/journal-of-

consumer-psychology/forthcoming-articles/when-arenatural-and-urban-environments-restorative (дата обращения: 08.06.2017).

Reshetnikov Mikhail Leonidovich

National Research University Higher School of Economics

Post-hypnotic suggestion in the experimental setting: a replication study

American Psychological Association defines hypnosis as "A state of consciousness involving focused attention and reduced peripheral awareness characterized by an enhanced capacity for response to suggestion" (Elkins, Barabasz, Council & Spiegel, 2015). One type of these suggestions are post-hypnotic suggestions. Hypnosis became a part of cognitive science not so long time ago and we still know very little about its nature. The biggest question about how this phenomenon works exists in the form of "state theories" (Erickson & Erickson, 1941; Weitzenhoflfer, 1953; Orne, Sheehan, & Evans, 1968; Nace & Ome, 1970) versus "non-state theories" (Barber, 1962; Coe, 1973; Barber, Spanos, & Chaves, 1974; Coe, 1976; Wagstaff, 1981) opposition. And though we finally came to formulating integrative (Brown, 1999; Oakley, 1999; Brown & Oakley, 2004) theories and even a cognitive one (Dienes & Perner, 2007) that allows us to apply modern tools like TMS (Dienes & Hutton, 2013; Takarada & Nozaki, 2014) to reach deeper understanding of the nature of this phenomena, the opposition remains unsolved.

One of the aspect that needs attention is post-hypnotic suggestions phenomenon. Spanos et. al (1987) define post-hypnotic suggestions as suggestions that "inform subjects that they will continue to respond to a predetermined cue after they have been «awakened» from hypnosis (e.g., they will cough whenever they hear the word psychology)". Not only these suggestions are useful in therapy, but they also allow us to learn more about how brain manages to "not remember" the command, but still fulfill it, specific suggested conditions even (Leblanc, 2001).

According to the "non-state" approach, post-hypnotic suggestions are defined as "expectancy-mediated, goal-directed action" (Spanos et. al, 1987). Some evidence presented in literature support this version, but still, due to small number of published studies, we can not be sure that post-hypnotic response doesn't happen as an automatic response to the specific determined stimulus, at least in some subjects – as "state" theorists argue. Spanos et. Al (1987) provided a study that was presented as an improved replication of earlier studies.

However, this study still has some weak points. One of these points is small sample size, which creates problems in understanding if responding to trigger out of the experimental setting is due to subjects suspecting they are still inside the experiment, due to automatic response or due to some random effects that can be considered as an error.

Chosen stimulus also raises questions. The cough itself is rarely associated with something good. Usually it's a symptom of health problems, an unpleasant one. In case of presented conditions, the suggestion may even cause some damage to the throat, if used too frequently. Therefore, subjects could've had a motivation – even if without awareness of it – to seek ways of reducing the number of responses, which could lead to forming a response strategy based on being inside the experimental setting. In this case, responding is still shouldn't be considered automatic, but the setting is also not the initial source of this response strategy.

Considering all above, I want to improve modern understanding of the nature of post-hypnotic suggestions. My aim is to provide a replication of Spanos et. al study with better stimulus, bigger sample size and controlling for more confounds. My main hypothesis is that subjects who received post-hypnotic suggestion will behave as if this suggestion is a expectancy-mediated goal-directed action, which means that they will fail to respond to informal tests more frequently compared to formal test responses.

Participants should be older than 18 and without any neurologic or psychiatric pathologies, not doing regular hypnosis or meditation pactice and pass post-hypnotic suggestion and amnesia scores in any standardized hypnotizability test.

Participants will be divided into 3 groups randomly: hypnosis group, imitation group, modified imitation group, just like in Spanos et. al study. Hypnosis group will receive standardised hypnosis induction and a suggestion that every time they hear the trigger word, they will touch their ear. Trigger word depends on the place where the experiment will be provided. I plan to use a room number, campus name or something else that is not widely used in everyday talk, but will raise no suspicion when mentioned by confederate. This way we can exclude presumption that post-hypnotic suggestion stopped occurring outside of experimental context because of being non-practical and causing problems for participant. This will also be fair for subjects who will form an automatic response that works outside of the context, if there will be subjects like that. Hypnotist will not know which group is participant from.

Imitation group will be asked to not follow suggestions and to trick experimentator into thinking that they are under hypnosis and follow post-hypnotic suggestion.

Modified imitation group will receive instructions about experiment being conducted over a week, so they need to fool anyone who is connected to the study (except one assistant, who will be giving these instructions).

After that, participants will go through first formal tests which will look like an oral question session and 3 questions will include the trigger word. Then, participants will be asked to come back next week, for the second session. Videotapes of the first session will be shown to confederates to enable recognition. I plan to have 2 confederates helping me, therefore have 3 informal tests, but it depends on the situation, since I don't know if it's possible for me to recruit this number of assistants. General principle of informal test is the same as in Spanos et. al study - subject meets confederate in informal setting and confederate starts some casual conversation which leads to mentioning the trigger word. After the test, confederate saves the response result. Third informal test by the hypnotist is also planned just before the second session. Then, the experimenter will tell that the data from the first session is lost and will ask to repeat the questioning procedure, scoring the second formal test responses. After that, post-hypnotic suggestion will be removed and the experiment will be over.

References

Barber, T. X. (1962). Toward a theory of hypnosis: Posthypnotic behavior. Archives of General Psychiatry, 7(5), 321-342.

Barber, T. X., Spanos, N. P., & Chaves, J. F. (1974). Hypnosis, imagination, and human potentialities (Vol. 46). Pergamon.

Brown, R. J. (1999). An integrative cognitive theory of suggestion and hypnosis (Doctoral dissertation, University of London).

Brown, R. J., & Oakley, D. A. (2004). An integrative cognitive theory of hypnosis and high hypnotizability. The highly hypnotizable person: Theoretical, experimental and clinical issues, 152-186.

Coe, W. C. (1973). A further evaluation of responses to an uncompleted posthypnotic suggestion. American journal of clinical hypnosis, 15(4), 223-228.

Coe, W. C. (1976). The elusive nature of completing an uncompleted posthypnotic suggestion. American Journal of Clinical Hypnosis, 18(4), 263-271.

Dienes, Z., & Hutton, S. (2013). Understanding hypnosis metacognitively: rTMS applied to left DLPFC increases hypnotic suggestibility. cortex, 49(2), 386-392.

Dienes, Z., & Perner, J. (2007). Executive control without conscious awareness: the cold control theory of hypnosis. Hypnosis and conscious states: The cognitive neuroscience perspective, 293-314.

Elkins, G. R., Barabasz, A. F., Council, J. R., & Spiegel, D. (2015). Advancing research and practice: The revised APA Division 30 definition of hypnosis. International Journal of Clinical and Experimental Hypnosis, 63(1), 1-9.

Erickson, M. H., & Erickson, E. M. (1941). Concerning the nature and character of post-hypnotic behavior. The Journal of General Psychology, 24(1), 95-133.

Leblanc, A. (2001). The origins of the concept of dissociation: Paul Janet, his nephew Pierre, and the problem of post-hypnotic suggestion. History of Science, 39(1), 57-69.

Nace, E. P., & Orne, M. T. (1970). Fate of an uncompleted posthypnotic suggestion. Journal of abnormal psychology, 75(3), 278.

Oakley, D. A. (1999). Hypnosis and consciousness: A structural model. Contemporary Hypnosis, 16(4), 215-223.

Orne, M. T., Sheehan, P. W., & Evans, F. J. (1968). Occurrence of posthypnotic behavior outside the experimental setting. Journal of Personality and Social Psychology, 9(2p1), 189.

Spanos, N. P., Menary, E., Brett, P. J., Cross, W., & Ahmed, Q. (1987). Failure of posthypnotic responding to occur outside the experimental setting. Journal of Abnormal Psychology, 96(1), 52.

Takarada, Y., & Nozaki, D. (2014). Hypnotic suggestion alters the state of the motor cortex. Neuroscience research, 85, 28-32.

Wagstaff, G. F. (1981). Hypnosis, compliance and belief. Hodder Wayland.

Weitzenhoffer, A. M. (1953). Hypnotism: An objective study in suggestibility.

Weitzenhoffer, A. M., & Hilgard, E. R. (1962). Stanford hypnotic susceptibility scale, form C (Vol. 27). Palo Alto, CA: Consulting Psychologists Press.

Новиковская Н.А., ***Щербакова О.В.***

Санкт-Петербургский государственный университет

Вербализация определения понятия как фактор повышения качества его образной репрезентации

Полный и точный словесно-образный перевод – центральная составляющая мыслительной деятельности человека и обязательное условие понимания. Мышление «двуязычно», оно оперирует симультанно-пространственными образными структурами и знаковыми компонентами одновременно, что позволяет выстроить полную и точную интеллектуальную репрезентацию объекта мысли (Веккер, 1976).

Наиболее эффективно взаимодействие образного и знаково-символического «языков» осуществляется на высшем уровне развития мышления – понятийном, которое позволяет абстрагироваться от несущественного, обобщать и выделять ключевые признаки явлений (Выготский, 2005). Становление развитого понятийного мышления связано с формированием устойчивой и адекватной сетки понятий разной степени обобщенности, которая позволяет мыслительному акту свободно разворачиваться как на конкретном, так и на абстрактном уровнях и обеспечивает эффективное понимание (Холодная, 2002).

Цель данного исследования заключалась в проверке предположения о том, что вербализация содержания понятия положительно скажется на полноте его образной репрезентации за счет повышения качества словесно-образного перевода его ключевых идей. Нами были выдвинуты две гипотезы: 1) предварительное письменное определение понятия повысит полноту его образной репрезентации, 2) существует связь между показателями психометрического интеллекта и полнотой образной репрезентации понятий. В исследовании приняли участие две группы испытуемых (15 человек в каждой, средний возраст – 20 лет). Для оценки психометрического интеллекта мы использовали тест «Стандартные прогрессивные матрицы» Дж. Равена (Raven, 1985). В качестве инструмента исследования образных компонентов мышления мы использовали модифицированную версию методики «Пиктограммы» (Херсонский, 1988). Обе группы испытуемых должны были пиктографически отразить основной смысл одного конкретного («бежать») и двух абстрактных («цикличность» и «влиять») понятий. Участников из экспериментальной группы перед выполнением этого задания просили дать письменные определения каждому из понятий.

Оценку полноты и качества отраженных в рисунке образных репрезентаций осуществляли два эксперта-психолога на основании совместного обсуждения каждого изображения в соответствии с рядом ключевых идей, предварительно выделенных нами для каждого из стимульных понятий. Испытуемые могли получить за каждый рисунок от 0 до 2 баллов в зависимости от количества существенных признаков понятия, которые были отражены в пиктограмме.

В результате статистической обработки данных выдвинутые нами гипотезы не получили поддержки: 1) не удалось обнаружить влияния предварительной письменной вербализации определения понятия на полноту его образной репрезентации ($p = 0,716$), 2) не было обнаружено связи между уровнем психометрического интеллекта и качеством образной репрезентации понятий ($p = 0,576$).

Вероятно, в случае дефицита понятийного мышления предварительное определение понятия могло оказаться неполным и неточным, фиксирующим не самые значимые его признаки, что затем отразилось в рисунках испытуемых. Таким образом, в дальнейших исследованиях планируется осуществлять оценку точности определения понятий. Отсутствие значимой корреляции между показателем психометрического интеллекта и полнотой образной репрезентации можно объяснить тем, что словесно-образный перевод разворачивается по-разному в зависимости от характера задачи: методика «Пиктограммы» в большей степени направлена на диагностику дивергентных способностей, тогда как «Стандартные прогрессивные матрицы» Дж. Равена – на диагностику конвергентных способностей мышления.

Качественный анализ полученных данных показал, что конкретные образы не всегда связаны с мыслительными операциями низкого уровня обобщения: иногда они представляют собой «живые», меткие иллюстрации абстрактных понятий. Испытуемые нередко прибегали к неточному использованию образов-культурных штампов, что может быть следствием слишком экономного расхода энергетических ресурсов. Интересная ситуация связана с пиктографированием понятия «влиять»: испытуемые часто путали его с понятием власти, актуализированном исключительно в контексте человеческих отношений. Возможно, недостаточная развитость понятийной системы субъекта приводит к тому, что высокоабстрактные понятия «расслаиваются» на ряд более конкретных, которые используются в житейских ситуациях.

Список литературы

Веккер, Л. М. (1976). Психические процессы. Т.2. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 342 с.

Выготский, Л. С. (2005). Мышление и речь. Москва: Изд-во Лабиринт, 256 с.

Херсонский, Б.Г. (1988). Метод пиктограмм в психодиагностке психических заболеваний. Киев: Изд-во Здоровье, 104 с.

Холодная М. А. (2002) Психология интеллекта: парадоксы исследования. 2-е изд., перераб. и доп. СПб: Питер, 221 с.

Raven, J. (1985) Raven's progressive matrices tests: Their origin and contribution to society. Психодиагностика в социалистических странах. Психодиагностический бюллетень. 19, 27- 31.

Горбатова К.В., ***Гершкович В.А.***

Санкт-Петербургский Государственный Университет

Проявление иллюзии категории при увеличении требований к точности ответа[1]

Особое место в исследованиях ложных воспоминаний занимают исследования категориальной иллюзии памяти. Ее процедура заключается в следующем: если предъявлять испытуемому список объектов, относящихся к одной категории, но исключить из него наиболее типичного представителя (например, самую частотную ассоциацию к категории), то окажется, что в значительном количестве случаев при вспоминании предъявленных стимулов человек включит в него этот непредъявленный член категории. Показано, что манипуляция процедурой кодирования, например за счет большего обращения внимания на перцептивные признаки стимулов, может в значительной степени повлиять как на силу проявления категориальной иллюзии, так и на схожую с ней – ассоциативную иллюзию памяти (Roediger, McDermott, 1995). Именно с этим некоторые ученые (Arndt, Reder, 2003; Hege, Dodson, 2004) связывают значительно меньшую выраженность иллюзии для визуальных стимулов, чем для вербальных, утверждая, что опора на большее разнообразие перцептивных признаков при кодировании позволяет снизить эффект иллюзии.

Требования к точности ответа и значение перцептивных признаков на этапе извлечения заслужили гораздо меньше внимания при исследовании категориальных иллюзий. Однако в соответствии с теорией В.М. Аллахвердова (2000) можно ожидать, что увеличение требований к точности ответа на этапе извлечения приведет к сужению границ класса, что может проявиться в исчезновении иллюзии категории. Отчасти аргументом в пользу такого подхода являются данные, полученные А. Карпентерем и Д. Шактерем (2017), в которых показано, что увеличение требований к точности ответа за счет предъявления на этапе тестирования нескольких вариантов ответа, похожих на ранее предъявленный стимул, но отличных по ряду признаков, привело к увеличению количества правильных ответов (правильных отрицаний).

Цель настоящего исследования заключалась в том, чтобы оценить, проявится ли иллюзия категории при увеличении требований к точности ответа на этапе извлечения за счет предъявления нескольких эк-

1 Исследование поддержано грантом РФФИ №16-06-008-58-ОГН

земпляров (субординатного уровня) для наиболее типичного представителя класса. Мы полагали, что необходимость оценить, какой именно из предложенных вариантов действительно был предъявлен ранее, приведет испытуемых к необходимости вспомнить конкретные перцептивные признаки стимула, и в силу их отсутствия, отвергнуть все варианты.

Для реализации поставленной цели на первом этапе мы провели пилотажное исследование, в котором трем группам испытуемых предъявлялись для запоминания и дальнейшего тестирования 6 списков изображений, разбитые по категориям (животные, музыкальные инструменты, мебель, одежда, канцелярские товары и кухонные принадлежности). В каждой группе различались лишь несколько изображений-экземпляров одного и того же объекта (например, собака породы далматинец в группе 1, овчарка в группе 2 и дворняга в группе 3). Пилотажное исследование было проведено для того, чтобы отобрать подходящие экземпляры и убедиться, что на любой из вариантов отдельно может быть сформирована иллюзия категории.

В результате мы наблюдали эффект ложных воспоминаний во всех трех группах. Однако сила эффекта оказалась различной: процент ложных воспоминаний в первой группе в среднем равнялся 49%, во второй 34%, а в третьей 29%. Ложное опознание критических стимулов значимо отличается от ложного опознания филлеров для всех групп ($p<.001$). Испытуемые чаще давали более уверенные ответы в случае ошибочного опознания критических стимулов, чем в случае ошибочного опознания филлеров ($p=.006$), а время ошибочных ответов для критических стимулов было значимо меньше, чем для филлеров ($F(1, 1436) = 12.451$, $p<.001$).

Далее нами было проведено основное эмпирическое исследование. В качестве стимульного материала для этапа предъявления были выбраны изображения, вызывавшие наибольший эффект в пилотном исследовании. На этапе тестирования испытуемым предъявлялось не одно изображение, а три экземпляра (субординатного уровня) для наиболее типичного представителя класса и давалась инструкция вспомнить, какой именно стимул был предъявлен ранее, или же отвергнуть все варианты.

Результаты исследования показали, что эффект ложных воспоминаний проявился в условиях предъявления нескольких экземпляров наиболее типичного представителя класса примерно в 64% случаев. Этот результат значимо отличается от ошибочных ответов по изображениям-филлерам, даваемых лишь в 14% случаев (=96.543, df=1, $p<.001$).

Таким образом, в исследовании было показано, что категориальная иллюзии проявляется в 64% случаев в условиях предъявления нескольких экземпляров прототипов. В многочисленных исследованиях ранее было показано, что эффект иллюзии категории на визуальных стимулах равняется примерно 40-50% (Benmergui1, McKelvie1, Standing, 2015). Можно полагать, что несмотря на увеличение требований к точности ответа на этапе извлечения, у испытуемых все равно формируется иллюзия категории, а наличие дополнительных экземпляров изображений (вариантов ответа) лишь подкрепляет ее формирование.

Литература

Arndt, J., & Reder, L. M. (2003). The effect of distinctive visual information on false recognition. Journal of Memory and Language, 48(1), 1-15.

Benmergui, S. R., McKelvie, S. J., & Standing, L. G. (2017). Beneficial Effect of Pictures on False Memory in the DRMRS Procedure. Current Psychology, 36(1), 136-146.

Carpenter, A. C., & Schacter, D. L. (2017). Flexible retrieval: When true inferences produce false memories. Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition, 43(3), 335.

Hege, A. C., & Dodson, C. S. (2004). Why distinctive information reduces false memories: evidence for both impoverished relational-encoding and distinctiveness heuristic accounts. Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition, 30(4), 787.

Roediger, H. L., & McDermott, K. B. (1995). Creating false memories: Remembering words not presented in lists. Journal of experimental psychology: Learning, Memory, and Cognition, 21(4), 803.

Аллахвердов, В. М. (2000). Сознание как парадокс.

Лукьянов Евгений Сергеевич, Котов Алексей Александрович

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Роль обратной связи в выборе стратегии категоризации[1]

Категоризация - это когнитивный процесс, при котором воспринимаемые события и объекты на основании определенных признаков относятся к группам (Murphy, 2002). Часто тип выбранного правила зависит от свойств самих объектов категоризации. Так, если объекты сходны между собой в небольшом количестве признаков (в одном или максимум двух), то такое правило осознается и вербализуется испытуемым при его применении (такой тип правила и задачу на его формирование традиционно называют «Rule-Based Category-Learning Task», далее RB-правила) (Ashby & Valentin, 2017). При другом типе правила («Information-Integration Category-Learning Task», далее II-правила) категоризация происходит на основе интеграции значений неограниченного количества признаков, и поэтому оно репрезентируется через кроссмодальный прототип, а не вербальное описание (Ashby & Valentin, 2017). Часто выбор стратегии обусловлен тем, что ее применение по разным причинам делает выполнение задания для человека более удобным и понятным. Так, например, при формировании II-правил люди часто используют стратегию ориентации на один признак, а не на их совокупность (unidimensional bias, далее UD-стратегия) (Murphy, 2002; Wills et al., 2009; Ashby, Queller & Berretty, 1999), несмотря на то, что на протяжении всего научения это не позволит выполнять задание с увеличивающимся уровнем успешности.

Для анализа роста успешности научения в заданиях на категоризацию традиционно используют так называемую кривую научения, где по одной оси обозначены блоки или время научения (начиная с первой пробы), а по другой - успешность. Недавно было замечено (Smith, & Ell, 2015), что прогрессивная кривая научения искусственно сглаживает переход в формировании RB-правил. Поэтому для отображения на кривой не только уровня успешности, но и свойственного разным типам правил формы научения был предложен другой тип графика - обратная кривая научения (backward learning curves, далее B-кривая научения).

---

1 Исследование проведено при поддержке гранта РНФ № 17-18-01047 «Ранняя нейрокогнитивная диагностика одаренности».

В предыдущем исследовании (Покидышева, Котов, 2015) были обнаружены неожиданные результаты. Испытуемые выполняли задание на категоризацию изображений с искусственными насекомыми на две группы, а в качестве обратной связи им предъявляли слова напечатанные заглавными (при правильном ответе) или строчными (при неправильном) буквами. Слова были выбраны из базы эмоциональных ассоциаций на русскоязычной выборке, и использованы в другом исследовании (Сысоева, 2010). Были отобраны слова с максимальными оценками ассоциаций по эмоциональным категориям, имеющим отношение к успешности научения: «грусть» и «радость». В одном экспериментальном условии слова, с семантикой радости, предъявлялись при правильных ответах, а слова, связанные с семантикой грусти - при неправильных (ожидаемое соотношение). В другом условии - наоборот (неожидаемое соотношение).

При дополнительном анализе успешности формирования II-правил, было обнаружено, что на начальных этапах научения успешность в условии с неожидаемым соотношением была выше, чем при ожидаемом. Несмотря на то, что при анализе усредненных показателей успешности научения испытуемых, выполняющих II задания, разницы в успешности научения в целом не было, можно предположить, что на начальных этапах научения более высокая успешность при неожидаемом соотношении семантики слова с обратной связью вызвана использованием UD-стратегии. Описанный эксперимент не предполагал выявления используемых испытуемым стратегий, поэтому для проверки данного предположения мы решили провести новое исследование.

Согласно нашей гипотезе, если при неожидаемом соотношении обратной связи, испытуемые будут чаще использовать UD-стратегию, чем при ожидаемом соотношении, то это приведет к ориентации на разное количество признаков и разной форме кривой научения и различному выбору категории тестовых объектов: 1) при неожидаемом соотношении кривая научения будет иметь ступенчатый вид и выбор тестовых объектов будет происходить на основе признака, связанном с RB-правилом; 2) при ожидаемом соотношении - плавный вид кривой научения и признакам, связанным с II-правилом.

Методы

Из обработки результатов будут исключены результаты тех испытуемых, которые не достигнут на последних трех блоках научения уровня успешности выше 80%. Участие в исследовании будет согласовано с испытуемыми через подписание ими информированного согласия. Испытуемым предъявят на мониторе изображения искусственных су-

ществ, различающихся по шести признакам с двумя дискретными значениями. В каждой пробе изображение одного примера будет располагаться в центре экрана до 10 секунд. Распределение значений признаков будет организовано в две категории. Один из признаков будет иметь одно или постоянное значение у всех примеров категории. Таким образом, если испытуемые выберут UD-стратегию, она приведет к максимальному росту успешности только при ориентации на постоянный признак.

Испытуемые будут отвечать, нажимая на одну из двух кнопок, соответствующую определенной категории. Сразу после ответа изображение пропадет с экрана и испытуемый увидит слово, напечатанное заглавными или строчными буквами. Регистр букв, по инструкции, будет обратной связью. Слова будут разделяться на две группы: со значением «радость» или «грусть». Испытуемые будут в случайном порядке распределены в две группы, аналогичные экспериментальным группам в предыдущем исследовании. Длительность этапа научения составит 10 блоков.

После этапа научения испытуемые выполняют тестовое задание. В нем они будут также классифицировать примеры категорий, но без обратной связи. Тестовое задание будет включать старые примеры, с обратным значением по постоянному признаку. Таким образом, в тесте все примеры будут иметь конфликт между значениями большинства признаков и значением постоянного признака. Итого в тестовом задании будет 10 проб, которые будут предъявлены по одному разу в случайном порядке.

Независимой межсубъектной переменной на этапе научения будет вариант соотношения обратной связи и семантики слова (ожидаемый и неожидаемый). Зависимыми переменными будут средняя успешность категоризации по блокам на этапе научения, и ориентация на постоянный признак на этапе тестирования.

Ожидаемые результаты

Для анализа будут использованы данные лишь тех испытуемых, кто сформировал категорию (достиг критерия научения) к 8 блоку научения из 10. Результаты выполнения задания каждым испытуемым будут содержать данные об успешности в каждой пробе в каждом блоке научения (10 блоков по 10 проб). Далее по каждому испытуемому будет рассчитана средняя успешность научения в каждом блоке (выражена в значении от 0 до 1).

Согласно нашей гипотезе, B-кривая научения испытуемых в условиях неожидаемого соотношения обратной связи будет иметь ступенчатый вид, а кривая в условиях ожидаемого соотношения - плавный. В случае ступенчатого вида разница в средней успешности между блоком -1 и блоком 0 должна быть больше, чем в случае плавного вида (Ashby, & Valentin, 2017).

Для оценки результатов тестирования мы будем считать количество ответов в тесте с ориентацией на значение постоянного признака: если испытуемые в ходе научения формировали RB-правило и ориентировались на этот признак, то количество таких ответов будет больше 50%, если они ориентировались на совокупность признаков, то количество таких ответов будет близко к 50% (поскольку всего в тексте будет 10 примеров, то 50% = 10). Для оценки этого мы будем использовать t-критерий для одной выборки для сравнения с заданным значением (10).

Согласно гипотезе, неожидаемое соотношение семантики слов с обратной связью приводит к использованию испытуемым UD-стратегии и формированию RB-правила, а II-правила. Это выразится в том, что B-кривая научения этих испытуемых будет иметь ступенчатый вид. В случае ожидаемого соотношения семантики слов с обратной связью испытуемые будут скорее использовать стратегию ориентации на совокупность признаков, что приведет к плавному виду B-кривой научения.

Список литературы

Ashby, F. G., & Valentin, V. V. (2017). The categorization experiment: Experimental design and data analysis. Stevens' handbook of experimental psychology and cognitive neuroscience, Fourth Edition, Volume Five: Methodology (p. in press). New York: Wiley.

Ashby, F. G., Queller, S., & Berretty, P. M. (1999). On the dominance of unidimensional rules in unsupervised categorization. Attention, Perception, & Psychophysics, 1178-1199. doi: 10.3758/BF03207622

Murphy, G. L. (2002). The Big Book of Concepts. Cambridge, Mass.: MIT Press.

Smith, J. D., & Ell, S. W. (2015). One Giant Leap for Categorizers: One Small Step for Categorization Theory. PLoS ONE, 10(9). doi: 10.1371/journal.pone.0137334

Wills, A. J., Lea, S. E., Leaver, L. A., Osthaus, B., Ryan, C. M., Suret, M. B., Bryant C. M., Chapman S. J., Millar, L. (2009). A comparative analysis of the categorization of multidimensional stimuli: I. Unidimensional

classification does not necessarily imply analytic processing; evidence from pigeons (Columba livia), squirrels (Sciurus carolinensis), and humans (Homo sapiens). Journal of Comparative Psychology, 123(4), 391-405. doi: 10.1037/a0016216

Покидышева, С. Н., & Котов, А. А. (2015). Соотношение семантики и коннотации в обратной связи при эксплицитном и имплицитном научении. Когнитивная наука в Москве: новые исследования, Москва.

Сысоева, Т. А. (2010). Эмоциональный эффект Струпа и его связь с эмоциональным интеллектом. Психология. Журнал Высшей школы экономики, 7(4), 117-125.

Грибкова Ольга Алексеевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Эффект пропусков при продолжении поиска: влияние количества стимулов на экране

Точность зрительного поиска - важная задача для людей многих профессий: для персонала в аэропорту важна способность к точному поиску опасных предметов в багаже; для рентгенологов точность зрительного поиска важна при исследовании рентгенограммы опухолей. Для таких задач важна точность зрительного поиска. Зрительный поиск зачастую сопряжён с ошибками, одной из которых является феномен «пропусков при продолжении поиска»: пропуск второго целевого стимула после успешного обнаружения первого (Adamo et al., 2013).

Существует несколько факторов, влияющих на успешность зрительного поиска. Один из них- «эффект пропусков при продолжении поиска», который характеризуется пропуском нахождения целевого стимула при второй попытке поиска после его успешного нахождения при первой попытке. Предположение о том, что пропуск второго целевого стимула может быть связан с тем, что он не был связан по перцептивным признакам с первым, было высказано Бербаумом (Berbaum et al., 1991).

Другая точка зрения была высказана в статье Адамо и его коллег (Adamo et al., 2013). Согласно гипотезе, представленной в их исследовании, пропуск второго целевого стимула может быть связан с истощением ресурсов рабочей памяти, которые, в свою очередь, были затрачены на поиск первого целевого стимула.

Однако, полученные из исследований данные не могут объяснить сложную природу эффекта пропуска при продолжении поиска (Горбунова, 2015).

Основная идея настоящего исследования состоит в том, чтобы выяснить, влияет ли на прекращение зрительного поиска количество мест на экране, которые потенциально нужно обследовать. В качестве экспериментальной манипуляции было выбрано варьирование количества присутствующих на экране (так называемый set-size). Предполагается, что чем больше мест необходимо будет обследовать испытуемому, тем больше будет вероятность пропуска второго целевого стимула.

Гипотеза

При увеличении числа стимулов на экране процент обнаружений второго целевого стимула после успешного нахождения первого будет снижаться.

Методика

Независимые переменные:

1) Количество целевых стимулов в пробе: два целевых стимула (хорошо заметный и плохо заметный), один хорошо заметный целевой стимул, один плохо заметный целевой стимул, отсутствуют целевые стимулы

2) Количество стимулов на экране (set-size) – 10, 20, 30, 40, 50 и 60 стимулов

Зависимая переменная: процент нахождения второго целевого стимула при усовии успешного нахождения первого целевого стимула.

В качестве испытуемых будут выступать студенты НИУ ВШЭ департамента психологи, 1-4 курс, 20-30 человек.

В качестве стимулов используются буквы L и T различной степени яркости, буква T является целевым стимулом. Целевой стимул может иметь различное расположение на экране и разную ориентацию. Целевой стимул в некоторых пробах может не предъявляться – так называемые «пробы-ловушки». Задача испытуемого состоит в том, чтобы как можно быстрее найти все целевые стимулы.

Предполагаемые результаты состоят в том, что процент правильных ответов в отношении второго целевого стимула будет снижаться по мере увеличения количества дистракторов, в то время как процент правильных ответов в отношении первого целевого стимула будет оставаться неизменным.

Литература

Горбунова Е. С. (2015). Исследования «Пропусков при продолжении поиска» в рентгенологии и когнитивной психологии. Шаги/Steps, №1.

Adamo, S. H., Cain, M. S., Mitroff, S. R. (2013). Self-Induced Attentional Blink: A Cause of Errors in Multiple-Target Search. Psychological Science,24(12), 2569 –2574.

Berbaum, K. S., Franken, E. A. Jr., Dorfman, D. D., Rooholamini, S. A., Cornell, S. H., Cragg, A.H., Galvin, J.R., Honda, H., Kao, S.C. (1991). Time course of satisfaction of search. Investigative Radiology, 26(7), 640-648.

Nikolay Syrov

Lomonosov Moscow State University

Investigation of effects of a BCI-FES system on the activity of the sensorimotor cortex.

Introduction

Non-invasive brain-computer interfaces (BCIs) can translate bioelectric signals collected via EEG into output computer commands (Wolpaw, 2007). In the recent years, BCIs have been used for neurorehabilitation of motor deficits (Page, Levine, Leonard, 2007). Integration of a motor-imagery BCI with functional electrical stimulation (FES) feedback might prove to be an effective tool for inducing beneficial plastic changes for neurorehabilitation. It has been shown that short-term plasticity can be measured by event related desynchronization (ERD) – which corresponds to the activation of sensorimotor areas of the brain, and by changes in MEP amplitudes (elicited via TMS), which signify of the level of corticospinal excitability (Pfurtscheller, 2001; Sauseng et al., 2009). Here we propose a plan to evaluate the hypothesis that trainings with a BCI-FES system modulate the sensorimotor activity of the human brain as evaluated through combined EEG-TMS methodology .

The purpose of this study will be to provide preliminary evidence that such a system will be beneficial for post-stroke neurorehabilitation of motor deficits and can be further developed in the clinical setting as the next step of this research.

Methods

For the purposes of this study, 20 right-handed healthy subjects should be recruited. The study will follow a within-subject design. Stimulation electrodes for FES will be positioned over the right FDS muscle. Parameters of FES will be adjusted to elicit a grasp movement of 30% of maximal force, measured by a dynamometer.TMS pulses will be delivered to the hotspot during the interstimulus interval for each condition (described later). The stimulation intensity of single-pulse TMS will be adjusted to elicit, on average, 1mV MEP responses (as measured peak-to-peak) (Rossini & Rossi, 1998). MEP recordings will be conducted before and after the experiment, to account for gradual changes in baseline levels, and also after the presentation of each stimulus, to quantize changes in corticospinal excitability (this will allow to not interfere with EEG and FES delivery). EEG will be recorded through 30 channels (modified 10-10 system). Short -time Fourier transform

(2 sec windows, 90% overlap) of acquired signal will be used to evaluate the signal in the time-frequency domain. In conditions 4 and 5 the acquired signal will be processed and classified by a naive Bayes classifier to deliver FES stimulation as feedback for correctly classified trials.

The setup will be the following: Participants will be seated in a chair in front of a computer screen, they will be instructed on the tasks of the experiment and presented with the following experimental conditions (as pictograms on the screen, presentation time - 6 sec):

1. Motor imagery of the right-hand grasp motion - participants are instructed to imagine this movement 2. Motor imagery of the right hand fingers tapping - imagination of this movement 3. FES of the right hand (grasp motion) - participants gaze at the screen, FES is passively induced, 4. Motor imagery of the right hand with FES as feedback (BCI condition) 5. Motor imagery of the finger-tapping with FES as feedback (BCI condition) 6. Rest.

The stimuli will be presented in a pseudo-random order composing 10-15 trials (2-3 minutes each), so that each condition is presented 40 times. During the interstimulus intervals in each trial 2-3 MEP's will be recorded, altogether around 80 MEP's will be collected for each condition.

Expected results

Here we expect that ERD values will be the most prominent and significant for condition 4, compared to all other conditions, since in this condition subjects control FES by congruent mental activity. It is also expected that BCI accuracy for condition 4 will be significantly higher than chance level and will show only slight variability within subjects for similar reasons. Correlation coefficients for BCI accuracy, ERD values and MEP amplitudes in conditions 4 and 5 will be obtained, which will show associations between these values.

We also expect to find larger MEP increase following condition 4, compared with all other conditions. This result would signify, that a BCI-FES system has "offline" effects on corticospinal excitability.

Conclusion

Altogether, the proposed study is unique in its implementation and will provide fundamental insights into the workings of the human sensorimotor system as well as practical details for creation of neurorehabilitation protocols in the future.

References

Page S. J., Levine P., Leonard A. Mental practice in chronic stroke: results of a randomized, placebo-controlled trial //Stroke. – 2007. – T. 38. – №. 4. – C. 1293-1297.

Pfurtscheller G. Functional brain imaging based on ERD/ERS //Vision research. – 2001. – T. 41. – №. 10-11. – C. 1257-1260

Rossini P. M., Rossi S. Clinical applications of motor evoked potentials // Electroencephalography and clinical neurophysiology. – 1998. – T. 106. – №. 3. – C. 180-194.

Sauseng P. et al. Spontaneous locally restricted EEG alpha activity determines cortical excitability in the motor cortex //Neuropsychologia. – 2009. – T. 47. – №. 1. – C. 284-288.

Wolpaw J. R. Brain–computer interfaces as new brain output pathways // The Journal of physiology. – 2007. – T. 579. – №. 3. – C. 613-619.

Кожевникова Стефания Сергеевна, Юхненко Денис Вячеславович

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова

Моделирование процесса принятия управленческих решений психологами МЧС России

Процесс принятия решений в экстремальных ситуациях значительно усложняется раз-личными внешними факторами, такими, как скорость развития экстремальной ситуации, недостаток или избыток информации о ней, высокая цена ошибки. Наличие модели про-цесса принятия управленческих решений в системе психологической помощи МЧС России может стать ценным инструментом в работе старшего оперативной группы психологов. В данном докладе мы рассмотрим различные примеры использования интеллектуальных методов анализа данных для создания подобных моделей на основе экспертного опыта. Учёт результатов нашего исследования на практике потенциально поможет оптимизиро-вать процесс формирования и сбора оперативной группы, а также может быть использован для обучения новых сотрудников.

Преимущество интеллектуальных методов анализа (или методов машинного обучения) данных состоит в том, что с их помощью можно обнаружить скрытые закономерности, недоступные при анализе традиционными методами. Кроме того, они могут быть исполь-зованы для моделирования различных когнитивных процессов, в частности, процессов принятия решения.

Дизайн данного исследования был разработан годом ранее во время пилотажного ис-следования. Иващенко А.А.(автор выражает глубокую благодарность за предоставленные сведения) провела серию интервью с сотрудниками ФКУ ЦЭПП МЧС России, в ходе которой были выявлены характеристики чрезвычайной ситуации, на которые опираются эксперты при принятии управленческих решений. Далее в среде OpenSesame (версия 3.1.9)был разработан стимульный материал: 100 задач, 20 из которых предъявлялись всем экспертам, а 80 были индивидуальными для каждого. Задачи предъявлялись на экране компьютера в случайном порядке.

Задачи представляли собой словесные описания экстремальных ситуаций по форме приближенные к тем, которые обычно поступают от диспетчеров и оперативных дежур-ных экстренных служб [1]. Цель ре-

шения задачи - принять решения о распределении сил и средств психологической службы МЧС России для ликвидации последствий чрезвычай-ной ситуации. В качестве ответа на задачу эксперт выбирал приоритет участка работ из существующих в чрезвычайных ситуациях участков работ (первый приоритет, второй приоритет, участок не возникнет). Участки работ, возникающие при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций: морг, лечебно-профилактическое учреждение, место чрезвычай-ной ситуации, оперативный штаб, горячая линия, пункт временного размещения, местная администрация, подворовый обход, встреча родственников [4]. После указания приоритета участков, эксперту необходимо указать количество психологов, направляемых на данный участок. Таким образом, было собрано по 100 задач, решенных каждым экспертом-психо-логом, из которых 20 задач решил каждый психолог.

Помимо группы экспертов, была также набрана контрольная группа из наивных испы-туемых, не работающих в системе психологической службы МЧС России и не имеющих законченного психологического образования.

Для анализа данных использовались пакеты Pandas, NumPy, scikit-learn, реализованные на базе языка программирования Python 3.6. Использовались такие методы, как метод

ближайших соседей, метод опорных векторов, логистическая регрессия, решающий лес и перцептрон (подвид нейронной сети) [2]. В качестве метрики качества было выбрано зна-чение средней абсолютной ошибки (MAE) [2]. Достаточным считался результат по метрике качества в случае, если доля правильных ответов превышала 0,75. Среди используемых методов наиболее эффективными и оптимальными для решения задачи моделирования процесса принятия управленческих решений в системе психологической помощи МЧС России стали метод решающего леса и перцептрон. Эти два метода и будут далее исполь-зованы для разработки программы-модели, являющейся вспомогательным инструментом старшего оперативной группы психологической службы МЧС России.

Литература

Об утверждении Порядка оказания экстренной психологической помощи пострадав-шему населению в зонах чрезвычайных ситуаций и при пожарах [Текст]: приказ МЧС РФ от 20 сентября 2011 г. No 525 // Собрание законодательства. – 2011. - No 2. – Ст. 267.

Курс лекций для студентов 3-го курса ПМИ ФКН ВШЭ // github.com URL: http s://github.com/esokolov/ml-course-hse/tree/master/2016-fall/lecture-notes (дата обра-щения: 25.03.2017).

Math ot, S., Schreij, D., & Theeuwes, J. (2012). OpenSesame: An open-source, graphical experiment builder for the social sciences. Behavior Research Methods, 44(2), 314-324. doi:10.3758/s13428-011-0168-7

Иващенко А.А. Теоретический анализ проблемы принятия экспертных решений в чрезвычайных ситуациях (курсовая работа). - МГУ: Факультет психологии. - 2017.

Ksenia Volkova, Artur Petrosyan, Ignatii Dubyshkin and Alexei Ossadtchi

National Research University "Higher School of Economics"

Decoding movement time-course from ECoG using deep learning and implications for bidirectional brain-computer interfacing

Brain computer interfaces are a growing research field producing many implementations that find various uses in research and medical practice and everyday life. Despite the popularity of the implementations using non-invasive neuroimaging methods, radical improvement in the state channel bandwidth and, thus, decoding accuracy is only possible by using invasive techniques. Electrocorticography (ECoG) is a minimally invasive neuroimaging modality that provides highly informative brain activity signals and entails the use of machine learning methods to efficiently decipher the complex spatial-temporal cortical representation of motor and cognitive function (Yosinski et al, 2014). Deep learning techniques is the family of machine learning methods that allow to learn representations of data with multiple levels of abstraction. We hypothesized that the deep learning would allow to reach higher accuracy in the task of decoding movement time-course than it is possible with traditional signal processing approaches.

To obtain synchronous recording of kinematic movement characteristics and the corresponding electrical brain activity, a series of experiments were carried out, during which subjects performed finger movements at their own pace. Finger movements were recorded with a three-axis accelerometer, while ECoG was synchronously registered from the electrode strips re implanted over the contralateral sensorimotor cortex.

Then, decoders were built to recover finger movement trajectory as characterized accelerometer signal from the multichannel ECoG signals. This process was carried out both causally and non-causally, using different position of the ECoG data segment with respect to the accelerometer data stream. The recorded data was split into training and testing sets, containing continuous non-overlapping fragments of the multichannel ECoG. A classical regression based Wiener filtering approach as well as the deep convolutional neural network were implemented and trained, using 1-second segments of ECoG data from the training dataset as an input. To assess the decoding accuracy, correlation coefficient between the output of the model and the accelerometer readings was computed.

It was shown that after optimization of hyperparameters and training, convolutional deep learning network allows to decode the time-course of finger movement with correlation coefficient of 0.8 in the causal and 0.88 in the anti-causal scenarios. The traditional Wiener filter based approach using the absolute values of wavelet coefficients as features reached the correlation coefficient of 0.56 for causal and 0.69 for anticausal decoding. While the higher accuracy for anticausal decoding is likely to be due to the presence of sensory component in the anticausal part of the data, reasonably high causal decoding accuracy demonstrates that the deep neural network was able to find the representation of the complex top-down information related to the actual movement rather than tuning to the proprioceptive data. The sensitivity analysis had further shown physiologically plausible picture of the extent to which the individual features (channel, wavelet subband) are utilized during the decoding procedure.

These results put impetus to the future use of deep learning for decoding movement and brain-computer interface implementation, which opens a number of opportunities in the field of experimental paradigms design. One of these opportunities is associated with transfer learning: while deep learning algorithms are able to flexibly distinguish informative features in the data, they also allow to further use these features in other contexts, for example, in another session, subject or even experiment, after a short initial period of fine-tuning (Yosinski et al., 2014). The ability to implement complex decision rules would also help to better reflect the complex principles of movement encoding. In particular, our preliminary results have shown that decoding accuracy of the same stereotyped movement is highly dependent on the posture of the more proximal part of the arm. We suggest that deep learning models may be capable of accommodating the cortical encoding of this movement, encapsulating the interaction between the posture and the movement (Dagaev et al., 2017). The proposed features can be further incorporated into a closed-loop system providing profound visual (e.g. in virtual reality) and sensory (administered through stimulation of the cortex or peripheral sensory nerves) feedback. Such system would allow modelling both extrinsic and intrinsic parameters of the movement, including its kinematics, exerted force, muscle contraction, goal, visual and sensory feedback. This would help to implement complex bidirectional brain-computer interfaces as well as to gain insight on the principles of movement encoding. Additionally, measuring peripheral activity of the muscles can be used as a proxy to ECoG signal, allowing to create and calibrate a part of this system, leaving only modelling of the dependence between the two, which can also be approached with deep learning techniques.

In conclusion, we have demonstrated that a combination of a minimally invasive neuroimaging technique (ECoG) and advanced machine learning algorithms allows to accurately decode motion, validating the use of deep learning for modelling the complex interdependencies of values in a complex closed-loop system. This approach will enable implementation of bidirectional brain-computer interfacing, not only allowing to control devices with a large number of degrees of freedom but also providing means for exploratory studies of the complex sensory-motor neural processes subserving movement execution.

References

Dagaev, N., Volkova, K., & Ossadtchi, A. (2017). Latent variable method for automatic adaptation to background states in motor imagery BCI. Journal of neural engineering, 15(1), 016004.

Murphy, M. D., Guggenmos, D. J., Bundy, D. T., & Nudo, R. J. (2015). Current Challenges Facing the Translation of Brain Computer Interfaces from Preclinical Trials to Use in Human Patients. Frontiers in Cellular Neuroscience, 9, 497. http://doi.org/10.3389/fncel.2015.00497

Yosinski, J., Clune, J., Bengio, Y., & Lipson, H. (2014). How transferable are features in deep neural networks?. In Advances in neural information processing systems (pp. 3320-3328).

Зинченко Екатерина Михайловна, Матушкина Валерия Александровна, Лазунина Екатерина Алексеевна, Бакаева Ольга Владимировна, Князев Евгений Борисович

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

Особенности окуломоторной активности при решении финансовых задач с учетом степени рациональности студентов

Экономическая сфера является неотъемлемой в жизни человека и попытаться понять, когда человек идет на риск, может помочь избежать финансовых ошибок. Безусловно, исследования в этом направлении ведутся, и открыто уже немало важных фактов. Так, известны области головного мозга, отвечающие за когнитивный и эмоциональный компонент при решении подобных задач, выявлена роль ряда гормонов при оценке полезности совершаемого выбора (Диев, 2010; Ключарев, 2011). Однако не до конца изучен вопрос, затрагивающий выбор человека в условиях риска и неопределенности.

В связи с этим нами был разработан тест «Монетная лотерея», состоящий из 2 групп финансовых задач: 1 группа – выигрышные задачи, 2 группа – проигрышные. Испытуемому предлагалось выбрать между 2мя вариантами ответа: рискнуть или выбрать гарантированный выигрыш или проигрыш. Тест предъявлялся на стационарной системе бинокулярного трекинга глаз Eye Tracker (модели RED 500 System, произведенного SMI (Германия). Посредством анализа полученной окуломоторной активности (ОМА) были оценены параметры морганий, фиксаций и саккад у студентов с учетом рациональности выбора. Рациональность рискового поведения определяли в зависимости от количества рисковых ответов, данных респондентом, а также с учетом математического ожидания и сигмы для каждой задачи. Полученные данные обрабатывались по критерию Манна-Уитни посредством программы SPSS.

Мы предполагаем, что особенности ОМА при решении финансовой задачи могут раскрывать характер когнитивной обработки информации у респондентов.

Исследование проводилось в Саратовском государственном университете имени Н.Г Чернышевского на базе учебной лаборатории «Когнитивная психология». В эксперименте приняли участие 77 человек

(85% девушек, 15% юношей), обучающихся на психологическом, биологическом и механико-математическом факультетах. В ходе эксперимента было выделено 3 группы респондентов: 1 группа (Р) – рациональные (25%), 2 группа (П) – пограничные (42%), 3 группа (Ир) – иррациональные (33%). Таким образом, большинство испытуемых относятся ко 2 группе, то есть в каком-то случае они поступают рационально, в каком-то – иррационально.

По результатам исследования были выявлены различия в окуломоторной активности у лиц с разной степенью рациональности. Так, достоверно меньше времени на выполнение данного задания потратили рациональные студенты по сравнению с пограничными (7609 мс против 9839 мс, $p \leq 0,05$). Максимальное количество, частота и общая продолжительность морганий была выявлена у иррациональных обучающихся (Ир – 4,23; 0,41 кол-во/мс; 998 мс; Р – 1,93; 0,247 кол-во/мс; 537 мс; П – 3,73; 0,35 кол-во/мс; 812 мс соответственно, $p \leq 0,05$). Эти данные говорят о большей эмоциональности таких студентов, что косвенно может влиять на увеличение затрачиваемого времени при решении такого рода задач. Но нужно отметить, что средняя продолжительность морганий выше у лиц 1 группы, чем у 2 группы (256 мс против 189 мс, $p \leq 0,05$). Количество фиксаций существенно меньше у рациональных респондентов (Р – 23,8, П – 29,5 Ир – 28,7, $p \leq 0,05$). Для представителей 3 группы характерно достоверно большее значение общей и средней продолжительности фиксаций (Ир – 5109 мс; 183 мс; Р – 4253 мс; 168 мс; П – 5026 мс; 171 мс соответственно, $p \leq 0,05$). Это говорит о том, что такие лица дольше задумываются при принятии финансовых решений. Длина пройденного пути достоверна меньше у рациональных респондентов (Р – 5297 пк; П – 6935пк; Ир – 6530 пк, $p \leq 0,05$), что еще раз подтверждает, что они тратят меньше времени при выполнении такого задания Общая продолжительность саккад существенно выше у пограничных респондентов (П – 2696 мс; Р – 2004 мс; Ир – 2309 мс, $p \leq 0,05$). Общая амплитуда и общая скорость саккад достоверно ниже у рациональных лиц (Р – 195°; 3365°/с; П – 269°; 4939°/с; Ир – 251°; 4644°/с соответственно, $p \leq 0,05$). Для представителей 2 группы характерно достоверно более высокое значение латентного периода саккад, что также говорит о лишних затратах времени (П – 138 мс; Р – 149 мс; Ир – 155 мс, $p \leq 0,05$). Таким образом, по показателям морганий можно сказать, что иррациональные студенты более эмоциональны. Быстрее финансовые решения принимают рациональные лица, исходя из значения затрачиваемого времени и различных показателей фиксаций и саккад.

На следующих этапах мы планируем определить взаимосвязь принятия рационального финансового решения и способности к имплицитному научению, так как предполагаем возможность развития способности к эффективному решению подобных задач при помощи методов неявного научения.

Литература

Диев, В.С. (2010). Рациональный выбор в условиях риска: модели и парадоксы. Вестник Новосиб. гос. ун-та. Сер.: Философия. 8 (2), 24–31. Взято с http://lib.nsu.ru:8081/xmlui/handle/nsu/4059.

Ключарев, В.А., Шмидс, А., Шестакова, А.Н. (2011). Нейроэкономика: нейробиология принятия решений. Экспериментальная психология, 4 (2), 14–35. Взято с http://psyjournals.ru/exp/2011/n2/41980.shtml.

Andrey S. ***Zyryanov, Svetlana A. Malyutina***

National Research University Higher School of Economics

Dynamic aphasia: the relation between executive functions and language deficits

Introduction

Dynamic aphasia (DA) is a language disorder characterized by severely reduced spontaneous speech, whereas naming, comprehension and repetition remain largely intact. Evidence suggests high heterogeneity in the neuropsychological profiles of DA patients with regard to language specificity of the deficits underlying spontaneous speech reduction. For example, patient CH's fluency deficit manifested exclusively in the verbal domain, as demonstrated by his normal performance on a variety of non-verbal fluency tests (Robinson et al., 2005). In the same vein, patient ROH's inability to produce a verbal plan stood in marked contrast to his intact non-verbal planning abilities (Costello & Warrington, 1989). On the other hand, some patients demonstrated fluency deficits in both verbal and non-verbal domains (Robinson et al., 2015). Finally, non-verbal inhibition deficits are frequently observed in DA patients (Robinson et al., 2015). The occurrence of executive functions (EF) deficits in generation of ideas (as measured by fluency tests), planning and inhibition in the context of well-preserved fundamental linguistic processes suggests that DA could arise from a general executive dysfunction affecting language production (Ardila, 2010).

Robinson and colleagues (2015) incorporated the above-mentioned evidence into a unified account that distinguishes between language-specific (LS) and domain-general (DG) DA forms. The former has been proposed to arise from a failure in high-level verbal response selection (Robinson et al., 2005). The authors argued that an additional load is imposed on the conceptual preparation stage of language processing when the patient has to choose amongst a number of competing verbal responses activated by a stimulus in a discourse generation task, which precludes spontaneous speech production (Robinson et al., 2005). DG form is conceptualized as an impairment in 'fluent sequencing of novel thoughts' (Robinson et al., 2015), characterized by a lack of novel words and sentences and a tendency to perseverate at the discourse level, in contrast to normal performance in sentence level generation tests. Importantly, previous research is based exclusively on single-case investigations in patients with various etiologies. Moreover, the possibility for direct comparison between reported patients is limited due to

variable testing protocols. Therefore, the mechanisms of the two DA forms yet need further clarification.

Aims and hypotheses

The present study addresses the executive functions mechanisms underlying spontaneous speech reduction in a group of patients with stroke-induced DA. We hypothesize that both forms of DA are driven by selective executive functions impairment. Following Robinson et al. (2005), we expect that pathologically increased inhibition between the many verbal concepts leads to an inability to preferentially activate one concept over the others, thus precluding spontaneous speech generation. Secondly, discourse-level perseverations observed in DG form could either reflect a failure in generating an initial plan or arise at a later language processing stage due to an inability to switch from one element of a plan to another. An exploratory analysis will be performed to clarify the contributions of planning and switching deficits to the 'fluent sequencing of novel thought' syndrome.

Method

DA patients will be recruited in the Center for Speech Pathology and Neurorehabilitation, Moscow. The patients will undergo comprehensive language assessment using the Russian Aphasia Test (Ivanova et al., 2016). Additional narrative samples will be collected during the interview. Several Quantitative Production Analysis measures (Berndt et al., 2000) and novelty measures (Robinson et al., 2015) will be derived from the speech samples for statistical analysis.

The executive functions deficits will be consistently investigated with a newly devised testing battery. First of all, verbal and design fluency tests will be administered to identify which modalities are encompassed by the patients' generation deficits. Secondly, verbal selection deficit will be investigated in a sentence completion test under two conditions (high vs. low predictability sentences; Burgess & Shallice, 1996). In the third part, patients' inhibitory function will be assessed in both verbal and non-verbal modalities using the sentence completion test (unrelated condition; Ibid.) and the Flanker test, respectively. In the fourth part, written word, sentence and picture arrangement tests (Bormann et al., 2008) will measure the patients' ability to generate and implement verbal and non-verbal plans. The patients' switching ability will be assessed using Luria's go-no go rhythm tapping task.

Conclusions

The current study addresses the relation between executive functions and language deficits in DA. We extend the scope of previous research by

performing the analysis in a group of etiologically homogeneous patients with stroke-induced DA and performing consistent EF testing. Expected results have potential implications for tailoring speech therapy methods for patients with different DA forms.

References

1. Ardila, A. (2010). A proposed reinterpretation and reclassification of aphasic syndromes. Aphasiology, 24(3), 363–394.

2. Berndt, R. S., Wayland, S., Rochon, E., Saffran, E., & Schwartz, M. (2000). Quantitative production analysis: A training manual for the analysis of aphasic sentence production. Hove, U.K.: Psychology Press.

3. Bormann, T., Wallesch, C.-W., & Blanken, G. (2008). Verbal planning in a case of "Dynamic Aphasia": an impairment at the level of macroplanning. Neurocase, 14(5), 431–450.

4. Burgess, P. W., & Shallice, T. (1996). Response suppression, initiation and strategy use following frontal lobe lesions. Neuropsychologia, 34(4), 263–272.

5. Costello, A. L., & Warrington, E. K. (1989). Dynamic aphasia: the selective impairment of verbal planning. Cortex; a Journal Devoted to the Study of the Nervous System and Behavior, 25(1), 103–114.

6. Ivanova, M. V., Dragoy, O. V., Akinina, J. S., Soloukhina, O. A., Iskra, E. V., Khudyakova, M. V. & Akhutina, T. V. (2016). AutoRAT at your fingertips: Introducing the new Russian Aphasia Test on a tablet. Frontiers in Psychology Conference Abstract: 54th Annual Academy of Aphasia Meeting.

7. Robinson, G., Shallice, T., & Cipolotti, L. (2005). A failure of high level verbal response selection in progressive dynamic aphasia. Cognitive Neuropsychology, 22(6), 661–694.

8. Robinson, G., Spooner, D., & J Harrison, W. (2015). Frontal dynamic aphasia in progressive supranuclear palsy: Distinguishing between generation and fluent sequencing of novel thoughts. Neuropsychologia (Vol. 77).

Арутюнян Вардан Геворгович

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Влияние плотности фонологического соседства на порождение и восприятие слов русскоязычными детьми 4-6 лет

Введение

Одной из значимых фонологических характеристик, связанных с организацией ментального лексикона и взрослых и детей, является плотность фонологического соседства (ПФС). Под фонологическими соседями подразумеваются слова, которые отличаются друг от друга заменой, удалением или добавлением одной фонемы (Vitevitch & Luce, 1999). Таким образом, некоторые слова характеризуются плотным фонологическим соседством, далее – ПС (напр., рак – рок, мак, рай, раб...), а некоторые – редким, далее – РС (напр., дверь – зверь). Важно, что дети осваивают слова с ПС раньше и быстрее, чем слова с РС (Hansen, 2017). Более того, показано, что ПФС играет важную роль как в порождении, так и в понимании слов (Zeigler et al., 2003), и может быть интегрирована в модели лексического доступа (Dell & Gordon, 2003).

На материале английского языка как в группе взрослых, так и детей, было показано, что чем больше у слова фонологических соседей, тем быстрее оно извлекается из долговременной памяти при порождении; при восприятии же большое соседство замедляет опознание (inhibition effect). И наоборот, чем меньше у слова соседей, тем сложнее и дольше оно извлекается при порождении и быстрее – при восприятии (Metsala, 1997). Такие же результаты были получены в исследованиях на носителях французского языка (Dufour & Frauenfelder, 2010) и прямо противоположный эффект был детектирован в группе носителей испанского языка (Vitevitch & Sommers, 2003).

Гипотеза исследования

Поскольку ПФС влияет по-разному на порождение и восприятие слов в зависимости от языка, необходимо исследовать языки, отличные по своей структуре от английского. Хорошим кандидатом для этого является русский. Мы предполагаем, что в группе носителей русского языка ПФС будет влиять как на порождение, так и на восприятие слов, однако заранее трудно предсказать, какой тип эффекта будет детекти-

рован: как в английском, где ПС замедляет опознание и способствует более эффективному порождению, или как в испанском, где действует обратный механизм.

Новизна и цель исследования

Большинство экспериментов было проведено в группах взрослых носителей английского языка, несколько – в группах взрослых носителей испанского и французского языков, и лишь единичные работы посвящены англоязычным детям. Наша цель –изучить влияние ПФС на порождение и восприятие слов у русскоязычных детей 4-6 лет в норме. Принципиальная новизна работы заключается в том, что до сих пор не проводилось комплексного анализа на одной группе испытуемых и на порождение и на восприятие слов. Более того, до этого не использовался онлайн-метод регистрации движений глаз для исследования подобных вопросов.

Стимульный материал и методы исследования. Разработано два эксперимента, на (1) порождение и (2) восприятие слов соответственно. Первый выполнен в традиционной парадигме называния картинок: ребенок должен назвать картинку (предмет или лицо), предъявляемую на экране планшета (в специальной программе, разработанной в Лаборатории нейролингвистики НИУ ВШЭ). Во втором использована парадигма «Визуальный мир» при регистрации движений глаз (при помощи устройства SMI RED): на экране предъявляются три картинки, а ребенку нужно посмотреть на ту, которая соответствует звучащему стимулу. Оба эксперимента включают в себя по 30 предъявлений, то есть по 15 картинок на каждый тип стимула (15 – картинки, обозначающие слова с ПС, и 15 – слова с РС). Стимульные слова нормированы по таким параметрам, как длина, частотность и возраст усвоения: для каждого параметра проведен t-test для независимых выборок; значимых различий между группами ПС и РС нет ($p \leq 0.01$).

Испытуемые

Предполагается собрать данные у 50 детей в возрасте 4–6 лет; эксперименты будут проводиться в детском саду «ИНЕСНЭК», г. Москва. Условиями исключения из группы тестируемых являются неврологические и психиатрические заболевания, патология слуха или зрения, а также травмы мозга. Информированные согласия родителей или опекунов на участие детей в исследовании уже имеются. Сейчас мы находимся в стадии сбора данных.

Результаты, полученные нами в группе нормы, станут базой для дальнейшей клинической диагностики детей с патологией речевого развития (SLI), а также расстройствами аутистического спектра (РАС).

Литература

1. Dell, G., & Gordon, J. (2003). Neighbors in the lexicon: Friends or foes? In N. Schiller & A. Meyer (Eds.), Phonetics and phonology in language production and comprehension (pp. 9-38). Berlin: Walter de Gruyter GmbH & Co.

2. Dufour, S., & Frauenfelder, U.H. (2010). Phonological neighbourhood effects in French spoken-word recognition. The Quarterly Journal of Experimental Psychology, 63(2), 226–238.

3. Hansen, P. (2017). What makes a word easy to acquire? The effects of word class, frequency, imageability and phonological neighborhood density on lexical development. First Language, 37(2), 205–225.

4. Kuhl, P.K., Coffey-Corina, S., Padden, D., Munson, J., Estes A., & Dawson, G. (2013). Brain Responses to Words in 2-Year-Olds with Autism Predict Developmental Outcomes at Age 6. PloS ONE, 8(5), e64967.

5. Metsala, J. (1997). An examination of word frequency and neighborhood density in the development of spoken-word recognition. Memory & Cognition, 25, 47–56.

6. Vitevitch, M.S., & Luce, P.A. (1999). Probabilistic phonotactics and neighborhood activation in spoken word recognition. Journal of Memory of Language, 40, 374–408.

7. Vitevitch, M.S., & Sommers, M.S. (2003). The facilitative influence of phonological similarity and neighborhood frequency in speech production in younger and older adults. Memory & Cognition, 31(4), 491–504.

8. Zeigler J.C., Muneaux, M., & Grainger J. (2003). Neighborhood effects in auditory words recognition: Phonological competition and orthographic facilitation. Journal of Memory and Language, 48, 779–793.

Чистопольская Александра Валерьевна, Майорова Виктория Александровна

Ярославский государственный университет им. П.Г.Демидоват

Ведущая роль моторной программы как низкоуровневого механизма решения инсайтной задачи «9 точек»[1]

Проблема

Решение инсайтных задач сложный процесс, включающий низкоуровневые и высокоуровневые механизмы. С одной стороны высокоуровневые процессы (построение репрезентации, операции с элементами задачи, когнитивная загрузка) определяют низкоуровневые, например движения глаз (Knoblich, Ohlsson, Raney, 2001; Ellis, 2012), с другой стороны низкоуровневые процессы влияют на высокоуровневые. Например, паттерн движения глаз или рук могут влиять на успешность решения задачи (Grant, Spivey, 2003; Thomas, Lleras, 2009). Одной из классических инсайтных задач, в решении которой ведущая роль отводится низкоуровневым процессам, а именно моторной программе является задача «9 точек». Ранее нами было показано, что моторная программа, активизируемая выполнением дополнительного задания (моторная подсказка) фассилитирует решение инсайтной задачи «9 точек». В рамках данного эксперимента нас интересует вопрос относительно того, что же усваивает решатель в процессе выполнения дополнительного задания. Усваивается ли моторная программа, либо же сам принцип решения задачи.

Общая гипотеза: моторная подсказка может активизировать у решателя принцип решения задачи «9 точек».

Процедура

В качестве дополнительного задания (моторной подсказки) используется модифицированный вариант таблиц Шульте. В этом варианте испытуемые должны находить числа в порядке возрастания среди букв. При этом варьируется траектория расположения таким образом, что она может совпадать с решением задачи «9 точек», представляя собой ответ к этой задаче, либо не совпадать. Задача «9 точек» имеет несколько вариантов решения, в зависимости от изначальной точки дви-

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект №18-313-00123), а также фонда Михаила Прохорова (Карамзинские стипендии – 2018)

жения. Для нашего эксперимента было отобрано два варианта решения, отличающихся изначальной точкой движения (условно обозначим их точка «А» и точка «Б»). Испытуемый начинает решать задачу «9 точек» из фиксированной точки, задаваемой экспериментатором. Спустя каждые 5 проб ему предлагается выполнить модифицированный вариант таблиц Шульте, описанный выше. Соответственно предлагаются следующие экспериментальные условия, составляющие экспериментальный дизайн:

Экспериментальное условие 1. Решатель начинает решать задачу «9 точек» из точки «А», числа в таблицы Шульте расположены соответственно решению «А».

Экспериментальное условие 2. Решатель начинает решать задачу «9 точек» из точки «Б», числа в таблицы Шульте расположены соответственно решению «Б» (условия 1 и 2 –конгруэнтны).

Экспериментальное условие 3.(неконгруэнтное условие) Решатель начинает решать задачу «9 точек» из точки «А», числа в таблице Шульте расположены соответственно решению «Б».

Контрольное условие. Решатель решает только задачу «9 точек».

После выполнения задания испытуемых спрашивают, заметили ли они связь между двумя выполняемыми заданиями.

Фиксируется количество проб и общее время решения задачи при каждом условии.

Операциональная гипотеза: показатели продуктивности (время решения и количество проб) решения задачи «9 точек» не будут различаться в условиях активизации конгруэнтной и неконгруэнтной моторной программы.

Предполагается, что если решатель усвоил не просто моторную программу, а принцип решения задачи, то он перенесет его в новые условия. Ситуация неконгруэнтной моторной подсказки (экспериментальное условие 3) не будет существенно тормозить процесс решения задачи, поскольку произошел переход от чисто моторной репрезентации, строго привязанной к действиям, к абстрактно – символическому формату.

Литература

1.Knoblich, G., Ohlsson, S., Raney, G.E (2001). An eye movement study of insight problem solving . Memory & Cognition, 29, 1000—1009.

2.Ellis, J.J. (2012). Using Eye Movements to Investigate Insight Problem Solving. PhD thesis. University of Toronto. 111 p.

3.Grant, E. R., & Spivey, M. J. (2003). Eye movements and problem solving: Guiding attention guides thought. Psychological Science, 14, 462–466.

4.Thomas, L. E., Lleras, A (2009). Covert shifts of attention function as an implicit aid to insight. Cognition, 111, 168–174

Березина Анна Андреевна, Гвоздецкий Антон Николаевич

Санкт-Петербургский государственный университет

Сравнительный анализ феномена «сдвига внимания» на эмоционально-значимые стимулы при алкогольной зависимости и рекуррентной депрессии

«Сдвиг внимания» («attentional bias») как изменение реактивности (например, времени реакции) на определенный тип стимулов (эмоциональные, связанные с потребляемым психоактивным веществом и др.) рассматривают как значимую характеристику для построения программ когнитивной реабилитации при психических расстройствах, включая аффективные расстройства и зависимости от психоактивных веществ (Beevers, Clasen, Enock, & Schnyer, 2016; Fadardi & Cox, 2009). Тем не менее в части работ проявлений данного феномена не наблюдается (Cheng et al., 2018), а также под вопрос ставится наличие специфического «сдвига внимания» для определенной клинической группы (например, на связанные с алкоголем стимулы в группе зависимых от алкоголя) (Anderson, 2016). Среди прочих «сдвиг внимания» подробно рассматривался для случая рекуррентной депрессии, в частности, в рамках когнитивных теорий депрессии, при этом предполагается, что для людей с депрессией характерна повышенная восприимчивость к негативно-окрашенной эмоциональной информации (Clasen, Wells, Ellis, & Beevers, 2013). С другой стороны, гиперреактивность на эмоциональные стимулы также была показана для лиц с зависимостью от алкоголя (Field & Cox, 2008). «Сдвиг внимания» на один тип стимулов в разных клинических группах редко рассматривается в рамках одной работы, такая постановка вопроса может позволить оценить как наличие «сдвига внимания» в определённой группе, так и его специфичность для этой группы. Целью данной работы выступает сравнительный анализ феномена «сдвига внимания» на эмоциональные стимулы при рекуррентной депрессии и зависимости от алкоголя. Мы предполагаем, что «сдвиг внимания» на эмоциональные стимулы будет наблюдаться в обеих группах, что в случае аффективных расстройств будет наблюдаться больший «сдвиг внимания» на эмоциональные стимулы, чем в случае зависимости от алкоголя. В случае подтверждения данных гипотез, наличие феномена «сдвига внимания» на эмоциональные стимулы получит дополнительное подтверждение, как и специфичность данного феномена для аффективных расстройств.

Выборку исследования составили 2 группы: 53 участника с диагнозом синдром зависимости от алкоголя (средний возраст 41(9,4) год (M( )), 26% женщин) и 20 участников с рекуррентным депрессивным расстройством (средний возраст 35(12) лет (M( )), 80% женщин). Основным методом исследования выступила модификация теста Струпа, включенная в краткую батарею оценки когнитивного функционирования при аффективных расстройствах (the Brief Assessment of Cognition in Affective Disorders, BAC-A). Показатель «сдвига внимания» на «эмоциональные» стимулы для каждого участника высчитывался следующим образом: «сдвиг внимания» = «нейтральные слова» (Т-балл) - «эмоциональные слова» (Т-балл).

Результаты

Не было получено значимых межгрупповых различий по показателям эмоциональных, нейтральных слов и «сдвига внимания» на эмоционально значимые стимулы. При сравнении с нормативным уровнем (Т=40), показатели «нейтральных» и «эмоциональных» слов были значимо ниже как в группе с зависимостью от алкоголя ($p<0,001$), так и в группе с депрессивным расстройством ($p=0,026$ – для эмоциональных, $p=0,003$ для нейтральных слов). Показатели «сдвига внимания» значимо отличались от нулевого уровня в группе с депрессивным расстройством ($p=0,022$).

Обсуждение

Наша гипотеза подтвердилась лишь отчасти. «Сдвиг внимания» на эмоциональные стимулы был обнаружен только в группе с рекуррентной депрессией, в то же время не был получено значимых межгрупповых различий по данному показателю, что может быть связано с большим разбросом в численности выборок. В связи с полученным результатом можно предположить специфичность «сдвига внимания» на эмоциональные стимулы для лиц с рекуррентной депрессией, хотя такое предположение требует дополнительного исследования. Наличие отличий от нормативного уровня по показателям «нейтральных» и «эмоциональных» слов может свидетельствовать об общем снижении функционального состояния (о снижении скорости выполнения задания) в изучаемых группах в сравнении с нормативным уровнем.

Литература

Anderson, B. A. (2016). What is Abnormal About Addiction-Related Attentional Biases? Drug Alcohol Depend., 167, 8–14. http://doi.org/10.1016/j.drugalcdep.2016.08.002

2. Beevers, C. G., Clasen, P. C., Enock, P. M., & Schnyer, D. M. (2016). Attention Bias Modification for Major Depressive Disorder: Effects on Attention Bias, Resting State Connectivity, and Symptom Change. Abnormal Psychology, 124(3), 463–475. http://doi.org/10.1037/abn0000049

3. Cheng, P., Preston, S. D., Jonides, J., Mohr, A. H., Thummala, K., Casement, M., Deldin, P. J. (2018). Evidence against mood-congruent attentional bias in Major Depressive Disorder. Psychiatry Research, 230(2), 496–505. http://doi.org/10.1016/j.psychres.2015.09.043

4. Clasen, P. C., Wells, T. T., Ellis, A. J., & Beevers, C. G. (2013). Attentional Biases and the Persistence of Sad Mood in Major Depressive Disorder. Abnormal Psychology, 122(1), 1–25. http://doi.org/10.1037/a0029211

5. Fadardi, J. S., & Cox, W. M. (2009). Reversing the sequence : Reducing alcohol consumption by overcoming alcohol attentional bias. Drug and Alcohol Dependence, 101, 137–145. http://doi.org/10.1016/j.drugalcdep.2008.11.015

6. Field, M., & Cox, W. M. (2008). Attentional bias in addictive behaviors: A review of its development, causes, and consequences. Drug and Alcohol Dependence, 97(1–2), 1–20. http://doi.org/10.1016/j.drugalcdep.2008.03.030

Бойко Любовь Алексеевна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Чтение с листа фортепианного текста: движения глаз и рабочая память[1]

Чтение нот с листа это необычайно сложный навык, вовлекающий в себя целый ряд сенсорных систем (зрительная, слуховая, тактильно-кинестетичсекая) и когнитивных функций (восприятие зрительной информации, внимание, формирование двигательного ответа, моторная и рабочая память) (Souter, 2001). В мировой литературе найдено всего несколько исследований по чтению двустрочного нотного текста (Weaver, 1943; Souter, 2001), а ведь именно с таким текстом пианисты чаще всего сталкиваются в своей профессиональной практике. Сложность заключается в том, что зрительную информацию необходимо считывать с двух строк одновременно и параллельно в ответ формировать сложнокоординированные движения пальцев. Таким образом навык чтения нот с листа включается в себя интеграцию зрительных и моторных функций.

Показано, что при чтении как вербального текста вслух и, так и нотного взгляд опережает место воспроизведения (Sloboda, 1974). На основе этого феномена был введен параметр зрительно-моторной задержки (ЗМЗ) (англ. eye-hand span), который отражает количество знаков между позицией взора и местом воспроизведения (Weaver, 1943; Sloboda, 1974). Сопоставление работ, по изучению движений глаз при чтении с листа музыкального текста разной характеристики (разный уровень сложности, однострочные и двустрочные ноты) в разных условиях показывает, что средняя величина ЗМЗ составляет 1-4 знаков, что совпадает с диапазоном рабочей памяти (РП) по Н.Коуэну (Cowan, 2001). Из чего была сформулирована гипотеза, что ЗМЗ при чтении нот с листа ограничена объемом РП и более того, является ее показателем.

В работе были использованы метод айтрекинга и батарея тесов на оценку параметров РП. В исследовании приняли участие 20 студентов (10 мужчин и 10 женщин в возрасте 18-25 лет) Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского по классу фортепиано. Для чтения с листа пианистам была предложена подборка из трех

1 Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ/РФФИ (№ 16-06-01082).

классических музыкальных фрагментов разной сложности. В работе были исследованы показатели зрительно-моторной деятельности пианистов и их взаимосвязь с параметрами РП.

С повышением сложности музыкального фрагмента в трех градациях величина ЗМЗ увеличивается и составляет 4,62±2,98, 5,93±3,16, 6,56±3,06 знаков. Было показано, что для более опытных музыкантов характерна меньшая величина ЗМЗ, что противоречит литературным данным (Sloboda 1974). При этом найдена обратная взаимосвязь между величиной ЗМЗ и количеством возвратных саккад в зависимости от опыта пианистов – у более опытных музыкантов величина ЗМЗ меньше (6,27±0,27 знаков), а количество возвратных саккад больше (5,25±1,10) и наоборот (7,38±0,35 знаков и 3,87±0,70 возвратных саккад). Эти результаты и визуальный анализ траекторий движений глаз показывают наличие иной стратегии чтения нотного текста у более опытных пианистов – сначала предварительное беглое чтение, чтобы получить общую информацию о структуре следующего фрагмента, затем возвращение и более детальное прочтение. Таким образом возвратные саккады при чтении нотного текста с листа являются коррелятом не только когнитивной сложности, но и профессионализма пианиста.

Также выявлена корреляция показателей РП с ЗМЗ при чтении фрагментов средней и высокой сложности. Рассматривая процесс чтения нот с листа в рамках «ресурсной теории» Д.Канемана (Kahneman, 1973) можно предположить, что более простые музыкальные фрагменты пианист читает на уровне автоматизации навыка, что требует минимум ресурсов. Более сложные музыкальные фрагменты требуют большего сознательного контроля, это вовлекает механизмы РП и повышает требования к доступным ресурсам, что отражается на показателях РП и ЗМЗ. При чтении двустрочных фрагментов величина ЗМЗ (5,83±3,17 знаков) превышает объем РП. То есть происходит «укрупнение» информационных единиц (англ. chunking; Miller, 1956) и элемент РП соответствует паттерну, включающему более одного символа. Исходя из вышесказанного, возможная причина увеличения объема ЗМЗ – это восприятие знаков нотации группами, что и наблюдалось при визуальном анализе траекторий движений глаз. Поскольку некоторые горизонтальные и вертикальные паттерны нот (в основном в первом музыкальном фрагменте) сопровождались одной фиксацией, то с учетом литературных данных (Furneaux, Land, 1999) в процесс обработки включалась информация, получаемая с парафовеальной части сетчатки. Таким образом пианисты воспринимают знаки нотации группами (аккорд, арпеджио и др.), подобно тому, как мы читаем слова.

Литература

Cowan N. (2001). The magical number 4 in short-term memory: A reconsideration of mental storage capacity. Behavioral and Brain Sciences, 24, 87—185.

Furneaux S., Land M.F. (1999). The effects of skill on the eye-hand span during musical sight reading. The Royal Society. Sussex Center for Nueroscience, University of Sussex, Falmer, Brighton. UK, 266, 2435-2440.

Kahneman D. (1973). Attention and effort. NY: Prentice-Hall, Inc., Englewood Cliffs, p. 256.

Miller G.A. (1956). The magical number seven, plus or minus two: some limits on our capacity for processing information. Psychological Review. 63, 81-97.

Sloboda J.A. (1974). The eye-hand span: an approach to the study of sight-reading. Psychology of Music, 2, 4-10.

Souter T. (2001). Eye movement and memory in the sight reading of keyboard music. Doctoral dissertation. University of Sydney. Australia.

Weaver H.E. (1943). Studies of ocular behavior in music reading. I. A survey of visual processes in reading differently constructed musical selections. Psychology Monograhpy. 55, 1-30.

Чжао Дарисий Гуанлинович[1,2], Мельничук Евгений Валерьевич[1], Исаченко Андрей Валерьевич[1,2], Козырский Богдан Леонидович[1,3]

[1] Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт», [2] Московсктй физико-технический институт, [3] Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»

Электроэнцефалограмма при спонтанном прослеживании движущихся объектов и при выборе их с помощью взгляда: предварительное исследование

Передача намерения компьютеру с помощью взгляда, отслеживаемого айтрекером, уже применяется в ряде устройств, но возможности более широкого использования этой технологии ограничивает «проблема прикосновения Мидаса»: система срабатывает и в ответ на непроизвольные фиксации взгляда. Одним из решений может стать различение произвольных и непроизвольных фиксаций взгляда на основе анализа электроэнцефалограммы (ЭЭГ). В недавно предложенном интерфейсе глаз-мозг-компьютер (ИГМК; Shishkin et al., 2016) роль такого маркера играет негативная волна в затылочно-теменных областях, по-видимому, отражающая ожидание срабатывания интерфейса – аналог немоторного компонента условно-негативной волны (так называемой негативности, предшествующей стимулу).

Выбор подвижного объекта может осуществляться прослеживающими движениями глаз быстрее и удобнее, чем с помощью компьютерной мыши (Isachenko et al., in press). Однако ЭЭГ при таком управлении не изучалась. С учетом большого числа дополнительных факторов, действующих в этой ситуации, не очевидно, что ЭЭГ может быть использована и для улучшения взаимодействия с компьютером с помощью различения намеренных и спонтанных прослеживаний. Мы попытались разработать методику для выявления ЭЭГ-маркера прослеживающих движений глаз, используемых для выбора, и провести предварительную оценку его наличия в таких данных.

Намеренный выбор подвижного объекта моделировался как в эксперименте (Isachenko et al., in press): требовалось поочередно выделить цветом пронумерованные шары диаметром 2,8 , двигавшиеся по экрану со скоростью 12 /с. Выделение шара происходило, когда с помощью айтрекера выявлялось его прослеживание взглядом. Для набора данных по спонтанным прослеживаниям в той же стимульной среде троим испытуемым было предложено прослеживать каждый шар при-

близительно такое же время, но шар не выделялся (контрольное условие). Анализ ЭЭГ показал наличие негативной волны в теменно-затылочных отведениях, сходной с данными для выбора неподвижных объектов (Shishkin et al., 2016), однако она присутствовала и в контрольном условии (видимо, вследствие отсчета времени). Поэтому был разработан другой способ провоцирования спонтанных прослеживающих движений: поиск шара, отличающегося от других несколько увеличенной скоростью (на 3 /с). Суммарно на пять попыток поиска шара четверо испытуемых затратили от 197 до 531 секунды, но, несмотря на небольшую продолжительность эксперимента, наш алгоритм выявил в этих данных от 41 до 105 непроизвольных прослеживания. Наконец, был проведен пилотный эксперимент с участием одного испытуемого, где этот режим чередовался с описанным выше произвольным выбором шаров прослеживающими движениями. Были усреднены фрагменты ЭЭГ, соответствующие 226 произвольным и 201 непроизвольным прослеживаниям. Паттерн, характерный для ЭЭГ-маркера произвольного выбора, наблюдался лишь при произвольном прослеживании. Применение к этим двум классам данных методики классификации, ранее использовавшегося для статических фиксаций (Shishkin et al., 2016), показало небольшую, но стабильно превышающую случайный уровень (0,5) величину показателя AUC – 0,58±0,01 (при 5-кратной кроссвалидации).

Результаты нашего предварительного экспериментального исследования говорят о возможности использования разработанной нами методики для выявления и исследования ЭЭГ-маркера попыток выбора подвижного объекта при его прослеживании взглядом. Однако ее практическое применение в ИГМК может стать возможным только после ее значительной доработки – в частности, потребуется ее дополнение средствами предварительной коррекции глазодвигательных артефактов.

Литература

1. Чжао Д.Г., Мельничук Е.В.,Исаченко А.В. ЭЭГ-маркер движений глаз, используемых для произвольного выбора движущегося объекта: предварительное исследование. Ломоносов - 2018

2. Isachenko A.V., Zhao D.G., Melnichuk E.V., Dubynin I.A., Velichkovsky B.M., Shishkin S.L. The pursuing gaze beats mouse in non-pop-out target selection. The 2018 IEEE Int. Conf. on Systems, Man, and Cybernetics (SMC2018) (in press).

3. Shishkin, S.L., Nuzhdin, Y.O., Svirin, E.P., Trofimov, A.G., Fedorova, A.A., Kozyrskiy, B.L., Velichkovsky, B.M. (2016). EEG negativity in fixations used for gaze-based control: Toward converting intentions into actions with an Eye Brain-Computer Interface. Front. Neurosci. 10:528. https://doi.org/10.3389/fnins.2016.00528

Ишмуратова Юлия Алексеевна

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова

Стратегии обработки информации при решении химических задач экспертами и новичками: Анализ времени решения, ошибок и движений глаз[1]

Целью нашей работы является определение различий в движениях глаз и связанных с ними когнитивных стратегиях между новичками и экспертами в области химии. Исследования показали, что эксперты и новички различаются по характеру окуломоторной активности при решении тестовых и профессиональных задач (Blinnikova, Izmalkova, 2016; Jarodzka et al., 2010). Например, эксперты быстрее находят и смотрят значимо дольше на релевантную информацию, и таким образом, решают задачи более эффективно, чем новички (Tang et al., 2016). В последнем метаанализе (Gegenfurtner et al., 2011) авторы приходят к выводу, что эксперты отличаются от новичков по следующим параметрам: количество фиксаций на стимуле, количество фиксаций на релевантной и нерелевантной области, время решения задачи, эффективность решения задачи. Однако, проблема в том, что существует большая вариабельность данных показателей в зависимости от профессиональной сферы испытуемых. К тому же малое количество исследований в химической сфере не позволяет делать однозначных выводов о стратегиях обработки информации разными группами испытуемых. Мы предполагали, что эксперты и новички при решении графически представленных химических задач используют разные стратегии переработки информации, которые проявляются в следующих показателях движений глаз: фиксациях, саккадах, фиксациях на выделенных зонах интереса, времени первой фиксации.

В исследовании приняли участие 35 химиков от 17 до 55 лет. Из них 17 человек – студенты химических специальностей, средний стаж работы – 0,5 лет. 18 человек – профессиональные химики, работающие по специальности более 8 лет, средний стаж – 10 лет. Для планирования и проведения эксперимента использовалась аппаратура и программное обеспечение фирмы SMI. В ходе эксперимента испытуемым предъ-

1 Исследование поддержано грантом РФФИ (проект №18-013-01240а «Когнитивные стратегии экспертов и новичков в оптимальных и напряженных условиях решения задач»).

являлись 4 текста с описанием химических процессов, после каждого текста предъявлялись задания в виде графических схем, относящихся к данному тексту: заполнить пропуски на схеме химического процесса, обнаружить ошибки в схемах, указать на блоки, которые переставлены местами. Всего каждому испытуемому было продемонстрировано 16 слайдов. Испытуемые решали задачи с помощью «кликов мышью». Время выполнения не ограничивалось. В эксперименте регистрировались основные показатели движения глаз, время выполнения задачи, правильность ответов испытуемых.

Результаты показали, что эксперты давали большее количество правильных ответов, чем новички. Обнаружены значимые различия в проценте правильных ответов в задачах на заполнение схем и в задачах на обнаружение ошибок. Эксперты также оказались быстрее при решении всех типов заданий: обнаружены значимые различия между группами экспертов и новичков при чтении текста, заполнении пропусков в схемах и нахождении ошибок в схемах. Обнаружилось, что при решении задач на заполнение пробелов и нахождение ошибок в схемах эксперты кликали на мышь значимо быстрее, чем новички. Это свидетельствовало о том, что эксперты быстрее принимали решение.

Были определены зоны интереса (AOI) для каждого типа заданий. В задачах, где необходимо было заполнить пустые элементы в химических схемах, были выделены две зоны интереса: «пространство схемы», расположенное слева и «пространство ответов», расположенное в правой части слайда. Обнаружилось, что у экспертов значимо больше средняя длительность фиксаций и меньшее количество возвратов в «пространстве ответов». Это может свидетельствовать о более эффективной стратегии в решении химических задач: эксперты больше сосредоточены на ответах и меньше обращаются к схеме, которую они хорошо себе представляют.

В задачах, где необходимо было обнаружить ошибки, в качестве зон интереса были выделены блоки, включающие ошибки, и те, где ошибок не было. Полученные данные показали, что экспертам присущи значимо более продолжительные фиксации на ошибках в схемах и меньшее количество возвратов в эти области. Новички же гораздо чаще возвращались к ячейкам с ошибками.

В итоге были выявлены характерные для экспертов и новичков когнитивные стратегии, отражающиеся в ряде показателей движений глаз. Для экспертов характерны более длительные фиксации, которые сконцентрированы на ключевых областях графических задач. Новичкам в целом свойственны более короткие фиксации, которые равномерно

распределены относительно пространства отдельных элементов задачи. Также было установлено, что эксперты совершают меньше перемещений между областями интереса, чем новички.

Литература

Blinnikova I., Izmalkova A. Eye movement evidence of cognitive strategies in SL vocabulary learning // Intelligent Decision Technologies: Smart Innovation, Systems and Technologies. 2016. V.57. P.311–323.

Gegenfurtner A., Lehtinen E., S lj R. Expertise differences in the comprehension of visualizations: A meta-analysis of eye-tracking research in professional domains. Vancouver: American Educational Research Association, 2012.

Jarodzka H., Scheiter K., Gerjets P., Van Gog T. In the eyes of the beholder: How experts and novices interpret dynamic stimuli // Learning and Instruction. 2010. V.20. P.146-154.

Tang H., Day E., Kendhammer L., Moore J., Brown S., Pienta N. Eye Movement Patterns in Solving Science Ordering Problems // Journ. of Eye Movement Research. 2016. V.9. P.1-13.

Карабанов Артем Петрович

Институт психологии им. Л. С. Выготского Российский Государственный Гуманитарный Университет

Влияние ситуативных факторов принятия решений на предпочтения в игре с форой

Выбор можно рассматривать как поведенческий акт, являющийся результатом процесса принятия решения (ПР). Он подвержен влиянию множества переменных: формальных условий задачи, когнитивных механизмов построения ее репрезентации, а также ситуативных факторов. К последним можно отнести особенности предъявления и варианты ее формулировок, не влияющие на формальные условия задачи. Другими словами, ситуативные факторы ПР могут рассматриваться как побочные переменные выбора, которые не должны оказывать влияние на предпочтения, однако, делают это.

Примеры влияния ситуативных факторов ПР многочисленны. К ним можно привести эффект аффективной миопии (affective myopia), проявляющийся в предпочтении быстрого-малого вознаграждения отложенному во времени, но большему по величине (Loewentein et al., 2015) или эффект владения (endowment effect), состоящий в том, что человек склонен выше оценивать объекты, которыми он обладает, нежели те, которыми он не обладает (Kahneman et al., 1990). Упомянутые эффекты, как правило, объясняются склонностью человека к избеганию потерь и укладываются в концепцию ограниченной рациональности, предложенную Г. Саймоном (1993), в соответствии с которой решатель выбирает наиболее приемлемую альтернативу из первых попавшихся. В свою очередь, приемлемость альтернативы можно определить как отношение предлагаемого ей приспособительного эффекта (оценки полезности) к необходимым для ее достижения усилиям. Эти усилия могут относиться к множеству обстоятельств, одно из них — высокая когнитивная нагрузка, связанная со сложностью и/или неопределенностью задачи. Последний фактор — неопределенность задачи — представляет особенный интерес.

Главная причина тому — т.н. эффект нетерпимости к неопределенности, выражающийся в предпочтении человеком более точных и надежных альтернатив (Ellsberg, 1961) и связанный с понятием неопределенности первого и второго порядка. Неопределенность первого порядка задается точной оценкой вероятности исхода, второго порядка — интервалом вероятности (Goldsmith, Sahlin, 1982). Одно из объяснений

этого эффекта состоит в высокой когнитивной нагрузке, связанной с оценкой интервальных вероятностей (Witcomb, 2005). Однако могут ли ситуативные факторы приводить к усилению или исчезновению данного эффекта?

Мы предположили, что могут. В рамках проведенного нами эксперимента мы предложили испытуемым задачу, построенную по принципу игр с форой в спортивном беттинге. Она состояла в предсказании победителя в соревновании между равными по силе игроками, обладающими качественным или количественным преимуществом. Количественное преимущество игрока А задавалось форой в 1 очко, качественное преимущество игрока В — болезнью игрока А, равнозначность силы игроков — обоюдным согласием игроков о величине форы. Качественное преимущество в данном случае можно рассматривать как неточное, заданное интервалом полезности с математическим ожиданием в 1 очко; эффект нетерпимости к неопределенности должен был привести к менее частому предпочтению этой альтернативы. Однако, как показали результаты, именно качественное преимущество оказалось более предпочтительным.

Помимо этого, задача задавалась в 4 вариантах формулировок, которые задавались: будущим или прошедшем временем, а также реальностью или нереальностью типа соревнования (либо игра в шахматы, либо сбивание мух). Как показали результаты, предпочтение неопределенности наблюдалось только в тех случаях, когда соревнование было реальным, в противном случае частота предпочтений не различалась. Формулировка во времени оказалась незначимой.

В конечном итоге мы получили эффект, обратный нетерпимости к неопределенности, а также свидетельство влияния ситуативных факторов задачи на процесс принятия решений. Однако механизмы, задействованные в ходе выбора, неоднозначны и требуют дополнительных экспериментальных исследований.

Литература

1. Саймон Г. (1993). Рациональность как процесс и продукт мышления. THESIS, 3, 16-38.

2. Ellsberg, D. (1961). Risk, ambiguity, and the Savage axioms. Quarterly Journal of Economics, 75(4), 643-669.

3. Goldsmith, R.W. & Sahlin, N.E. (1982), The Role of second-order probabilities in decision making. In P.C. Humphreys, O. Svenson & Vari, A. (Eds.), Analysing and Aiding Decision Processes (pp. 319-329). Amsterdam: North Holland.

4. Kahneman, D., Knetsch, J. L. & Thaler, R. H. (1990). Experimental Tests of the Endowment Effect and the Coase Theorem. Journal of Political Economy, 98(6), 1325-1348.

5. Loewenstein, G., O'Donoghue, T. & Sudeep, B. (2015). Modeling the interplay Between Affect and Deliberation. Decision, 2(2), 55-81.

6. Whitcomb, K. M. (2005). Quasi-bayesian analysis using imprecise probability assessments and the generalized Bayes' rule. Theory and decision, 58(2), 209-238.

Клепицкий Сергей Игоревич

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Изменения в скорости гибридного поиска при поиске предметов одинаковой категории

Гибридный поиск представляет из себя одновременный поиск в памяти и в зрительном поле. В качестве примера гибридного поиска можно привести обыденную ситуацию, когда вам надо собраться для выхода из дома. В памяти у вас есть список вещей, которые вам надо взять с собой (ключи, кошелек, документы, сумку и т.д.) и одновременно с поиском необходимых вещей по квартире, вы сверяетесь с виртуальным списком, который находится в вашей памяти.

Эксперименты показали, что в ходе гибридного поиска, скорость поиска в памяти растет по экспоненте, т.е. чем дольше мы ищем объект в памяти, тем быстрее осуществляется поиск. Например, вам надо найти одного из тысячи ваших знакомых на фотографии, где находится 100 человек. Даже если бы мы тратили по 50 мс на сопоставление каждого знакомого из памяти с человеком на фотографии, то нам бы понадобилось около 40 минут для того, чтобы найти нужного нам человека. Однако эксперименты показывают, что люди, в среднем, справляются с этим заданием меньше чем за минуту. (Boettcher, Drew, & Wolfe, 2017)

Однако большинство экспериментов, связанных с гибридным поиском, включают в себя запоминание и опознание объектов из разных категорий. В вышеупомянутом гипермаркете мы можем искать, например, упаковку чая, зубную пасту и яблоки. Очевидно, что объекты из разных категорий легче различать, ведь нам не надо анализировать какие-то мелкие различия между ними, нам достаточно только того, что они принадлежат к разным категориям. Но насколько сильно изменится скорость поиска, если нам нужно будет опознать объекты из одной категории?

Таким образом, я могу сформулировать свою гипотезу следующим образом: при поиске в памяти объектов одинаковых категорий, скорость поиска в памяти будет уменьшаться.

Методика

Аппаратура

Эксперимент будет создан в PsychoPy, стимулы будут взяты из банка стимулов.

Характеристики компьютера, на котором будет проводиться эксперимент: разрешение экрана– 1920x1080, диагональ экрана– 15,6 дюймов, процессор–Intel Core i7-6700HQ (2.60 GHz), видеокарта –NVIDIA GeForce GTX 960M, 4 ГБ, ОС – Windows 10

Испытуемые

В эксперименте планируется участие одной группы испытуемых в 30 человек.

Стимулы

В качестве стимулов будут выступать обыденные для человека предметы (посуда, элементы интерьера, книги, канцелярские товары и т.д.).

Процедура

Эксперимент делится на две фазы: фаза запоминания и фаза ответа. В ходе фазы запоминания испытуемым предлагается запомнить набор из 2/4/8/16 стимулов (либо стимулы из одной категории, например чашки разных форм и цветов, либо предметы из разных категорий) . По прошествии 3 секунд начинается фаза ответа, в ходе которой испытуемым предъявляется другой набор стимулов, среди которых им надо найти предмет, запомненный ими в ходе фазы запоминания. Всего планируется 200 проб – по 25 проб на каждый тип задачи (2/4/8/16 стимулов для запоминания, которые могут быть как из одной категории, так и из разных) . Ответ испытуемый будет давать путем клика мышью по нужному объекту. Каждому испытуемому объекты предъявляются в одном и том же порядке.

Предполагаемые результаты

Время зрительного поиска при запоминании объектов одной категории будет выше, чем при запоминании объектов из случайных категорий. Также изменится и характер функции.

Литература

1. Drew, T., Boettcher, S.E., & Wolfe, J.M. (2017). One Visual Search, many memory searches: An eye-tracking investigation of hybrid search. Journal of Vision.

2. Boettcher, S.E., Drew, T., & Wolfe, J.M. (2017). Lost in the supermarket: Quantifying the cost of partitioning memory sets in hybrid search. Mem Cogn.

Лазарева Наталья Юрьевна

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Ключевые механизмы формирования и преодоления эффекта серии [1]

Основной проблемой рассматриваемой в данной работе является влияние предыдущего опыта на решение когнитивных задач. При решении проблем, мы часто склонны обращаться к решениям, которые работали в прошлом, независимо от того, адекватны ли они в новых условиях. Типичным примеров влияния предыдущего опыта на решение актуальной задачи является эффект серии (mental set). Впервые данный эффект был описан супругами Лачинс (Luchins & Luchins, 1950), которые экспериментально доказали негативное влияние предыдущего знания на решение задач. Мы предполагаем, что значительную роль в возникновении эффекта серии играет рабочая память (РП). Согласно модели А. Бэддели (Baddeley, 2010), РП имеет блоковую специфику, на наш взгляд, дефицит ресурса в ключевом для задачи блоке РП может привести к преодолению негативного влияния серии на решение новой задачи.

Для воздействия на формирование эффекта серии, в нашей работе мы будем использовать вторичную-параллельную задачу. Вторичная задача будет загружать либо тот же блок РП, который загружает основная задача – специфическая загрузка, либо другой – неспецифическая загрузка. Также мы планируем варьировать сложность загрузки РП, соответственно варьировать сложность параллельной задачи. Это необходимо, чтобы выявить влияние управляющих функций на формирование эффекта серии.

Гипотезы

Основная гипотеза: на формирование эффекта серии влияет интенсивность загрузки РП, а также тип параллельной загрузки РП.

Частные гипотезы: 1. эффект серии не будет формироваться при параллельной загруженности специфического для основной задачи блока РП; 2. эффект серии будет формироваться при параллельной загруженности неспецифического для основной задачи блока РП; 3. эффект серии не будет формироваться при сильной интенсивности загрузки

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ №18-313-00123.

РП; 4. эффект серии будет формироваться при слабой интенсивности загрузки РП.

Выборка

42 человека в возрасте от 18 до 35 лет (M = 22.2; Med = 22; = 3.5), 7 мужчин и 35 женщин.

Процедура исследования

Эксперимент состоял из двух серий: 1. Формирование эффекта серии на материале арифметических задач. 2. Формирование эффекта серии на материале вербальных задач.

Схема исследования в двух сериях была идентична. Каждому испытуемому необходимо было решить 8 установочных задач, после решения 8-ми установочных задач испытуемому нужно было решить 9-ю критическую задачу, которая решалась более простым способом.

Как во время решения установочных, так и во время решения критической задачи испытуемые должны были выполнять параллельную задачу, которая появлялась внизу экрана. Вторичные задачи различались по типу (материал-специфичности): 1. для арифметических задач специфичной параллельной загрузкой являлись задания с числами, а неспецифичной задания с буквами и фигурами; 2. для вербальных задач типичной параллельной загрузкой являлись задания с буквами, а нетипичной задания с цифрами и фигурами. Вторичные задачи также различались по сложности: а) сложные; б) простые. Таким образом, мы получили 6 возможных вариантов параллельных задач.

Результаты

Статистическая обработка проводилась с помощью однофакторного дисперсионного анализа.

Эффект серии на материале арифметических задач

К разрушению эффекта серии (исчезновению значимых различий между последней установочной и критической задачами) приводит параллельная работа со сложными неспецифическими для арифметических задач параллельными заданиями с буквами F(1, 10)=.5, p=.5, 2=.05; с простыми неспецифическими для арифметических задач параллельными заданиями с геометрическими фигурами F(1, 10)=1.9, p=.2, 2=.16.

Эффект серии на материале вербальных задач

К разрушению эффекта серии (исчезновению значимых различий между последней установочной и критической задачами) приводит параллельная работа с неспецифическими для вербальных задач сложными заданиями с числами F (1, 10)=.7, p=.4, 2=.06; с неспецифическими для вербальных задач сложными заданиями с геометрическими фигурами F (1, 10)=1.06, p=.3, 2=.01.

Выводы

Работа в разных блоках рабочей памяти (РП), а точнее постоянное переключение с работы одного блока на другой оказывает разрушающее воздействие на эффект серии больше, чем конкуренция за ресурс в одном блоке РП. Одновременная загрузка нескольких блоков РП, по всей видимости, в большей мере нагружает блок управляющего контроля, который и играет главную роль в формировании фиксированного алгоритма решения задачи.

Литература

Baddeley, A. (2010). Working memory. Current biology, 20(4), 136-140.

2. Luchins, A. S., & Luchins, E. H. (1950). New experimental attempts at preventing mechanization in problem solving. The Journal of General Psychology, 42(2), 279-297.

Невесенко Анастасия Андреевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Влияние спортивных упражнений на уровень когнитивной гибкости

Когнитивная гибкость - способность переключаться с одной когнитивной задачи на другую, а также удерживать в сознании одновременно несколько задач. Является одним из компонентов когнитивного контроля (Scott, 1962).

Когнитивный контроль - комплекс исполнительных действий, позволяющих индивиду регулировать поведение согласно выбранной программе для решения определенной задачи (Posner, Snyder, 1975).

Влияние спортивных упражнений на когнитивные функции детей, пожилых людей, а также людей с патологиями здоровья активно исследуется в течение последних 40 лет. В то же время, исследования аналогичных эффектов от спортивных упражнений у здоровых взрослых людей, начали проводиться сравнительно недавно (5-7 лет назад). Основная часть исследований посвящена изучению краткосрочного влияния физической активности и степени ее интенсивности на когнитивные функции мозга. Влияние долгосрочных тренировок исследовано относительно мало.

Целью данной работы является проведение исследования, с измерением влияния регулярных тренировок в течение 7 недель на когнитивный контроль, в частности на его отдельный компонент - когнитивную гибкость.

Планируемая выборка исследования:

30 человек (15 женщин и 15 мужчин) в возрасте от 20 до 30 лет без психических и физических отклонений, которые будут регулярно заниматься бегом и общей физической подготовкой (ОФП) 2 раза в неделю в течение 7 недель - экспериментальное условие;

30 человек (15 женщин и 15 мужчин) в возрасте от 20 до 30 лет без психических и физических отклонений, которые не будут заниматься физическими нагрузками в течение 7 недель - контрольное условие.

Дополнительным условием для двух групп будет являться относительно сбалансированное питание (отсутствие диет) и ежедневный сон не менее 6-8 часов в сутки.

Методика

Перед началом и после окончания экспериментального периода будут проведены замеры у двух групп респондентов: контрольной экспериментальной.

Для определения уровня когнитивной гибкости будет использоваться тест Фланкера (Eriksen, B. A. Eriksen, C. W. (1974).

Во время выполнения теста респондентами будет проводиться запись электрических потенциалов их мозга (ЭЭГ) с последующим анализом амплитуды и длительности компонента P300 в ответ на значимые стимулы.

Также будут проводиться дополнительные замеры, связанные с весом, ростом и другими физическими параметрами респондентов (до и после экспериментального периода).

Возможно, будут измерены также психологические параметры, такие как уровень удовлетворенности качеством жизни (в начале и в конце экспериментального периода).

Ожидаемые результаты

Предполагается, что у представителей экспериментальной группы качество выполнения задания Фланкера станет выше после окончания экспериментального периода, в то время как у контрольной выборки оно не изменится.

Кроме того, ожидается, что у респондентов экспериментальной группы после завершения экспериментального периода амплитуда компонента P300 будет больше, а длительность - короче, по сравнению с соответствующими показателями в начале экспериментального периода. В то же время, ожидается, что у представителей контрольной группы соответствующие показатели не изменятся.

Если подобные результаты удастся подтвердить, можно будет сделать вывод о том, что регулярная физическая активность (в частности бег и ОФП) оказывает положительный эффект на компонент когнитивного контроля у взрослых относительно здоровых людей уже через 7 недель тренировок.

Литература

Eriksen B. A., Eriksen C. W. (1974). Effects of noise letters upon identification of a target letter in a non- search task. Perception and Psychophysics. 16, 143–149.

Hillman CH., Kamijo K., Pontifex MB. (2012). The Relation of ERP Indices of Exercise to Brain Health and Cognition, in Functional

Neuroimaging in Exercise and Sport Sciences Boecker H. , et al., Editors. Springer: New York, 419–46.

Posner M. I., Snyder C. R. R. (1975). Attention and cognitive control. Information processing and cognition, Ed. by R. L. Solso. Potomac, MD.

Scott W. A. (1962). Cognitive complexity and cognitive flexibility. American Sociological Association, 25, 405–414.

Themanson J.R., Pontifex M.B., Hillman C.H. (2008). Fitness and action monitoring: Evidence for improved cognitive flexibility in young adults. Cognitive Neuroscience, 157, 2, 319-328.

Иванова Алина Павловна, Лошакова Екатерина Даниловна, Сломинская Софья Павловна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Использование обсценной лексики как копинг-стратегии

Жить в современном мире не так просто, как может показаться на первый взгляд. На протяжении всей своей жизни человек постоянно сталкивается с различными видами стресса. Когда человек оказывается в стрессовой ситуации, это сильно сказывается на здоровье его психики.

Находясь под большим уровнем стресса, приходится прибегать к копинг-стратегиям. Они индивидуальны, но есть и достаточно популярные варианты этих способов справиться с проблемой. Мы решили сфокусироваться на использовании людьми обсценной лексики, когда они находятся в эмоциональном перенапряжении. Нам интересно выяснить, как использование подобной лексики связано с эмоциональным состоянием человека: помогает ли это при перенапряжении или же только усугубляет ситуацию; почему люди используют обсценную лексику; узнать, как часто люди используют её, и в каком контексте.

В своем исследовании мы предполагаем, что склонность человека к использованию данной лексики напрямую связана с его способностью справляться со стрессом. А именно, выдвигаем гипотезу, что экспрессивно выражая своё недовольство на словах, человек начинает чувствовать себя увереннее и меньше подвержен стрессу.

Главные задачи нашего исследования таковы:

Взять за основу существующий опросник по стрессоустойчивости и доработать его для нашего исследования;

Провести опрос у определенной выборки: студенты и старшеклассники;

На основе полученных результатов узнать, как коррелирует использование обсценной лексики с эмоциональным благополучием человека.

Мы ожидаем, что результат тестирования среди опрошенных нами людей подтвердит нашу гипотезу: чем чаще человек использует обсценную лексику, тем легче ему справиться со стрессом; тем он

меньше подвержен жизненным проблемам. Для этого мы обработаем результаты тестов, найдем закономерности, установим связь между этими двумя факторами.

Остапенко Мария Юрьевна

Санкт-Петербургский государственный университет

Подавление и конфликт в когнитивном контроле на примере задачи Go/NoGo[1]

Когнитивный контроль - это, пожалуй, наиболее глобальный когнитивный механизм, который задействован практически повсеместно. Он направляет и координирует исполнение, релевантное данной ситуации (Miller and Cohen, 2001). Фундаментальный аспект когнитивного контроля - это способность выбирать релевантный задаче, но более слабый, ответ в условиях конкуренции с другим, более сильным, но нерелевантным задаче ответом.

В последние несколько десятилетий сформировались две конкурирующие точки зрения на когнитивный контроль.

Сторонники первой точки зрения и теории подавления считают, что решающая функция мозга это подавление когнитивной обработки информации, нерелевантной текущему заданию (Dagenbach, D. & Carr, 1994; Aron 2007).

Сторонники другой точки зрения (Botvinick et al., 2001) говорят о том, что в дополнение к регулятивному аспекту контроля, должен существовать оценочный аспект, который следит за обработкой информации и производит оценку текущего спроса на контроль. Конфликт здесь – это одновременная активация нескольких конкурирующих репрезентаций ответа (Botvinick et al., 2001, Botvinick et al., 2004).

Мы попытались создать такую экспериментальную ситуацию, в которой мы бы смогли сопоставить подавление и конфликт. Для проверки наших предположений за основу мы взяли задачу Go/NoGo, потому что она индуцирует селективное подавление.

Гипотезы:

1) Если при варьировании уровня конфликтности стимулов/ответов мы регистрируем неизменный эффект селективного подавления, то механизм когнитивного контроля в задаче Go/NoGo обеспечивается только процессом селективного подавления.

2) Если при варьировании уровня конфликтности стимулов/ответов эффект селективного подавления также меняется, то механизм когни-

1 Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ №15-06-07417а.

тивного контроля в задаче Go/NoGo обеспечивается как процессом селективного подавления, так и процессом мониторинга и разрешения конфликтов.

Эффект селективного подавления в этой задаче – это задержка реакции на Go стимул после NoGo стимула в сравнении со временем реакции на Go стимул после Go стимула (Menon et al., 2001).

Таким образом, нас интересовало взаимодействие эффекта селективного подавления с разными типами конфликтности стимулов

Методы

Приняли участие 13 испытуемых (6 мужчин, M = 22 года).

В качестве стимулов были использованы 3 буквы/символа, предъявляемые на 200 мс. Целевая буква находилась в центре, по бокам от нее предъявлялись фланкеры. Задача испытуемого состояла в том, чтобы реагировать на определенную целевую букву в центре, и не реагировать на другую. Эксперимент был разделен на 3 блока с разным распределением по частотности Go и NoGo стимулов: 20/80, 50/50 и 80/20. В каждом подблоке было 108 пробы, всего подблоков было 12. Моторный компонент конфликта был обеспечен различной частотностью Go и NoGo стимулов (20/80, 50/50, 80/20), а перцептивный компонент – различной конгруэнтностью флангов по бокам от целевой буквы (конгруэнтные, нейтральные, неконгруэнтные). Время реакции на стимул было ограничено 500 мс.

Результаты

Взаимодействие эффекта селективного подавления с частотностью (моторным компонентом конфликта) показало значимый результат: $F(2, 11) = 3{,}894$, $p = 0.03$. А взаимодействие эффекта селективного подавления с конгруэнтностью стимулов (моторным компонентом конфликта) - незначимый : $F(2, 11) = 0{,}515$, $p = 0.6$ (рис.5). Таким образом, мы наблюдаем взаимодействие моторной конфликтности с эффектом селективного подавления.

Обсуждение результатов

Наши данные говорят в пользу того, что, как минимум, при выполнении моторных задач присутствует моторный процесс подавления, который проявляет себя сильнее, чем перцептивные компоненты конфликтности стимулов. Скорее всего, в осуществлении когнитивного контроля в задаче Go/NoGo принимает участие и процесс подавления, и процесс мониторинга и разрешения конфликта. Уточнение их взаимодействия требует дальнейшего изучения.

Тема изучения механизма когнитивного контроля на сегодняшний день остается необычайно актуальной. Особенно важным представляется понимание того, как происходит принятие решений в ситуации конфликтности или неопределенности, в условиях изменяющейся среды.

Полученные нами экспериментальные данные носят неоднозначный характер: во-первых, нельзя сделать вывод в пользу какого-то одного из объяснительных механизмов когнитивного контроля; во-вторых, остается открытым вопрос и об их взаимодействии. Вероятно, это говорит о том, что взаимосвязь этих процессов носит сложный и нелинейный характер.

Несмотря на это, представляется, что использованный в работе подход обладает большим потенциалом и может быть использован в дальнейших исследованиях природы когнитивного контроля.

Литература

Aron A. R. The neural basis of inhibition in cognitive control // The neuroscientist. – 2007. – Т. 13. – №. 3. – С. 214-228.

Botvinick M. M., Cohen J. D., Carter C. S. Conflict monitoring and anterior cingulate cortex: an update // Trends in cognitive sciences. – 2004. – Т. 8. – №. 12. – С. 539-546.

Botvinick, M. M., Braver, T. S., Barch, D. M., Carter, C. S., & Cohen, J. D. (2001). Conflict monitoring and cognitive control. Psychological Review, 108, 624-652.

Dagenbach, D. & Carr, T.H. Inhibitory Processe in Attention, Memory, and Language. // Academic, San Diego. – 1994.

Menon V. et al. (2001). Error related brain activation during a Go/NoGo response inhibition task. Human brain mapping, 12, №. 3, 131-143.

Miller E. K., Cohen J. D. (2001). An integrative theory of prefrontal cortex function. Annual review of neuroscience, 24, №. 1, 167-202.

Павлова А.Ю., ***Гершкович В.А.***

Санкт-Петербургский государственный университет

Особенности атрибуции сгенерированных стимулов в условиях диадного взаимодействия[1]

Представьте себе ситуацию: вам с коллегой предстоит опубликовать статью по итогам совместно проведенного исследования, и необходимо решить, кто из вас будет указан в качестве первого автора. Проблема в том, что каждый из вас уверен, что именно ему принадлежит основная идея, которая легла в основу исследования. Возник эффект неосознанного плагиата - искажение памяти, при котором воспоминание переживается человеком как новая мысль (Taylor, 1965). Частным случаем этого феномена является «плагиат» чужой идеи: человеку кажется, что мысль принадлежит ему, тогда как в действительности она была ранее высказана другим (Marsh et al., 1997). Особенность этого эффекта состоит в том, что человек при этом субъективно ощущает высокую уверенность в том, что идея принадлежит ему. Эта уверенность на практике может привести к возникновению спора, конфликта между участниками коммуникации.

Целью нашего исследования было, во-первых, моделирование описанной ситуации в эксперименте при как можно более экологичных условиях. Для этого мы создали ситуацию реального социального взаимодействия как на этапе предъявления стимулов, так и на этапе тестирования. Во-вторых, мы предполагали воспроизвести ранее полученный эффект неосознанного плагиата в разработанной нами парадигме на основе ДРМ-иллюзии (Roediger, McDermott, 1995). Ключевая особенность такой парадигмы в том, что эффект криптомнезии проявляется на совместно сгенерированных, но никем не произнесенных стимулах – критических дистракторах (Гершкович, Попова, 2017). И наконец, основной нашей целью было осуществление независимой проверки уверенности испытуемых в ответах с неосознанным плагиатом. Мы ожидали, что в тех случаях, когда каждый из испытуемых припишет критический дистрактор себе, последующее совместное принятие решение об атрибуции такого стимула вызовет трудности, поскольку каждый будет уверен в правильности своего ответа. Предполагалось, что при этом увеличится время обсуждения по сравнению с «неконфликтными» случаями. Также мы ожидали что, вне зависимости от

1 Исследование поддержано грантом РФФИ №16-06-008-58-ОГН

принятого совместно решения по критическим дистракторам, при последующем тестировании испытуемые вернутся к своему изначальному решению, что также стало бы независимым показателем уверенности в ответах с неосознанным плагиатом.

На первом этапе эксперимента испытуемые в парах по очереди произносили слова из ДРМ-списков. Критические дистракторы на этом этапе отсутствовали. Далее следовал недельный интервал, который был введен для увеличения как ДРМ-иллюзии, так и эффекта неосознанного плагиат. Спустя неделю, каждый испытуемый проходил индивидуальное тестирование. При этом ему требовалось вспомнить источник того или иного слова, то есть ответить, кто произносил данное слово на первом этапе – он сам или его партнер. Список слов для тестирования включал, наряду с ранее предъявленными словами, критические дистракторы. Затем испытуемым предлагалось обсуждать задание в парах и принимать совместное решение по каждому слову. После этого повторялось индивидуальное тестирование.

Нам удалось воспроизвести полученный ранее эффект неосознанного плагиата в отношении критических дистракторов: испытуемые были склонны атрибутировать критические дистракторы скорее себе в 70% случаев, при этом по остальным типам стимулов наблюдается тенденция давать ответы на уровне случайного угадывания.

Нам не удалось подтвердить предположение о том, что ответы с неосознанным плагиатом будут сопровождаться высокой степенью уверенности. Значимых различий в оценке уверенности в зависимости от типа стимула обнаружено не было. Однако мы обнаружили, что испытуемые в целом были больше уверены в атрибуции слов себе, чем в атрибуции их партнеру, независимо от исходного источника стимула.

Также мы не обнаружили увеличения времени обсуждения критических дистракторов, которые ранее каждый из испытуемых приписал себе. Кроме того, оказалось, что при втором индивидуальном тестировании (после обсуждения) испытуемые не возвращаются к своим изначальным ответам по критическим дистракторам. Также на эти ответы, по-видимому, не влияло совместно принятое решение. Любопытно, что по субъективным отчетам самих испытуемых, на этом этапе они отвечали, ориентируясь именно на результаты обсуждения. Обнаружилось, однако, что ответы давались на уровне случайного угадывания, вне зависимости от типа стимулов.

Таким образом, подтверждения большей уверенности в ответах с неосознанным плагиатом мы не получили. Но нам удалось воспроизвести эффект неосознанного плагиата на совместно сгенерированных сти-

мулах. По-видимому, он в данном случае обусловлен эффектом генерации: испытуемые лучше помнят сгенерированные стимулы, поэтому на этапе тестирования их предъявление сопровождается чувством знакомости. Испытуемые воспринимают это чувство знакомости как сигнал о том, что сами произносили это слово ранее.

Литература

Marsh, R. L., Landau, J. D., & Hicks, J. L. (1996). How examples may (and may not) constrain creativity. Memory & cognition, 24(5), 669-680.

Taylor, F. K. (1965). Cryptomnesia and plagiarism. The British Journal of Psychiatry, 111(480), 1111

Roediger, H. L., & McDermott, K. B. (1995). Creating false memories: Remembering words not presented in lists. Journal of experimental psychology: Learning, Memory, and Cognition, 21(4), 803

Гершкович В.А. Попова А.С. (2017) Чья это мысль? Эффект Я-атрибуции источника сгенерированных и иллюзорных воспоминаний//Когнитивная психология в Москве: новые исследования. Материалы конференции 2017, 86

Попова С.С., ***Горбунова Е.С.***

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Роль рабочей памяти в возникновении «слепоты по невниманию».

Мы исследуем влияние загрузки объектной рабочей памяти на избирательное внимание, в частности на возникновение «слепоты по невниманию», то есть неспособности опознать хорошо различимый объект, когда внимание направлено на что-либо другое.

Имеющиеся данные на тему связи рабочей памяти и внимания противоречивы:

Например, модель «амнезии» Вольфа (Wolfe, 1998) предполагает, что между рабочей памятью и ошибками внимания есть связь, то есть мы видим абсолютно все объекты, попавшие в зрительное поле, но нерелевантные мгновенно забываются.

Двухстадийная модели Чана и Поттера с опорой на модель перцептивной загрузки Н. Лави позволяет предположить, что высокая загрузка рабочей памяти приводит к увеличению слепоты по невниманию (Chun M., Marois R. 2002).

Другие исследования (например, Кувалдина М. Б., Адамян Н. А. (2011), Де Фокерт и Бремнер (2011)) показывают результаты, опровергающие влияние рабочей памяти на «слепоту по невниманию». Таким образом, целью нашего исследования была попытка разрешить эти противоречия.

Экспериментальные гипотезы

1. При высокой загрузке рабочей памяти «слепота по невниманию» будет проявляться чаще, чем при низкой.

2. «Слепота по невниманию» по разному проявляется для формы и местоположения стимула.

Для проверки гипотез был выбран метод эксперимента.

Методика

Выборка составила 96 человек, студенты с нормальным или скорректированным зрением.

Экспериментальный материал был разработан при помощи компьютерной программы PsychoPy2 в виде визуальных заданий. Испытуемых

просили запомнить цвета одного или четырех объектов (низкая и высокая загрузка рабочей памяти по Фогелю).

Далее предъявлялось задания на сравнение длины линий, а затем вновь объекты, которые необходимо было сравнить с первоначальными. Данные связки проб с меняющимися цветами объектов предъявлялись семь раз, три раза в тренировочной и семь – в основной серии. В последней пробе имелся критический стимул для определения «слепоты по невниманию».

Далее испытуемые отвечали на вопросы, позволяющие определить частоту «слепоты по невниманию», а также ее проявление для характеристик критического стимула: его формы и местоположения.

Продолжительность эксперимента составляла около 9-16 минут.

Обработка данных

Данные обрабатывались в программе SPSS при помощи критерия хи-квадрат и таблиц сопряженности. В группах с высокой и низкой загрузкой рабочей памяти сравнивалось число нахождений критического стимула (отсутствие «слепоты»), кол-во правильных определений формы и местоположения критического стимула.

Результаты

Не было обнаружено значимых различий для переменной «частота возникновения «слепоты по невниманию» между данными, полученными при выполнении заданий с высокой и низкой загрузкой рабочей памяти, $2(1, 95) = 1.6$, $p = .206$.

Не было обнаружено значимых различий для переменной «форма стимула» между пробами с высокой и низкой загрузкой рабочей памяти, $2(1, 95) = 2.16$, $p = .142$.

Не было обнаружено значимых различий для переменной «местоположение стимула» между пробами с высокой и низкой загрузкой рабочей памяти, $2(1, 95) = .78$, $p = .378$.

Выводы

Не было подтверждено влияние уровня загрузки рабочей памяти на частоту возникновения «слепоты по невниманию».

Влияние загрузки рабочей памяти на определение формы и местоположения объекта также не было подтверждено. Обе экспериментальные гипотезы не подтвердились.

Таким образом, наши выводы согласуются с предположением Де Фокерта и Бремнера об отсутствии влияния рабочей памяти на избирательное внимание.

Альтернативные гипотезы: Вербальное повторения цветов объектов испытуемыми могло позволять использовать фонологическую петлю для разгрузки рабочей памяти.

Можно предположить, что контрастный критический стимул мог привести к эффекту «захвата внимания» (Egeth & Yantis, 1997), который редуцировал проявление «слепоты по невниманию».

Литература

1.Кувалдина М.Б., Адамян Н.А – Восприятие иррелевантной информации при визуальном предъявлении стимула в задачах, индуцирующих «слепоту по невниманию» 2011

2.Chun M. M., Marois R. (2002) The dark side of visual attention. Current Opinion in Neurobiology, 12:184–189

3.De Fockert, J., & Bremner, A. J. (2011). Release of inattentional blindness by high working memory load: Elucidating the relationship between working memory and selective attention. Cognition, 121, 400–408.

4.....Egeth, H. E., & Yantis, S. (1997). Visual attention: Control, representation, and time course. Annual review of psychology, 48(1), 269-297

5.Wolfe J.M. (1998) Inattentional amnesia. // V. Coltheart. (Ed.). Fleeting Memories. Cambridge, MA: MIT Press. P.71-94.

Быкова Ольга Михайловна

ГБОУ Школа «ЛИТ» 1533

Проекция состояния человека через эмоции другого

В процессе изучения психологии мне стала интересна тема эмоций и я задумалась о проведении исследования о том, можно ли через эмоции одного человека выяснить состояние другого. Для этого был проведён опрос различных людей (фиксировалось эмоциональное состояние человека, с помощью следующих вопросов: «Какое у Вас настроение в данный момент?», «Не случилось ли в ближайшее время чего-то негативного и волнительного?», «Как Вы себя сейчас чувствуете?».

Для проведения исследования были использованы шесть фотографий. На фотографии номер один изображено нейтральное выражение лица, на фото номер два отрицательная (грусть), фото номер три использовалось для попытки заставить человека сконцентрироваться на описании увиденного на фотографиях, на этом фото было нейтральное выражение лица, на фото номер четыре изображена положительная эмоция (радость), на фото номер пять нейтральное выражение, на фото номер шесть удивление. Фотография номер шесть, показывалась последней, потому что это не положительная и не отрицательная эмоция, что позволяло подвести итог в проведении эксперимента, так как человек говорил ровно то, что ему кажется и человек в плохом настроении отвечал, что эмоция негативна, а в хорошем, что положительна или нейтральна. Использование в тестировании фотографии номер три, по моему мнению, должно было способствовать концентрации внимания опрашиваемого, а фотография номер шесть позволяла понять какую эмоцию человек подсознательно пытается проецировать на другого. Итак, то, что использовались фотографии только двух людей, с чуть изменёнными эмоциями и фотография человека, отличного от описанных выше, а также использование последней фотографии с эмоцией удивления, но одного из тех людей, которые были и на остальных фотографиях, позволяло максимально точно определить, как и на сколько сильно, человек проецирует свои эмоции на другого.

В проведении эксперимента принимали участие люди разных профессий и возрастных категорий (от 14 лет до 50), что позволило бы, по моему мнению, более полно определить зависит ли проецирование своих эмоций от возраста или профессии. Всего было опрошено двадцать четыре человека, из них одиннадцать, на момент опроса находи-

лись в плохом настроении, четыре в нейтральном и девять в хорошем. Результаты были следующие: большая часть людей в плохом настроении отвечала, что на первой фотографии (нейтральной) изображена негативная эмоция, на второй (отрицательной) тоже негативная, на третьей (фотография, используемая для концентрирования внимания) негативная, на четвёртой (положительной) нейтральная или отвечали, что улыбка фальшивая и человек скрывает свои эмоции, на пятой (нейтральной) негативная или нейтральная, на шестой (фотография с удивлением) большая часть отвечала, что эмоция отрицательна, что человек удивился чему-то плохому. Люди в нейтральном состоянии, говорили, что на первой фотографии нейтральная эмоция, на второй отрицательная, на третьей нейтральная, на четвёртой положительная, на пятой нейтральная, на шестой удивление, без оценки (положительная или отрицательная).Опрашиваемые в хорошем настроении утверждали, что на первом фото нейтральная или положительная эмоция, на втором нейтральная или отрицательная, на третьем нейтральная, на четвёртом положительная, на пятом нейтральная или положительная, на шестом так же как и люди с нейтральным, говорили, что удивление, но уже с окраской положительной эмоции.

Из данных результатов, видно, что люди склонны проецировать своё состояние на других, поэтому люди в плохом настроении говорили, что на нейтральных фотографиях изображена отрицательная эмоция, на положительных видели нейтральное выражение или лживое, фальшивую улыбку, а на последней фотографии видели негативную эмоцию, что человек удивлён чему-то отрицательному. Люди в нейтральном, видели эмоции более правильно и как следствие давали правильные ответы. Люди же в хорошем настроении определяли более правильно, чем люди в плохом, но менее чем люди с нейтральным и видели положительные или нейтральные эмоции на фотографиях с нейтральным выражением лица, на отрицательное изображение отвечали, что эмоция нейтральна, но некоторые всё же видели негативную эмоцию, на последнем фото так же видели удивление, но с положительной окраской.

Из всего вышеперечисленного можно сделать вывод, что в зависимости от состояния человека осуществляется его восприятие окружающего мира и людей которых он видит вокруг себя. Человек в плохом настроении видит вокруг себя негативные проявления, а человек в хорошем расположении духа положительные. Данное исследование позволило выяснить, что человек воспринимает окружающую действительность, основываясь на собственных эмоциях, а не на том, что на са-

мом деле происходит вокруг него. То есть человек может проецировать своё состояние через эмоции другого.

*Андриянова Н. **В., Бакулева К. К., Петров М. В., Голованова И. В.***

Санкт-Петербургский Государственный Университет

Роль противоречивой информации в социальном восприятии[1]

Еще в 1946 году С.Аш показал, что оценка одного качества человека влияет на дальнейшую оценку других его характеристик. Одной из причин проявления эффекта первого впечатления может служить сглаживание противоречий, возникших в результате диссонанса первичной и последующей информации. В исследованиях Р. Риделл и Б. Гавронски (2009) было показано, что новая информация, противоречащая первому впечатлению о человеке, связывается с контекстом, в котором она была получена. При этом первое впечатление продолжает определять оценку человека в других контекстах. В.М. Аллахвердов и коллеги (2015) считают, что способом сглаживания противоречий может служить осознание только одной из возможных интерпретаций явления и одновременное отвержение всех остальных. Также авторы полагают, что отвергнутая ранее интерпретация может внезапно актуализироваться в сознании при смене контекста. По мнению Р. Петти и коллег (2010), когда человек меняет свое мнение, предыдущая информация “помечается” как неверная, однако может проявляться снова в другом контексте.

Также Р. Петти с коллегами показывают, что при изменении первоначального мнения о человеке из-за противоречия, у испытуемых возрастает время ответа и снижается уверенность. В ряде исследований также описаны психофизиологические реакции, сопровождающие возникновение противоречий. М. Ван Хертен и коллеги (2006) объясняют реакцию на противоречия как когнитивный конфликт между двумя семантическими интерпретациями. Авторы обнаружили, что при чтении противоречивых предложений на уровне когнитивных вызванных потенциалов происходит увеличение амплитуды волны P600, характерной для реакции на конфликт. Применительно к изучению противоречий в социальном восприятии можно предположить, что возникновение конфликта также может сопровождаться замедлением ответа и увеличением амплитуды волны P600.

В ходе исследования проведено два эксперимента. В первом из них экспериментальной группе предъявлялись по одному 120 прозвищ лю-

1 Исследование выполнено при поддержке РФФИ № 17-06-00473.

дей. Испытуемым предлагалось оценить (по шкале от 1 до 4) насколько им мог бы быть приятен человек с таким прозвищем. Во второй части эксперимента прозвища предъявлялись вместе с фотографиями людей, которым они принадлежат. Испытуемым снова предлагалось оценить, насколько им приятен данный человек. Половина позитивных прозвищ была объединена с фотографиями «привлекательных» людей, а половина негативных прозвищ с фотографиями «непривлекательных», и наоборот. Контрольная группа испытуемых выполняла только вторую часть эксперимента.

Второй эксперимент имел схожий дизайн и проводился с применением метода вызванных потенциалов (ВП). Использовался тот же стимульный материал, но предъявление производилось в обратном порядке. Участникам экспериментальной группы предъявлялись 120 фотографий людей. Задача состояла в том, чтобы оценить, насколько им приятен человек на фотографии. Затем фотографии предъявлялись вместе с прозвищами данных людей. Контрольная группа участвовала только во второй части эксперимента. Регистрация ВП производилась компьютерной энцефалографической системой «Мицар-ЭЭГ-202» с 31 отведением.

По результатам первого эксперимента, испытуемые контрольной группы более высоко оценивают привлекательных людей с негативными прозвищами ($M = 2.52$, $SD = 0.23$), чем непривлекательных людей с позитивными прозвищами ($M = 2.28$, $SD = 0.17$, $t(58) = 4.4614$; $p < .01$). То есть, при формировании социальных оценок испытуемые в большей степени опираются на впечатление о внешности, чем на прозвище человека. Однако в экспериментальной группе оценки привлекательных людей с негативными прозвищами ($M = 2.16$, $SD = 0.26$) статистически значимо не отличаются от оценок непривлекательных людей с позитивными прозвищами ($M = 2.13$, $SD = 0.23$, $t(58) = 0.053$; $p > .05$) и значительно ниже, чем с оценки привлекательных людей с позитивными прозвищами ($M = 2.48$, $SD = 0.22$, $t(58) = 5.004$; $p < .01$). Кроме того, в обеих группах оценка привлекательных людей с негативными прозвищами производилась медленнее, чем во всех остальных случаях. Можно предположить, что наличие негативного прозвища у привлекательного человека вызывает конфликт, который сопровождается замедлением времени ответа.

Результаты второго эксперимента подтверждают, что субъективное впечатление, основанное на внешней привлекательности, более значимо, чем впечатление, связанное с прозвищем. По результатам исследования ВП обнаружены статистически значимые различия амплитуды

позднего компонента P600 преимущественно в центральных и фронтальных отведениях: C3: $F(1, 1844) = 6,62$, $p = 0,01$; Cz: $F(1, 1836) = 8,72$, $p = 0,003$; F3: $F(1, 1829) = 4,88$, $p = 0,027$; F7: $F(1, 1839) = 6,67$, $p = 0,01$; P3: $F(1, 1836) = 8,72$, $p = 0,003$. В экспериментальной группе выявлена большая амплитуда позднего компонента P600 при предъявлении негативного прозвища и привлекательной фотографии. Можно предположить, что при возникновении противоречия, вызванного наличием негативного прозвища у привлекательного человека, у испытуемых экспериментальной группы возникает конфликт, который сопровождается увеличением амплитуды волны P600.

Таким образом, наличие противоречия между первым впечатлением и последующей информацией вызывает конфликт, который может выражаться в замедлении времени ответа и в увеличении амплитуды позднего компонента вызванных потенциалов - волны P600. При этом негативное впечатление о человеке, связанное с социальным контекстом, влияет на его дальнейшую оценку, только если оно предшествует субъективному опыту.

Литература

Аллахвердов В.М., Науменко О.В., Филиппова М.Г., Щербакова О.В., Аванесян М.О., Воскресенская Е.Ю., Стародубцев А.С. Как сознание избавляется от противоречий // «Шаги», №1, 2015. С.215-218. .....

Petty RE, Bri ol P. Evaluation structure and change: Implications for implicit measures. In: Gawronski B, Payne BK. // Handbook of implicit social cognition: Measurement, theory, and applications. 2010. P. 335–352.

Rydell R. J., Gawronski B. I like you, I like you not: Understanding the formation of context-dependent automatic attitudes // Cognition and Emotion. 2009. Vol. 23. P. 1118-1152. doi: 10.1080/02699930802355255

Van Herten, M., Chwilla D., Kolk H. When heuristics clash with parsing routines: ERP evidence for conflict monitoring in sentence perception // Journal of Cognitive Neuroscience. 2006. Vol. 18.P. 1181–97. doi: 10.1016/j.cogbrainres.2004.09.002

Рубцова Ольга Сергеевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Роль пространственного внимания при решении инсайтных задач

Несмотря на возрастающий интерес к изучению специфики решения задач, до сих пор не ясно, какие именно когнитивные процессы участвуют в возникновении такого явления, как инсайт. Считается, что одним из ключевых факторов, определяющих инсайтное или аналитическое решение задачи, является состояние внимания. Наличие различий в процессах внимания у людей, решающих задачи аналитически и путем инсайта, было показано, например, в исследовании с использованием регистрации движений глаз (Salvi et al, 2015). Помимо этого, недавнее исследование (Wegbreit et al, 2012), в котором модулировались разные состояния внимания (в одной группе испытуемые выполняли задачу на сфокусированное внимание, а в другой - на распределенное), показало, что в случае, когда внимание сфокусировано, процент решений вербальных задач инсайтным путем значительно меньше, чем в случае, когда внимание распределено. Похожие результаты были получены и в более раннем исследовании (Friedman et al, 2003): после выполнения задач по зрительному поиску, которые были направлены либо на сужение фокуса внимания, либо на его распределение в пространстве, испытуемых просили выполнять задания, направленные на креативность. Полученные в ходе этих экспериментов результаты свидетельствуют о том, что именно при условии расширения фокуса внимания испытуемые склонны производить наиболее оригинальные и креативные идеи и способы решения задач. Это говорит в пользу того, что внимание может определять, каким именно способом (по крайней мере, аналитически или через инсайт) будет решена задача.

В настоящий момент очень мало исследований, в которых продолжается изучение влияния внимания на стратегии решения задач. Не понятно, является ли определенное состояние внимания действительно необходимым условием для возникновения такого сложного явления, как инсайт. Поэтому в рамках заявленного исследования предполагается остановиться именно на аспекте пространственного влияния и его роли в решении базовых инсайтных задач. Основная гипотеза, на проверку которой направлено исследование, заключается в том, что ослабление фокуса пространственного внимания (то есть распределе-

ние внимания) приводит к более успешному решению пространственных инсайтных задач.

Планируется проведение эксперимента, направленного на изучение роли разных типов внимания в процессе решения задач. Испытуемые будут распределены в две группы, соответствующие разным состояниям внимания, для достижения которых будет проведена экспериментальная манипуляция. Методика, на которой будет основана эта манипуляция, впервые была разработана Э. Трейсман и Х. Шмидт (Treisman et al, 1982) и исходно использовалась для исследования иллюзорных сочетаний признаков. На экране компьютера испытуемому на краткое время (200 мс) предъявляются три заглавные буквы разных цветов и две цифры по бокам от ряда букв, после чего на их месте появляется маска на 200 мс. После этого в каждой пробе испытуемому следует дать отчет о двух предъявленных цифрах (назвать их), а затем назвать любую из трех предъявленных букв, а также ее цвет и месторасположение (слева/справа/посередине). Данная манипуляция позволяет достичь распределённого в пространстве внимания. Однако, для проверки выдвинутой нами гипотезы данная методика будет видоизменена для создания двух условий, соответствующих разным степеням сфокусированности внимания у испытуемых. Для первой группы стимулы будут представлены в строго ограниченном пространстве на экране компьютера (в центре экрана) для достижения суженного фокуса внимания. Для второй же группы стимулы будут расположены на большем расстоянии друг от друга, что, как предполагается, приведет расширению фокуса внимания. В каждой пробе ряд стимулов будет предъявлен на 200 мс, после чего на их месте появится маска, также на 200 мс. На прохождение всех проб у испытуемых должно уйти примерно пять минут. Точное количество проб будет подсчитано после проведения пилотажного эксперимента. После задач на внимание в обоих группах испытуемым будет предложено решить задачу «9 точек»: эта задача известна своей сложностью для решателей, а также тем, что решается обычно через инсайт. Суть задачи состоит в том, что нужно соединить 9 точек, образующих квадрат, с помощью четырех линий. После выполнения этой задачи испытуемым будут заданы вопросы, направленные на выявление того, произошел ли инсайт или нет: пришло ли решение внезапно (так называемый «Ага!»-эффект), испытывал ли испытуемый во время решения состояние тупика и возникают ли у испытуемого трудности при объяснении того, как именно была им решена задача.

Предполагается, что будут найдены значимые различия между двумя группами по количеству решивших задачу «9 точек». В условии, при котором фокус внимания будет расширен за счет распределения стимулов в пространстве, испытуемые будут решать данную задачу быстрее, а также в большей степени склонны будут демонстрировать именно инсайтное решение по сравнению с условием узко сфокусированного внимания.

Литература

Friedman, R.S., Fishbach, A., Fцrster, J., Werth, L. (2003). Attentional Priming Effects on Creativity. Creativity Research Journal, 15, 277-286.

Salvi, C., Bricolo, E., Franconeri, S.L., Kounios, J., Beeman, M. (2015). Sudden insight is associated with shutting out visual inputs. Psychon Bull Rev, 22, 1814-1819.

Treisman, A., Schmidt, H. (1982). Illusory Conjunctions in the Perception of Objects. Cognitive Psychology, 14, 107-141.

Wegbreit, E., Suzuki, S., Grabowecky, M., Kounios, J., Beeman, M. (2012). Visual Attention Modulates Insight Versus Analytic Solving of Verbal Problems. The Journal of Problem Solving, 4, 94-115.

Красина Дарья Алексеевна, Бойко Екатерина Юрьевна

Российский Государственный Социальный Университет

Средовое влияние сенсорных воздействий в ситуации конкретно-предметного выбора индивида.

Изо дня в день мы принимаем огромное количество решений – любой поведенческий акт базируется на целой системе выбора, содержащей в себе набор определенных опций. Большинство из решений, кажутся нам вполне осознанными. Но действительно ли наше сознание занимает первичную роль в этой, иногда очень сложной, ситуации выбора?

В одном из немногих вариантов определения процесса принятия решения утверждается, что это анализ информации, результатом которого является решение какой-либо задачи. Но чем, в свою очередь, является сам процесс анализа информации в ситуации выбора? Какие факторы диктуют ход этого процесса, и как следствие, формируют определенный результат самого решения?

На основе анализа работ, посвященных изучению процесса принятия решения, было выявлено 2 группы факторов воздействия на выбор человека:

1. Внутренние факторы

- Нейробиологический фактор

- Психологический фактор

2. Внешние факторы

- Социальный фактор

- Средовой фактор

По результатам современных исследований в области нейроэкономики, в этой системе обусловленных друг другом влияний была продемонстрирована превалирующая значимость нейробиологического фактора, теория которого основывается на том, что суть нашего поведения, наших решений – это продукт активности головного мозга. Именно особенности нейрофизиологии определяют нашу реакцию на то или иное воздействие.

Цель нашего исследования заключается в изучении влияния на предметно-конкретный выбор человека через среду, с учетом нейрофизиологической обработки, полученной путем сенсорного стимулирования, информации. Серия планируемых экспериментов, основывает-

ся на феномене синестезии, который широко используется в рекламной деятельности. Также, практически доказана значимость воздействия цвета, звука и запаха на поведение клиента непосредственно в рыночных условиях.

Идея реализуемой нами модели исследования состоит в создании более узкой и специфичной среды сенсорного воздействия для определенной линейки товара. То есть, мы стимулируем человека не просто приобрести товар в специально модифицированных условиях среды, а именно конкретный товар, путем корреляции его функциональных и внешних признаков с сенсорными стимулами разных модальностей, которые в свою очередь коррелируют между собой. Наша задача – смоделировать пространство, компоненты которого будут склонять потенциального покупателя к выбору конкретного товара; пространство, в пределах которого комфортнее всего было бы приобрести именно этот товар. Главным условием моделирования эксперимента является выстраивание поисковой системы оптимальной интенсивности стимулирования, при обработке которого будет достигаться пороговая активность нейронов определенных популяций, но при этом самим испытуемым стимуляция осознаваться не будет.

Теория первого запланированного нами эксперимента основывается на психологическом и физиологическом аспекте синестезии. Психологическая точка зрения заключается в создании ассоциативного ряда на основе внешних признаков товара. На базе опроса, мы будем создавать среду, которая будет соотносится звуком и запахом с превалирующим цветом определенного товара. При этом планируется предлагать испытуемым пройти опросник на полезависимость/поленезависимость. Предполагается, что испытуемые будут выбирать продукт под ассоциативную характеристику которого, производилась манипуляция средой.

Литература

1. Ключарев В. А., Зубарев И. П., Шестакова А. Н. Нейробиологические механизмы социального влияния // Экспериментальная психология. 2014. Т. 7. № 4. С. 20-36.

2. Макаров И. М., Виноградская Т. М., Рубчиский А. А., Соколов В. Б. Теория выбора и принятия решений. — М., 1982

3. Searle J.R. Freedom and Neurobiology: Reflections on Free Will, Language, and

Political Power. – New York: Columbia University Press, 2007. – 128 p.

Стародубцев Алексей Сергеевич, Сопов Михаил Сергеевич

Санкт-Петербургский Государственный Университет

Интерференционное влияние псевдослов в тесте Рисунок-Слово[1]

В интерференционном тесте «Цвет-Слово» перед испытуемым ставится задача называть цвета окрашенных знаков. Неоднократно показано, что выполнение указанной задачи замедляется при условии, когда в качестве знаков выступают слова (феномен перцептивной интерференции). В схожей экспериментальной парадигме «Картинка-Слово» показано, что наложенное поверх изображения слово снижает скорость называния изображения. Тесты «Цвет-Слово» и «Картинка-Слово» широко используются в когнитивной психологии для проверки гипотез о механизмах селективного внимания, когнитивного контроля и порождения речи. При проверке данных гипотез обычно опираются на некоторые закономерности, выявленных в ходе изучения интерференционных феноменов. В частности, показано, что величина интерференции повышается, если цель и дистрактор разделяют общую семантическую категорию (к примеру, в тесте «Рисунок-Слово» изображение и слово принадлежат к категории животных и т.д.). Вторая закономерность – величина интерференции уменьшается, если слово подвергается изменениям, замедляющим скорость его чтения. Например, показано, что интерференция уменьшается, если предъявляется зеркально отраженное слово-дистрактор (Dunbar et al., 1984).

Настоящая работа посвящена изучению одного из интерференционных феноменов, который заключается в том, что псевдослова (например, «натикар») повышают интерференцию в сравнении с высокочастотными словами. Этот эффект был описан в нескольких важных работах (Monsell et al., 2001, Burt et al., 2002). Данный факт, во-первых, не может быть объяснен семантической близостью цели и дистрактора (слово категориально ближе к изображению, чем псевдослово). Также повышенное интерференционное воздействие псевдослов не может быть объяснено ссылкой на вторую описанную нами закономерность: псевдослова читаются медленней слов (Monsell et al., 2001), в связи с чем должны вызывать меньшую величину интерференции.

Отражает ли эффект интерференции псевдослов общие закономерности перцептивной интерференции или он проявляется только из-за

1 Исследование поддержано грантом РФФИ № 17-36-01139.

специфики восприятия псевдослов? Без объяснения представленного эффекта сложно очертить целостную картину работы когнитивных механизмов в интерференционных задачах.

В настоящей работе выдвинута гипотеза, согласно которой причина интерференции со стороны псевдослов заключается в их схожести с известными испытуемым словами. Например, в исследовании (Monsell et al., 2001) используемое псевдослово fruise являлось анаграммой слова furies, которое является множественным числом английского слова «ярость», псевдослово chead образовано просто добавлением буквы «c» к слову head и т.д.

В рамках проведённого исследования нами были созданы пседослова из высокочастотных слов путем замен одной буквы в слове (например, «бакси» или «сулнце»). Затем в парадигме «Картинка-Слово» отобранные слова использовались в качестве дистракторов в половине проб, в другой половине проб поверх изображений накладывались высокочастотные слова (N=25). Было показано, что в таком условии псевдослова интерферируют больше, чем высокочастотные слова ($p<0,01$). Также нами были обнаружены отличия в интерференционном воздействии отдельных псевдослов: некоторые псевдослова интерферировали значительно сильнее, чем другие. Подобный разброс результатов не характерен, например, для низкочастотных слов, которые по нашим данным также интерферируют сильнее, чем высокочастотные слова (N=20, $p<0,01$).

Если интерференция псевдослов вызвана их схожестью с известными словами, то можно ожидать, что интерференция со стороны псевдослов будет уменьшаться, если в качестве дистракторов используются неизвестные испытуемым слова. Для проверки этой гипотезы мы отобрали 102 слова, которые, с точки зрения экспериментаторов, являются неизвестными испытуемым словами. Тридцати испытуемым было предложено заполнить анкету, которая, согласно экспериментальной инструкции, необходима «для проверки словарного запаса». В ней было напечатано 102 редких слова и дана задача отделить известные испытуемым слова от несуществующих слов. Испытуемые должны были сделать отметку, если они уверены, что им предъявлено слово (тогда слову присваивался один балл), а также по возможности написать его краткое определение (тогда слову добавлялось 2 балла). Было отобрано 50 слов, «индекс узнавания» которых ниже 12 баллов.

Предполагается, что незнакомые слова будут интерферировать слабее обычных высокочастотных слов, причём индекс величины узнавания (вероятность опознания значения редкого слова) будет отрицатель-

но коррелировать с величиной интерференции: узнаваемые слова будут интерферировать сильнее (например, по нашим данным это, «амвон» или «лобио»), чем полностью неузнаваемые (например, «ирмос» или «кубло»).

Литература

Burt, J. S. (2002). Why do non-color words interfere with color naming?. Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance, 28(5), 1019.

Dunbar, K., & MacLeod, C. M. (1984). A horse race of a different color: Stroop interference patterns with transformed words. Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance, 10(5), 622.

Monsell, S., Taylor, T. J., & Murphy, K. (2001). Naming the color of a word: Is it responses or task sets that compete?. Memory & Cognition, 29(1), 137-151.

Судоргина Юлия Владимировна, Котов Алексей Александрович

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Эффект влияния артикуляции решения индуктивной задачи на перенос правила решения[1]

В данном исследовании мы рассматривали вербализацию как средство, оптимизирующее работу когнитивных процессов. Так, в недавнем исследовании J.Sulik (Sulik et al., 2018), было показано, что при вербализации решения многочисленных задач на нахождение общего свойства у примеров испытуемые быстрее находят правило при решении новых, аналогичных задач, чем испытуемые, выполнявшие задачи без вербализации. При этом эффект вербализации ограничен типом правила для решения: вербализация помогает для переноса конкретных перцептивных правил и не помогает для переноса абстрактных. В настоящем исследовании мы изучали влияние разных форм вербализации – устной и письменной - на решение аналогичных задач. Согласно нашей гипотезе, эффект вербализации должен быть выражен не только при устной форме вербализации или артикуляции решения. При записи решения без артикуляции эффект вербализации должен проявляться в той же степени.

Методика

Испытуемые: в исследовании приняли участие 30 студентов НИУ ВШЭ.

Материалы: В эксперименте мы использовали тот же материал, что и в исследовании J.Sulik (Sulik et al.,2018): так называемые задачи Бонгарда, предложенные советским кибернетиком М. Бонгардом для тестирования искусственных систем распознавания образов (Бонгард, 1967). Каждая задача Бонгарда состоит из 12 картинок с разными фигурами, поделенных на 2 набора по 6 изображений слева и справа на основе одного простого геометрического признака (например, в одной группе изображены фигуры с тремя углами, а в другой - с четырьмя). Из 100 задач М. Бонгарда мы отобрали те, которые имели максимально простой перцептивный признак, который большинство испытуемых могут описать с помощью одного-двух слов. Мы разделили группы изображений пополам, так, чтобы в каждом наборе было по 3 изображения. Таким образом, мы получили по две задачи на одно и то же пра-

1 Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 17-18-01047 «Ранняя нейрокогнитивная диагностика одаренности».

вило, что позволило нам использовать одну часть на этапе научения, а другую - на этапе переноса решения. Предъявление задач и измерение успешности решения обеспечивалось программой PsychoPy 1.85 (Pierce, 2009).

Процедура: Эксперимент состоял из 3-х этапов. На первом этапе - тренировке - испытуемый знакомился с инструкцией и выполнял четыре пробных задания вместе с экспериментатором. Задача испытуемых на этом и следующем этапе была определить, каким геометрическим свойством различаются группы изображений, в каждой задаче это свойство было разным. Испытуемые из контрольной группы давали ответ нажимая на клавиши ВВЕРХ и ПРОБЕЛ – нашел правило решения или не нашел. Испытуемые в условии с написанием правила сначала записывали ответ на бланке, и после этого нажимали на клавишу ответа. Испытуемые в условии с вербализацией произносили вслух найденное правило сидящему рядом экспериментатору, и после нажимали на клавишу. После тренировочной серии испытуемые проходили этап научения, на котором решали 18 задач. На последнем этапе – переносе - предъявлялись новые изображения для 18 предшествующих задач. Структура задания изменялась: испытуемым между двумя столбцами показывали пример, который относился к одной или другой группе изображений. Испытуемые должны были ответить, к какой группе относится данное изображение. После каждого ответа испытуемые получали обратную связь на экране. Также испытуемых предупреждали, что им встретятся 6 новых задач. Новые задачи были включены в этап переноса с целью оценить границы влияния эффекта вербализации на перенос. На этапе переноса испытуемые из трех групп выполняли задания одинаково. Мы измеряли время ответа и успешность решения на этапе переноса. Из обработки исключались неверные ответы, а затем ответы с временем решения больше или меньше трех стандартных отклонений от среднего.

Результаты

Мы обнаружили, что время выполнения 18-ти задач на этапе переноса, которые встречались на этапе научения, различалось при разных условиях прохождения этапа научения: испытуемые из контрольной группы решали большую часть задач медленнее, чем испытуемые из групп с условиями записи и вербализации ($M = 6.505$, $SD = 0.417$, Lower Cl = 5.685, Upper Cl = 7.325); $F(2, 226)=6.034$, $p=0.003$). При этом значимых различий между условиями с вербализацией и записью решения, оцененных по методу постхок Тьюки, не наблюдалось ($M = 5.195$, $SD = 0.403$, Lower Cl = 4.404, Upper Cl = 5.986; $M = 5.196$, $SD = 0.394$, Lower

Cl = 4.423, Upper Cl = 5.970, p=0.9). При сравнении времени выполнения старых и новых задач на этапе переноса обнаружилось следующее: задания с ранее встречавшимися правилами решались быстрее новых во всех группах (F(1, 410)=15.513, p<0.001), однако в контрольной группе эта разница минимальна (M = 6.677, SD = 0.521, Lower Cl = 5.653, Upper CL = 7.700), а группе с вербализацией – максимальна (M = 7.924, SD = 0.531, Lower Cl = 6.901, Upper CL = 8.948). Таким образом, испытуемые, произносившие ответы вслух на этапе научения, решали задачи со старыми правилами так же быстро, как и испытуемые из группы с записью ответов, но при этом решали новые задачи медленнее испытуемых из двух других групп.

Мы показали в нашем исследовании, что вербализация в любой форме - артикуляции или письме, оказывает влияние на решение задач: испытуемые быстрее вспоминают правило решения. В докладе мы предложим для обсуждения различные модели объяснения эффекта вербализации на индуктивные процессы решения.

Литература

Peirce, J. W. (2009). Generating stimuli for neuroscience using PsychoPy. Frontiers in neuroinformatics, 2, 10.

Sulik, J., Merritt, H., & Lupyan, G. (preprint) The effect of overt language use on category induction.

Бонгард М.М. Проблема узнавания М.: Физматгиз. 1967 г., 320 с.

Медведев Богдан Павлович, Яголковский Сергей Ростиславович

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Исследование функциональной фиксированности в условиях поиска объектов с низкой выраженностью основного функционального свойства

Продуктивность творческой деятельности субъекта во многом связана с преодолением функциональной фиксированности (Duncker, 1945). В научной литературе по этой проблематике представлен целый ряд психологических конструктов, в той либо иной степени связанных с функциональной фиксированностью. Одним из таких является «analogical transfer», способствующий выстраиванию связей между опытом субъекта и актуальной задачей, которую он решает (Gick, & Holyoak, 1983). В научной литературе представлено достаточно много исследований роли указанного феномена в активизации функциональной фиксированности (Chrysikou et al., 2016; Osman, 2008; Ward, Patterson, & Sifonis, 2004). Однако в большинстве из них не предложено практических способов её преодоления.

Основная гипотеза проведенного исследования

Актуализация образов объектов, у которых свойство, являющиеся функциональным для целевого объекта, выражено в меньшей степени, снижает функциональную фиксированность целевого объекта и повышает оригинальность продуктов мыслительной деятельности субъекта, связанных с этим объектом.

Для проверки этой гипотезы нами было проведено два эксперимента.

Первый являлся пробным, проводился в онлайне и состоял из двух заданий. В первом мы предлагали испытуемым назвать 10 предметов, у которых функциональное свойство целевого объекта, лампочки – свечение, выраженно: в меньшей степени – первая экспериментальная группа; в большей степени – вторая экспериментальная группа; испытуемым из контрольной группы предлагалось назвать 10 любых предметов.

Во втором задании испытуемые должны были написать оригинальную историю про лампочку. Оценка за оригинальность (от 1-го до 5-ти баллов) выставлялась тремя экспертами - согласованность их оценок про-

верялась парными корреляциями (указные парные корреляции оказались значимыми на уровне $p<0.01$).

На данный момент в исследовании приняло участие 110 человек. 35 – в первой экспериментальной группе, 37 – во второй экспериментальной, 38 – в контрольной группе.

С использованием критерия Манна-Уитни были попарно сравнены средние баллы за оригинальность истории между группами. Были выявлены значимые различия в среднем балле по оригинальности (по оценкам экспертов) между первой (M=3,41,SD=0,78) и второй (M=2,94,SD=0,85) экспериментальными группами при p=0,017, и между первой экспериментальной и контрольной (M=2,91,SD=0,82) при p=0,028.

Второй эксперимент проводился очно. В этот раз для измерения уровня креативности нами использовался тест Гилфорда (Wilson et al., 1953), а именно задание на перечисление необычных способов использования деревянной линейки в течении 10 минут. Перед прохождением этого теста мы предлагали испытуемым за 5 минут перечислить как можно больше предметов, у которых основное (в понимании самого испытуемого) функциональное свойство было бы выраженно: в меньшей степени – первая экспериментальная группа; в той же степени – вторая экспериментальная группа; в большей степени – третья экспериментальная группа. Испытуемым из контрольной группы предлагалось назвать как можно больше любых предметов.

На данный момент в исследовании приняло участие 144 человека, по 36 испытуемых в каждой группе.

С использованием однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA), нами была обнаружена значимость различий между группами по показателю «общий балл за оригинальность (Гилфорд)» при p=0.002, при следующих статистиках: 1-ая экс-ая гр. – M=32,75,SD=12,5; 2-ая экс-ая гр. – M=23,33,SD=10,96; 3-я экс-ая гр. – M=27,63,SD=9,61, контрольная – M=25,19,SD=10,21. Попарное сравнение с использованием t-теста Стьюдента показало значимые различия между первой и второй экспериментальной группами (при p=0,001); и второй экспериментальной и контрольной группами (при p=0,014).

Полученные результаты действительно свидетельствуют в пользу того, что на степень функциональной фиксированности целевого объекта действительно можно воздействовать путем актуализации образов тех предметов, которые имеют различную степень выраженности его функционального свойства.

Литература

Chrysikou, E. G., Motyka, K., Nigro, C., Yang, S.-I, & Thompson-Schill, S. L. (2016). Functional fixedness in creative thinking tasks depends on stimulus modality. Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts, 10(4), 425-435.

Duncker, K. (1945). On problem-solving. Psychological Monographs, 58, i–113.

Gick, M. L., & Holyoak, K. J. (1983). Schema induction and analogical transfer. Cognitive psychology, 15(1), 1-38.

Osman, M. (2008). Positive transfer and negative transfer/antilearning of problem-solving skills. Journal of Experimental Psychology: General, 137, 97–115.

Ward, T. B., Patterson, M. J., & Sifonis, C. M. (2004). The role of specificity and abstraction in creative idea generation. Creativity Research Journal, 16, 1–9

Wilson R.C., GuilfordJ.P., Christensen P.R. The measurement of individual differences in originality // Psychological Bulletin. 1953. 50. 5. 362-370.

Талантов Дмитрий Александрович

Государственный академический университет гуманитарных наук

Интеллект и амплитудно-временные характеристики когнитивных вызванных потенциалов

Уровень активации мозга является базисным механизмом, который во многом определяет систему внимания, подвижность нервных процессов, динамику мышления, формирование и извлечение памяти, эмоциональность, общую активность и функциональное состояние человека. Было установлено, что показатели активированности центральной нервной системы положительно коррелируют с показателями интеллектуальной продуктивности по методике Д. Векслера: чем выше активированность, тем выше интеллект (Од рышев, 1976). Также положительные корреляции между успешностью решения наглядных, практических, логических и мыслительных задач с активированностью, определяемой по сенсомоторным показателям (Зырянова, Степанова, 1974). По данным М.А. Акимовой высокоактивированные испытуемые (по величине латентного периода сенсомоторных реакций на звуки разной интенсивности) оказались более успешными в решении задач разной степени трудности, где вся необходимая информация находилась перед ними на карточках. Напротив, низкоактивированные были более продуктивны в решении задач, где помимо наличной информации, имела значение память. Таким образом, низкая активность нервной системы более адекватна продуктивности сложного вида интеллектуальной деятельности.

Предполагается, что за индивидуальными различиями в соотношении уровня активации и продуктивности когнитивной деятельности стоит опосредующий фактор – феномен «ментальных усилий»: чем выше уровень метальных усилий в ходе деятельности, тем выше проявления активации по показателям КГР и ЭЭГ-активности (Холодная, Щербакова, Горбунов, Голованова, Паповян, 2013). Лица с высоким интеллектуальным ресурсом в силу наличия хорошо сформированных ментальных структур (когнитивных схем, концептуальных структур) затрачивают меньше ментальных усилий в процессе решения задач. Следовательно, показатели энергетической активации у них будет ниже. На основании результатов своих исследований авторы делают вывод относительно механизма информационно-энергетических соотношений в работе интеллекта: информационные характеристики (в виде мен-

тальных усилий) являются исходными, а энергетические (в виде уровня активности мозга) – производным аспектом когнитивной деятельности.

Целью исследования было оценить наличие корреляционных связей между уровнем активации ЦНС в терминах показателей ЭЭГ, психометрическими показателями интеллекта по методике Д. Векслера, и амплитудно-временными характеристиками метода когнитивных вызванных потенциалов (Р300).

Гипотеза исследования заключалась в том, что уровень активации ЦНС может отражать динамику интегративных процессов и интеллектуальных способностей.

Объектом исследования были пациенты психоневрологического стационара (N = 10, средний возраст = 37,6).

Проводилась рутинная регистрация ЭЭГ с наличием следующих функциональных проб: ФОН (состояние относительного покоя с закрытыми глазами), ОГ (состояние бодрствования с открытыми глазами), ФТ-4-24 (фотостимулирующие воздействия на частоте 4-24 Гц), ГВ-1-3 (три функциональные пробы с гипервентиляцией). Регистрация Р300 по Fz, Cz, Pz - отведению. Шкала Векслера с наличием вербальных и невербальных субтестов.

Статистическая обработка данных осуществлялась на базе стандартных программ IBM SPSS-24 (описательные статистики и методы выявления связей – корреляционный анализ, линейный регрессионный анализ).

Согласно полученным результатам уровень активации ЦНС статистически значимо связан с показателями амплитуды Р300 и тестом Векслера ($r = -0.652$; $p = 0.04$). Полученные данные подтверждаются результатами регрессионного анализа $IQ = 124{,}105 - 1.898*A$ (где IQ – баллы по тесту Векслера, A – амплитуда; мера соответствия модели эмпирическим данным $R2 = 0{,}425$; $F = 5.906$; $p = 0.041$).

Таким образом, можно сделать заключение, что уровень активации ЦНС может отражать динамику интегративных процессов и интеллектуальных способностей. Связей между показателем интеллекта и латентным временем реакции обнаружено не было. Вероятнее всего, это связано с медикаментозной терапией, которую респонденты получали в период пребывания в стационаре.

Литература

Зырянова Н.Г., Степанова Е.А. Влияние индивидуально-типических особенностей нервной системы на продуктивность мыслительной де-

ятельности // Современные психолого-педагогические проблемы высшей школы / Под ред. Б.Г. Ананьева, Н.В. Кузьминой. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. С. 82–86.

Одёрышев Б.С. Активированность нервной системы // Психодиагностические методы в комплекс- ном лонгитюдном обследовании студентов. Л., 1976. С. 95–110.

Холодная М.А., Щербакова О.В., Горбунов И.А., Голованова И.В., Паповян М.И. Информационно-энергетические характеристики различных типов когнитивной деятельности // Психологический журнал. 2013, Т. 34, №5, С. 96 –107.

Марков Юрий Алексеевич, Уточкин Игорь Сергеевич

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Влияние сходства объектов на объектно-пространственное связывание в зрительной рабочей памяти

Рабочая память (РП) – когнитивная система, обеспечивающая удержание в непосредственном активном доступе информации, необходимой для решения текущих задач. Объем РП ограничен: например, для зрительной РП он составляет около 4 структурных единиц (Cowan, 2001; Miller, 1956).

Также уменьшение объема РП может вызывать интерференции между объектами, которые удерживаются в памяти. Мы рассмотрим два источника такой интерференции. Первый источник это сходство запоминаемых объектов или различимость (Hunt, 2006), обычно описываемый и измеряемый как вероятность воспроизведения элемента из памяти в зависимости от его схожести или различия с другими запоминаемыми объектами. Вторым источником интерференции является нарушение процесса связывания. Хранение объектов с несколькими признаками может привести к ошибкам связываниям – одни признаки объектов могут быть неверно связаны с другими, создавая неверные репрезентации объектов.

В нашем исследовании затрагивается вопрос о том, как именно сходство запоминаемой информации оказывает влияние на процесс связывания объекта и местоположения. Многие предыдущие исследования (Avons, Mason, 1999; Cohen et al., 2014) показали, что объем памяти на объекты, схожие между собой меньше, чем объем памяти на объекты отличающиеся друг от друга. Также были изучены ошибки перестановок, вызванные нарушением процесса связывания при сохранной памяти на сами объекты и местоположения (Pertzov, Dong, Peich, & Husain, 2012). Однако, что же происходит при запоминании сходных между собой объектов? Влияет ли сходство на возникновение ошибок перестановок? Или же схожие между собой объекты забываются с большей вероятностью, что и ведет к ошибкам перестановок?

Для проверки этих гипотез нами было проведено три эксперимента, в которых использовались методики градуального отчета (Wilken & Ma, 2004) и частичного отчета.

В Эксперименте №1 испытуемые выполняли две задачи: задачу на запоминание объектов (схожих и различающихся), в которой нужно было запоминать только объекты, без учета их пространственных положений, и задачу на локализацию, в которой испытуемые должны были запоминать как объекты (схожих и различающихся), так и их пространственное положение, а потом воспроизводить местоположение одного из объектов. В Эксперименте № 2 участники также выполняли две задачи: задачу на точность воспроизведения пространственных местоположений, в которой испытуемый заранее знал какие объекты в какой последовательности будут предъявлены (низкая нагрузка на процесс связывания), и задачу на локализацию, идентичную задаче на локализацию в Эксперименте №1. В Эксперименте №3 задача на запоминание объектов была соединена с задачей на локализацию, для того чтобы в дальнейшем отделить ошибки, вызванные забыванием и ошибки связывания.

Результаты Эксперимента №1 показал ухудшение памяти на плохо различимые объекты и увеличение для них числа объектно-пространственных ошибок связывания. Результаты Эксперимента №2 говорят о том, что необходимость связывания, а также различимость запоминаемых объектов не влияют на точность запоминаемого местоположения данных объектов. Эксперимент №3 был критическим, поскольку только его результаты позволяют сделать вывод о природе ошибок связывания. При помощи метода максимального правдоподобия мы проанализировали ответы испытуемых в скомбинированной задаче для того, чтобы оценить вероятность хранения в памяти только объектов и объектов вместе с их местоположениями. Анализ показал, что сходство влияет только на вероятность хранения объектов вместе с их местоположениями, что говорит о том, что испытуемые чаще забывали схожие объекты и затем давали ответ о каком-то из запомненных местоположении. Такие ответы и были идентифицированы как ошибки связывания в Эксперименте №1.

Таким образом наши результаты говорят о том, что сходство запоминаемых объектов уменьшает объем зрительной рабочей памяти, но не влияет на процесс связывания.

Литература

Avons, S. E., & Mason, A. (1999). Effects of Visual Similarity on Serial Report and Item Recognition. The Quarterly Journal of Experimental Psychology, (1), 217–240.

Cohen, M. A., Konkle, T., Rhee, J. Y., Nakayama, K., & Alvarez, G. A. (2014). Processing multiple visual objects is limited by overlap in neural channels. Proceedings of the National Academy of Sciences, 111(24), 8955–8960. https://doi.org/10.1073/pnas.1317860111

Cowan, N. (2001). The magical number 4 in short-term memory: a reconsideration of mental storage capacity. The Behavioral and Brain Sciences, 24(1), 87–185. https://doi.org/10.1017/S0140525X01003922

Hunt, R. R. (2006). The Concept of Distinctiveness in Memory Research. In Distinctiveness and memory (p. 476). Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195169669.003.0001

Miller, G. A. (1956). The magical number seven, plus or minus two: some limits on our capacity for processing information. Psychological Review, 101(2), 343–352. https://doi.org/10.1037/h0043158

Pertzov, Y., Dong, M. Y., Peich, M. C., & Husain, M. (2012). Forgetting What Was Where: The Fragility of Object-Location Binding. PLoS ONE, 7(10). https://doi.org/10.1371/journal.pone.0048214

Wilken, P., & Ma, W. J. (2004). A detection theory account of change detection. Journal of Vision, 4(12), 11–11. https://doi.org/10.1167/4.12.11

Зверев Илья Владимирович, Морошкина Надежда Владимировна

Санкт-Петербургский государственный университет

Имплицитное и эксплицитное игнорирование в ситуации применения имплицитных знаний[1]

Вот уже более пятидесяти лет когнитивные психологи исследуют феномен имплицитного научения. Особый интерес вызывает способность человека контролировать применение имплицитных знаний. Данные многочисленных исследований [3, 4, 5, 6] о том, насколько человек способен выполнять эту задачу, весьма противоречивы. Вероятно, данная ситуация сложилась из-за не вполне определённого обозначения того, какое знание контролируется и как определяется степень его осознанности.. Согласно нашим представлениям, базирующимся на концепции сознания В. М. Аллахвердова [1, 2] и отчасти схожей с ней концепции “иронического мышления” Д. Вегнера [7], отличительной особенностью сознательного контроля (в отличие от имплицитного или неосознанного когнитивного контроля) является невозможность игнорировать некоторую информацию, если такая задача ставится в явном виде.

Целью данного исследования является сравнение сознательного контроля применения имплицитно усвоенных закономерностей в условии эксплицитного диссонанса между правилом и нерелевантным стимулом, и контроля в условии имплицитного диссонанса. Согласно основной гипотезе, эксплицитное игнорирование будет менее эффективно за счёт наличия дополнительных сознательных проверок, мониторинга того, как игнорируется заданное нерелевантное знание.

Выборка и дизайн

В исследовании приняло участие 63 человека, в возрасте от 18 до 33 лет. Испытуемые были распределены на 2 экспериментальных и 1 контрольную группы. 1-ая экспериментальная группа (ЭГ1) находится на тестовом этапе в условии имплицитного диссонанса: конфликта между имплицитно усвоенной закономерностью и нерелевантной характеристикой стимулов, о которой ничего не сообщается в инструкции. 2-ая экспериментальная группа (ЭГ2) находится в условии эксплицитного диссонанса, т.к. её участникам дано задание игнорировать нерелевантную характеристику. В контрольной группе (КГ), различные

1 Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ №16-06-00858

характеристики стимулов не противоречили друг другу (имплицитный консонанс).

В исследовании применяется экспериментальная методика научения искусственным грамматикам. Стимульный материал представляет собой буквенные последовательности (строки), составленные по двум грамматикам.

Процедура эксперимента состояла из двух этапов. На первом этапе всем группам даётся инструкция стараться заучить предъявленные стимулы после чего на экране последовательно предъявляются строки, составленные по грамматике-1 и начертанные шрифтом-1, чередующиеся в случайном порядке.

На втором этапе испытуемые делятся на 3 группы. ЭГ1 для классификации предъявляются новые строчки, 50% из которых соответствуют грамматике-1, 50% соответствуют грамматике-2. При этом половина строчек каждой грамматики начертана шрифтом-1, а другая половина - шрифтом-2. Задача - определить, какие строчки являются правильными, т.е. соответствуют грамматике-1. Для ЭГ2 все стимульные материалы и задание аналогичны, но ей сообщалось, что на 1-ом этапе все грамматические строчки были начертаны шрифтом-1, и теперь эта подсказка становится нерелевантной, и ее нужно игнорировать. КГ на втором этапе предъявляются строчки грамматики-1, начертанные шрифтом-1, и строчки грамматики-2, начертанные шрифтом-2 (т.е. подсказка является релевантной, но испытуемые об этом не осведомлены).

Основные результаты

Испытуемые всех групп классифицировали строки с точностью, значимо превышающей уровень случайного угадывания (50%), что говорит об усвоении испытуемыми целевой грамматики. При этом, точность классификации между группами не различается, т.е. основная гипотеза не подтвердилась.

КГ продемонстрировала парадоксальные результаты: испытуемые пытались осознанно игнорировать изменение шрифта, хотя оно фактически являлось для них подсказкой, и сообщали в интервью, что шрифт им мешал. Возможное объяснение заключается в том, что у испытуемых данной группы возник когнитивный диссонанс из-за противоречия между ожиданиями относительно сложности правил грамматики и простотой дополнительной подсказки. По мере прохождения тестового этапа диссонанс всё более нарастал, что способствовало отсутствию отличий по точности классификации от экспериментальных групп.

Литература

1. Аллахвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб.: Речь”, 2003 — 368 с.

2. Аллахвердов В.М. Сознание – кажущееся и реальное // Методология и история психологии. Том 4. Выпуск 1. М., 2009. — С. 137-150.

3. Иванчей И.И., Морошкина Н.В. Взаимодействие имплицитных и эксплицитных знаний при научении искусственным грамматикам // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 32. С. 2. URL: http://psystudy.ru (дата обращения: 20.03.2018).

4. Destrebecqz A., Cleeremans A. Can sequence learning be implicit? New evidence with the process dissociation procedure. Psychonomic bulletin & review. 2001. 8 (2), 343–350.

5. Dienes, Z., Altmann, G.T.M., Kwan, L.,Goode A. Unconscious knowledge of artificial grammars is applied strategically. Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition. 1995. 21 (5), 1322–1338.

6. Norman, E., Price, M. C., and Jones, E. Measuring strategic control in artificial grammar learning. Consciousness and Cognition. 2011. (4), 1920–1929.

7. Wegner D.M., Erber R., Zanakos S. Ironic processes in the mental control of mood and mood-related thought. Journal of Personality and Social Psychology, 1993. 65 (6), 1093-1104.

Ленчукова Елена Станиславовна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Эвристические стратегии в групповом решении задач (на примере игры «Что? Где? Когда?»)

Несмотря на большое количество работ, посвященных исследованию группового принятия решений, недостаточно изученным остается вопрос о роли, которую в нем играют эвристические стратегии (Mesmer-Magnus & DeChurch, 2009). Целью данного исследования является изучение эвристических приемов, используемых при решении задач на основе материала телевизионной игры «Что? Где? Когда?». Проверяется следующая гипотеза: использование большего числа эвристических стратегий и генерирование большего количества идей повышает вероятность того, что команда верно решит задачу.

Для анализа были выбраны две команды: успешная и неуспешная. Так как рейтинга команд в открытом доступе нет, критерием успешности команды стало высокое или низкое положение отдельных ее участников (как минимум капитана) в общем рейтинге членов клуба. Для анализа были выбраны команда Елены Потаниной (38% выигранных раундов) и Виктора Сиднева (59% выигранных раундов). Кроме того, в команде В. Сиднева участвуют А. Друзь (62%) и М. Дюба (67%, самое высокое соотношение среди действующих участников клуба). На основе анализа классификаций эвристических стратегий, проведенного И.И. Ильясовым (Ильясов, 1992) и собранного видеоматериала были выделены основные эвристические стратегии, характерные для группового решения задач:

1.Выдвижение идей/гипотез;

2.Критика идеи либо отказ от нее;

3.Выделение важных условий и установление основной трудности (конфликта) задачи – основного противоречия между тем, что известно и неизвестно;

4.Конкретизация идеи – поиск области решения, поиск в области решения, заданной другим игроком;

5.Вопрос, направляющий обсуждение – обращает внимание игроков на что-то, стимулирует выдвижение новых идей;

6.Обоснование (выдвижения/принятия) идей – доводы в пользу идеи.

Проведен качественный и количественный анализ видеозаписей телевизионных игр. В первую очередь мы транскрибировали несколько записей, затем выделили основные эвристические стратегии и внесли их в матрицу наблюдения, единую для всех команд. Таким образом, в матрице содержится следующая информация для каждого раунда: выигран/проигран, количество выдвинутых идей и количество использованных эвристических стратегий каждого вида.

На данном этапе производится дальнейший анализ игр, а также обработка полученных данных.

Литература

1. Mesmer-Magnus, J. R., & DeChurch, L. A. (2009). Information Sharing and Team Performance: A Meta-Analysis. Journal of Applied Psychology, 94(2), 535–546. https://doi.org/10.1037/a0013773

2. Ильясов И. И. (1992) Система эвристических приемов решения задач. М., Изд. Российского открытого университета, 140 с.

Лунева Александра Романовна, Коровкин Сергей Юрьевич

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Исследование вклада межполушарного взаимодействия в решении задач[1]

В планируемом исследовании мы будем изучать вклад межполушарного взаимодействия в решение мыслительных задач. Механизмы и биологическая основа творческих процессов до настоящего времени являются предметом спора ученых из разных областей знаний. Данные о приоритетном вкладе правого полушария в процесс творческого мышления являются устаревшими, однако, до сих пор не удалось полностью опровергнуть данный тезис, в связи с различными данными, полученными на разном материале, который рассматривается в качестве творческой задачи (Lindell, 2011). В своих исследованиях мы в качестве модели творчества используем инсайтные задачи, которые изучаем при помощи заданий-зондов (Лунева, Коровкин, 2017). Через процесс осложнения межполушарного взаимодействия с помощью параллельного звукового зондового задания, мы хотим выяснить значимость вклада межполушарной передачи информации в трех типах задач: инсайтных, квазиинсайтных и рутинных.

Гипотезы

Осложнение межполушарного взаимодействия приводит к снижению времени решения инсайтной и квазиинсайтной задачи.

Осложнение межполушарного взаимодействия не приводит к снижению скорости ответа на задание-зонд в инсайтной и квазиинсайтной задаче.

Осложнение межполушарного взаимодействия не приводит к снижению времени решения рутинной задачи.

Осложнение межполушарного взаимодействия приводит к снижению скорости ответа на задание-зонд в рутинной задаче.

План эксперимента

Каждый испытуемый решает три задачи: инсайтного, квазиинсайтного и рутинного типа. Текст основной задачи располагается по центру экрана в виде узкого столбика текста. В центре экрана, внутри текста

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ, МК-722.2017.6

находится точка, на которой испытуемый должен будет фиксировать взор после прочтения текста основной задачи. Во время решения основной задачи испытуемому необходимо выполнять параллельное задание-зонд.

Задание-зонд будет представлено в виде звуковых стимулов, так как это позволяет наиболее прицельно предъявлять стимульное задание в одно из полушарий (Andoh, Matsushita, & Zatorre, 2015) (высокий звук и низкий звук).

Предъявляется два вида зондов, которые нагружают моторную и сенсорную кору обоих или одного полушария (Bourne, 2006):

Контралатеральный зонд (предъявляется в правое или левое ухо и решается левой и правой рукой соответственно).

Ипсилатеральный зонд (предъявляется в правое или левое поле зрения и решается правой и левой рукой).

Испытуемый выполняет зондовое задание левой или правой рукой.

Ответ на основную задачу испытуемый дает в устной форме. В эксперименте будет фиксироваться время решения основной задачи и среднее время ответа на задание-зонд. Результаты будут обработаны с использованием метода двухфакторного дисперсионного анализа с последующим post hoc анализом попарных сравнений. Необходимый объем выборки – 36 человек.

Процедура

После окна с инструкцией, в центре экрана компьютера появлялся текст задачи. Внутри текста основной задачи располагалась точка фиксации взора. Во время прочтения и решения задачи испытуемый должен выполнять параллельное зондовое задание, подающееся соответственно в левое или правое ухо. Параллельное зондовое задание состояло в выборе одной из двух простых альтернатив (высокий и низкий звуки – испытуемый должен нажимать клавиши вправо и влево соответственно). Зондовое задание выполнялось либо левой, либо правой рукой. Зондовое задание должно было выполняться до момента правильного решения задачи. Для осложнения межполушарного взаимодействия зондовое задание подавалось в правое ухо и решалось левой рукой, а также подавалось в левое ухо и решалось правой рукой.

Реализуя данный экспериментальный план, мы планируем получить интересные и наиболее точные результаты о вкладе межполушарного взаимодействия в решение задач разных типов.

Литература

1. Andoh, J., Matsushita, R., Zatorre, R.J. (2015). Asymmetric interhemispheric transfer in the auditory network: evidence from TMS, resting-state fMRI, and diffusion imaging. The Journal of Neuroscience, 35, 14602-14611.

2. Bourne, V.J. (2006). The divided visual eld paradigm: Methodological considerations. Laterality, 11(4), 373-393.

3. Lindell, A.K. (2011). Lateral thinkers are not so laterally minded: hemispheric asymmetry, interaction, and creativity. Laterality, 164, 479-498.

4. Лунева, А.Р., Коровкин, С.Ю. (2017). Когда две головы хорошо, а одна - лучше: межполушарное взаимодействие в решении задач. В сборнике: Когнитивная наука в Москве: новые исследования Материалы конференции. Под редакцией Е.В. Печенковой, М.В. Фаликман. С. 227-230.

Ланина А.А., ***Горбунова Е.С.***

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Феномен «пропусков при продолжении поиска» в зрительном поиске: исследование методом стимуляции мозга

С задачей зрительного поиска, или поиска целевых стимулов среди отвлекающих (дистракторов) сталкивается в повседневной жизни каждый человек. Такой поиск осуществляется ежедневно, он заключается в нахождении как обычных вещей, предназначенных для удовлетворения той или иной потребности, так и в связи с какими-либо важными, а порой критическими ситуациями. Примером такого поиска может служить поиск сотрудниками аэропорта запрещенных веществ или оружия в ручной клади пассажиров. Стоит отметить, что важную роль в данном процессе играет сходство целевых стимулов и дистракторов, а также условия, в которых совершается решение задачи зрительного поиска.

Таким образом, зрительный поиск представляет собой удачную парадигму для исследования различных аспектов зрительного восприятия и внимания.

В большинстве экспериментов по изучению зрительного поиска присутствует только один целевой стимул. Когда же задача заключается в поиске более одного целевого стимула, то человек, который производит поиск, должен продолжать его после нахождения первого целевого стимула, как это часто бывает при, например, поиске запрещенных вещей, потому что нахождение только одного целевого стимула при условии, когда их несколько, может привести к печальным последствиям. Тем не менее, зачастую после нахождения первого объекта второй пропускается. Такое явление называется эффектом «пропусков при продолжении поиска». Современные исследования показывают непосредственную связь и схожесть данного феномена с такими явлениями как «сдвиг по сходству» и «мигание внимания» (Adamo, Cain & Mitroff, 2013; Biggs, Adamo, Dowd, & Mitroff, 2015). Однако несмотря на то, что эти явления так или иначе связаны с вниманием, до конца не ясна непосредственная связь феномена «пропусков при продолжении поиска» и внимания. Но поскольку феномен «пропусков при продолжении поиска» гипотетически имеет сходные механизмы с феноменом «мигания внимания», то можно предположить вовлечение в фено-

мен «пропусков при продолжении поиска» аналогичных нейрофизиологичесикх механизмов (в частности, участие правой задней теменной области) (Cooper, Humphreys, Hulleman, Praamstra, & Georgeson, 2004).

Гипотеза: при подавлении посредством катодной стимуляции tDCS правой задней теменной зоны амплитуда эффекта «пропусков при продолжении поиска» будет увеличиваться.

Метод

Эксперимент состоит из 3 сессий, каждая из которых будет проводиться в отдельный день. Каждая сессия состоит из 300 проб (50 проб без целевых стимулов, 50 проб с одним плохо заметным целевым стимулом, 50 проб с одним хорошо заметным целевым стимулом, 50 проб с двумя хорошо заметными целевыми стимулами, 50 проб с двумя плохо заметными целевыми стимулами, 50 проб с одним хорошо и одним плохо заметным целевым стимулом).

Порядок представления проб рандомизирован. Задача испытуемого состоит в том, чтобы найти все целевые стимулы или сообщить об их отсутствии, целевые стимулы – стимулы Т-образной формы, представленные среди идеально выровненных и не идеально выровненных L-образных дистракторов. В начале эксперимента испытуемому дается инструкция и тренировочная сессия, состоящая из 24 испытаний, включающая все условия основной сессии. После тренировочной сессии и до начала основной сессии испытуемый проходит одно из условий транскраниальной стимуляции постоянным током (transcranial direct current stimulation, tDCS). Используются три условия tDCS (стимуляция правой задней теменной области, стимуляция левой задней теменной области, псевдостимуляция в правой задней теменной области).

Ожидаемые результаты

Предполагаемыми результатами данного исследование является подтверждение гипотезы. Было бы интересно получить увеличение времени реакции и снижение точности испытуемых после подавления правой задней теменной области по сравнению со скоростью реакции после подавления левой задней теменной области, поскольку это поможет определить связь между феноменом и данной областью, а также между феноменом «пропусков при продолжении поиска» и вниманием.

Литература

Adamo, S. H., Cain, M. S., & Mitroff, S. R. (2013). Self-induced attentional blink: a cause of errors in multiple-target search. Psychol Sci, 24(12), 2569–2574. http://doi.org/10.1177/0956797613497970

Biggs, A. T., Adamo, S. H., Dowd, E. W., & Mitroff, S. R. (2015). Examining perceptual and conceptual set biases in multiple-target visual search. Attention, Perception, and Psychophysics, 77(3), 844–855. https://doi.org/10.3758/s13414-014-0822-0

Cooper, A. C. G., Humphreys, G. W., Hulleman, J., Praamstra, P., & Georgeson, M. (2004). Transcranial magnetic stimulation to right parietal cortex modifies the attentional blink. Experimental Brain Research, 155(1), 24–29. http://doi.org/10.1007/s00221-003-1697-9

Бочкина Елена Валерьевна

ГАОУ ВО «Московский Городской Педагогический Университет»

Связь представлений о цикличности пространственно-временных процессов с когнитивным развитием у детей дошкольного возраста

Гипотеза исследования

1.Существует связь представлений о цикличности пространственно-временных процессов с когнитивным развитием у детей дошкольного возраста.

При этом мы исходили из следующих допущений:

1.Существует связь представлений о цикличности пространственно-временный процессов с интеллектом, креативностью, вниманием, памятью, воображением.

2.Представления о цикличности пространственно-временных процессов у детей разных возрастов имеют отличия, которые учитывают возрастную специфику понимания пространства и времени.

3.Имеются различия в гендерном плане.

4.Путем организации специально формирующего обучения можно существенно повысить уровень развития представлений о цикличности пространственно-временных процессов.

Методы исследования

1.Теоретический анализ литературы.

2.Сравнительный подход.

3.Психологическая диагностика.

4.Диагностика воображения: методика О.М. Дьяченко «Дорисовывание фигур»

5..... Диагностика креативности: Е. Торренс – Е.Е. Туник Диагностика психического развития: Nepsy II Салли Кемп

6... Диагностика циклических представлений: методика Е.В. Бочкиной «Банки», методика Е.В. Бочкиной «Самолеты».

7.Диагностика интеллектуального развития: «Тест Векслера» Д. Векслер

8.Методы математической обработки данных: t-критерий Стьюдента, коэффициент ранговой корреляции Спирмена, *-критерий Фишера,» » Фергюсона для обнаружения показателя дискриминативности методик, метод эквивалентных бланков Альфа Кронбаха.

Тезисы

Представления о цикличности пространственно-временных процессов социально обусловлены контекстом общественного знания, способами его передачи и восприятия, и строятся на смысловой трансформации полученного ранее общественно-принятого образца знания с целью его схематизирования и конкретизации в личностное представление.

Представления о цикличности пространственно-временных процессов развиваются лучше и быстрее у девочек, которые во всех возрастных выборках показывали результаты лучше, чем мальчики. Стоит отметить, что к старшему дошкольному возрасту разрыв показателей когнитивного развития и представлений о цикличности временных процессов между группами мальчиков и девочек сокращается, но еще остается значимым для того, чтобы утверждать о разнице в показателях развития.

Представления о цикличности пространственно-временных процессов появляются еще в раннем возрасте, но их структуризация в первоначальные простейшие образы происходит в младшем дошкольном возрасте, затем с процессом взросления и перехода на новую возрастную ступень происходит расширение и конкретизация данного образа, которое в конце дошкольного возраста становится личностным представлением.

Программа развития представлений о цикличности пространственно-временных процессов основывалась на задаче – предвосхищения образа, который возникает у ребенка и скорректировать его, согласно социально-сложившимся критериям и нормам. Взрослый должен в своей работе передавать ребенку дошкольного возраста социально-значимые знания, создавая правильные представления о том или ином явлении, облачая в словесную форму знаково-символическую систему окружающего мира.

Список литературы

1.Бочкина Е.В. Методика исследования циклических представлений у детей дошкольного возраста» // Мышление и речь: подходы, проблемы, решения: Материалы XV Международных чтений памяти Л.С. Выготского. – 2014. – Т2. – С. 58-64.

2.Выготский Л.С. Психология. – СПб.: Питер, 2000.

3.. Гостев А.А. Образная сфера человека в познании и переживании духовных смыслов». М.: ИПРАН, 2001. 84 с.

4.Ларионова Л.И. Взаимосвязь коэффициента интеллекта с личностными характеристиками одаренных школьников// Ребенок в образовательном пространстве мегаполиса материалы II межрегиональной научно-практической конференции. Московский городской педагогический университет; 2015. С. 66-70.

5.Ларионова Л.И. Образовательное пространство как научная проблема// Международный психолого-педагогический симпозиум памяти профессора Вадима Альбертовича Родионова Сборник. 2017. С. 80-86.

Глазкова Алена Игоревна

ГБОУ Школа №1535

Формирование произвольной памяти с помощью мнемотехнических приемов

Проблема развития памяти всегда была и будет актуальна для современного человека, особенно для учащихся школ и университетов. Результаты проведенного исследования покажут, влияет ли изучение мнемотехнических приемов на объем возможной для запоминания информации. Материалы и сведения, полученные в результате проектной работы, могут быть использованы в дальнейшем для проведения курсов по улучшению памяти среди подростков.

Цель исследования – формирование произвольной памяти с помощью мнемотехнических техник.

Гипотеза исследования: систематическое целенаправленное использование мнемонических техник может увеличить объем возможной для запоминания информации.

Проведенное исследование состояло из трех основных частей: первое тестирование (принимали участие две группы испытуемых), занятия по усвоению мнемотехник (только одна из групп), повторное тестирование (обе группы).

Во время тестирования кратковременной и долговременной памяти были использованы две различные методики. Первая методика состояла в определении числа запомнившихся слов после каждого из пяти зачитываний исследователем 20 несвязанных по смыслу слов. Испытуемые на слух запоминали слова, произносимые с интервалом 2-3 секунды. После каждого прочтения участники записывали запомнившиеся слова в случайной последовательности. Спустя 30 минут после последнего зачитывания участники вновь записывали все запомнившиеся слова из последовательности, однако, в этот раз уже без повторного её зачитывания экспериментатором. Вторая методика состояла в определении количества ключевых частей текста со смысловой связью, воспроизведенных испытуемым сразу после прочтения текста и спустя 30 минут после прочтения. На прочтение текста, предоставленного в напечатанном виде, было отведено 90 секунд. После прочтения участники записывали запомнившиеся части текста. По истечению 30 минут после прочтения текста испытуемые вновь записывали текст по памяти, уже без повторного прочтения.

Исследование проводилось на базе 10 классов ГБОУ Лицея №1535 города Москва. В исследовании принимали участие 10 учащихся, 8 девочек и 2 мальчика, возраста 15-17 лет. Они были случайным образом разделены на две группы по 5 человек. Первая группа (основная группа) проходила тестирование объема кратковременной и долговременной памяти, посещала еженедельные занятия, проходила повторное тестирование после месяца занятий. Вторая группа (контрольная группа) проходила два тестирования с интервалом 1 месяц.

Мнемотехники, которые изучались во время занятий: метод ассоциаций, метод истории, метод римской комнаты, метод дороги, система цифровых крючков Симона, цифро-буквенный код и метод вешалок.

Результаты первого теста основной и контрольной групп были схожими, однако результаты, показанные членами основной группы после занятий, были значительно лучше, чем результаты контрольной группы. В среднем разница между результатами второго тестирования первой методики основной и контрольной групп с первой попытки - 44%, со второй попытки - 33%, с третьей - 19%, с четвертой - 11%, с пятой - 6%, с шестой - 8%; разница между результатами второго тестирования второй методики основной и контрольной групп с первой попытки - 21%, со второй попытки - 28%. Опираясь на полученные данные, мы можем сделать следующие выводы:

1. Гипотеза была подтверждена. Систематическое целенаправленное использование мнемонических техник может увеличить объем возможной для запоминания информации.

Во время проведения занятий также были выведены некоторые закономерности, связанные с изучением мнемотехник.

2. Участники, которые с легкостью могли представить нелогичную или абстрактную ситуацию, чаще использовали метод истории, в то время как участники, которые стремились к созданию реалистичных и логичных образов, чаще выбирали метод Цицерона или метод дороги.

После проведения последнего тестирования, участники основной группы были опрошены на тему использованных ими мнемотехник. Оказалось, что при прохождении повторного теста все члены основной группы использовали элементы различных мнемонических техник одновременно, причем их результаты были лучше, чем когда они использовали лишь одну технику.

3. Следовательно, совмещение двух и более методик оказалось эффективнее, чем использование лишь одной.

Литература

1. В.В. Нуркова, Н.Б. Березанская Психология : учебник / В. В. Нуркова, Н. Б. Березанская. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Издательство Юрайт ; ИД Юрайт, 2011. — 575 с. — Серия : Основы наук

2. Р. Немов Психология: Учеб.для студ. высш. пед. учеб. заведений: В 3 кн. — 4-е изд. — М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. - Кн. 1: Общие основы психологии. — 688 с.

3. А. Л. Тертель Т35 Психология. Курс лекций : учеб.пособие. - М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. - 248 с.

5. С.К. Багадирова, А. В. Леонтьева История психологии. Учебно-методическое пособие – Москва: Директ-Медиа, 2014. – 216 с.

6. Ю.В. Щербатых Общая психология — М. : Издательство Питер, 2009 — 350 с.

Хвостов Владислав Александрович, Стакина Юлия Михайловна, Уточкин Игорь Сергеевич

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Быстрая сегментация множественных сочетаний признаков на основе их сводной статистики

«Сводные статистики ансамблей» (Alvarez, 2011) – характеристики статистического распределения простых зрительных признаков (например, ориентации, размера, цвета) – могут играть ключевую роль в восприятии категориальной принадлежности множества объектов (Utochkin, 2015). Если распределение признака имеет больше одного пика (т.н. сегментабельное распределение), то зрительная система будет расщеплять множество объектов на несколько категорий (например, на кусте спелые ягоды (одна категория) будут принадлежать «красному» пику распределения, а листья (вторая категория) – к «зелёному»). При одном пике в распределении признака (несегментабельное распределение), объекты будет отнесено к одной категории (осенние листья, окрашенные в красный, зеленый цвет с промежуточными оттенками). Ранее было продемонстрировано влияние сегментабельности (наличие нескольких пиков в распределении) на быструю сегментацию множественных объектов, заданных одним признаком (Utochkin & Yurevich, 2016). Цель данной работы показать, что сегментабельность оказывает сходное влияние на сегментацию наборов объектов, заданных корреляцией двух признаков.

Эксперимент №1

Цель эксперимента состояла в проверке способности испытуемых к восприятию корреляции признаков, а также влияния сегментабельности на этот процесс. Стимуляция состояла из двух примыкающих друг к другу «текстур» (32 линии с разной длиной и ориентацией), которые обладали обратным знаком корреляции признаков, задающим границу между ними: при положительной корреляции в верхней половине (длинные линии чаще были пологими, а короткие - крутыми), в нижней половине наблюдалась равная ей по модулю отрицательная корреляция (длинные крутые и короткие пологие линии). Коэффициент корреляции (насколько часто определённое значение ориентации сочеталось с определённым значением длины) варьировался от 1 до -1 с шагом в 0.25. При несегментабельном условии линии обладали большой градацией признаков: ориентации имели диапазон от 11° до 86°

с шагом в 5° угла вращения, а длина - от 0.91° до 3.08° с шагом 0.145° зрительного угла (каждое значение признака встречалось дважды в каждой из половин). В сегментальном условии признаки были представлены только крайними значениями (каждое значение встречалось 16 раз в каждой половине). Данная стимуляция предъявлялась испытуемому на 200 мс в условиях обратной маскировки (случайный паттерн белых линий), после чего он с помощью кнопок «вверх-вниз» должен был выбрать, какая из половин текстуры обладала заданным знаком корреляции, получая обратную связь о правильности своих ответов (общее количество проб равнялось 1800).

Для каждого из 5 испытуемых были построены 2 психометрические функции (для сегментабельного и несегментабельного условий), моделировавшиеся как кумулятивные функции нормального распределения ответов (главный параметр – стандартное отклонение -). Все психометрические функции монотонно возрастали с увеличением коэффициента корреляции, в несегментабельном условии всегда были меньше, чем в несегментабельном (0.955 vs 0.436; 0.814 vs 0.364; 1.227 vs 0.534; 2.478 vs 0.548; 1.099 vs 0.538). Таким образом, все испытуемые продемонстрировали способность к сегментации текстур, заданных корреляцией двух признаков, при чём сегментабельность распределения признаков улучшала эту способность.

Эксперимент №2

Для более точной оценки влияния сегментабельности и временных аспектов сегментации был проведён эксперимент №2. Стимуляция полностью повторяла эксперимент №1 с 3 отличиями: коэффициент корреляции по модулю всегда был равен 1, во-вторых, граница между различными наборами могла быть как горизонтальной, так и вертикальной, и, в-третьих, фактор сегментабельности имел 4 уровня: оба признака сегментабельны (т.н. условие «оба»), оба признака несегментабельны, только ориентация сегментабельна, только длина сегментабельна. Различия в процедуре касались времени предъявлении стимуляции (оно могло быть 100, 200, 350, 500 мс) и ответа испытуемого (необходимо было определить ориентацию текстурной границы).

Для показателей чувствительности (d) для каждого испытуемого (n=21) в каждом условии проводился дисперсионный анализ с повторными измерениями. Был обнаружен главный эффект длительности предъявления ($F(3,60) = 16.563$, $p < .001$, $2p = 0.453$): в условии «100 мс» d были меньше, чем в остальных условиях, которые не различались между собой. Был также обнаружен главный эффект и для сегментабельности (($F(3,60) = 25.437$, $p < 0.001$, $2p = 0.56$): для условия

«оба» d были выше по сравнению с остальными, неразличавшимися между собой условиями. Межфакторного взаимодействия обнаружено не было ($F(9,180) = 1.499$, $p = 0.151$, $2p = 0.070$).

Результаты показывают, что задача различения текстур, заданных корреляцией двух признаков является сложной, так как для всех условий характерны низкие d , и только сегментабельность обоих признаков значительно их повышает. Также важно, что улучшение чувствительности под действием сегментабельности происходит на раннем этапе обработки (100-200 мс), что говорит о вовлечении в процесс сегментации ранних механизмов (Whiting & Oriet, 2011) и не согласуется с идеей о необходимости сфокусированного внимания (Myczek & Simons, 2008).

Литература

1. Alvarez, G. A. (2011). Representing multiple objects as an ensemble enhances visual cognition. Trends in Cognitive Science, 15, 122-131.

2. Myczek, K. & Simons, D. J. (2008). Better than average: alternatives to statistical summary representations for rapid judgments of average size. Perception and Psychophysics, 70, 772–788.

3. Utochkin, I. S. & Yurevich, M. A. (2016). Similarity and heterogeneity effects in visual search are mediated by “segmentability”. Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance, 42(7), 995-1007. doi:10.1037/xhp0000203.

4. Utochkin, I. S. (2015). Ensemble summary statistics as a basis for rapid visual categorization . Journal of Vision, 15(4):8, 1-14. doi:10.1167/15.4.8.

5. Whiting, B. F. & Oriet, C. (2011). Rapid averaging? Not so fast! Psychonomic Bulletin & Review, 18(3), 484–489.

Толстова Ольга Игоревна

Государственный гуманитарно-технологический университет

Особенности зрительной перцепции жителей виртуального пространства

Развиваясь, мировая культура создала виртуальное пространство. В киберпространстве реализуются основные виды потребностей и порождаются различные виды деятельности, базирующиеся на зрительной перцепции. Возникает вопрос, ведут ли условия виртуального пространства к трансформации зрительного восприятия.

Целью исследования явилось изучение особенностей зрительной перцепции жителей виртуального пространства. Объект – зрительная перцептивная деятельность студентов 18 – 22 лет.

Предмет – зрительная перцептивная деятельность активных жителей виртуального пространства.

В нашем исследовании было выдвинуто предположение о том, что показатели зрительной перцептивной деятельности активных жителей виртуального пространства значимо отличаются от аналогичных показателей менее активных студентов.

В исследовании приняли участие 81 испытуемый в возрасте 18 – 22 лет. В соответствии с целью исследования испытуемые были разделены на две группы. Экспериментальную группу составили 59 активных жителей с систематическим пребыванием в киберсреде по 5 – 6 и более часов в день со стажем от 7 до 10 лет. Контрольную группу представляют 22 менее активных жителя с систематическим пребыванием в Интернете менее 2-х и от 2-х до 4-х часов в день со стажем от 3-х до 8 лет.

В качестве методов исследования использовались: методика измерения объема восприятия [1]; методика выявления пространственных признаков восприятия «Компасы» [4] и методика нахождение различий в изображении, содержащего один сюжет [2].

В методике измерение объема перцепции показателями явились точность восприятия осмысленного и бессмысленного материала. Показ стимульного материала осуществлялся в два этапа. Первый этап содержал бессмысленный материал (буквы), а второй – осмысленный материал (восприятие букв в составе предложений). В один этап входит 20 проб, всего в опыте – 40 предъявлений. При показе бессмысленного материала первая проба составляет 8 букв, вторая проба 9, третья 10 и т.д., на двадцатой пробе предъявляют 27 букв. Следовательно, в ка-

ждой пробе меняется состав и объем стимульного материала, увеличиваясь на одну букву. На втором этапе предъявляются предложения. Время предъявления каждого варианта стимульного материала составляет 1 секунду. В методике «Компасы» выделились следующие показатели: производительность, скорость, точность восприятия. На выполнение задания отводилось 10 мин.

В методике нахождение различий в изображении, содержащем один сюжет, определились результативные показатели: количество правильно воспринятых различий и количество неправильно воспринятых различий. В качестве стимульного материала использовалась фотография размером 11,5 х 18. На поиск пятнадцати различий отводилось 5 мин. Для оценки достоверности различий между двумя группами использовался критерий U-Манна-Уитни.

По методике измерения объема перцепции выявлена значимость различий по точности восприятия бессмысленного материала между активными и менее активными жителями виртуального пространства. Полученные результаты активных жителей виртуального пространства превосходят аналогичные результаты менее активных жителей. Следовательно, у активных жителей виртуального пространства объем восприятия больше объема восприятия менее активных жителей ($p=0,0092$ по критерию U-Манна-Уитни).

В методике «Компасы» не выявлено значимых различий между двумя группами по показателям: скорость, точность и производительность восприятия.

Методика нахождение различий с помощью изображения, содержащего один сюжет, показывает, что активные жители виртуального пространства допускают больше ошибок на восприятие, чем ошибки на внимание. У менее активных жителей виртуального пространства присутствуют ошибки внимания, но отсутствуют ошибки восприятия.

Не зафиксировано значимых различий между активными и менее активными жителями виртуального пространства по количеству правильно и неправильно воспринятых различий.

Полученные результаты исследования можно объяснить тем, что в Интернет-среде информация зачастую является фрагментарной, несвязанной, а Интернет-ресурсы содержат большое количество символов и кодов. Возможно, данные условия тренируют восприятие бессмысленного материала. Активные жители виртуального пространства «заглатывают» структурированную, подготовленную информацию, не обрабатывая содержание [3]. Вероятно, выше изложенные условия вызыва-

ют сложности в восприятии целостного материала – изображения, содержащего один сюжет.

Можно сделать вывод о том, что специфические условия Интернет-среды ведут к трансформации зрительной перцепции активных жителей виртуального пространства.

Литература

1.Крылов, А.А., Маничев, С.А.(2003) Практикум по общей, экспериментальной и прикладной психологии : 2-е изд., доп. и перераб. Питер.

2.Пашукова, Т.И.(1996) Психологические исследования. Практикум по общей психологии для студентов педагогических вузов.: учеб. пособие. Институт практической психологии.

3.Черемошкина, Л.В.(2010) Влияние интернет-активности на мнемические способности субъекта. Психология. Журнал Высшей школы экономики. Т.7, 3,57 –71.

4. Шапарь, В.Б.(2002) Практическая психология. Инструментарий. Ростов н/Д: издательство «Феникс».

Милн Анна Робертовна, Степаненко Владислава Геннадьевна, Горбунова Е.С.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Эффект "усиления внимания" в условиях разной перцептивной загрузки

Внимание - это избирательный и ограниченный по объему и мощности процесс (Broadbent, 1952). Когда внимание направлено на один стимул (целевой), параллельно предъявляемая информация должна обрабатываться хуже (Kinchla, 1992). Однако, в некоторых случаях повышение внимания к одной задаче или к одному стимулу может улучшить обработку параллельно предъявляемой информации. Этот феномен носит название эффект "усиления внимания" (Attentional Boost Effect) и состоит в том, что изображения, предъявляемые испытуемым в одно время с целевым стимулом, запоминаются лучше, чем предъявляемые до или после целевого стимула (Swallow & Jiang, 2011). Таким образом, внимание к целевому стимулу может усилить перцептивную обработку параллельно предъявляемой информации. Согласно модели перцептивной загрузки, на выполнение перцептивной задачи оказывает влияние уровень загрузки системы переработки информации - количество и сложность предъявляемых стимулов (Lavie, 1995). В ситуации низкой перцептивной загрузки нерелевантная заданию информация сильнее влияет на выполнение задания, чем при высокой загрузке. Кроме того, повышение перцептивной загрузки также способствует снижению активации тех зон мозга, которые участвуют в обработке нерелевантной информации (Swallow & Jiang, 2013). На основании данных результатов была выдвинута следующая гипотеза: при предъявлении целевого стимула в парадигме "усиления внимания" в условии низкой перцептивной загрузки фоновая картинка будет запоминаться лучше, чем в условии высокой загрузки.

В исследовании приняли участие 24 студента (17 мужчин и 7 женщин) департамента психологии НИУ ВШЭ в возрасте от 18 до 24 лет. Эксперимент был создан в программе PsychoPy. В исследовании использовалось 1000 изображений из базы объектов ежедневного использования.

Эксперимент состоял из двух частей. В первой части эксперимента испытуемым последовательно предъявлялось 500 изображений (250 для условия низкой загрузки, из которых 20 стимулов были целевыми, и 250 для условия высокой загрузки, среди которых также было 20 целевых стимулов) с наложенными на них буквами (1 буквой в условии

низкой загрузки и 4 в условии высокой загрузки). Условия с высокой и низкой загрузкой предъявлялись по схеме полного уравнения: половине испытуемых сначала предъявлялись изображения для условия с низкой загрузкой, а затем с высокой, а половине - наоборот. Буквенный стимул предъявлялся на 0.2 с, изображение - на 0.5 с. При виде целевого стимула - буквы “А” - испытуемый должен был нажимать на “пробел”. Во второй части эксперимента испытуемым предъявлялся набор из 1000 изображений (500 из которых уже были показаны в первой части, а 500 представляли собой ранее не предъявленные объекты из той же базы), последовательность предъявления была рандомизирована. Испытуемым необходимо было постараться вспомнить, какие изображения они уже видели в первой части.

Для обработки полученных результатов использовался дисперсионный анализ (ANOVA) с повторными измерениями Данные обрабатывались при помощи статистического пакета SPSS. Сначала авторами были проверены модели, включающие влияние только одного из факторов на процент узнаваний картинок. Фактор тип стимула (дистрактор или целевой) статистически не значим: $F = 0.106$; $p = 0.747$; $p2= 0.307$. Фактор перцептивной загрузки статистически значим: $F = 10.173$; $p = 0.004$; $p2= 0.005$. Взаимодействие факторов значимо: $F = 8.997$; $p = 0.006$; $p2= 0.281$.

Дополнительно были проведены проведены попарные сравнения для фактора “перцептивная загрузка” внутри фактора “стимул” (в модели взаимодействия факторов). Средний процент узнаваний картинок с нецелевым стимулом не отличается для условий высокой и низкой перцептивной загрузки ($p = 0.135$). Однако процент узнаваний целевого стимула оказывается большим в условии низкой перцептивной загрузки по сравнению с условием высокой перцептивной загрузки ($p = 0.002$).

Таким образом, полученные результаты говорят о том, что при повышении перцептивной загрузки запоминание нерелевантной информации ухудшается, что согласуется с предсказаниями модели перцептивной загрузки Н. Лави.

Литература

Broadbent, D. E. (1952). Listening to one of two synchronous messages. Journal of Experimental Psychology, 44, 51–55.

Swallow, K. M., & Jiang, Y. V. (2011). The role of timing in the attentional boost effect. Attention, Perception, & Psychophysics, 73 (2), 389– 404.

Swallow, K. M., & Jiang, Y. V. (2013). Attentional Load and Attentional Boost: A Review of Data and Theory. Frontiers in Psychology, 4, 274.

Kinchla, R. A. (1992). Attention. Annual Review of Psychology, 43, 711–742.

Lavie, N. (1995). Perceptual load as a necessary condition for selective attention. Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance, 21(3), 451-468.

Психология личности и психологическое консультирование

Яковлева Александра Евгеньевна

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина

Особенности ценностно-смысловой направленности личности ВИЧ-инфицированных больных

Гипотеза исследования – ценностно - смысловая направленность личности ВИЧ - инфицированных больных имеет свою специфику, которая значимо отличается от ценностно - смысловой направленности лиц без ВИЧ - инфекции.

Под влиянием депрессивного самовосприятия изменяются и ценностные ориентации личности ВИЧ - инфицированных.

Однако вопрос о том, как именно ценностная трансформация отражена в сознании ВИЧ - инфицированных, как изменяются их ценностные ориентации в связи с болезнью, представляется недостаточно изученным.

Для исследования был применен метод тестирования, беседы, наблюдения и использованы следующие методики:

1.Методика диагностики иррациональных установок. (Тест Альберта Эллиса)

2.Диагностика самоактуализации личности. (Методика А.В. Лазукина, адаптация Н.Ф. Калина) (САМОАЛ)

3.Методика жизнестойкости (Методика С. Мадди, адаптация Д.А. Леонтьева)

4.Копинг-тест Лазаруса. Оценка поведения в трудной жизненной ситуации

5.Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности (С.С.Бубнова)

В качестве основной группы были выбраны больные с ВИЧ - инфекцией женского и мужского пола (шифр В20, по МКБ - 10). Всего было обследовано 40 человек (20 чел мужчины, 20 чел женщины), в возрасте от 30 до 35 лет. Контингент: пациенты, находящиеся под наблюдением в центре «СПИД».

Эмпирические результаты

Полученные данные свидетельствуют о том, что испытуемые с ВИЧ – инфекцией склонны утрировать любую стрессовую ситуацию до ката-

строфических размеров. Проявляется это у испытуемых в повышенной тревожности, в неадекватном и дезатаптивном поведении. Имеется склонность к совершению импульсивных поступков и сложностью с выстраиванием нормальных взаимоотношений с окружающими. Лица с ВИЧ – инфекцией имеют высокие требования, предъявляемые как к себе, так и к другим. Что свидетельствует об отсутствии сформированности ответственности, перекладывание причин своего поведения на других людей. В их сознании формируется идея о том, что только они правы, а другие люди постоянно стремятся обвинить. Со временем они утрачивают возможность менять себя к лучшему.

Самооценка у ВИЧ – инфицированных находится на низком уровне, это свидетельствует о том, что они не удовлетворены своим социальным положением.

Вследствие своего заболевания, а так же постоянного психологического давления со стороны социума ВИЧ – инфицированные постоянно находятся в состоянии фрустрации. Они испытывают тревогу, раздражение и отчаяние.

Полученные данные свидетельствуют о том, что ВИЧ – инфицированные редко получают удовольствие от какой - либо деятельности. Можно сделать предположение, что весь интерес идет на здоровье. Имеется тенденция к ощущению собственной беспомощности. Таким людям свойственно заниженная самооценка, бессилие и пассивность. Вероятно, что они устали бороться со своей болезнью. Респонденты основной группы нуждаются в эмоциональной и действенной поддержки. Инфицированные разрешают проблему за счет привлечения внешних (социальных) ресурсов, поиска информационной, эмоциональной и действенной помощи. Для них характерно ориентированность на взаимодействие с другими людьми, ожидание внимания, совета, сочувствия. Проявляется это в стремлении быть выслушанным, получить эмпатичный ответ, разделить с кем - либо свои переживания. пациенты реагируют на трудности путем уклонения: отрицание проблемы, фантазирования, отвлечения. Они чаще применяют уход от проблем, что отражает склонность к мысленным стремлениям и поведенческим усилиям, направленным на избегание или бегство от их решения.

Ковалева Маргарита Александровна

Московский государственный психолого-педагогический университет

Особенности моральной мотивации лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации

Моральная мотивация как часть морального сознания регулирует поведение людей в системе общественных отношений, в соответствии с усвоенными человеком в процессе жизни понятиями о долге, справедливости и добре, которые формируются специфично в определенном обществе[4,5]. Поскольку человек является носителем моральных норм и, в первую очередь, к себе он применяет требования и оценивает свои поступки с помощью нравственных критериев, то моральная регуляция фактически представляет собой также и моральную саморегуляцию поведения человека [3].

Трудные жизненные ситуации предъявляют серьезные требования к адаптационной способности личности и при недостаточности ресурсов могут стать причиной серьезных проблем. Если стресс становится травматическим, то нарушается сама модель мира и самоотношения, что в итоге ведет к снижению показателей психологического благополучия. Для адаптации и успешного функционирования в социуме человеку необходимо ощущать целостность своей личности, быть убежденным в справедливости мира и собственной успешности [4]. Эти позитивные установки создают нравственную основу сознания личности, опираясь на которую он и строит свои отношения с внешним миром и самим собой. Моральное сознание и поведение представляют собой существенный ресурс развития каждого человека, повышения интенсивности и глубины его социальных контактов, а также позволяют уменьшить зависимость психологического благополучия от средовых воздействий [2].

Отмечается, что у условно здоровых испытуемых и у испытуемых с ОВЗ разная структура саморегуляции, разное представление об окружающем мире, устройстве взаимоотношений с этим миром и собственном Я. Есть данные, говорящие о том, что чем сильнее оказываются ограничения возможностей здоровья человека, тем больше выражен рост личности, то есть, пережитая травма становится ресурсом личности для психологического благополучия [1].

Цель данной работы: рассмотреть особенности моральной мотивации людей, находящихся в трудных жизненных ситуациях разного содер-

жания - вызванных тяжелой травмой и ограниченными возможностями здоровья или хроническими бытовыми стрессами.

В исследовании приняли участие 67 человек в возрасте от 16-40 лет:

Экспериментальная группа 1 испытуемых включает 27 человек – лица, имеющие спинальные травмы, находящиеся на реабилитации в центре «Преодоление».

Экспериментальная группа 2 включает в себя 21 человека - студенты первого курса московского вуза. Особенностью этой группы являются жизненные условия, требующие на данном этапе серьезной адаптации к системе обучения с жесткой рейтинговой системой оценок и быстрым отчислением в случае несоответствия определенному уровню, что сразу ставит людей в конкурирующие условия.

Контрольная группа включает 19 человек в возрасте 19-20 лет – студенты МГППУ.

В исследовании использовались следующие опросники: Шкала базисных убеждений (WAS) Янов-Бульман, Шкала психологического благополучия (ШПБ) Варвик-Эдинбург. Трехфакторная шкала аутентичности (The Authenticity Scale) А. Вуда. Модель моральных мотивов (Model of Moral Motives (MMM)) Р. Янов-Бульман.

Основная гипотеза исследования: чем выше уровень моральной мотивации личности, тем более благоприятно её мировоззрение и тем выше уровень переживаемого благополучия и аутентичности бытия.

Были получены значимые коэффициенты корреляции, свидетельствующие о том, что имеются связи переживания благополучия с выраженностью моральных мотивов. Однако сами мотивы, связанные с благополучием в разных группах, при этом различаются: в условиях стабильной жизни, равно как и тяжелой жизненной ситуации инвалидности, это «Усердие», а в условиях повседневного стресса это «Помощь» и «Непричинение вреда».

Также был проведен анализ связей между шкалами базисных убеждений и шкалами моральной мотивации Янов-Бульман, который показал степень согласованности мировоззрения и моральных мотивов представителей трех групп. Примечательно, что данные связи в группе студентов с трудной жизненной ситуацией всегда положительные, тогда как в группе пациентов со спинальными травмами и в группе условной нормы встречаются и отрицательные: иначе говоря, моральная мотивация проявляется не синтонно мировоззрению (мир хорош, и я делаю его еще лучше), а в дополнение ему, в случае убежденности в

неправильности мироустройства (мир плох, и потому я должен его исправить).

Был проведен регрессионный анализ, в результате которого было получено значение коэффициента детерминации R >0,5 что свидетельствует о влиянии шкал моральной мотивации на показатель психологического благополучия.

Таким образом, на основе полученных экспериментальных данных можно заключить, что высокий уровень выраженности моральных мотивов представляет собой важный фактор адаптации к социальной среде, а, следовательно, и важное условие психологически здоровой личности.

Литература

1.Леонтьев Д.А., Александрова Л.А. Вызов инвалидности: от проблемы к задаче. // Третья Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: материалы сообщений / под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2010. С. 114-120.

2....Леонтев Д.А. Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал. // Сибирский психологический журнал. 2016 №62. С.18-37

3.... Якобсон С.Г., Морева. Г.И. Образ себя и моральное поведение дошкольников.// Вопросы психологии 1989. №6. – С.34.

4.Janoff-Bulman R. and Carnes N.C. (2013) Surveying the Moral Landscape: Moral Motives and Group-Based Moralities//Journal of Personality and Social Psychology No.17, C.219-236.

5.Sheikh, S., & Janoff-Bulman, R. (2010). Tracing the self-regulatory bases of moral emotions. [Электронный ресурс] – URL: https://www.researchgate.net/publication/241647195_Tracing_the_Self-Regulatory_Bases_of_Moral_Emotions

Нуруллина Эллина Маратовна[1], Куминская Евгения Андреевна[2]

[1] Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», [2] ФГБНУ «Психологический институт РАО»

Использование социальных сетей людьми с разным уровнем удовлетворенности жизнью[1]

В настоящее время пользование социальными сетями занимает большую часть жизни людей и потому все чаще оказывается в фокусе внимания психологов и социологов. В современных исследованиях наблюдаются две точки зрения на проблему взаимосвязи использования социальных сетей и различных психологических конструктов. Во-первых, имеются данные, что уровень субъективной удовлетворенности жизнью (СУЖ) возрастает при активном использовании социальных сетей, так как люди таким образом восполняют нехватку общения (Oha et.al., 2014). В других исследованиях отмечается, что, напротив, СУЖ снижается, так как респонденты считают, что они потеряли время, проведя его в социальных сетях, и у них возникает агрессия, чувство вины и другие негативные эмоциональные состояния (Moore, McElroy, 2012; Ahn, Shin, 2013). С целью раскрыть не только характер, но и механизм взаимосвязи использования социальных сетей и удовлетворенности жизнью, исследователи пытаются строить более сложные модели, включающие модерирующие переменные. Так, ранее было установлено, что нейротизм является предиктором субъективной удовлетворенности жизнью и оказывает на нее негативное влияние (Diener, 1984; Costa&McCrae, 1980); DeNeve, Cooper, 1998). В недавних же исследованиях было обнаружено, что нейротизм вносит вклад в общую активность в социальных сетях (Bachrach et al., 2012; Moore et al., 2012).

Однако, по настоящее время отсутствуют исследования, раскрывающие характер связей между СУЖ, личностными чертами и использованием социальных сетей и проведенные на российской выборке. Такое исследование открыло бы возможности для накопления новых данных, сопоставимых с уже имеющимися в мировой науке. Использование поведенческих данных (вовлеченность пользователя в определенные круги общения и тематические группы, индикаторы вербальной и невербальной активности с другими пользователями и пр.) позволяет выявлять объективные корреляты психологических состояний. Это

1 Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект №17-29-02225

может стать основой для диагностики факторов риска для психологического здоровья и разработки программ психологической помощи одновременно для большого количества людей.

В данной работе основной целью является исследование взаимосвязи между нейротизмом, уровнем субъективной удовлетворенности жизнью и использованием социальной сети Vkontakte. Гипотезами выступают два предположения. Во-первых, субъективная удовлетворенность жизнью и нейротизм обратно коррелируют; во-вторых, нейротизм вносит вклад в активность в социальных сетях, в частности, VKontakte. Опросник личностных черт NEO-FFI и «Шкала удовлетворенности жизнью» Э.Динера в адаптации Е.Н. Осина и Д.А. Леонтьева (Осин, Леонтьев, 2008) являются основными инструментами сбора данных для решения поставленных задач. Выборку на пилотажном этапе составили 51 человек в возрасте от 18 до 39 лет.

При проверке гипотезы о взаимосвязи нейротизма и СУЖ использовался корреляционный анализ Пирсона, который не выявил значимых связей. Для того, чтобы выяснить, вносит ли нейротизм вклад в общую активность респондентов в социальных сетях, была построена регрессионная модель. Выяснилось, что всего 8,4% дисперсии объясняется вкладом нейротизма в проявление общей активности респондентами в социальных сетях, однако данные по характеристике модели оказались значимыми ($R2=0,084$ $F=4,506$ $p=0.039$), что в целом является результатом, соответствующим подобным, полученным зарубежными коллегами. Можно предположить, что размер выборки на данном этапе не достаточен, чтобы проводить анализ данных, и, соответственно, пока нет оснований делать выводы, будут ли опровергнуты или подтверждены выдвинутые гипотезы.

Предполагается, что, во-первых, размер выборки будет увеличен, а, во-вторых, будет проведена серия полуструктурированных интервью, что позволит выявить мотивационную составляющую респондентов с разным уровнем удовлетворенности жизнью, которые используют социальные сети.

Литература

Oha H.J., Ozkaya E., LaRose R. (2014). How does online social networking enhance life satisfaction? The relationships among online supportive interaction, affect, perceived social support, sense of community, and life satisfaction. Computers in Human Behavior, 30, 69–78.

Moore K., McElroy J.C. (2012). The influence of personality on Facebook usage, wall postings, and regret. Computers in Human Behavior, 28, 267–274.

Ahn D. & Shin D. (2013). Is the social use of media for seeking connectedness or for avoiding social isolation? Mechanisms underlying media use and subjective well-being. Computers in Human Behavior, 29, 2453–2462.

DeNeve K.M., Copper H. (1998). The Happy Personality: A Meta-Analysis of 137 Personality

Traits and Subjective Well-Being. Psychological Bulletin, 124 (2), 197-229.

Costa P.T., McCrae R.R. (1998). Influence of Extraversion and Neuroticism on Subjective

Well-Being: Happy and Unhappy People. Journal of Personality and Social Psychology, 38 (4), 668-678.

Кумченко Сергей Константинович

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Ресурсные звенья при различных трансгендерных идентичностях

Трансгендерность – зонтичный термин, вбирающий в себя группы людей, чья гендерная идентичность или гендерное самовыражение отличается от пола, указанного при рождении (Карагаполова, 2017). Как показывает литература (Стандарты медицинской помощи..., 2015), число таких гендерных идентичностей может быть велико, однако наиболее простая их классификация выглядит следующим образом: бинарные трансгендеры – определяющие себя либо в качестве мужчин, либо в качестве женщин; и небинарные трансгендеры, или гендерквир – определяющие себя в ином гендерном качестве. Гендерная идентичность лиц, определяющих себя, как трансгендеры, именуется трансгендерной идентичностью.

Частным случаем феномена трансгендерности является феномен транссексуальности – дисфорическое состояние личности, заключающееся в длительных и устойчивых переживаниях рассогласования морфологически представленного пола и гендерного самоопределения, сопровождаемое желанием жить и быть принятым в обществе в качестве лица противоположного пола согласно бинарной гендерной системе (мужчина/женщина), а также желанием медицинской коррекции половых признаков тела в желаемую сторону (Карагаполова, 2017).

В настоящей работе предпринята попытка выявления ресурсных звеньев при различных трансгендерных идентичностях: гендерквир-идентичности и транссексуальной идентичности.

Выявление сильных сторон клиента представляет собой одну из возможных стратегий в психотерапевтическом взаимодействии, например, в гуманистически ориентированном направлении (Спиваковская, 2010), в то время как опора на сохранные звенья психической жизни является обязательным компонентом восстановительной работы в культурно-исторической традиции в клинической психологии (Зейгарник, 1986).

Актуальность темы диктуется всё более частой представленностью феномена трансгендерности в обществе, СМИ, а также в кабинете психолога на фоне малой осведомлённости в нюансах практической работы с данным контингентом лиц. Трансгендерность является ведущей те-

мой в консультативном процессе и психотерапии трансгендерных людей, и ряд негативных финансовых, юридических, государственных и иных социальных, а также собственно психологических и семейных обстоятельств, сопровождающих феномен трансгендерности, смущают специалиста своей пессимистической картиной, в связи с чем было предпринято настоящее исследование с целью обнаружения ресурсных сторон трансгендерности.

На основании двух научно-психологических работ по теме трансгендерности (Кумченко, 2017, а; б), ведения групп поддержки для Т-людей на базе московского фонда «Трансгендер», а также ряда консультаций с трансгендерами были сформулированы положения о ресурсных звеньях, на которые можно опираться в консультативной и психотерапевтической работе с данным контингентом людей.

Так, в одной из работ (Кумченко, 2017, б) при помощи качественно-корреляционного анализа данных теста Куна «Кто Я?» и шкалы удовлетворённости жизни Осина (ШУДЖ) была выявлена связь самооценки небинарных трансгендеров с утверждением своей небинарной трансгендерной идентичности, из чего был сделан вывод о пользе группового формата работы для небинарных трансгендеров, что можно наблюдать на практике реальных групп поддержки. Таким образом, ресурсным звеном небинарных трансгендеров является общение в безопасном кругу приятелей на фоне потребности в экспрессии гендерной идентичности.

В той же работе была выявлена связь самооценки бинарных транссексуалов с указанием своей профессиональной идентичности, из чего был сделан вывод о пользе индивидуального формата проблемно-ориентированного взаимодействия с лицами-транссексуалами, озабоченными карьерным ростом. Таким образом, ресурсным звеном бинарных транссексуалов является рабочая мотивированность, которая стала ведущей причиной организации такого московского мероприятия осенью 2017 года, как «Технологии карьерного роста для трансгендеров».

Качественный анализ самоописаний в тесте Куна в сравнении с выборкой нетрансгендеров позволил выявить склонность трансгендеров к искусству, что является ресурсным звеном. В другой нашей работе (Кумченко, 2017, а) у лиц-транссексуалов обнаружилось особое предпочтение рисуночных и проективных методов психодиагностики, что также говорит в пользу склонности транссексуальных людей к искусству. В последней работе была обнаружена тенденция к снижению сексуальной самооценки у лиц-транссексуалов на фоне повышенного интереса к вопросам сексуальности; иначе говоря, не имея возможно-

сти реализовать свою сексуальность в силу внутренних дисфорических причин, транссексуальные люди остаются более глубоко заинтересованными данной темой, чем лица-нетрансгендеры. Данный факт позволяет предложить сублимацию сексуального интереса через искусство как возможную психотерапевтическую стратегию, а значит – ресурсное звено. С учётом выводов предыдущей статьи оказывается, что такая сублимация может быть реализована и посредством рабочей задействованности.

Указанный ход рассуждений на основании научных и практических работ привёл нас к формулировке ещё нескольких ресурсных звеньев в ситуации трансгендерности, которые планируют быть критически рассмотренными на предстоящей конференции.

Литература

1. Зейгарник Б.В. Патопсихология. Изд. 2-е, переработанное и дополненное. - М.: Издательство Московского университета, 1986. – 287 с.

2. Карагаполова И.В. Трансгендерность в современной психологии сексуальности // Очерки современной психологии сексуальности. / Сборник научных статей под редакцией Е.Кащенко. / Издательские решения. Ridero, 2017. – 168 с.

3. а) Кумченко С.К. Сексуальная самооценка как психологическая категория // Очерки современной психологии сексуальности. / Сборник научных статей под редакцией Е.Кащенко. / Издательские решения. Ridero, 2017. – 168 с.

4. б) Кумченко С.К. Структура самооценки при различных трансгендерных идентичностях. Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2017» / Секция «Психология» / Подсекция «Клиническая психология, психосоматика и психология телесности» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. [Электронный ресурс] — М.: МАКС Пресс, 2017.

5. Международные медицинские стандарты помощи трансгендерным людям / Ред. А.Ю. Бабенко, Д.Д. Исаев. – СПб.: ЦСИИ «Действие», 2015. – 200 с.

6. Спиваковская А.С. Фрагменты беатотерапии. – М.: Беато-Пресс, Поматур, 2010. – 208 с.

Ремезов Дмитрий Андреевич

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Значимый Другой и блокирование личностного потенциала

Со времен появления психоанализа, в психологию вошло представление, что психика человека развивается в непосредственном контакте с близкими людьми, социумом и культурой в целом [10]. Однако, хотя внешнее воздействие и представляется значимым, но человек во многом сам определяет свое развитие. Еще И.М. Сеченов писал, что, несмотря на физиологическую детерминацию психической деятельности, у человека присутствует возможность регулировать свое состояние при помощи механизма торможения протекания сигналов по нервной ткани [7]. Именно такое торможение, по мнению Сеченова, способно породить свободу воли. А там, где есть свобода воли, возникает «Я».

С одной стороны, «Я» — это универсальный знак, определяющий существование. Это культурный символ, определяющий говорящего. «Я» — это так же и наше телесное проявление, наше физиологическое существование, которое есть здесь и сейчас [8]. С другой, как пишет Фрейд З., это так же и отдельная структура психического - Эго, которая направлена на контакт с миром и уравновешивание животного Ид и культурно-обусловленного Супер-Эго [10]. Согласно представления Берна Э., Эго состоит из трех Эго-состояний (структурная модель первого порядка): Родителя, Взрослого и Ребенка. Каждое Эго состояние, выполняет определенную функцию (функциональная модель), по средствам которой проявляется в мире [1]. Родитель несет в себе функцию контроля и социализации человека в соответствии с культурными, социальными и семейными устоями, присущими окружению человека. Взрослый – отвечает за проявления человека здесь и сейчас, за взаимодействие с миром и окружающей действительностью, реалистичное планирование будущего и построение ближайших планов. Эта структура, представляет собой механизм адекватной оценки ситуации вокруг и реагирования на нее так и таким образом, который будет наиболее оптимальным и соответствующим сложившимся обстоятельствам, в том числе и на эмоциональном уровне. В свою очередь, Ребенок является проявлением памяти о формах и способах реагированию человека на те или иные ситуации в прошлом, в том числе в детском возрасте [9].

Согласно структурной модели второго порядка родитель, содержит представления человека о значимом Другом – отражение субъектности значимых людей в жизни личности [6]. Обычно, такими людьми выступают родители, родственники, учителя, друзья и те, кем восхищается человек, или придает иную субъективную значимость [2]. Согласно трех факторной модели Петровского А.В., для того, чтобы Другой стал Значимым Другим, он должен обладать одним или несколькими компонентами значимости: авторитетностью, личностной привлекательностью, властью [5]. Но обладание только этими факторами еще не формирует образ другого внутри Я – Другого-в-Я. Для этого, Я должно вступить в отношения с Другим и интроецировать его образ в себя [8].

Родитель формируется путем интроекции (создания внутреннего объекта) Значимых других. Однако, Значимые другие так же оставляют свой след и в Эго состоянии Ребенка. Это влияние прослеживается в решениях (decisions), которые содержатся в Ребенке человека. Именно на решениях, принятых в детстве и хранящихся в Ребенке, основываются сценарии жизни (life scripts or scripts). Эти решения принимаются ребенком на основании родительских предписаний (injunctions), драйверов (counter-injunctions or drivers) и разрешений (permissions)[3]. Человек находящийся в сценарии не реализует всех своих возможностей. Причиной этого, согласно модели транзактного анализа, являются ранние решения, определяющие сценарий жизни [11].

Единственный сценарий, который не блокирует потенциал личности и позволяет достигать успеха – это сценарий Победителя. Остальные сценарии (Не победителя и Проигравшего), в той или иной степени ограничивают потенциал личности [9]. Однако, пока не существует данных о том, какие именно решения приводят к тем или иным ограничениям потенциала личности. Поэтому, мы решили рассмотреть структуру динамики потенциала личности, на примере одного сценарного решения: «Не быть похожим на Другого». Такое решение, согласно нашей гипотезе, блокирует часть возможностей реализации потенциала личности за счет вытеснения проявлений Другого-в-Я, что приводит к снижению уровня саморегуляции поведения и, как следствие, к получению сценарной расплаты. Но вытеснение не означает, что Я не проявляет черты личности, характерные для Значимого Другого. Так как Я не принимает Другого-в-Я, то создается конфликт между проявлением отвергаемых черт личности Другого и собственным поведением, соответствующим поведению Другого, что приводит к ограничению ресурсов личности и уменьшению потенциала развития личности.

Для выявления сценарных решений, мы планируем разработать полуструктурированное интервью, с применением модели Отраженной субъектности В.А. Петровского [6], с последующей экспертной оценкой ответов интервьюируемых. Для выявления реализации потенциала личности, планируется применение опросника САМОЛ, который является адаптацией теста POI, направленного на изучение самоактуализации личности [4]. Особенностью данной адаптации является то, что авторы учли специфические особенности самоактуализации в российском обществе. Для соотнесения результатов качественной и количественной методик, будет произведена процедура перевода качественных ответов в количественные измерения, при помощи категоризации ответов с последующим ранжированием, с последующим подсчетом непараметрической статистики: R коэффициента корреляции Спирмена и U-критерия различий Манна-Уитни.

Литература

Э. Берн, Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. 39-е изд., М.: Эксмо, 2015 -560с. (Серия «Книги, меняющие жизнь»)

Введение в классический психоанализ: лекции. Под научной редакцией проф. М.М.Решетникова, СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2014г., 318с;

М. Гулдинг, Р. Гулдинг, Психотерапия нового решения. Теория и практика, М.: Независимая фирма «Класс», 1997г, 288с.;

Н.Ф. Калина, А.В. Лазукин, Вопросник САМОАЛ. Адаптация «Самоактуализации теста» // Журнал практического психолога. №1, 1998. С.:14-22;

А.В. Петровский, Трехфакторная модель значимого другого // Вопросы психологии. 1991, № 1, С. 7-18;

В.А. Петровский, Человек над ситуацией, М.: Смысл,

И.М. Сеченов, Рефлексы головного мозга, М.: АСТ, 2014г., 352с.

Е.Б. Старовойтенко, Персонология: жизнь личности в культуре, М.: Академический проект, 2015г., серия: «психотерапевтические технологии», 431с.;

И. Стюарт, В. Джойнс, Современный трасактный анализ. СПб.: Социально-психологический центр, 1996г., 332с., серия: «Библиотека практической психологии»;

З. Фрейд, Я и оно, М.: Эксмо, 2015г., 854с., серия: Антология мысли;

К. Штайнер, Сценарий в жизни людей. Школа Эрика Берна, СПб: Питер, 2013г., 416с.;

Барановская Мария Сергеевна

Московский Институт Психоанализа

Значение стереотипов о психологических практиках в отказе от получения психологической помощи потенциального клиента

Современная действительность представляет нам богатый ассортимент психологических услуг, направленных на улучшение качества жизни и повышение психологического комфорта. Поэтому представляется важным исследовать причины необращения к специалистам нуждающихся в психологической помощи людей. В теоретическом исследовании обнаружилось, что крайне скудно изучена данная проблема.

Нами была предпринята попытка приблизиться к ответу на этот вопрос, опираясь на гипотезу о том, что основной причиной игнорирования получения психологической помощи у знающих о такой возможности людей является наличие ложных представлений о психологических практиках.

В теоретической части исследования были определены 5 основных групп стереотипов касаемо психологических услугах:

1.Психолог является экспертной фигурой (дает советы и наставления), к нему общаются дезориентированные слабые люди.

2.Психолог – это друг, который выслушает, поддержит; альтернатива дружеской поддержки, от которой не стоит ожидать больше, чем от совета друга.

3.Психолог – это врач, который занимается выявлением патологий, выписывает лекарства; к нему обращаются психи и ненормальные, алкоголики и наркоманы.

4.Психолог – это чародей, мистическая фигура, экстрасенс; «изгнание бесов», чтение мыслей, программирование.

5.Психолог – философ. С ним возможно говорить на высокие темы души и мироздания, но к реальным проблемам в жизни это не относится и к решениям насущных проблем не располагает.

В исследовании приняли участие 26 человек в возрасте от 19 до 53 лет. Из них 17 женщин (от 19 до 53 лет) и 9 мужчин от 27 до 40 лет. На первом этапе испытуемым предлагалось пройти самоактуализационный тест (адаптированная в России версия теста Э.Шостома «Personal Orientation Inventory»). Следующим этапом было свободное интервью.

Оно затрагивало три направления: 1) феноменологическое восприятие испытуемого качества своей жизни, 2) его представление о процессе психологических практик, образа психолога, его целей и задач, 3) причины обращения, а также необращения к психологу других людей (проективно), а также наличие у самого испытуемого психологических проблем и причин необращения по ним.

В результате тестирования мы получили 4 условных группы по уровню самоактуализации. Группа №1 (9 человек) занимала уровень, присущий больным неврозами, пограничным и психотическим расстройствам. Группа №2 (7 человек) занимала уровень статистической нормы. Группа №3 (2 человека) в группе самоактуализированных, группа №4 (8 человек) соответствовала псевдосамоактуализации. Обработка данных интервью производилась с помощью конденсации смысла ответов испытуемых. Ложные представления были соотнесены с приведенным выше списком стереотипов. Самыми популярными стереотипами оказались: «Психолог – эксперт» и «Психолог – это врач» (80%). Испытуемым с этими стереотипами клиенты психологов представляются больными, неприспособленными, недееспособными и слабыми людьми.

По результатам тестирования по методике САТ, у испытуемых, получивших низкие показатели по уровню самореализации, в семантическом пространстве сознания представлено больше всего стереотипов (15 из 22 стереотипов обнаружено у испытуемых группы №1). У испытуемых с более высоким уровнем самоактуализации наблюдается большая лояльность к психологическим практикам.

Мы заключили, что имеется корреляция между низким уровнем самоактуализации и большим количеством стереотипов о психологических практиках.

Размышляя о полученных результатах, можно предположить, что стереотип может не являться причиной необращения, но быть сопутствующим феноменом при низком уровне самоактуализации. Вопрос причинной связи необращения потенциальных клиентов остается открытым и требует развития в исследовании более глубинного уровня.

Тонких Антон Игоревич, Костенко Василий Юрьевич

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Взаимосвязь способности к осознанному присутствию (mindfulness) и личностной рефлексии

Одной из распространенных российских концептуализаций рефлексивных процессов является дифференциальная модель рефлексии Д.А. Леонтьева (Леонтьев, Аверина, 2011), в рамках которой обобщены позитивные и негативные формы рефлексивных процессов: интроспекция (обращение внимания сознания на собственные переживания; частным случаем интроспекции является руминация), квазирефлексия (уход в посторонние размышления о прошлом и будущем в отрыве от актуальной ситуации; квазирефлексия связана с феноменом блуждающего разума (англ. mind-wandering)) и системная рефлексия (основанный на самодистанцировании взгляд на себя со стороны, охватывающий и полюс субъекта, и полюс объекта). В свою очередь, способность к осознанному присутствию (англ. mindfulness) определяют как способность к произвольной децентрации, концентрации на моменте “здесь-и-сейчас” и безоценочному наблюдению за возникающими психическими феноменами (Пуговкина, 2014). Таким образом, понятия о системной рефлексии и осознанном присутствии являются концептуализацией метакогнитивных процессов в отечественной и зарубежной психологических традициях. На теоретическом уровне, их объединяет переживание дистанции между Я-наблюдающим и Я-наблюдаемым, однако в процессе системной рефлексии происходит активный внутренний диалог, в то время как состояние осознанного присутствия предполагает безоценочное наблюдение как инструмент снижения тревожности. Настоящее корреляционное исследование посвящено изучению связи между отечественным конструктом системной рефлексии и зарубежным конструктом осознанного присутствия.

Методика

Респондентами исследования стали 406 человек (13-76 лет (M = 21; SD = 8.2), 70% женщин) с разным уровнем образования (от неполного среднего до ученой степени), которые заполняли следующие опросники:

Дифференциальный тест рефлексивности со шкалами системной рефлексии, интроспекции и квазирефлексии (Леонтьев, Осин, 2014);

Шкала осознанности и внимательности, измеряющая общий уровень осознанности и внимательности к собственным психическим и поведенческим проявлениям (Юмартова, Гришина, 2016);

Пятифакторный опросник осознанности со шкалами наблюдения (внимательность к собственным психическим феноменам), описания (способность к вербализации психических феноменов), безоценочности (по отношению к своему опыту), осознанности действий (“не-автопилот”) и нереагирования (Юмартова, Гришина, 2016);

Краткая шкала самоконтроля как инструмент оценки способности управлять своим поведением и эмоциональными состояниями (Гордеева, Осин и др., 2014);

Адаптация опросника Большой пятерки личностных черт «BFI» (Щебетенко, 2014);

Тест незаконченных предложений вашингтонского университета, измеряющий уровень развития эго (личностного развития) (Леонтьев, Рассказова и др., 2010).

Результаты

Корреляционный анализ (r Пирсона) показал следующие основные результаты:

шкала системной рефлексии оказалось связанной только со шкалой наблюдения ($r = .446$; $p < .001$), которая также показала связь со шкалой открытости к опыту ($r = .391$; $p < .001$);

все шкалы MAAS и FFMQ (кроме шкалы наблюдения) отрицательно коррелируют с шкалами нейротизма и интроспекции и положительно коррелируют со шкалой самоконтроля.

Таким образом, способность к осознанному присутствию выступает преимущественно как прикладной когнитивный навык самоконтроля и управления стрессовыми состояниями. Интерес вызывает шкала наблюдения пятифакторного опросника осознанности, поскольку она не проявляет типичных для конструкта осознанного присутствия связей с когнитивной сферой, но оказывается связанной с системной рефлексией как процессом, протекающим на уровне личности.

Литература

Гордеева Т.О., Осин Е.Н. и др. (2016). Самоконтроль как ресурс личности: диагностика и связи с успешностью, настойчивостью и благополучием. Культурно-историческая психология, 12(2).

Леонтьев Д.А., Аверина А.Ж. (2011). Феномен рефлексии в контексте проблемы саморегуляции. Психологические исследования: электронный научный журнал, 2(16).

Леонтьев Д.А., Михайлова Н.А., Рассказова Е.И. (2010). Апробации методики незаконченных предложений вашингтонского университета. Психологическая диагностика, 10(2).

Леонтьев Д.А., Осин Е.Н. (2014). Рефлексия “хорошая” и “дурная”: от объяснительной модели к дифференциальной методике. Психология. Журнал Высшей школы экономики, 11(4).

Пуговкина О.Д., Шильникова З.Н. (2014). Концепция mindfulness (осознанность): неспецифический фактор психологического благополучия. Современная зарубежная психология, 3(2).

Щебетенко С.А. (2014). «Лучший человек в мире»: установки на черты личности в контексте Большой Пятерки. Психология. Журнал Высшей школы экономики, 11(3).

Юмартова Н.М., Гришина Н.В. (2016). Осознанность (mindfulness): психологические характеристики и адаптация инструментов измерения. Психологический журнал, 37(4).

Байрамян Роксана Мамиконовна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Трудные жизненные ситуации младшего школьника при разном уровне нормативной ситуации

Современные реалии быстро развивающегося мира затрагивают практически все сферы общественной жизни, требуя при этом необходимость соответствовать изменяющимся нормам, новым правилам, требованиям. Данные нововведения активно интегрируются и в образовательное пространство, диктуя тем самым учащимся важность соблюдения школьных дисциплинарных, учебных, коммуникативных и иных правил, соответствия школьным нормам и предписаниям, входящих в нормативную ситуацию соответствующего возраста. Соответствие в данном ключе есть конгруэтность той нормативной ситуации, в которой находится ребенок.

Нормативную ситуацию мы определяем, исходя из положений Н.Е. Вераксы, как стандартную ситуацию социального взаимодействия, в которой достаточно точно определены правила социального поведения для определенного возрастного периода (Веракса, 2000).

Определяя сферу социальных трансформаций, нововведений, повышения уровня требований к учащимся, можно прийти к предположению о возможной нестабильности социальной ситуации, характеризующейся новым спектром трудных жизненных ситуаций (ТЖС). Необходимо отметить при этом ключевой вопрос: какие трудные жизненные ситуации могут возникнуть, когда ребенок конгруэнтен нормативной ситуации и когда неконгруэнтен?

Ребенок сталкивается с ТЖС практически ежедневно; это могут быть как объективные, так и субъективные, воспринимаемые самим ребенком в качестве ТЖС. Как считают И.М. Никольская и Р.М. Грановская, трудные ситуации играют особую роль в развитии ребенка, давая ему возможность испытать свои возможности и способности, что в одних случаях будет успешным, а в других послужит причиной для гнева или разочарований (Никольская, Грановская, 2000).

М.Р. Хачатурова и С.К. Нартова-Бочавер определяют особую актуальность рассмотрения с позиции совладания с которыми, является важнейшим аспектом, детерминирующим оптимальную адаптацию к социуму (Хачатурова, Нартова-Бочавер, 2017).

Гипотеза исследования заключается в предположении о том, что трудные жизненные ситуации детей младшего школьного возраста имеют различия при низком, среднем и высоком уровне культурной конгруэнтности, как показателя нормативной ситуации.

В исследовании приняло участие 263 респондента - дети младшего школьного возраста (7,5-10 лет) и 12 учителей начальных классов.

Методики: опросник «Трудные жизненные ситуации младшего школьника» (С.К. Нартова-Бочавер, Р.М. Байрамян) и методика определения культурной конгруэнтности младшего школьника, включающая соответствующие факторы типичных правил в нормативной ситуации (Л.Ф. Баянова, Е.А. Цивильская, Р.М. Байрамян, К.С. Чулюкин) (Баянова и др., 2016).

Результаты

На всех трех уровнях культурной конгруэнтности как показателя нормативной ситуации обнаруживаются ТЖС жестокого обращения с животными, то есть данный показатель не зависит от уровня соответствия/несоответствия правилам нормативной ситуации. Аналогично, только в меньшем процентном соотношении встречаются ТЖС невозможности использования гаджетов и интернета, что характеризует фрустрированность детей невозможности использования в желаемом объеме современными гаджетами, интернетом.

Относительно различий ТЖС детей младшего школьного возраста при низком, среднем и высоком уровне культурной конгруэнтности как показателя нормативной ситуации, можно прийти к следующим выводам:

У детей, имеющих низкий уровень культурной конгруэнтности, наблюдаются ТЖС взаимоотношений родителей друг с другом, ТЖС прилежания дисциплины, что представляет собой переживания данной группой респондентов ситуации, ссоры и недопониманий родителей, трудности дисциплинированности, соблюдения правил как дома, так и в школе.

При среднем уровне культурной конгруэнтности как индикатора нормативной ситуации наблюдаются высокие показатели ТЖС одиночества и ТЖС переживания за здоровье и жизнь своих родителей.

При высоком уровне культурной конгруэнтности наблюдаются ТЖС учебной деятельности, ТЖС одиночества, ТЖС взаимоотношений со сверстниками, что характеризует детей, соблюдающих типичные правила нормативной ситуации, соответствующих требованиям взрослых, но при этом имеющих трудные ситуации, связанные с учебной дея-

тельностью, чувством одиночества и с трудностями взаимоотношениями со сверстниками.

Литература

1. Веракса, Н. Е. (2000). Личность и культура: структурно-диалектический подход // Перемены, 1, 81-107.

2. Никольская, И. М., Грановская, Р. М. (2000). Психологическая защита у детей, Спб.: Речь, 507 с.

3. Хачатурова, М. Р., Нартова-Бочавер, С. К. (2017). Функциональность домашней среды как ресурс совладающего поведения 2017. Материалы VI Международной конференции «Актуальные проблемы теоретической и прикладной психологии», 1, 661-666.

4. Bayanova, L. F., Tsivilskaya, E. A., Bayramyan, R. M. & Chulyukin, K. S. (2016). A cultural congruence test for primary school students // Psychology in Russia: State of the Art, 9(4), 94-105. doi: 10.11621/pir.2016.0408

Гришутина Милена Максимовна, Костенко Василий Юрьевич

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Возможные Я в романтических отношениях

Системная семейная психотерапия, персонология, различные ветви психологической науки часто ставят свои исследовательские вопросы в контексте анализа романтических отношений (Варга, 2009, Ukolova, Shumskiy & Osin, 2016). Важной частью близких взаимоотношений являются ожидания относительно того, что ждет пару в будущем, какие представляются возможности для развития отношений (Варга, 2009). Разработанный Х. Маркус конструкт Возможное Я человека позволяет ближе подобраться к желаниям, страхам, возможностям и когнитивным представлениям о будущем личности (Markus & Nurius, 1986). Каждый человек способен формулировать желаемые и избегаемые Возможные Я не только относительно самого себя, но и касательно межличностных отношений, в которых он находится. Поскольку романтические отношения, в свою очередь, включают обоих партнеров, то, как они могут применять Возможные Я друг друга может быть связано с качеством отношений.

В данном исследовании качество отношений, отраженное в уровне экзистенциальной исполненности (Уколова, Шумский, Осин, 2016), изучается во взаимосвязи с количеством и содержанием Возможных Я партнеров, которые они видят для себя в паре.

Гипотезы

Качество отношений связано с богатством возможностей, которые партнеры видят для них, а также переживаемой способностью повлиять на развитие этих возможностей.

Согласованность в оценке своих возможностей и возможностей партнера, принятых на себя, связана с качеством отношений.

Методика

Чтобы проверить приведенные выше гипотезы, были подобраны методы, направленные на измерение ключевых характеристик личности, соответствующих предмету исследования:

Тест экзистенциальных мотиваций в межличностных отношениях (Уколова, Шумский, Осин, 2016) направлен на измерение интегрального качества межличностных отношений – уровня экзистенциальной исполненности в отношениях. Опросник состоит из 36 вопросов,

сформированных по четырем шкалам, соответствующим 4 фундаментальным мотивациям теории А. Лэнгле (Langle, 2009).

В следующем блоке партнерам предлагается методика К. Хукер (Hooker, 1992), переведенная на русский язык и модифицированная нами для изучения межличностных отношений. Инструмент включает 4 открытых вопроса касательно желательных и избегаемых Возможных Я респондентов, а также 2 блока оценки качества Возможных Я с точки зрения их реалистичности, вероятности и субъективной ценности.

Поскольку некоторые фундаментальные мотивации теоретически связаны со степенью аутентичности личности и тем, как люди способны переживать одиночество, был применен Дифференциальный опросник переживания одиночества Д.А. Леонтьева и Е.Н. Осина (Осин, Леонтьев, 2013), состоящий из 24 вопросов, сгруппированных по трем шкалам, направленным на измерение позитивного одиночества, зависимости от социальных связей и общего переживания одиночества.

Чтобы установить, как влияет склонность к межличностной зависимости у партнеров на качество Возможных Я, в следующем блоке был использован Тест зависимости (Fischer, J. L., Spann L., & Crawford, 1991), в который входит 16 вопросов, позволяющие в итоге выявить склонность к зависимому поведению в отношениях.

Для контроля возможного влияния общего самоотношения личности на измеряемые параметры качества межличностных отношений был задействован тест самооценивания Розенберга, включающий 10 вопросов (Rosenberg, 1972) и измеряющий интегральное качество самоотношения.

Ключевой частью исследования стала оценка партнерами Возможных Я друг друга согласно тому же плану, как они оценивали собственные Возможные Я. Этот метод был использован для того, чтобы понять, как партнеры могут принимать Возможные Я партнера на себя, что позволяет проверить одну из гипотез исследования.

Выборка исследования будет состоять из 35 пар любого возраста и сексуальной ориентации, состоявших в отношениях минимум месяц. Подобные критерии были установлены для того, чтобы основной фокус исследования был сконцентрирован на отношениях, поэтому единственным условием был минимальный срок нахождения пары вместе. Для проверки гипотез будет использован корреляционный и дисперсионные анализы.

Ожидаемые результаты

Мы ожидаем получить результаты, которые подтверждают предположение о том, что существует значимая связь между содержанием и количеством продуцируемых респондентами Возможных Я и качеством их отношений: чем больше категорий, связанных с совместным будущим, тем выше уровень экзистенциальной исполненности. Более того, степень согласованности в том, как партнеры оценивают применимый на себя желаемые и избегаемые Возможные Я другого может выступить предиктором гармоничных отношений. Результаты же опросников, связанных с личностными характеристиками, ожидаемо подтвердят достоверность данных, полученных от Теста экзистенциальной мотивации в межличностных отношениях и блок оценивания Возможных Я. Несоответствие в полученных результатах будет служить индикатором того, что один из партнеров (или оба) был не до конца честен в собственных высказываниях, что является важным феноменом, непосредственно связанным с предметом исследования.

Литература

1. Варга, А.Я. (2009) Введение в системную семейную психотерапию. Когито-Центр. Москва.

2. Лэнгле, А. (2009) Фундаментальные мотивации экзистенции как действенная структура экзистенциально-аналитической терапии. Экзистенциальный Анализ, 1, 9-30.

3. Осин, Е.Н., Леонтьев, Д.А. (2013) Дифференциальный опросник переживания одиночества: структура и свойства. Психология. Журнал Высшей Школы Экономики, 10, 1, 55-81.

4. Уколова, Е.М., Шумский, В.Б., Осин Е.Н. (2016) ТЭММО – опросник для оценки экзистенциальной исполненности в отношениях: факторная структура, надежность и валидность. Экзистенциальный Анализ, 8, 151 – 217.

5. Fischer, J. L., Spann L., & Crawford, D. (1991). Measuring codependency. Alcoholism Treatment Quarterly, 8, 87-100.

6. Hooker K. (1992) Possible Selves and Perceived Health in Older Adults and College Students. Journal of Gerontology: Psychological Sciences, 47, 2, 85 - 95.

7.Markus H., Nurius P. (1986) Possible Selves. American Psychologist. 41, 9, 954-969.

8. Rosenberg M. Self-Esteem Scale (1972) Measures of Social Psychological Attitudes, 98-101.

9. Ukolova EM, Shumskiy VB, Osin EN (2016) What makes a good relationship? Existenzanalyze, 2, 102-108.

Дымова Екатерина Николаевна

Институт психологии Российской академии наук

Посттравматический стресс у военнослужащих по призыву и гражданских лиц

Ключевые конструкты исследования: «посттравматический стресс» как одно из психологических последствий влияния на человека стрессоров высокой интенсивности; «психопатологическая симптоматика», сопряженная с уровнем посттравматического стресса и представленная такими компонентами как «тревожность», «депрессия», «психотизм» и т.д.;

Теоретическая гипотеза: у молодых людей, находящихся в условиях строгой регламентации социальных ролей, интенсивность переживания посттравматического стресса (ПТС), вызванного более ранними травматическими событиями, выше по сравнению с уровнем ПТС у гражданских лиц.

Цель исследования – анализ различий в уровне посттравматического стресса и психопатологической симптоматики у молодых людей, находящихся в разных жизненных обстоятельствах.

Исследовательская гипотеза: уровень посттравматического стресса и выраженность психопатологической симптоматики выше у молодых людей, проходящих службу по призыву, по сравнению с этими же показателями у гражданских лиц.

Участники исследования: мужчины в возрасте от 18 до 25 лет, проходящие военную службу по призыву и прослужившие не менее половины регламентированного срока, всего – 123 человека и не проходящие срочную военную службу – 99 человек мужского пола в возрасте от 18 до 25 лет.

Методики исследования: 1) Опросник травматических ситуаций (Life Experience Questionnaire – LEQ) в адаптации Н. В. Тарабриной с соавторами; 2) Миссисипская шкала для оценки посттравматических реакций - гражданский вариант (Mississippi Scale, MS) в адаптации Н.В. Тарабриной с соавт.; 4) Опросник оценки выраженности психопатологической симптоматики (Simptom Check List, L. Derogatis - SCL-90-r) в адаптации Н.В. Тарабриной с соавторами.

Результаты исследования

Анализ различий выраженности уровня посттравматического стресса по MS и психопатологической симптоматики по SCL-90-R в группах военнослужащих и гражданских лиц мужского пола, не служивших в армии, выявил более высокий уровень посттравматического стресса в группе военнослужащих (U=4302, p=0,0002) и выраженную психопатологическую симптоматику по шкалам «Обсессивность-компульсивность» (U=4034, p=0,001), «Межличностная сензитивность» (U=4032,5, p=0,002), «Депрессия» (U=4354, p=0,003), «Враждебность» (U=5011, p=0,023), «Психотизм» (U=4918,5, p=0,014), по общему индексу тяжести симптомов - GSI (U=4793,5, p=0,006) и индексу наличного симптоматического дистресса - PSDI (U=4051,5, p=0,0001).

Для проверки гипотезы выборка была разделена на подгруппы по уровню посттравматического стресса: подгруппа военнослужащих с высокими значениями по показателю Индекса травматизации методики LEQ (медианный критерий) - «Т» (N = 66) и подгруппа с низкими значениями - «N» (N = 57); подгруппа гражданских лиц с высоким индексом травматизации «В» (N = 45) и подгруппа с низким индексом травматизации «С» (N =54).

Анализ межгрупповых различий показал, что при сравнении групп «Т» и «В» уровень посттравматического стресса выше в подгруппе высоко травмированных военнослужащих по сравнению с аналогичной подгруппой гражданских лиц (MS (U=1032, p = 0,006). Выраженность психопатологической симптоматики также выше в подгруппе высоко травмированных военнослужащих (GSI (U=1078, p = 0,014); PSDI (U=870,5, p = 0,0002).

Результаты подтверждают выдвинутую ранее гипотезу, что в условиях строгой регламентации социальных ролей, интенсивность переживания посттравматического стресса, вызванного более ранними травматическими событиями, выше по сравнению с условиями без строгой регламентации социальных ролей.

Кроме того, как при сравнении групп с высоким Индексом травматизации («Т» и «В»), так и групп с низким индексом («N»и «С») обнаруживается триада признаков психопатологической симптоматики у военнослужащих с разным уровнем посттравматического стресса: «Обсессивность-компульсивность», «Межличностная сензитивность» и «Депрессия».

Данные особенности, вероятно, можно объяснить тем, что молодые люди находятся в постоянном и недобровольном контакте с группой людей того же возраста и пола, у них отсутствует возможность уедине-

ния и они не могут легко делиться своими переживаниями с окружающими их людьми, т.е. присутствует напряженность в межличностном взаимодействии, нередко переходящая в конфликты. По полученным результатам, можно сказать, что солдаты, даже спустя полгода службы по призыву, испытывают дискомфорт, связанный с общением, нуждаются в поддержке, особенно при высоком уровне посттравматического стресса, однако наличие компонента «Депрессия» скорее всего, препятствует активному поиску ресурсов совладания.

Литература

Тарабрина Н.В. Психология посттравматического стресса: Теория и практика. - М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. – 304 с.

B rjesson M., sterberg J., Enander A. Risk and safety attitudes among conscripts during compulsory military training // Military Psychology. – 2011. - Vol. 23(6). - Nov. - P. 659–684.

Larsson G. Personality, appraisal and cognitive coping processes, and performance during various conditions of stress // Military Psychology. – 1989. - Vol. 1(3). - P. 167–182.

Жаркой Сергей Юрьевич

Институт психологии им. Л.С.Выготского, Российский государственный гуманитарный университет

Полипарадигмальное исследование чувства юмора как комплексной личностной характеристики

Проведенное исследование направлено на изучение факторов, влияющих на развитие чувства юмора, прежде всего, исследование роли личностных характеристик и способности к переносу контекста. Теоретическая значимость данной работы состоит в расширении представлений о чувстве юмора, как о важном психологическом феномене.

Данная работа построена вокруг полипарадигмальной модели юмора, которая понимает данное явление в качестве способа социального взаимодействия направленного на получение эмоционального удовольствия и преодоления неприятностей, связанных с окружающей действительностью (Apter, 2001). В основе чувства юмора лежат когнитивные и лингвистические особенности индивида, позволяющие ему строить бисоциации. Процесс столкновения двух контекстов и образования бисоциации в сознании индивида является базисом образования любой шутки (Панина, 1996).

Для оценки способностей к переносу контекста и личностных особенностей испытуемых были выбраны методика Зейгарник на сопоставление метафор и фраз (Зейгарник, 1934) и Фрайбургский личностный опросник. Для оценки превалирующих мотивов юмора и способностей к построению бисоциаций были составлены специальные методики оценки юмористических высказываний и завершения шуточных предложений. Методика оценки юмористических высказываний позволяет выявить предпочтительные мотивы юмора, которые оцениваются респондентом как наиболее смешные.

По полученным на выборке в 76 человек (38 мужчин и женщин) данным можно наблюдать отличительные особенности в оценке «нейтрального» юмора в большей степени и «сексуального» и «пошлого» юмора в меньшей (средние оценки по 6-бальной шкале: нейтральные шутки — 2,79; шутки с сексуальным подтекстом — 1,9; пошлые шутки — 1,6). Статистическая обработка методом ранговой корреляции Спирмена показала достаточно много достоверных связей между показателями личностных особенностей и предпочтительных мотивов

юмора, тем не менее все корреляции показывали слабую связь. Далее освещены наиболее интересные для интерпретации результаты. Была обнаружена обратная связь общительности и средних оценок юмористических высказываний ($R = -0,29$; $p \leq 0,05$), прямая связь спонтанной агрессивности и оценок нейтральных юмористических высказываний ($R = 0,33$; $p \leq 0,01$); обратная связь открытости и средних оценок юмористических высказываний в общем ($R = -0,26$; $p \leq 0,05$); прямая связь депрессивности и оценок нейтральных юмористических высказываний ($R = 0,31$; $p \leq 0,01$). Данные результаты демонстрируют, что восприятие юмора вопреки расхожим суждениям более характерно для людей «закрытых» от окружения, нежели для людей общительных и открытых внешним контактам. Эти данные показывают инструментальную сторону чувства юмора, которое может выступать способом взаимодействия с действительностью и преодоления в ней наиболее фрустрирующих ситуаций. Так же в исследовании были статистически обработаны взаимосвязи личностных показателей с предпочтительными мотивами юмора отдельно на мужской и женской выборках. Наиболее интересные результаты касаются взаимосвязей между показателями маскулинности/феминности и оценками шуток с сексуальным подтекстом. В группе мужчин была выявлена слабая положительная взаимосвязь ($R = 0,27$, $p \leq 0,05$). При изучении тех же взаимосвязей на группе женщин, была выявлена более сильная прямая взаимосвязь ($R = 0,35$, $p \leq 0,05$). Таким образом, можно утверждать, что в обоих случаях наблюдается прямая значимая связь протекания психической жизни по мужскому типу(по Фрайбургскому опроснику) и оценками шуток с сексуальным подтекстом.

При статистической обработке результатов методики Зейгарник и методики на завершение юмористических высказываний были обнаружены положительные связи между способностью индивида успешно строить бисоциации и способностью переносить контекст ($R = 0,32$; $p \leq 0,01$), что свидетельствует об общей функциональной структуре двух процессов, которые в разной степени отражают способность индивида строить мнимую ситуацию и «обыгрывать» в ней различные недоступные в реальности контексты. При изучении пошлого и «истинного»(небисоциативного и бисоциативного) юмора была обнаружена прямая средняя по силе связь. Чем выше человек в среднем оценивает шутки с бисоциациями, тем выше оценки пошлых юмористических высказываний ($R = 0,58$; $p \leq 0,001$). Тем самым противопоставление этих двух типов юмора можно считать неверным, т.к. при планировании исследования предполагалось получение обратной связи между этими двумя показателями.

Таким образом, в проведенном исследовании были обнаружены неочевидные взаимосвязи между личностными особенностями и характеристиками чувства юмора, а также между способностями переносить контекст и строить верные по структуре юмористические высказывания. Все это в определенной степени расширяет наши знания о чувстве юмора в целом и позволяет в дальнейшем более детально изучать вопросы юмористических мотивов и функционирования чувства юмора в когнитивной сфере индивида.

Литература

1. Зейгарник Б.В., К проблеме понимания переносного смысла слов или предложения при патологических изменениях мышления. Новое в учении об апраксии, агнозии и афазии, –М., 1934; с. 132-146;

2. Панина О. В., Комическое и языковые средства его выражения: дис. канд. филол. наук. –М., 1996;

3. Apter, M.J., Motivational styles in everyday life: A guide to reversal theory. Washington: American Psychological Association, 2001.

Зайка Анна Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет

Исследование влияния параметров семейной системы в восприятии гомосексуальных подростков на уровень их самостигматизации

Подростковый возраст – период открытия и исследования собственной идентичности и включения в общество. Центром общения теперь становится круг сверстников, но родители продолжают оставаться эмоционально значимыми лицами в жизни подростка (Крайг, Бокум, 2012). Семья как система (Эйдемиллер, Добряков, Никольская, 2006) продолжает влиять на подростка, его убеждения, ценности и особенности взаимодействия с миром. Согласно циркулярной модели Олсона (Olson, 1993), основными параметрами семейной системы являются сплоченность и адаптация. К семейной сплоченности относятся степень эмоциональной связи внутри семьи, проницаемость семейных границ, общее времяпрепровождение, интересы. Параметр адаптации подразумевает степень гибкости приспособления семьи к стрессовым воздействиям, и характеризуется уровнем жесткости системы ролей, правилами и дисциплиной в семье, распределением лидерства. В соответствии с циркулярной моделью крайние значения данных параметров считаются показателями несбалансированности семейной системы, когда как средние показатели являются показателями гармоничного функционирования семьи (Эйдемиллер, Добряков, Никольская, 2006). Подростки, открывающие новые грани своей идентичности, могут столкнуться с проблемой отсутствия поддержки или даже отвержения со стороны несбалансированной семьи и непринятием самого себя, поскольку подросток как часть семьи тоже является носителем ее параметров.

Открытие собственной сексуальной ориентации также приходится на подростковый возраст. Гетеронормативность является частью общественного мнения и усваивается представителями общества с малых лет. Интернализируясь, она проявляется в самостигматизации, которая препятствует адаптивности, эффективной социализации, повышает вероятность нарушений психического здоровья среди гомосексуалов. Ярким переживанием в этой области является осознание того, что подросток не может оправдать ожиданий своей семьи (Drayer, 2007). Обнаруживая свою гомосексуальность, подросток сталкивается с гомонегативностью, а если семейная система негармонична, негибка, име-

ет жесткие границы и правила, это может усугубить его внутренние переживания и, как итог, самостигматизацию.

В данном исследовании планируется изучить степень влияния различных характеристик семейной системы, как их воспринимают подростки, идентифицирующие себя как гомосексуальных, на уровень их самостигматизации. В исследовании выдвигаются следующие гипотезы:

Уровень семейной сплоченности и адаптивности влияет на уровень внутренней гомонегативности гомосексуальных подростков

Уровень внутренней гомонегативности коррелирует с уровнями самоуважения, социальной изолированности и психического здоровья

Степень вовлеченности в ЛГБТ-сообщество оказывает влияние на уровень самостигматизации гомосексуальных подростков

В исследовании планируется использовать следующие методики:

Методика диагностики гомонегативности Мэйфилда (в модификации А.А. Яныкина, А.Д. Наследова). Данная методика содержит вопросы об отношении к гомосексуальности в общем и к себе как гомосексуалу, т.е. позволит исследовать уровень самостигматизации

Шкала самоуважения М. Розенберга

Экспресс-диагностика уровня социальной изолированности личности (Д. Рассел и М. Фергюссон)

Методика SCL 90-R (Тарабрина Н.В.2001)

Вышестоящие 3 методики исследуют параметры, на которые предположительно оказывает влияние уровень самостигматизации, поэтому их показатели будут дополнительными параметрами, иллюстрирующими степень ее интенсивность

Опросник “Шкала семейной адаптации и сплоченности” (FACES-III в адаптации Эйдемиллера Э. Г., Добрякова И. В., Никольской И. М.)

Также для анализа подростками будет заполнятся составленная нами анкета с вопросами, исследующими степень их вовлеченности в ЛГБТ-сообщество: наличие знакомых представителей ЛГБТ, участие в ЛГБТ-сообществах в интернете, субъективную оценку важности для них этой вовлеченности.

Предполагается, что в результате исследования гипотезы найдут своё подтверждение: параметры семейной системы, как и степень вовлеченности в ЛГБТ-сообщество, будут оказывать влияние на уровень самостигматизации, которая в свою очередь будет влиять на уровни самоуважения, социальной изолированности и психического здоровья.

Литература

Крайг Г., Бокум Д. (2012). Психология развития. СПб: Питер.

Эйдемиллер Э. Г., Добряков И. В., Никольская И. М. (2006) Семейный диагноз и семейная психотерапия. СПб: Речь.

Olson, D.H. (1993). Circumplex Model of Marital and Family Systems. In F. Wals (Ed.),Normal Family Processes. (2nd Ed.). New York: Guilford Press.

Dreyer Y. (2007) Hegemony and the internalization of homophobia caused by heteronormativity. HTS, 63(1), 1-18.

Меньщикова Анна Анатольевна, Фам Анна Хунговна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Основные различия выборов разного субъективного качества

Выбор – неотъемлемый атрибут жизни человека. Современный мир предоставляет людям все больше возможностей для самоопределения: альтернативы возникают там, где раньше их нельзя было даже представить.

Как правило, во многих существующих подходах к исследованию выбора и принятия решений (ПР) (см., например, Ю. Козелецкий, О.И. Ларичев, А. Тверски и Д. Канеман, Т.В.Корнилова, В.И.Моросанова и др.) выбор не дифференцируется по уровню качества. Тем не менее, в реальности его субъективное качество может существенно различаться в зависимости как от особенностей личности и процесса выбора, так и от его результата.

Между тем, на сегодняшний день нет полноценных исследований феноменологических различий между выборами разного качества. В отечественной психологической традиции есть отдельная ветвь изучения выбора как сложной внутренней деятельности (Леонтьев, Овчинникова, Рассказова, Фам, 2015), но на текущий момент в рамках этого подхода получены данные лишь о различиях между выборами разного уровня значимости (Фам, 2015).

В связи с этим цель исследования заключалась в выявлении основных различий в субъективном восприятии выборов высокого (ВК) и низкого (НК) качества. Мы предположили, что эти различия могут касаться степени осознанности и удовлетворенности сделанным выбором.

Респондентам (N=130, m=44, f=86) предлагалось последовательно вспомнить и описать две различные ситуации выбора из своего опыта: один ВК и другой – НК. По каждой из ситуаций предлагалось заполнить опросник «Субъективное качество выбора» (СКВ), версия из 23 пунктов (Леонтьев, Мандрикова, Фам, 2007; Fam, Leontiev, Osin, 2017), предназначенный для диагностики следующих его аспектов: основательность (обдуманный либо спонтанный выбор), эмоциональная амбивалентность (эмоционально положительное или амбивалентное отношение к выбору), самостоятельность (автономный или зависимый выбор, свободный или несвободный), удовлетворенность его итогом (принятие сделанного выбора или сомнения в нем). Данные 4 параме-

тра образовывали 23 шкалы биполярных дескрипторов с 7 градациями между полюсами.

Для выявления различий между особенностями выборов разного качества, с помощью t-критерия мы сравнили средние значения по каждой из 4 шкал опросника СКВ для ВК и НК. Значимые (на уровне $p<0,05$) различия были обнаружены по всем параметрам СКВ, кроме самостоятельности выбора: т.е. выборы ВК оценивались респондентами как более обдуманные, приятные и правильные, чем выборы НК, при этом степень свободы и автономности не менялась. Респонденты в любом случае считали себя творцами выбора, вне зависимости от его субъективного качества.

Для того чтобы уточнить обнаруженные различия, с помощью t-критерия было произведено сравнение средних значений отдельно по всем 23 пунктам СКВ. Значимые различия (на уровне $p<0,05$) были обнаружены между всеми пунктами СКВ шкал «Основательность», «Эмоциональная бесконфликтность» и «Удовлетворенность» (за исключением пункта «предсказуемо – неожиданно»), а также пунктом «рассчитывая на себя – надеясь на помощь внешних сил» шкалы «Самостоятельность».

Чтобы проанализировать «портреты» выборов ВК и НК, был произведен анализ средних значений по каждому из пунктов СКВ для ВК и НК. «Портрет» выбора ВК представлен следующим образом: ответственный, осознанный, хороший, ободряющий, верный, точный, окрыляющий; принятый с радостью, с учетом последствий и после тщательного обдумывания, воспринимаемый как «свой». Выбор НК, напротив, выглядит скорее как спонтанный, безответственный, плохой, угнетающий и неверный, давящий, принятый с горечью, с чувством неловкости, бездумно и более случайно и импульсивно, в меньшей степени воспринимаемый как «свой». При этом важно отметить, что выбором НК респонденты в целом называли умеренно, а не очень негативный выбор (т.е. оценки НК охватывали среднюю часть спектра по каждой из шкал: среднее значение по всем пунктам – 4 балла при максимальных 7, минимальное значение не опускалось ниже 2,5 баллов). Для сравнения, для выбора ВК среднее значение по всем пунктам составляло 5,4 баллов.

Таким образом, проведенное исследование показало, что различия в субъективном восприятии выборов ВК и НК касаются степени ответственности, эмоциональной бесконфликтности и удовлетворенности выбором. Выбор нельзя рассматривать как однородный феномен и исследовать «в общем», безотносительно учета его субъективного качест-

ва. Кроме того, было обнаружено, что даже относительно небольшое повышение/понижение этих характеристик приводит к существенным изменениям в оценке качества выбора.

Литература

1. Леонтьев Д.А., Овчинникова Е.Ю., Рассказова Е.И., Фам А.Х. (2015). Психологиявыбора. М.: Смысл.

2. Фам, А.Х. (2015). Индивидуальные особенности выбора в ситуациях различной значимости: Автореферат дис. ... канд. психол. наук. Москва.

3. Леонтьев Д.А., Мандрикова Е.Ю., Фам А.Х. (2007). Разработка методики диагностики процессуальной стороны выбора. Психологическая диагностика.№ 6.4-25.

4. Leontiev D., Fam A., Osin E., Ovchinnikova E. The Subjective Quality of Choice Technique: Qualitative Dimensions of Choice as a Self-orientation Activity / Издательский дом НИУ ВШЭ. Series WP BRP «PSYCHOLOGY».2015. No. 45.

Потехина Валентина Евгеньевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Исследование феномена сексуальности личности в контексте романтических отношений

Постановка проблемы

Сексуальность – это тема, которая затрагивает каждого из нас, даже если мы специального не проявляем интереса к ней. Сексуальность, по А. Лэнгле, это потенциал, которым мы обладаем, и который помогает нам раскрыться в самых разных измерениях [1]. Она пробуждает нас к тому, чтобы выйти в мир, открыться, поэтому партнерская любовь хочет быть прожитой в сексуальных отношениях. Однако, согласно Р. Мэю, мы живем в эпоху «холодных отношений», где ни один человек ни за что не должен привязываться к другому настолько, чтобы не иметь возможности расстаться с ним в любой момент [2]. Тогда возникает вопрос: возможно ли в условиях «холодных отношений» проживать свою сексуальность с партнером и в этом соединении быть настоящим и искренним?

В нашем исследовании мы рассматриваем три основные категории: Личность – Телесность – Сексуальность. Наш исследовательский интерес направлен на соотнесение трех перечисленных категорий, а именно: какое место в Личности занимает Телесность, каким образом соотносятся Телесность и Сексуальность, что такое Сексуальность для Личности в мире вообще и в психологии любовных отношений в частности. Психология отношений в контексте персонологии личности включает в себя отношение-к-Другому и отношение-к-Себе, как два основных полюса взаимодействия, что, в конечном итоге, приводит нас к Личности – своей и Другого [3]. Основными исследовательскими вопросами нашей работы являются: Что такое сексуальность лично для каждого из партнеров в романтических отношениях? Какие архетипы сексуальности нам достаются от мира и что из них мы реализуем в своих романтических отношениях? Каковы основные источники сексуальности в отношениях с партнером?

Гипотезы исследования

1) Мужчинам труднее переживать собственное тело, сексуальность нужна им больше, чем женщинам.

2) Переживая сексуальность Другого-в-себе, человек полнее раскрывает собственную сексуальность, собственную сущность через эти отношения с партнером.

3) Если у человека плохие отношения с собственным телом, то он в меньшей степени склонен чувствовать сексуальность своего партнера через его телесность.

Методы исследования

Мы предполагаем провести разведочное исследование переживания сексуальности у влюбленных. Обязательным условием участия в исследовании для респондентов является наличие романтических отношений в гетеросексуальной паре. Феномен сексуальности в романтических отношениях мы будем исследовать в два этапа. Во – первых, это сбор данных методом экспресс-опроса онлайн (выборка не менее 40 человек) для получения информации о представлениях на предмет сексуальности и ее проявлений у людей, состоящих в романтических отношениях, наличии сексуальных паттернов в отношениях, источниках сексуальности. Обработку результатов предполагается осуществить с помощью программы IBM SPSS Statistics: количественный анализ данных с применением методов математической статистики (факторный анализ, корреляционный анализ Пирсона, U-критерий Манна-Уитни, -критерий Фишера, t-критерий Стьюдента). Вторым методом сбора эмпирических данных послужит полуструктурированное глубинное интервью с респондентами, на данный момент состоящих в романтических отношениях, для исследования феноменологии сексуальности. Вопросы составлены в соответствии с содержанием 4 основных ФМ по А. Лэнгле.

Ожидаемые результаты исследования

Сексуальность неразрывно связана с ощущением собственного тела. Чем лучше человек принимает, чувствует, ощущает свое тело, тем сильнее он проживает свою сексуальность в отношениях с партнером. Чем дольше длятся отношения, тем глубже, интенсивнее и разнообразнее сексуальность сама себя выражает. Женщины более соотнесены со своим телом, чем мужчины; им важна эстетическая сторона проявления своей сексуальности. Сексуальность всегда переживается только с одной стороны – невозможно представить в полной мере, какая сексуальность и как она переживается у партнера. Сексуальность в романтических отношениях находит свой выход не только в формах половой любви. Сексуальность связана с принятием Другого, и чем выше степень принятия, чем ниже переживание стыда и собственного несовер-

шенства, тем глубже и полнее может раскрывать свою сексуальность человек в романтических отношениях с Другим.

Литература

1. Лэнгле А. Современный экзистенциальный анализ: история, теория, практика, исследования / А. Лэнгле, Е.М. Уколова, В. Б. Шумский. – М.: Логос, 2014. – 556 с.

2. Мэй Р. Любовь и воля. – М.: ИОИ, 2016. – 408с.

3. Старовойтенко Е.Б. Персонология: жизнь личности в культуре. Монография / Елена Борисовна Старовойтенко, профессор НИУ ВШЭ. – М.: Академический проект, 2015. – 431 с.

Лазарева А., ***Петелина В.Н.***

МБОУ «СОШ №1»

Что такое счастье?

Что такое счастье? Я думаю, этот вопрос волновал человечество со времен его возникновения. Другой вопрос в том, какие явления приносят нам счастье, и все ли мы умеем быть счастливыми? Всем ли легко ответить на эти вопросы? Все ли отчетливо представляют, что им необходимо для того, чтобы ощущать себя счастливым? И как много людей испытывают счастье? Чтобы разобраться с этими общечеловеческими вопросами, было решено провести исследование и выяснить, как понятие о счастье меняется в зависимости от возраста человека и уточнить, когда же люди ощущают себя счастливыми.

Интерес к изучению понятия «счастья» преобладает в обществе с давних пор. К этой тематике обращались различные представители отечественной философии и психологии. Но невозможно полностью охватить и передать все, что было сказано по поводу счастья в психологии.

Счастье относится к категории морального сознания личности. Оно представляет собой особое состояние удовлетворенности от жизни, радости бытия, приближение к идеалу. Счастье неразрывно связано с чувствами и эмоциями, которые придают ему дополнительную окраску [1].

Фундаментальная значимость понятия счастья для человечества вытекает, прежде всего, из его природы, как одного из указателей, одной из мотиваций поведения человека как личности и как члена сообщества. Следовательно, представление о счастье - это элемент управления поведением человека, в частности, и сообщества в целом.

Проведение данного исследования рассчитано на достижение цели: определение и сравнение особенностей представления о счастье детей старшего и младшего возраста.

В ходе достижения основных целей, мною поставлено несколько задач:

1) выяснить, как возраст влияет на понимание и представление о счастье;

2) научиться проводить процедуру анкетирования и интервью;

3) научиться анализировать и интерпретировать полученные результаты;

4) выяснить, что приносит людям счастье.

Объектом исследования являются подростки в возрасте 16-18 лет и дети в возрасте 9-11 лет.

Предмет исследования: счастье как социально-психологический феномен

Гипотеза существует взаимосвязь между возрастом и представлением о счастье. Чем взрослее человек, тем выше у него показатель счастья. ...

В исследовании приняли участие учащиеся 4, 10,11 классов МБОУ «СОШ №1». Всего приняли участие 55 человек.

В ходе исследования использовались такие методы, как анкетирование, тестирование, беседа, обработка данных, анализ данных.....

Для достижения задач исследования респондентам была предложена анкета, где необходимо было продолжить предложения, направленные на их субъективное отношение к счастью. Для уточнения уровня счастья у каждого респондента был проведен Оксфордский опросник счастья [2].

Анализ проведенного опроса показал, что не зависимо от возраста каждый человек хочет быть счастливым! А многие счастливы в настоящее время ведь рядом с ними верные друзья и товарищи, близкие и родные им люди.

В ходе интерпретации полученных данных, выяснилось, что большинство ребят имеют свое сформированное видение счастья, достаточно часто испытывают это состояние и в целом считают себя счастливыми людьми. Также учащиеся имеют хорошее представление о том, что доставляет им счастье, и рассматривают себя счастливыми в настоящем.

Оксфордский опросник счастья показал нам, что у младшего поколения показатель выше, чем у подростков.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод о том, что счастье, как и радость, есть лишь спутник в стремлении человека к иным целям. Таким образом, счастье составляет важную часть нашей жизни, но не является смыслом жизни.

Счастье - живая и неуловимая субстанция, которую сложно заключить в жесткие рамки и подчинить определенным законам. Возможно именно поэтому австрийский психолог, основатель психоанализа Зигмунд Фрейд в одной из своих работ писал: «Счастье - абсолютно и исключительно субъективно. И мне кажется бесполезным теоретизировать на этот счет» [3].

Литература

Аргайл М. Психология счастья. 2-е изд. СПб, Питер, 2013.

Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика. «БАХРАХ-М». 2000

Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «Я» . СПб «Азбука-классика, 2010

Галлямова Аделия Робертовна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Дружественность домашней среды и ценностно-смысловая сфера человека

Дом – та среда, которая сопровождает человека всю жизнь. Однако отнюдь не всегда эта среда бывает благоприятной. Немало попыток по определению объективных показателей благополучности было проведено, прежде чем было показано, что субъективный опыт индивида, включая интерпретацию и атрибуцию средовых факторов, являются более значимыми предикторами психологических и эмоциональных переживаний нежели показатели объективного анализа той же среды. [Wright, Kloos, 2007]

В данном исследовании также используется субъективная оценка участников для проверки гипотезы о существовании связи дружественности домашней среды с системой ценностей человека, а именно, с его системой ценностей и переживанием осмысленности жизни. Для оценки данных переменных применялись опросники: методика Шварца для изучения ценностей личности, методика личностной релевантности домашней среды (ЛРДС) С.К.Нартовой-Бочавер с соавторами и теста Смысложизненных ориентаций (СЖО) Д.А.Леонтьева. Испытуемыми были 68 человек (70.5% женщин) в возрасте от 18 до 47 лет (средний возраст равен 20.59). Наибольшую часть из них составляли студенты московских университетов, которые добровольно согласились принять своё участие в исследовании. Результаты были обработаны с помощью корреляционного анализа данных.

Было обнаружено, что в соответствии с ожиданиями, присутствует выраженная положительная связь между изучаемыми переменными. А именно, шкалы Релевантность, Управляемость, Ресурсность, Эргономичность и Пластичность были наиболее тесным образом связаны с шкалами ценностей. Неожиданными же результатами было то, что эти же шкалы Пластичность, Релевантность и Эргономичность показали отрицательную связь с Локусом контроля – Жизнь.

Таким образом, было показано, что связь между домом и личностью действительно есть. Причём данная связь проявляется в том, что люди, проживающие в благоприятной домашней среде, имеют более структурированную систему ценностей. В то время, как малодружест-

венный дом наделяет жизнь обитателей переживанием смысла, видимо, мотивируя к переменам, принятию решений и пр.

Полученные нами результаты дают представление об огромном значении домашней среды как месте, где личность формируется, реализуется, развивается и восстанавливается. Именно здесь человек впервые сталкивается с общественными ценностями и делает вывод, какие из них стоит присвоить и защищать, а от каких избавиться. Дом – то пространство, где индивид волен устанавливать свои законы и правила; тот символ, характеризующий его обитателя лучше всего.

Мы показали, что люди, находящиеся в недружественной среде, более склонны брать на себя ответственность за изменения этих обстоятельств. Это происходит потому, что такие личности верят, что могут контролировать события и подходят к своим действиям сознательно. А это в свою очередь – главный фактор просредового развития личности. [Gifford, 2014] Поэтому результаты данной работы будут полезны исследователям, занимающимся проблемами экологической психологии.

Литература

Gifford R. Environmental psychology matters. // Annual review of psychology. 2014. (65). С. 541–79.

Wright P.A., Kloos B. Housing environment and mental health outcomes: A levels of analysis perspective. // Journal of environmental psychology. 2007. № 1 (27). С. 79–89.

Московченко Елизавета Николаевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Добрый дом – злые люди? (Домашняя Среда как источник превенции черт Темной Триады)[1]

Прежде проведенные исследования устойчиво показывают, что домашняя среда (ДС) представляет собой предиктор благополучия, рассматриваемого как временное переживание осмысленности жизни и отсутствие депрессивных симптомов. В то же время возникает вопрос, насколько устойчивым оказывается вклад домашней среды в позитивное функционирование личности, в частности, возможно ли ожидать, что благотворные эффекты могут касаться и более черт личности как стабильных феноменов? Цель исследования – изучить, будет ли проявляться превентивная функция Домашней Среды по отношению к неклиническим чертам Темной Триады: макиавеллизму, нарциссизму, психопатии.

Гипотезы нашего исследования: Домашняя Среда будет являться антипредиктором негативных черт Темной Триады; данная связь будет модерирована полом респондентов.

Объем выборки составил 54 человека, которые были отобраны случайным образом на территории Российской Федерации в возрасте от 15 до 36 лет (M=19, SD=1.85), среди которых 32 женщины и 22 мужчины. Все испытуемые проходили исследование добровольно. Ограничения данной выборки остаются очевидными, но для первого исследования в рамках изучения негативных личностных черт с факторами благополучия домашней среды она достаточна.

Для измерения характеристик домашней среды были использованы опросники Релевантность Домашней Среды (РДС), Функциональность Домашней Среды (ФДС), Привязанность к Дому (ПД) (Нартова-Бочавер и др., 2015; Резниченко и др., 2016), которые измеряли наличествующие в домашней среде функции, их соотнесенность с потребностями субъекта, а также уровень привязанности к дому. Для измерения негативных черт был использован Краткий Опросник негативных личностных черт Темной Триады (SD3) (Егорова и др., 2015).

Для подсчета результатов и выявления предикторов был выбран статистический метод анализа линейной регрессии, где предсказывающими

1 Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 14-18-02163).

переменными для «Модели 1» выступили значения домашней среды: 7 аспектов РДС, 4 аспекта ФДС и средний показатель ПД. Таким образом, удалось с достаточной вероятностью объяснить лишь Нарциссическую модель, а модели, построенные для объяснения Психопатии и Маккиавеллизма, были значимы лишь на уровне тенденций. Обсудим значимые результаты.

Построение регрессионной «Модели 1» для всей выборки показало, что, вопреки очевидным ожиданиям, Нарциссизм положительно предсказывается Ресурсностью (B=5,348; p=.025), отрицательно – Прагматичностью (B=-7,098; p=.006) и Привязанностью к Дому (B=-4,047; p=.029) при R2=0,44, (F=2,7; p=.009). Таким образом, соответствие домашней среды личности обитателей и привязанность к дому оказывают превентивное воздействие на проявление Нарциссизма, а функциональность дома – стимулирующее.

Проверяя вторую гипотезу, мы построили отдельно модели для женской группы (N=32) и мужской (N=22) на основе «Модели 1». Оказалось, что в женской группе Нарциссизм положительно предсказывался Эргономичностью (B=7,962; p=.044), Защищенностью (B=6,043; p=.024) и отрицательно – Привязанностью к Дому (B=-4,873; p=.039), при R2=0,580 (F=2,182; p=.062). В мужской группе были выявлены тенденции для отрицательного предсказывания Нарциссизма Прагматичностью (B=-9,342; p=.107) и положительного Стабильностью (B=6,256; p=.117), при R2=0,731, где F-критерий оказался не значим (p=.134).

Мы получили неожиданные результаты, отличные от наших первоначальных гипотез. Для их объяснения мы обратились к работам, касающимся эволюционно-адаптивной функции черт Темной Триады. Известно, что нарциссизм – адаптивная черта, поддерживающаяся в обществе, например, в бизнесе, потому что она отражает высокую самооценку и позитивную Я-концепцию личности, что безусловно связано с успешностью. Таким образом, можно отметить, что, снимая невротическую симптоматику, домашняя среда может усиливать психотическую, укрепляя энергетический ресурс личности в целом и мобилизуя для достижения целей. Эти результаты соотносятся с некоторыми из них уже полученных ранее. Так, показано, что дружественный дом положительно связан с конфронтационным копингом, что также отражает психопатическую сторону функционирования личности (Khachaturova et.al., 2017) [4]. Также мы имеем неоднозначные данные о позитивности влияния ДС: переизбыток пространства в доме вызывает хаотичность обстановки, что отражалось на благополучии людей:

способствовала социальной изоляции, положительно была связана с депрессией [5]. В остальном дом остается фактором укрепления душевного здоровья и благополучия.

Примечательно, что именно функциональность, отражающая объективные качества дома, вносит вклад в проявление Нарциссизма, в то время как более «субъектные» характеристики снижают проявление Нарциссизма.

Из исследований предыдущего года стало известно, что низкая привязанность к дому может влиять на мотивацию человека отправиться в путешествие [3]. Мы также имеем данные, что дом «психопатизирует» его обитателей по-разному: например, девушкам дом дает безопасность для бытовой деятельности, Привязанность к дому выражается в том, что для них дом – родной очаг, который они берегут. Эргономичность дома дает девушке понять, что она такая же красивая и такая же уютная для общения, как общение с книгой на утепленном балконе. Если продолжать рассуждение об адаптивности черт, то в случае мужчины с нарциссической чертой можно предположить, что его дом обладал всем функционалом, «подпитывал», давал ему поддержку и всевозможные поддерживающие ресурсы (удобная кровать, хорошая связь с внешним миром через Интернет). Дом его удовлетворял и оказывал нарциссическую поддержку, а стабильность дома давала мужчине базовую безопасность и уверенность в окружающей среде, себе и своих силах.

Таким образом, можно предварительно заключить, что в женской и мужской группе отсутствие Нарциссизма предсказывается характеристиками релевантности дома и привязанности к нему, а в мужской группе – присутствие Нарциссизма предсказывается функциональностью дома.

Литература

Егорова, М. С., Ситникова, М. А., & Паршикова, О. В. (2015). Адаптация Короткого опросника Темной триады // Психологические исследования: электронный научный журнал, 8(43), 1-1.

Нартова-Бочавер, С. К., Бочавер, А. А., Дмитриева, Н. С., & Резниченко, С. И. (2016). Дом как жизненная среда человека: психологическое исследование. М.: Памятники исторической мысли.

Московченко Е. Н. (2016). Дом и путешествия как формы персонального опыта. Личность и бытие: человек как субъект социокультурной реальности: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар: Кубанский государственный университет, 279-281.

Резниченко С. И., Нартова-Бочавер С. К., Кузнецова В. Б. Метод оценки привязанности к дому // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. Т. 13. №. 3.

Babiak, P., & Hare, R. D. (2006). Snakes in suits: When psychopaths go to work. New York, NY: Regan Books.

Khachaturova M. R., Nartova-Bochaver S. K. The Home Environment as a Resource of Coping Behaviour in Youth // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2017. Т. 14. №. 3. С. 555-566.

Roster, C. A., Ferrari, J. R., & Jurkat, M. P. (2016). The dark side of home: Assessing possession 'clutter'on subjective well-being. Journal of Environmental Psychology, 46, 32-41.

Чукарина Анастасия Александровна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Становление экзистенциальных мотиваций в процессе личностного взросления

В силу радикальной смены культурно-исторического жизненного контекста в современной психологии произошло изменение отношения к периоду взрослости. Если ранее считалось, что во взрослость человек вступает уже сформированной личностью, и нет необходимости изучать этот этап более детально, то в настоящее время признается, что биологически взрослый человек продолжает свое личностное взросление. Наблюдается тенденция инфантилизма и бегства от взрослости, и необходимо более глубокое исследование факторов и предпосылок личностной взрослости для возможности рекомендаций по фасилитации практиками становления личностной взрослости.

Мы провели две серии пилотного исследования с целью проверить гипотезы:

1) конструкт «экзистенциальная исполненность», введенный А. Лэнгле в его концепции четырех экзистенциальных фундаментальных мотиваций, может рассматриваться как критерий личностной взрослости.

2) экзистенциальные мотивации вносят неравный вклад в процесс личностного взросления.

В первой части исследования были использованы следующие опросники:

- Дифференциальный тест рефлексивности [ДТР] [Леонтьев, 2014]
- Шкала самоконтроля [Гордеева, 2016]
- Тест экзистенциальных мотиваций [Шумский, Уколова и др., 2016].

Выборка составила N = 3766 человек из 51,9% мужчин и 48,1% женщин в возрасте от 16 до 60 лет (M = 25,87, SD = 5,91, медиана = 25).

По итогам регрессионного анализа были получены следующие результаты. Самоконтроль, системная рефлексия, интроспекция, квазирефлексия вносят значимый вклад (p=0) в уровень развития личностной взрослости. Наибольшая доля дисперсии личностной взрослости обуславливается интроспекцией (35%, B=-0,432), самоконтролем (21,7%, B=0,429), системной рефлексией (6,8%, B=0,263), квазирефлексией (10%, B=-0,255).

По итогам корреляционного анализа были получены следующие результаты. Высокий уровень экзистенциальной исполненности, а также реализованность третьей фундаментальной мотивации (способность жить аутентично), четвертой фундаментальной мотивации (способность реализовываться в мире) связан с высоким уровнем самоконтроля и системной рефлексии, а также низким уровнем интроспекции.

Во второй части исследования была использована адаптированная методика линии жизни В. Нурковой, линия взрослости. Выборка составила 53 человека, из них 34 женщин, 19 мужчин, в возрасте от 19 до 38 лет.

Нами был проведен непараметрический однофакторный дисперсионный анализ Краскела — Уоллиса для анализа структуры четырех фундаментальных мотиваций и возрастных промежутков в событиях, повлиявших на личностное взросление. Получены следующие результаты. События первой фундаментальной мотивации, связанной с базовым доверием миру, и третьей фундаментальной мотивации, связанной с самоценностью, значимо чаще присутствуют в характере событий, повлиявших на личностное взросление, чем событий второй фундаментальной мотивации, связанной с ценностью жизни, и четвертой фундаментальной мотивации, связанной с реализацией в мире и поисками смысла жизни.

Также последовали выводы, что на процесс личностного взросления респондентов значимо больше повлияли событий, произошедшие в возрасте 13-17 лет и 18-23 года, причем промежуток 18-23 года преобладает.

В то же время, если говорить о событиях, повлиявших на личностное взросление респондентов и имеющих негативную окраску, то их значимо больше произошло в возрасте до 12 лет, в то время как событий, имеющих позитивную эмоциональную окраску, значимо больше произошло в возрасте 18-23 года.

Мы считаем, что результаты исследования имеют потенциал для дальнейшего развития и более глубокого изучения процесса личностного взросления.

Литература

Гордеева Т.О., Осин Е.Н., Сучков Д.Д., Иванова Т.Ю., Сычев О.А., Бобров В.В. Самоконтроль как ресурс личности: диагностика и связи с успешностью, настойчивостью и благополучием // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 2. С. 46—58.

Леонтьев Д. А., Осин Е. Н. Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11. № 4. С. 110-135.

Лэнгле А. Person: Экзистенциально аналитическая теория личности: Сборник статей //М.: Генезис. – 2006.

Нуркова В. В. Методика «Линия жизни» как фактор формирования зоны ближайшего развития исторического аспекта самосознания личности //Зона ближайшего развития» в теоретической и практической психологии. Матер. XI Международных чтений памяти ЛС Выготского (15–18 ноября 2010 года, Москва).—М. – 2010. – С. 88-95.

Шумский В. Б., Уколова Е. М., Осин Е. Н., Лупандина Я. Д. Диагностика экзистенциальной исполненности: Оригинальная русскоязычная версия Теста экзистенциальных мотиваций // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. Т. 13. № 4. С. 763-788

Смирнова Елизавета Дмитриевна

Московский гуманитарно-экономический университет

Исследование образа психолога в представлении современного человека: возрастные и гендерные аспекты

«Недостаток представлений и стереотипное восприятие профессии психолога сформировало мифы о том, кто такой психолог и чем он занимается» (Горбатко, 2016, с. 252). Цель данной работы заключалась в том, чтобы исследовать образ психолога в представлении современного человека. Для этого в работе решались следующие исследовательские задачи:

Проанализировать роль психолога в современном обществе и мнение общества о нем, как о специалисте;

Выполнить анализ профессионально важных качеств психолога;

Проанализировать возрастные и гендерные аспекты восприятия профессии психолога.

Гипотеза: Существуют особенности образа психолога и его профессионального имиджа, связанные с возрастными и гендерными аспектами.

Методика исследования: Самостоятельно разработанный тест-опросник «Образ психолога».

Группа испытуемых: 62 человека, из них 30 мужчин и 32 женщины; 19 человек в возрасте 17-21 лет, 24 человека в возрасте 22-34 года и 19 человек в возрасте старше 35 лет.

По результатам решения задач получены следующие исследовательские результаты. Мнение общества о психологе можно свести к следующим основным точкам зрения:

Свободный или классический стиль одежды

Тихий голос

Пол не важен

Стоимость консультации должна быть среднестатистической

Наличие очков не играет роли

Научная степень обязательна

Неформальное общение во время консультации

Тактичность со стороны психолога обязательна

Консультация должна проходить в кабинете

Специалист, порекомендованный знакомыми

Психолог должен задавать вопросы

Психолог, внушающий уверенность

Консультант опирается на научные знания, но допустимо, если и на личный жизненный опыт

Наличие чувства юмора, что в жизни, что в работе приветствуется

Направление клиента на принятие решений

Визуальный контакт важен, но так же допустим блуждающий взгляд

Желательно, чтобы специалист вёл записи

Соблюдение дистанции

Индивидуальные консультации, но так же допустимы групповые занятия

Многие готовы выполнять задания после посещения психолога

При этом женщины более категоричны к требованию тактичности, считают, что оплата за услуги психолога должна быть высокой и с болей вероятностью пойдут к психологу, которого рекомендовали знакомые.

Достоверных различий в восприятии образа психолога между группами 22-34 года и старше 35 лет выявлено не было, поэтому эти две группы в дальнейшем анализе были объединены в одну группу.

Для юношей более важно, чем для взрослых качества психолога внушать уверенность и направлять в принятии решения. Это может быть связано с возрастными особенностями юношеского возраста.

Литература

Горбатко С.Г. Представление о профессии психолога в современном обществе: материалы XIX Международной научно-практической конференции: к 25-летию Гуманитарного университета. – 2016. – С. 252

Боголюбова-Кузнецова Дарья Васильевна

Московский государственный психолого-педагогический университет

Осознание себя ребенком с особенностями развития в рамках занятий арттерапией

Вопрос осознания себя достаточно сложен и по-разному решается в разных психологических школах. В этой работе рассматривается такое широкое понимание терминов самосознания и осознания себя,описываемое в т.ч. В. В. Столиным как единый процесс, начинающийся тактильными ощущениями, свойственными человеческому зародышу, и приходящий к интимизации, рефлексии и нравственной самооценке подросткового возраста. [Столин] В этот процесс вносит свой вклад физический и социальный опыт человека.

Особенности развития, физические или ментальные, накладывают свой отпечаток на процесс осознавания себя. Возможная замедленность процессов восприятия создаёт трудности в осознавании авторства собственных действий, которое, по Д. Стерну, является основой ядерной самости. [Стерн] Возможное неблагоприятное эмоциональное состояние родителей, переживающих горе в связи с трудностями ребенка, может приводить к недостаточной эмоциональной доступности, недостатку отзеркаливания эмоций, что пагубно сказывается на их осознавании ребенком. [Бус, Линдерман, 97] Задержка моторного развития замедляет сепарацию от объекта привязаности (именно начало прямохождения становится, по М. Малер, толчком к фазе практики). Задержка речевого развития сказывается на возможности символизации и развитии вербально самости. К сожалению, часто постигающая семью, воспитывающую особого ребенка, социальная изоляция нарушает социальный контекст развития осознания себя.

Одной из целей арттерапии является развитие самосознания. При этом основным действующим элементом является творчество. Оно позволяет через продукт своей деятельности осознавать свое существование и возможности, входить в контакт с собой и вдальнейшем действовать исходя из собственных потребностей. Человек начинает придавать больший вес своему опыту, чем оценкам окружающих. Творческий акт предполагает создание связей между разными гранями жизненного опыта. Творя, ребенок может создать соразмерный себе жизненный мир. Творчество даёт возможность регрессии для ослабления невротических защит, а также позволяет достичь сублимации как более зрелого защитного механизма. Не менее важным действующим эле-

ментом арттерапии являются отношения клиента с терапевтом. Последний организует физическую и межличностную среду таким образом, чтобы творческий процесс был возможен, предоставляет собственные функции Я при их нехватке у клиента, отражает клиента. Клиент получает опыт социального познания, обхождения со своими границами и границами другого.

В арттерапии, использующей в качестве материала изобразительное творчество, к этим положениям добавляется опыт действия с материалами (позволяют более ясно дифференцировать Я и не-Я, что способствует поддержанию ядерной самости [Стерн]), активно используется визуальный канал восприятия, продукт творчества остаётся (это поддерживает ощущение собственного постоянства).

В этом исследовании для анализа развития осознания себя ребенком с особенностями развития использовался анализ случая, в рамках которого проводилось наблюдение за поведением ребенка во время сессий и анализ его изобразительной продукции.

Анализ случая: И., 6 лет, РАС.

Девочка И. имеет задержку речевого развития: понимание речи также резко снижено, активная речь бедна, девочка говорит шепотом. Присутствует стереотипность. Девочка малоинициативна и на занятии, и дома, не рисует твердыми пишущими материалами, при попытке ей их предложить заметно тревожится, передаёт пишущий предмет терапевту, красками рисует недолго, закрашивая части листа, видимо, не обращая внимание на лист в целом. Проявляет интерес к своему отражения в зеркале.

В работе с И. основное внимание уделялось поддержке ее инициативности, способности находить для себя что-то интересное, ставить задачи и решать их.

Для этого сначала выбор материалов был сужен, рабочее пространство было ограничено столом, за которым сидела девочка. Также была введена ясная структура: когда раьбота готова, ее нужно повесить на стену скотчем. Это позволило создать безопасную и комфортную обстановку, что, в свою очередь, привело к возможности со временем расширить спектр предлагаемых материалов и дало И. возможность без тревоги выбирать нужные материалы на их местах в комнате. И стала рисовать мелками (рисунок беспредметный, с наличием замкнутой округлой формы — выражение ощущения отделения себя от окружающего мира [Egger, 18].

Внимание И. к своему отражению в зеркале было поддержано наряжанием перед ним, созданием корон и масок, рисованием портрета И. терапевтом.

Для работы над схемой тела была предложена аппликация. Это совпало с появлением первого предметного рисунка — портрета мамы. Для этого девочке потребовалась поддержка руки терапевтом. Рисунок человека имеет форму, переходную от «головонога» к рисунку человека с головой и туловищем. Рисунок ориентирован в координатах верх-низ.

Можно сказать, что на протяжении 6 месяцев И. стала более инициативной, стала лучше осуществлять выбор, причём эти навыки перенеслись и на домашнюю ситуацию. Ее уверенность в своих силах возросла, девочка стала более самостоятельной. Произошел огромный качественный скачок в рисунке: из беспредметного он стал предметным, хотя для этого И. потребовалась большая эмоциональная поддержка терапевта, выраженная в т.ч. физически поддержкой руки.

Все это говорит о развитии осознания себя И., переходе его на новый уровень.

Можно предположить, что занятия арттерапией, наряду с другими жизненными обстоятельствами и терапевтическими вмешательствами играли роль в развитии осознания себя И.

Литература

Стерн Д. Межличностный мир ребёнка. [Электронный ресурс]// http://www.psychol-ok.ru/lib/stern_d/mmr/mmr_01.html (дата обращения 27.05.2017)

Столин В. В. Самосознание личности. [Электронный ресурс] http://www.goldbiblioteca.ru/online_psihologiya/online_psistr10/915.php (дата обращения 27.05.2017)

Egger B. Bilder verstehen : Wahrnehmung und Entwicklung der bildnerischen Sprache. — G mligen ; Bonn [u.a.] : Zytglogge-Verl., 1991. — 163 c.

Бус Ф., Линдерман С. Теория и исследования, формирующие центральные идеи Тераплей// Theraplay. Руководство по улучшению детско-родительских отношений через игру, основанную на привязанности. М.: Институт игровой психотерапии, 2017 с. 77-124

Гошокова Татьяна Владимировна

Уральский филиал ФКУ «Центр экстренной психологической помощи МЧС России»

Особенности мотивационной готовности к оказанию первой помощи

По статистике первая помощь до приезда бригады скорой медицинской помощи оказывается очевидцами происшествия только в 1,6 % случаев (А.М. Халмуратов, Л.И. Дежурный, Б.Ц. Ганжурова, 2008), в то время как неотложные мероприятия требуются не менее чем 65% пострадавших (Н.П. Пахомова, В.Г. Троицкий, С.С. Сальников, 2001). Важным фактором, влияющим на то, будет ли оказана первая помощь пострадавшему, является психологическая готовность.

Проблемой психологической готовности к деятельности занимались такие ученые как М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович, Н.Д. Левитов, В.С. Мерлин, В.Н. Мясищев, А.С. Нерсисян, А.Ц. Пуни, К.К. Платонов, Д.Н. Узнадзе. Как указывает Л.В. Карапетян (2017), модель психологической готовности включает в себя несколько компонентов: мотивационный, личностный, оценочный (рефлексивный), когнитивный, операционально-деятельностный (поведенческий). Психологическая готовность возникает и существует посредством гетерархического взаимодействия структурных компонентов. В нашем исследовании планируется изучение мотивационного компонента, который мы рассматриваем как целостную, относительно устойчивую систему мотивов личности, которые под воздействием тех или иных обстоятельств конструктивно регулируют поведение и деятельность (Л.В. Карапетян, 2017).

Принято различать две большие группы мотивов учения: познавательные (связанные с содержанием учебной деятельности и процессом ее выполнения) и социальные (связанные с межличностными взаимодействиями) (А.К. Маркова, 1983). В связи с особенностями проведения и организации семинаров по обучению первой помощи считаем целесообразным выделение третьей группы мотивов – мотивы избегания наказания (например, приказ руководства организации). Гипотезой исследования выступило предположение о том, что люди, пришедшие на обучение в связи с социальными мотивами обладают более высокой готовностью к оказанию первой помощи, чем лица с другими мотивами. Так как именно социальные мотивы связаны с направленностью на взаимодействие с другими людьми, в том числе и на оказание помощи и поддержки.

Материалы и методы

Нами проведено анкетирование 56 человек (27 мужчин и 29 женщин), которые принимали участие в обучающих семинарах по первой помощи. До начала обучения им была предложена вопросник для оценки базового уровня знаний. После обучения – анкета для определения мотивов посещения данного обучения, оценки уровня усвоения знаний, а также готовности к оказанию первой помощи. Анализ результатов проводился с помощью описательной статистики и коэффициента корреляции Спирмена.

Результаты исследования

На вопрос о том, что мотивировало на посещение семинара 33 человека (58,9%) указали на учебно-познавательные мотивы, 22 человека (39,3%) - на социальные мотивы, 17 человек (29,8%) - на мотивы избегания наказания. При этом социальные мотивы чаще называли женщины, чем мужчины, а учебно-познавательные мотивы – лица старшего возраста.

Была выявлена корреляция социальных мотивов с результатами пропедевтического и итогового контроля уровня знаний, учебно-познавательных мотивов - с результатами итогового контроля уровня знаний и с оценкой уровня готовности к оказанию первой помощи. Полученные данные указывают на то, что оба вида мотивов положительно влияют на эффективность усвоения знаний в ходе посещения обучения. Однако именно учебно-познавательные мотивы связаны с готовностью к оказанию первой помощи. В случае мотива избегания наказания – значимых корреляций не выявлено, что указывает на низкую эффективность данного мотива при прохождении обучения навыкам оказания первой помощи.

Заключение

1. Согласно результатам исследования, после прохождения обучения по первой помощи, лица с учебно-познавательными мотивами обладают более высокой готовностью к оказанию первой помощи, что не подтверждает выдвинутую гипотезу.

2. Социальные мотивы положительно влияют на освоение полученной на обучении информации, но не связаны с готовностью к оказанию первой помощи.

3.Перспективой дальнейшего исследования является более подробное изучение мотивационной структуры лиц, приходящих на обучение по первой помощи.

Литература

1. Карапетян, Л.В., Марчук, Н.Ю. (2017). Феноменологический анализ мотивационной готовности. Азимут научных исследований, 1, 297-301.

2. Маркова, А.К. (1983) Формирование мотивации учения в школьном возрасте: Пособие для учителя. Москва: Просвещение.

3. Пахомова, Н.П., Троицкий, В.Г., Сальников, С.С. (2001). Анализ медицинской помощи пострадавшим при дорожно-транспортных происшествиях на догоспитальном и раннем госпитальном этапах. Скорая медицинская помощь, 3, 47-48.

4. Халмуратов, А.М., Дежурный, Л.И., Ганжурова, Б.Ц. (2008). Оказание первой помощи при травмах и неотложных состояниях – важный фактор предотвращения преждевременной смертности в России. Менеджер здравоохранения, 2, 41-44.

Билан Екатерина Максимовна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Образ дома как фактор позитивного функционирования личности

(на примере иностранных студентов)

Дом — это и тыл, и цель возвращения, и объект, наделяемый личным значением, и пространство, в котором происходят судьбоносные события. (С.К.Нартова-Бочавер и др., 2015). Изучение модели идеального и реального дома, дружественности домашней среды по отношению к человеку, находящегося в нем, как фактора позитивного функционирования личности - это очень актуальная тема.

Основная проблема нашего исследования заключена в вопросе о том: как модель домашней среды (то есть образ реального и идеального дома) связана с позитивным функционированием личности, а именно: с аутентичностью и психологическим благополучием в условиях проживания близко к родному дому и вдали от него, особенно – в условиях иной культуры и стереотипов повседневности. Наше исследование базируется на идее Кейса о том, что «вещи, места, действия и люди, связанные с домом, становятся более ценными и очевидными из-за их отсутствия» (Case, 1996). Новизна нашего исследования заключается в используемых нами методах и инокультурной выборке.

Цель исследования: изучение связи образа дома с параметрами позитивного функционирования - психологическим благополучием и аутентичностью личности.

Объект исследования: образ идеального и реального дома у людей разных культур.

Предмет исследования: связь образа дома с параметрами позитивного функционирования личности, а именно: психологическим благополучием и аутентичностью.

Гипотеза исследования

1)Образ дома у студентов, проживающих вдали от дома, положительно связан с позитивным функционированием личности.

2)Образ идеального дома является более позитивным по своим параметрам, чем образ реального дома как для русских респондентов, так и для инокультурных респондентов

3)Образ идеального вносит больший вклад в позитивное функционирование личности у инокультурных граждан.

Испытуемые: 60 человек в возрасте от 18 до 34 лет, Мвозраст= 22,47, SDвозраст=4,01, большинство из которых были студентами Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» университетов, которые добровольно согласились принять своё участие в исследовании. 30 человек нашей выборки были студентами, которые проживают на территории РФ с момента рождения, а другие 30 человек были иностранными студентами, обучающимися на программах обмена или на полных программах обучения. Нашими инокультурными респондентами стали студенты из таких стран: Бразилия, Колумбия, Эль Сальвадор, Парагвай, Индия, Марокко, Мьянма, Пакистан, Нигерия, Сингапур, Германия, Вьетнам, Япония, Италия, Словакия, Нидерланды, Бельгия. Стоит также отметить, что все студенты нашей выборки проживали в общежитии на момент исследования от 3 месяцев до 6 лет.

Используемые методики

Исследование состояло из трёх опросников, которые были направлены на изучение образа реального и идеального дома, а также аутентичности и психологического благополучия как факторов позитивного функционирования личности. Нами использовались такие методики: «Функциональность домашней среды» (ФДС), разработанной С.К. Нартовой-Бочавер и соавторами, «Шкала психологического благополучия» Р. Теннанта и «Шкала аутентичности» А. Вуда.

Результаты и обсуждение результатов

Теоретический обзор исторических и психологических источников, а также наше эмпирическое исследование позволили нам подтвердить следующие гипотезы:

1)Образ дома у студентов, проживающих вдали от дома, положительно связан с позитивным функционированием личности.

2)Образ идеального дома является более позитивным по своим параметрам, чем образ реального дома как для русских респондентов, так и для инокультурных респондентов

Однако, следующая гипотеза не нашла своего подтверждения:

3)Образ идеального вносит больший вклад в позитивное функционирование личности у инокультурных граждан.

Почти все показатели функциональности реального дома тесно связаны с принятием и знанием себя самого. Именно в непривычных для

себя условиях человек начинает узнавать себя с всё новой стороны и, порой, ощущает беспокойство, что он не тот, каким хотел бы быть. Скорее всего, такие беспокойства больше обостряются вдали от дома. Интерпретируя полученные связи, можно также сказать, что несмотря на не слишком долгий период пребывания многих иностранных респондентов, они стремятся к созданию собственного уюта в жилище, к защищенности и относительной стабильности всего происходящего в нем. Кроме того, важно отметить, что, попав в относительно новую среду, респонденты подвержены её влиянию, для них также важно, чтобы эти влияния были позитивными и не позволяли искоренять собственную самобытность. Возможно, есть некоторая угроза уязвимости собственного «Я».

Таким образом, дом для человека- это нечто большее, чем дом; это символ его личности, знак сознательности, основа личностной идентичности, источник аутентичности (Нартова-Бочавер, 2016) и, конечно же, показатель психологического благополучия и причина того самого благополучия.

Литература

1. Case D (1996). Contributions of journeys away to the defenition of home: an empirical study of a dialectical process . P. 1–15. 2.

2. Дмитриева Н.С. (2015). Домашняя среда как ресурс психологического благополучия и аутентичности подростков. Диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук.

3. Нартова–Бочавер С. К. (2015). Дом как жизненная среда человека: психологическое исследование. Отв. Ред. С.К. Нартова-Бочавер. М.: Памятники исторической мысли, 220 с.

Назмутдинова Рината Хакимовна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Возможные «Я» как предикторы профессионального самоопределения и статуса профессиональной идентичности в старшем школьном возрасте

Тема данного исследования - взаимосвязь между возможными “Я” и профессиональной активностью среди учащихся старших классов. Анализ литературы показал, что возможные “Я” могут побуждать людей активнее строить свою профессиональную идентичность и быть более активным в поиске и в выборе профессии. В исследовании будет проанализировано, какие особенности компонентов возможных “Я” учащихся связаны и, возможно, предсказывают эффективность профессионального самоопределения, профессионального выбора и построения профессиональной идентичности. С этой целью проводится исследование, в ходе которого участники заполняют качественные и количественные опросники, позволяющие исследовать компоненты возможных “Я” (опросник Е.Ю. Василевской), уровень профессиональной зрелости (опросник А.П. Чернявской), статус профессиональной идентичности (опросник А.А. Азбель) и академическую мотивацию (опросник Т.О. Гордеевой). Гипотезы данного исследования:

Такие компоненты возможных “Я”, как детальность, сбалансированность, наличие стратегий достижения, воспринимаемая эффективность и субъективная значимость предсказывают эффективность профессионального самоопределения, а именно определенность профессионального выбора, автономность, умение планировать профессиональную жизнь, эмоциональное отношение к ситуации выбора профессии у старших школьников.

Такие компоненты возможных “Я”, как детальность, сбалансированность, наличие стратегий достижения, воспринимаемая эффективность, субъективная значимость и соответствие реальному “Я” предсказывают статус профессиональной идентичности у старших школьников.

Выборка состоит из учеников 9-ых,10-ых,11-ых классов (девушки и юноши, средний возраст - 17 лет) московских и подмосковных школ, предполагаемое количество - 60 человек (50% юношей и 50% девушек). Опросники распространяются в онлайн виде. Будущие резуль-

таты будут проанализированы с использованием ANOVA и регрессионного анализа. Предполагается, что между компонентами возможных «Я» и компонентами самоопределения, а также статусом профессиональной идентичности будет обнаружена корреляция или причинно-следственная связь.

Это исследование поможет:

- понять необходимые компоненты возможных “Я”, которые помогают старшеклассникам успешно пройти этап начального профессионального самоопределения и построения сформированной профессиональной идентичности;
- найти закономерности перехода школьников от возможных “Я”, то есть представлений о себе в будущем, к реальным целям, планам и действиям;
- предположить, полезно ли разрабатывать специальные уроки и тренинги по формированию профессиональных возможных “Я” для развития профессиональной сферы студентов.

Литература

Bennett, D., Roberts, L., & Creagh, C. (2016). Exploring possible selves in a first-year physics foundation class: Engaging students by establishing relevance. Physical Review Physics Education Research,

Bowen, T. (2016). Depicting the possible self: Work-integrated learning students’ narratives on learning to become a professional. Murdoch: Asia-Pacific Journal of Cooperative Education.

Erikson, M. G. (2007). The Meaning of the Future: Toward a More Specific Definition of Possible Selves. Review of General Psychology.

Freeman, M. A., Hennessy, E. V., & Marzullo, D. M. (2001). Defensive evaluation of antismoking messages among college-age smokers: The role of possible selves. Health Psychology.

Ginzburg, M. R. (1988). Personal self-determination as a psychological problem. Moscow: Questions of Psychology.

Hamman, D., Gosselin, K., Romano, J., & Bunuan, R. (2010). Using possible-selves theory to understand the identity development of new teachers. Teaching and Teacher Education.

Markus, H., & Nurius, P. (1986). Possibles Selves. New York: American Psychologist.

Meara, N. M., Day, J. D., Chalk, L. M., & Phelps, R. E. (1995). Possible Selves: Applications for Career Counseling. Journal of Career Assessment.

Oyserman, D., Bybee, D., & Terry, K. (2006). Possible selves and academic outcomes: How and when possible selves impel action. Journal of Personality and Social Psychology.

Oyserman, D., Bybee, D., Terry, K., & Hart-Johnson, T. (2004). Possible selves as roadmaps. Journal of Research in Personality.

Oyserman, D., & Markus, H. R. (1990). Possible selves and delinquency. Journal of Personality and Social Psychology.

Prjazhnikov, N.S. (2007). Professional Self-Determination: Theory and Practice. Moscow: Academy.

Robinson, B. S., Davis, K. L., & Meara, N. M. (2003). Motivational attributes of occupational possible selves for low-income rural women. Journal of Counseling Psychology.

Ryff, C. D. (1991). Possible selves in adulthood and old age: a tale of shifting horizons. Psychology and Aging.

Werbi ska, D. (2017). Possible selves and student teachers' autonomous identity. Gewerbestrasse: Second Language Learning and Teaching .

Антонова Н. В. (2011). Самоопределение как механизм развития идентичности. Москва: Педагогика и психология образования.

Азбель А.А. (2004). Особенности формирования статусов профессиональной идентичности учащихся средней школы. Москва: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.

Василевскаяа Е.Ю. , Молчанова О.Н. (2016). Возможные я: обзор зарубежных исследований. Москва: Психология. Журнал Высшей школы экономики.

Никитина Дарья Алексеевна

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт психологии Российской академии наук»

Посттравматический стресс как отсроченная реакция на травматическое событие «угрожающее жизни заболевание[1]

Исследование посвящено изучению психологических последствий воздействия такого стрессора высокой интенсивности, как угрожающее жизни заболевание. Одним из таких психологических последствий является посттравматический стресс (ПТС). ПТС представляет собой отсроченную реакцию на травматическое событие, которое является потенциально опасным для жизни человека и сопровождается чувством беспомощности, страха и ужаса. Посттравматический стресс проявляется в симптомах избегания, вторжения и физиологической возбудимости (Тарабрина, 2001).

В перечень стрессоров высокой интенсивности входят опухолевые заболевания разных видов и этиологии. Среди доброкачественных опухолей головного мозга выделяют менингиому, которая образуется при интенсивном росте клеток паутинной мозговой оболочки. Несмотря на то, что данная опухоль является доброкачественной, она несёт угрозу жизни человека. В современной науке при изучении последствий угрожающих жизни заболеваний, в частности различных последствий таких заболеваний как опухоль, основной акцент исследований смещается на анализ проблем, которые касаются нейрохирургии и психиатрии. Психологические последствия угрожающих жизни заболеваний на данный момент наименее изучены (Тарабрина, Ворона и др. 2010). При этом встречаются отдельные исследования, в которых показано, что ПТС важно исследовать не только в связи с его негативным влиянием на психологическое благополучие человека, но и при анализе специфики реабилитации (Kangas, Williams, Smee, 2012). Таким образом, исследование в этом случае должно носить междисциплинарный характер, учитывая не только медицинские аспекты болезни, но и в том числе психологические предикторы и психологические последствия опасного для жизни заболевания.

В настоящем исследовании проверялась гипотеза о том, что «менингиома» является угрожающим жизни заболеванием и действительно вызывает симптомы ПТС у наиболее уязвимой части пациентов. Для

---

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект №18-013-00324)

проверки данной гипотезы применялась методика «ШОВТС» (Шкала оценки влияния травматического события (Impact of Event Scale — IES-R) в адаптации Н.В. Тарабриной (Тарабрина, 2001), а также использовался критерий Краскела-Уоллиса, на уровне значимости $p<0,05$ (STATISTIKA_10). Участниками исследования стали пациенты, оперированные по поводу менингиомы головного мозга. Объем выборки n=21, 19 жен., 2 муж. в возрасте от 46 до 70 лет, средний возраст – 58 лет. Пациенты подбирались с учетом наличия минимального когнитивного дефицита. Все респонденты подписывали информированное согласие.

Исследуемая выборка была поделена на три группы по интегральному показателю (ИТ) методики «ШОВТС». Респонденты, значение (ИТ) которых попало в диапазон от 3 до 16 баллов, вошли в группу с низким ПТС (med=15, n=6), что соответствует показателям характерным для больных с диагнозом рак молочной железы (РМЖ) с отсутствием признаков посттравматического стрессового расстройства (ПТСР). Респонденты ответы, которых попали в диапазон от 17 до 40, вошли в группу со средним значением ПТС (med=28 n=9), что соответствует группе РМЖ с частичным ПТСР. Респонденты, значение (ИТ) которых попало в диапазон от 41 до 76 баллов, вошли в группу с высоким ПТС (med=57, n=6), что соответствует показателям характерным для больных РМЖ, у которых отмечено ПТСР (сравнение проводили с данными, которые были получены в исследовании психологических последствий онкологии, на выборке женщин с диагнозом рак молочной железы (Тарабрина и др., 2010, с. 82-83)). Анализируемые группы достоверно отличаются не только по уровню выраженности ПТС, что вполне закономерно (Кр. Краскел-Уоллиса: H=17,6; p =0,0002), но и в том числе по уровню выраженности отдельных симптомов, вторжению, избеганию и физиологической возбудимости ($p<0,05$). Следовательно, гипотеза подтвердилась, заболевание «менингиома» действительно сопровождается признаками ПТС.

Таким образом, в исследовании было обнаружено, что «менингиома» сопровождается признаками ПТС разной интенсивности. При этом зафиксировано, что у 6 человек реакция ПТС носит выраженный характер; у 29% выборки определяется ПТСР. Такое количество респондентов с признаками ПТСР встречается в основном при исследовании людей, которые находятся в «горячих точках» и имеют серьезные телесные повреждения. Все это еще раз подтверждает тот факт, что «менингиома» выступает мощным стрессором высокой интенсивности.

Наличие риска развития ПТСР может вносить дополнительные трудности на пути выздоровления группы таких больных.

Литература

1. Тарабрина Н. В. Практикум по психологии посттравматического стресса. — СПб: Питер. 2001.

2. Тарабрина Н.В., Ворона О.А., Курчакова М.С., Падун М.А., Шаталова Н.Е. Онкопсихология — М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2010.

3. Kangas M., Williams J.R., Smee R.I. The association between posttraumatic stress and health related quality of life in adults treated for a benign meningioma // Applied Research in Quality of Life. 2012. Vol. 7. N 2. Pp. 163—182.

Андреева Юлия Валерьевна, Золотова Ирина Александровна

Ярославский государственный медицинский университет

Исследование психологических и социальных детерминант налаживания и сохранения естественного вскармливания недоношенных детей

Проблема грудного вскармливания недоношенных детей стоит достаточно остро. В силу физиологических причин, а так же причин связанных с особенностью организации медицинской помощи в первые дни жизни, прикладывание малыша к груди невозможно. В дальнейшем, кода ребенок набирает необходимую массу и уже способен обходиться без аппаратов жизнеобеспечения, становится возможным непосредственно грудное вскармливание. Однако, тут, несмотря на отсутствие медицинских противопоказаний возникает барьер между матерью и ребенком: страх, неуверенность, как отмечали сами женщины.

Целью нашего исследования было изучить влияние психологических и социальных особенностей женщины как в преморбидном состоянии, так и в ситуации после родов на успешность восстановления и сохранения грудного вскармливания ее новорожденного ребенка.

Гипотеза исследования: психологические и социальные факторы влияют на восстановление (налаживание) грудного вскармливания и сохранение его.

Исследование носило лонгитюдный характер: мы беседовали с женщинами непосредственно в перинатальном центре. Затем повторная беседа была проведена спустя полтора месяца после выписки из стационара. Участие приняли: 30 испытуемых экспериментальной группы и 30 испытуемых контрольной группы. Использовалась анкета, выявляющая демографические данные. отношение к беременности и к грудному вскармливанию, а так же методики: Шкала тревожности Спилбергера и Ханина, рисуночная методика И.А. Золотовой. «Моя мама, я и мой ребенок»

Результаты и обсуждение

Важно заметить, что женщины из экспериментальной (96%) и женщины из контрольной (93%) выражают желание кормить ребенка грудью. Однако, уже находясь в перинатальном центре матери недоношенных детей, прикладывают к груди в 7% случаев, а женщины, родившие в

срок в 67%. Стоит сказать, что имеет место и вид вскармливания при котором используется как грудное молоко, так и искусственные смеси, в данном случае достоверных различий между группами не получено. Перейдем непосредственно к психологическим аспектам. Важной чертой, характеризующую зрелую материнскую позицию, готовность исполнять роль матери является отражение таковой на рисунке. Женщины, родившие раньше срока изображают ребенка несоответствующим младенческому возрасту в 60% случаев, а женщины контрольной группы – 30 %. Данное различие является статистически достоверным.

На данном этапе исследования хочется подчеркнуть, что ситуативная тревожность у женщин экспериментальной группы достоверно выше, чем у матерей – контрольной. Это выражается и в частых обращениях к медицинскому персоналу по малозначительным поводам. Однако в дальнейшем мы наблюдаем корреляцию ($r=0,45$, $p<0,05$) с применением искусственного вскармливания.

Спустя полтора месяца естественного вскармливания придерживаются 64% женщин родивших в срок и 20% матерей недоношенных детей. Объективные причины прекращения грудного вскармливания были обнаружены лишь в 1 случае контрольной и 1 случае экспериментальной группы.

Корреляционный анализ в экспериментальной группе позволил выявить следующее. Чем выше был срок гестации, тем лучше мама понимала реакции ребенка ($r=0,42$, $p<0,05$) и тем реже прибегала к искусственному вскармливанию (r-0,44, $p<0,05$). Кроме того, женщины старше 32 лет реже прибегают к естественному скармливанию ($r=-0,45$, $p<0,05$). Так же стоит отметить, что в отличии от контрольной группы мамы родившие раньше срока, имеющие высшее образования с большей вероятностью прибегнут к естественному вскармливанию ($r=0,57$, $p< 0,01$). Обратная тенденция наблюдается в контрольной группе, там женщины с высшим образованием чащ прибегают к искусственным смесям. Возможно, в данном случае, в матерей недоношенных детей на фоне неожиданности ситуации усиливается когнитивный компонент.

Именно когнитивная, информационная линия нам кажется той ниточкой, которая должна быть использована в консультативной работе с подобными матерями, в том числе для влияния на их ситуативную тревожность и трудности с принятием на себя роли матери.

Вывод

Таким образом, наша гипотеза подтвердилась: психологические и социальные факторы влияют на восстановление (налаживание) грудного вскармливания и сохранение его.

Литература

Золотова И.А. Отношение к новорожденному у женщин группы риска : автореферат дис. к.пс. н. : КГУ Н.А. Некрасова. - Кострома, 2013.

Филиппова Г. Г. Психология материнства: Учебное пособие. М.: Изд-во Института психотерапии. 2002.

Пецева Ольга Сергеевна

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

Исследование взаимосвязи прокрастинации и экзистенциальной исполненности

Прокрастинация - это «добровольное откладывание запланированных действий, несмотря на ожидаемые негативные последствия от такого откладывания» (Steel, 2015:73). Исследования показывают, что склонность к прокрастинации отрицательно связана с академической успеваемостью, самоэффективностью, саморегуляцией и положительно с уровнем тревожности как черты и как состояния (Haycock, 1998; Erde, 2003; Klassen, 2008; Kim, 2016). Стоит отметить, что сила этих взаимосвязей, как правило, умеренная и редко превышает R2=0.2.

Анализ процитированных выше исследований позволил нам предположить, что склонность к прокрастинации может быть связана с уровнем осмысленности человеком своей жизни. Осмысленность жизни – сложное, скорее философское явление, трудно поддающееся измерению. В качестве максимально приближенного понятия, для которого разработан измерительный инструмент, мы выбрали экзистенциальную исполненность, которая отражает степень осмысленности человеком своей жизни, уровень внутреннего согласия, соответствие решений и поступков (Лэнгле, 2009).

Гипотеза исследования: склонность к прокрастинации обратно взаимосвязана с показателем экзистенциальной исполненности.

Методы исследования: шкала общей прокрастинации Лэя (Виндекер, Останина, 2014), шкала прокрастинации Такмена (Лебедев, 2016), шкала экзистенции А. Лэнгле и К. Орглер (Лэнгле, 2009) и шкала удовлетворенности жизнью (Осин, 2008).

В исследовании принял участие 151 человек, среди которых 39 мужчин и 112 женщин в возрасте от 15 до 61 года, средний возраст составляет 28.5 лет.

Все шкалы, использованные в исследовании, имеют высокую надежность (>0.75).

Высокая корреляция шкал прокрастинации Лэя и Такмена (r=0.76; p<0.001) подтверждает их конструктную валидность и позволяет объединить их показатели в единую шкалу (=0.92). Корреляционный анализ (r Пирсона) показал сильную взаимосвязь между общим показа-

телем шкалы экзистенциальной исполненности и всеми показателями прокрастинации (r=-0.67 для шкалы Такмена, r=-0.50 для шкалы Лэя и r=-0.62; для объединенной шкалы; во всех случаях p<0.001).

Показатель экзистенциальной исполненности связан с уровнем психологического благополучия, которое может выражаться в переживании счастья, удовлетворенности собой (Гришина, 2016). Прокрастинация же связана с противоположными переживаниями и сопровождается чувством дискомфорта, что может препятствовать восприятию себя как реализованного в полной мере. В нашем исследовании частная корреляция объединенной шкалы прокрастинации и экзистенциальной исполненности при контроле удовлетворенности жизнью остается сильной и статистически значимой (r=-0.55; R2=0,31; p<0.001), в то время как частная корреляция со шкалой удовлетворенности жизни при контроле экзистенциальной исполненности практически исчезает (r=0.08; p=0.304). Таким образом, склонность к прокрастинации связана именно с переживанием осмысленности жизни и никак не связана с удовлетворенностью жизни напрямую. Столь высокий показатель коэффициента детерминации даже для частной корреляции позволяет предполагать, что именно низкая экзистенциальная исполненность является одним из важнейших факторов, связанным с прокрастинацией как чертой личности.

Литература:

Виндекер, О.С., Останина, М.В. (2014). Формальный и содержательный анализ шкалы общей прокрастинации C. H. Lay (на примере студенческой выборки). Актуальные проблемы психологического знания, 1: 116-127.

Гришина, Н.В. (2016). Психологическое благополучие в экзистенциальном понимании: эмпирические особенности. Психологические исследования, 48, 10.

Кривцова, С.В., Лэнгле, А., Орглер, К. (2009). Шкала экзистенции А. Лэнгле и К. Орглер. Экзистенциальный анализ, 1: 141-170.

Лебедев, С.Ю. (2016). Психологические особенности студентов, склонных к прокрастинации (Магистерская диссертация). Санкт-Петербургский Государственный Университет.

Осин, Е.Н., Леонтьев, Д.А. (2008). Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия. Материалы III Всероссийского социологического конгресса. М.: Институт социологии РАН.

Eerde, W. (2003) A meta-analytically derived nomological network of procrastination. Personality and Individual Differences, 35: 1401-1418. doi: 10.1016/S0191-8869(02)00358-6

Haycock, L.A., McCarthy, P., Skay, C.L. (1998). Procrastination in college students: The role of self-efficacy and anxiety. Journal of counseling & development, 76: 77-84. doi: 10.1002/j.1556-6676.1998.tb02548.x

Kim, S., Fernandez, S., Terrier, L. (2017). Procrastination, personality traits, and academic performance: When active and passive procrastination tell a different story. Personality and individual differences, 108: 154-157. doi: 10.1016/j.paid.2016.12.021

Klassen, R.M., Krawchuk, L.L., Rajani, S. (2008). Academic procrastination of undergraduates: Low self-efficacy to self-regulate predicts higher levels of procrastination. Contemporary educational psychology, 33: 915-931. doi: 10.1016/j.cedpsych.2007.07.001

Steel, P., Klingsieck, K.B. (2015). Procrastination. International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences, 19: 73-78. doi: 10.1016/B978-0-08-097086-8.25087-3

Сюй Идань

Санкт-Петербургский государственный университет

Значимость и доступность ценностей у китайских студентов, обучающихся по разным специальностям

Знание о состоянии ценностно-мотивационной сферы личности позволяет прогнозировать поведение человека в социально и личностно значимых жизненных сферах. Предмет нашего исследования — значимость и доступность ценностей у китайских студентов, обучающихся на родине по гуманитарным, техническим и естественнонаучным специальностям. Гипотеза: существуют различия в оценке значимости и доступности ценностей у студентов, обучающихся по разным специальностям в иерархическом распределении ценностей, а также в различиях показателей значимости и доступности отдельных ценностей. Методы сбора и обработки данных: адаптированная для китайской выборки методика «Уровень соотношения «ценности» и «доступности»» (УСЦД) Е.Б.Фанталовой (2015); описательные статистики; показатель ранговой корреляции rs Спирмена, критерий One-way ANOVA для независимых выборок. Выборка: 722 человека от 18 до 25 лет, из них 102 студента, обучающихся по гуманитарным, 119 по техническим, 501 по естественнонаучным специальностям в вузах крупных городов Китая.

Результаты

Обнаружено, что при сравнении рангов значимости и сравнении рангов доступности ценностей во всех трех выборках показатель ранговой корреляции Спирмена варьировал от 0,80 до 0,96. Полученные данные свидетельствуют о значительном сходстве иерархического распределения ценностей во всех трех выборках как по значимости, так и по доступности. Однофакторный дисперсионный анализ выявил статистически значимые различия между показателями выборки студентов-гуманитариев, с одной стороны, и студентов технических и естественнонаучных специальностей, с другой. Для студентов гуманитарных специальностей значимость ценности любовь («духовная и физическая близость с любимым человеком») выше, чем для студентов технических (p=.041) и естественнонаучных специальностей (p=.000); доступность ценности самоуважение («ценить себя») выше, чем для студентов технических (p=.002) и естественнонаучных специальностей (p=.001); ценности радость («веселое времяпрепровождение») выше,

чем у студентов естественнонаучных специальностей (p=.001). Зато материально обеспеченная жизнь («отсутствие материальных затруднений») более доступна студентам технических (p=.004) и естественнонаучных (p=.014) специальностей. Гипотеза о различии в оценке значимости и доступности ценностей между студентами, обучающимися по разным специальностям, подтвердилась частично. Большая значимость ценности любовь обусловлена, на наш взгляд, личностными особенностями студентов, поступающими на гуманитарные специальности; большая доступность материальной обеспеченности связана с более значительной материальной поддержкой государства студентов технических и естественнонаучных специальностей; сложная программа обучения склоняет их к большей самокритике и оставляет меньше времени для веселого времяпрепровождения, чем гуманитариям.

Выводы

Выявлено высокая степень сходства в иерархическом распределении ценностей как по значимости, так и по доступности у китайских студентов, обучающихся на родине по гуманитарным, техническим и естественнонаучным специальностям. Обнаружены различия в оценке значимости и доступности отдельных ценностей. Для студентов гуманитарных специальностей, по сравнению со студентами технических и естественнонаучных специальностей, более значимой является ценность любовь, более доступными ценности самоуважение и радость, а менее доступной ценность материально обеспеченная жизнь.

Литература.

Фанталова Е.Б. (2015). Ценности и внутренние конфликты личности: теория, методология, диагностика: монография. М.-Берлин: Директ-Медиа.

Олькова Елизавета Максимовна

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет

Личностные особенности и структура защитного функционирования молодежи, увлекающейся аниме

Аниме (сокр. от англ. animation – оживление, одушевление) – вид анимации, разработанный в Японии, отличающийся индивидуальным, узнаваемым художественным стилем [2], вокруг которого сегодня сформировалась целая самобытная субкультура, которая широко представлена и в России (по данным социологического опроса РАН фанаты аниме составляют 24% среди всех молодых людей России, которые относят себя к какой-либо неформальной группе, а самый популярный аниме-паблик «ВКонтакте» на сегодняшний день насчитывает более одного миллиона подписчиков, где основная аудитория представлена подростками и молодежью (в среднем от 12 до 25 лет)), что вызывает исследовательский интерес в кругу как социологов, так и психологов.

Социологи отмечают, что общественное мнение выражает негативное отношение к любителям жанра аниме, они подвергаются социальной стигматизации. Критически оцениваются отдельные жанры аниме (хоррор, экшн, хентай и др.), некоторые аниме-сериалы запрещены в разных странах мира, что связано с высоким содержанием агрессивного и порнографического контента [1]. Распространено предположение, что увлечение отдельными жанрами аниме может быть связано с субклиническими проявлениями его поклонников. Однако эмпирических исследований данной проблемы не обнаружено. В данном исследовании предпринята попытка выявить некоторые устойчивые черты, присущие представителям аниме-сообщества, которые, при наличии определенных неадаптивных защитных механизмов, предрасполагают к парциальной психической дезадаптации в ситуациях фрустрации и стресса. Это исследование представляет значимость для психологической практики, поскольку выявление устойчивых черт и связанных с ними защитных механизмов может помочь с определением мишеней психологического консультирования в работе с молодежью, увлекающейся аниме.

Согласно данным ранних исследований поклонники аниме по сравнению с представителями других фэндомов отличаются более высоким

уровнем интроверсии, имеют более высокий уровень социальной тревожности, более низкий уровень оценки действительности и высокий контроль над импульсами, легко перевозбуждаются и могут проявлять обсессивность в отношении своих увлечений [1,4,5]. По результатам наших пилотажных исследований, в группе фанатов аниме был выявлен высокий индекс враждебности, за счет повышенных показателей подозрительности и обиды [3].

Данное исследование предполагает более глубокое изучение личностных особенностей молодежи, увлекающейся аниме, с помощью опросника личностного профиля по Айзенку (EPP-S) (Айзенк и соав., 1996), предназначенный для выявления уровня представленности типологических личностных черт (экстраверсия, нейротизм, психотизм), специфика которых зависит от свойств ЦНС и АНС, и структуры защитного функционирования с помощью методики Life Style Index Г. Келлермана и Р. Плутчика (адапт. НИПНИ им. В.М. Бехтерева), разработанной на основе психоэволюционной теории эмоций и структурной теории личности, предполагающих наличие сети взаимосвязей между уровнем эмоций, защитой и личностной предиспозицией (наследственной предрасположенности к психическим заболеваниям). Экспериментальная группа - студенты разных курсов и факультетов, которые смотрят аниме не менее 1 раза в неделю и высоко оценивают его по 7-мибалльной шкале Лайкерта; контрольная группа – студенты разных курсов и факультетов, которые нейтрально или негативно оценивают аниме и смотрят его не чаще, чем 1 раз в полгода. На основании положений о связи личностных черт и механизмов защит и данных предыдущих исследований мы выдвигаем гипотезы:

Лица, увлекающиеся аниме, отличаются личностным своеобразием; предполагается, что у них будут более низкие значения по фактору «экстраверсия» и более высокие показатели по фактору «нейротизм».

Лица, увлекающиеся аниме, отличаются характеристиками стиля защитного реагирования; предположительно, им свойственно сверхнапряженное использование механизмов психологической защиты по типу «вытеснения», «замещения» и «проекции», что связано с основными эмоциями страха и подозрительности и пассивно-агрессивной личностной диспозицией.

Литература

Жила А., Бернат А., Деметрович Ж. Агрессивность и эмоциональный интеллект: исследование на выборке отаку // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2015. – N 4(33). – С. 8.

Иванов Б.А. Введение в японскую анимацию. – 2-е изд. – М.: Фонд развития кинематографии; РОФ «Эйзенштейновский центр исследований кинокультуры», 2001. – 396 с.

Лякина Я.С., Голубятников А.А., Дмитриева Н.А. Личностные особенности подростков и молодежи, увлекающихся аниме, и их связь с формированием психопатологических проявлений // Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Современные проблемы клинической психологии и психологии личности». – Новосибирск, 14-15 сентября 2017 г. Изд-во: НГУ. – 358 с. – С. 202-209.

Reysen S. et al. An examination of anime fan stereotypes. The Phoenix Papers, 2(2), 90-117. 2016.

Schroy C., Plante C. N., Reysen S., Roberts Sh. E., Gerbasi K. C. (2016) Different motivations as predictors of psychological connection to fan interest and fan groups in anime, furry, and fantasy sports fandoms. The Phoenix Papers, 2(2), 148-167.

Чупахина Дарья Александровна

Белорусский государственный университет

Взаимосвязь саморазрушающего поведения и дистимии у старших подростков

Старший подростковый возраст является периодом формирования личностно-смысловых структур, которые играют роль своеобразного инструмента при взаимодействии с окружающей действительностью, являются средством ориентации в собственных возможностях и переживаниях. В этом возрасте происходит выстраивание своей жизненной перспективы и образа будущего, а также самоопределения в социальном и личностном плане (Божович, 1968).

В связи с этим сопутствующее депрессивное расстройство выступает негативным фактором в формировании самосознания, определения жизненных ориентиров, способствует закреплению в поведении неадаптивных стратегий. Подобные нарушения в эмоциональной сфере являются предпосылками нарушений идентичности, когнитивных искажений в восприятии себя, будущего и окружающей социальной действительности (Бек, 2003). Следствием этого являются расстройства адаптации, проявляющие себя в разнообразных формах отклоняющегося поведения, таких как саморазрушающее поведение, суициды, алкоголизация, различные зависимости, рискованное поведение и т.п. (Гаранян, 2009; Клейберг, 2001; Танайлова, 2014; Цебрук, 2016; Gotlib, 2009). Существование данных проблем требует усовершенствования моделей работы со старшими подростками с депрессивными расстройствами, а именно с дистимией, оказание помощи в формировании сознания и самоопределения, обучение стратегиям взаимодействия с жизненной средой в контексте постоянно усложняющейся общественной жизни. Следует также указать, что дистимия является формой депрессивного расстройства, которая оказывается неочевидной для стороннего, неподготовленного наблюдателя, и поэтому педагогам, социальным работникам, родителям трудно предугадать появление такого его симптома как саморазрушающее поведение.

В связи с этим возникающая необходимость в поиске наиболее эффективных способов преодоления дистимии в старшем подростковом возрасте выступает одной из актуальных проблем психологической науки.

Объект исследования: дистимическое расстройство.

Предмет исследования: саморазрушающее поведение у старших подростков с дистимией.

Цель исследования: описать проявления и факторы саморазрушающего поведения у старших подростков с дистимией.

Методология и методики исследования: в качестве методологии в исследовании использовался когнитивный подход А.Бека. Теоретической основой изучения и анализа форм девиантного поведения являются научные работы Ю.А. Клейберга. Для определения склонности к отклоняющемуся поведению был использован опросник СОП, а также Фрайбургский многофакторный личностный опросник FPI для диагностики состояний и свойств, которые имеют первостепенное значение для процесса социальной адаптации и регуляции поведения.

Гипотеза: старшие подростки с высоким уровнем дистимии справляются с жизненными затруднениями путём ухода от решения существующих проблем, что будет проявляться как в саморазрушающем поведении, так и в других формах отклоняющегося поведения.

Методы статистической обработки данных: полученные данные проанализированы с помощью программы SPSSv17. В процессе анализа данных планируется применять критерий Краскала-Уоллеса для нескольких независимых выборок, критерий Манна-Уитни и корреляционный анализ

Исследование осуществлялось на базе ГУО СШ № 111. Выборка включает 110 учащихся, 60 респондентов женского пола, 50 респондентов мужского пола в возрасте от 14 до 18 лет.

В ходе эмпирического исследования была выявлена взаимосвязь некоторых форм отклоняющегося поведения и дистимии у старших подростков. В частности, корреляционный анализ показал наличие статистически значимых взаимосвязей между саморазрушающим поведением и дистимией, что подтверждает нашу изначальную гипотезу.

Наблюдается наличие значимых корреляций между шкалой «Депрессивность» (шкала опросника FPI) и шкалами «Аддиктивное поведение» (=0,228; p 0,05(0,017)), «Самоповреждающее поведение» (=0,358; p 0,01(0,000)), «Агрессия и насилие» (=0,258; p 0,01(0,006)), «Контроль эмоций» (=0,392; p 0,01(0,000)), «Делинквентное поведение» (=0,309; p 0,01(0,001)) опросника СОП (А.Н. Орел).

Также была проведено вычисление корреляции шкалы «Депрессивность» с другими шкалами Фрайбургского опросника FPI, результаты которой позволяют увидеть, что наиболее значимыми являются корреляции шкалы «Депрессивность» опросника FPI с такими шкалами то-

го же опросника как «Невротичность», «Спонтанная агрессивность», «Раздражительность», «Застенчивость», «Лабильность» ($p \leq 0,01$). Наблюдаются также статистические значимые отрицательные корреляции между шкалой «Депрессивность» и шкалами «Общительность», «Уравновешенность», «Экстраверсия/Интроверсия», «Маскулизм/Феминизм».

Проведенное исследование показывает, что различные формы отклоняющегося поведения являются следствием патологического чувства вины и продолжением самоповреждений. Саморазрушающее поведение также проявляется в попытках убедить окружение в том, что депрессивный субъект, демонстрирующий агрессию через формы отклоняющегося поведения, заслуживает наказания. Данные результаты позволяют рассматривать проблему депрессивных расстройств как предпосылки для возникновения антиобщественных форм деятельности. Дальнейшие исследования данной проблемы являются необходимыми с целью разработки соответствующих методов коррекции и профилактики отклоняющегося поведения с учётом высокого уровня дистимии.

Литература

А. Бек [и др.]. (2003). Когнитивная терапия депрессии. СПб.: Питер.

Антохин Е.Ю. (2010). Особенности глубинно личностных структур больных дистимией. Вестник ОГУ, 179–183.

Баринова В. (2015). Я-концепция личности у пациентов со смешанными тревожно-депрессивными расстройствами. Психология и педагогика: современные методики и инновации, опыт практического применения, 8. Режим доступа :http://cyberleninka.ru/article/n/ya-kontseptsiya-lichnosti-u-patsientov-so-smeshannym-trevozhno-depressivnym-rasstroystvom. 12.03.2017.

Божович, Л.И. (1968). Личность и её формирование в детском возрасте. Москва: Просвещение.

Воликова, С.В. (2006). Системно-психологические характеристики родительских семей пациентов с депрессивными и тревожными расстройствами. Психол. инст. Рос.акад. образ., Москва.

Выготский, Л.С. (1984). Собрание сочинений : в 6-ти т. Т.4. Детская психология. Под ред. Д.Б. Эльконина. Москва: Педагогика.

Гаранян, Н.Г.(2009). Депрессия и личность: обзор зарубежных исследований. Часть II. Социальная и клиническая психиатрия, 3. 80-91.

Гилинский, Я. (2004). Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб. : Изд. «Юридич. центр Пресс».

Докунова, Е. (2014). Самопорезы. Несуицидальное повреждающее поведение. B17.ru – сайт психологов №1. Режим доступа : https://www.b17.ru/article/69373/. 06.11.2017.

Дюркгейм, Э.(1994). Самоубийство: социологический этюд. Под ред. В.А. Базарова. Москва: Мысль.

Захаров, В.В., Вахнина, Н.В. Когнитивные нарушения при депрессии. Неврология и психиатрия, 1, 18–26.

Информационный бюллетень о депрессии. (2015). Всемирная Организация Здравоохранения. Режим доступа: www.who.int/ru.

Карсон, Р., Батчер, Дж., Минека, С. (2004). Анормальная психология (11-е изд.). Спб: Питер Принт.

Клейберг, Ю.А. (2001). Психология девиантного поведения. Москва: Творч. центр «Сфера»: Юрайт.

Комер, Р. (2005). Патопсихология поведения (4-е междунар. изд.). СПб: Прайм – ЕврознакМосква: Олма-пресс.

Личко, А.Е., Попов, Ю.В.(1991). Саморазрушающее поведение подростков. – Л.: Изд.-во инст. им. Бехтерева.

Мак-Вильямс Н. (2001). Психоаналитическая диагностика: понимание структуры личности в клиническом процессе. Москва: независимая фирма «Класс».

Муравьёва, О.В., Разуваева, Т.Н. (2014). Взаимосвязь компонентов структуры личности и копинг-механизмов у больных депрессией. Науч. ведомости. Сер.гум. наук, 6 (177), 275-283.

Мэш, Э., Вольф, Д. (2003). Детская патопсихология. Нарушения психики ребёнка (3-е междунар. изд.) СПб : Прайм – Еврознак. М. : Олма-прессс.

Определение склонности к отклоняющемуся поведению (А.Н. Орел). Все профессиональные психологические тесты. Режим доступа: http://vsetesti.ru/175/.

Под ред. А.Б. Холмогоровой (гл. ред) [и др.].(2012). Клиническая психология: в 4 т. Москва: Издат. центр «Академия».

Пуговкина О.Д., Паламарчук, Л.С. (2013). Социальный интеллект и хронификации депрессии. Консультативная психология и психотерапия, 1, 114–125.

Суровцева А.К.(2005). Клинико-психологическое исследование качества жизни больных депрессивными расстройствами. ГУ НИИ психич. здор. Томский науч. центр СО РАМН, Томск.

Танайлова, В.(2014). Причины аутоагрессии. Саморазрушающее поведение. B17.ru – сайт психологов №1. Режим доступа : https://www.b17.ru/blog/7833/.

Тест FPI. Фрайбургский многофакторный личностный опросник. Методика исследования личности. Режим доступа : http://psycabi.net/testy/462-test-fpi-frajburgskij-mnogofaktornyj-lichnostnyj-oprosnik-metodika-issledovaniya-lichnosti.

Федотова В.А., Комова Е.Д. (2015).Уверенность в общении и самоотношение как факторы удовлетворенности личности отношениями с другими. Социальная психология и общество, 6 (2), 76–89.

Фрейд, З.(2002). Печаль и меланхолия. Под ред. Ю.Б. Гиппентрейтер, М.В. Фаликман, Психология мотивации и эмоций. Москва, М.: ЧеРо:Моск. Психол.-соц. ин-т.

Хекхаузен, Х. (2003). Мотивация и деятельность (2-е изд.). СПб: Смысл.

Хломов, К.Д. (2014). Подросток на перекрестке жизненных дорог : социализация, анализ факторов изменения среды развития. Психологическая наука и образование. Режим доступа : http://psyedu.ru/journal/2014/1/Hlomov.phtml. 06.11.2017.

Цебрук, М.А. (2016). Девиантное поведение в подростковом возрасте. Академия управления при президенте РБ. Режим доступа : http://www.pac.by/dfiles/001725_822179_deviant.pdf. 06.11.2017.

Циринг Д.А., Евстафиева, Е.А. (2011). Психодиагностика личностной беспомощности: проблемы и методы. Сибирский психологический журнал, 41, 111–120.

Чеснова, И.Г. (1987). Межличностные отношения в семье как фактор формирования эмоционально-ценностного самоотношения ребёнка. Москва.

Шмунк, Е.В. (2009). Факторы, оказывающее влияние на клинику и течение депрессивных расстройств. Соц. и клинич. психиатрия. Т.19, Психиатрия, психотерапия, 2, 87-92.

Эльконин, Д.Б. (1989). Избранные психологические труды. Москва, М.: Педагогика.

Ялом, И. Д. (1999). Экзистенциальная психотерапия. Москва, М.: Независимая фирма «Класс».

Ferrales, D. Teens and Self-Cutting (Self-Harm) : Information for parents. New Mexico State University. Retrieved from http://aces.nmsu.edu/pubs/_i/I104/.

Gilbert, P. (2007). Psychoterapy and Counselling for Depression. Trowbridge, Wiltshire: Cromwell Press Ltd.

Gotlib, Ian H., Hammen C. L. (Eds.). (2009). Handbook of Depression (2nd ed.). New York, NY: Guilford Press.

Halgin, R.P., Whitbourne S.K. (1993). Abnormal psychology. Boston: Brown&Benchmark.

Hallfors, D. [et al.] (2004). Adolescent Depression and Suicidal Risk: Association with Sex and Drug Behavior. American Journal of Preventive Medicine, 27(3), 224-231

Moore, R.G. Garland, A. (2003). Cognitive Therapy for Chronic Depression. London : The Wiley Series in Clinical Psychology.

Pervin, Lawrence. A. John, Oliver P. (1999). Handbook of personality: theory and research. Lawrence A Pervin (ed.). New York, NY: Guilford Press.

Petersen, Anne C. (1999). Depression in adolescence. American Psychologist, 48 (2), 155-168.

Pickhardt, Carl E. (2014). Adolescence and Risk-Taking. Psychology Today. Retrieved from https://www.psychologytoday.com/blog/surviving-your-childs-adolescence/201407/adolescence-and-risk-taking.

Prinstein, Mitchell J. [et. al]. (2001). Adolescents' and Their Friends' Health-Risk Behavior : Factors That Alter or Add to Peer Influence. Journal of Pediatric Psychology. Retrieved from https://academic.oup.com/jpepsy/article/26/5/287/2951540.

Sands, Roberta G. [et al.] (1986). Adolescent Crisis and Suicidal Behavior : Dynamics and Treatment. Child and Adolescent Social Work, 3 (2), 109-110

Tymula, A. [et al.]. Adolescents` risk-taking behavior is driven by tolerance to ambiguity. US National Library of Medicine. Retrieved from https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3479478/.

Wellman, Robert J., Wellman Mary M. (1988). Correlates of suicide ideation in a college population. Soc. Psychiatry Psychiatr. Epidemol, 23, 90-95

Краснова Ксения Александровна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Ценностный конфликт как стимул творческой активности

Исследование посвящено теме активности личности в ситуации ценностного конфликта. В теории А. Н. Леонтьева деятельность определяется как молярная единица жизни, связанная с конкретным мотивом или предметом потребности. Следуя логике этого определения, в ситуации конфликта мотивов деятельность должна либо раздвоиться, либо застыть, исчезнуть. И действительно, невозможность выбора порой приводит человека в состояние паралича воли. Но в опыте наблюдения за реальной жизнью и в культуре находят отражение и другие случаи – когда ценностный конфликт приводит не к исчезновению активности, а, наоборот, к её расцвету. Актуальность исследования так же связана с вопросом принципиальной разрешимости ценностного конфликта. Традиционный подход к данной проблеме исходит из постулата сообразности, предполагающего наличие высшей ценности. При таком подходе любой ценностный конфликт представляется принципиально разрешимым. Но есть и другая позиция. В. А. Петровский проводит аргументированную критику постулата сообразности, указывая на то, что «жизнь человека, осознающего свою неизбежную смертность, неадаптивна по своей сути».

Проведённое нами исследование показывает, что прохождение через ситуацию ценностного конфликта с сохранением обеих ценностей стимулирует не формальный, более творческий подход к выполнению задачи.

Гипотеза исследования

В качестве гипотезы исследования выступало предположение о наличии причинно-следственной связи между переживанием ситуации ценностного конфликта и ростом креативности.

Методика исследования

В соответствии с темой исследования, в ходе эксперимента нужно было поместить испытуемых в ситуацию ценностного конфликта и определить характерные особенности активности. Для создания ситуации ценностного конфликта в тестируемой группе была использована идея «идеологического теста Тьюринга». Суть теста в необходимо-

сти ответить на вопросы с позиции своего противника так, чтобы независимые эксперты не смогли отличить ответы этого человека от ответов его оппонентов. Данная идея была использована нами для создания ситуации ценностного конфликта. В данном исследовании всем испытуемым – в двух контрольных и в тестируемой группе – предлагалось оценить двенадцать утверждений по степени согласия/несогласия с ними. Далее все испытуемые случайным образом распределялись по трём группам. В контрольной группе 1 давалось одно задание – перечислить как можно больше способов использования верёвки. В контрольной группе 2 давалось задание «защитить» одно из перечисленных 12 утверждений – придумать три как можно более сильных довода в пользу. При этом для защиты даётся одно из утверждений, с которыми испытуемый согласен. Затем – то же задание с верёвкой. В экспериментальной группе всё то же, что и в контрольной группе 2, только защищать нужно было то утверждение с которыми испытуемый не согласен.

Результаты финального задания оценивались по следующим параметрам:

1.Общий объём ответа (по словам и по знакам)

2.Количество перечисленных вариантов использования верёвки

3.Средний объём варианта (Соотношение объёма ответа к количеству перечисленных вариантов)

4.Максимальный объём варианта

5.Оригинальность предложенных вариантов

Результаты

Было получено 56 результатов. Из них 16 - в контрольной группе 1, 20 – в контрольной группе 2 и 20 в экспериментальной. Из 20 результатов в экспериментальной группе 5 были выделены в отдельную подгруппу – это те испытуемые, которые отказались от выполнения конфликтного задания. Те испытуемые из экспериментальной группы, которые выполнили конфликтное задание, продемонстрировали более высокие результаты по всем параметрам.

По результатам исследования можно сделать вывод, что наличие конфликтного задания существенно влияет на показатели креативности. Остаётся вопрос валидности методики создания ситуации ценностного конфликта. Является ли именно ценностный конфликт главным фактором повышения креативности или же сам опыт выполнения нестандартного задания? В дальнейших исследованиях мы планируем ответить на этот вопрос.

Литература

Леонтьев. А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., Политиздат, 1975

Леонтьев Д.А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени // Психологическое обозрение. 1998. №1. С.13-25.

Дункер К. Психология продуктивного (творческого) мышления // Психология мышления. М., 1965.

Терещенко Е. В. Ценностный конфликт как источник творчества: автореферат дис. - Москва, 2006.

Петровский В.А.. Человек над ситуацией. – М.: Смысл, 2010.

Bryan Caplan. The Ideological Turing Test. Library of Economics and Liberty JUNE 20, 2011

Чукарин Борис Алексеевич, Петровский Вадим Артурович

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Динамика ценностного переживания на разных уровнях осознанности

Изучение ценностно-смысловых образований личности является одной из наиболее важных, актуальных и активно изучаемых тем в современной психологии личности и мотивации. Однако, центральное понятие данной проблемы, ценность, используется разными авторами в весьма различных, противоречащих друг другу психологических интерпретациях. Несмотря на необходимость рассмотрения ценностей, как образований, имеющих мотивационно-смысловую природу, методология их изучения придерживается логики опросникового исследования, которая фиксирует лишь вербальное выражение ценностного переживания [1,3,4].

В данной работе предпринята попытка описания ценностного переживания, как соощущения глубинного, эмоционального и осознанного, вербализованного уровней презентации ценностей.

Проверялась гипотеза о различии презентации ценностей на осознанном и глубинном уровнях. Методический инструментарий составили: 1) «Ценностный опросник» Ш. Шварца [5], состоящий из 57 утверждений, описывающий презентацию 19 ценностей на верблазованном уровне. 2) «Цветовой тест отношений» М.А. Эткинда [2], фиксирующий значимость ценностей на глубинном, эмоциональном уровне. Стимульным материалом методики является список 19 ценностей, взятых из опросника Ш. Шварца и карточки стандартного 8-ми цветового теста Люшера. Выборку первого этапа исследования составило 400 респондентов, в возрасте от 21 до 44 лет.

Было показано, что описание ценностей на осознанном уровне более стереотипно, социально желательно и образуют строгую иерархию. Наибольшая степень рассогласования была выявлена по социально-нормативным и малоодобряемым со стороны общества ценностям.

Условно, все 19 ценностей разбиваются на три категории:

- «высокорейтенговые» ценности, характеризующиеся стабильной переоценка их значимости на осознанном уровне (1-7 позиция);
- ценности «среднего» уровня, для которых характерно смешение «знака» расхождения от положительного, переоценка ценности на

осознанном уровне, к отрицательному, эмоциональная переоценка (8-13 позиция);

- «низкорейтенговые ценности, характеризующиеся значимой недооценкой на осознанном уровне, относительно большей степенью глубинной важности (14-19 позиция).

Наиболее значимыми оказываются ценности: «Возможность самостоятельно действовать и мыслить», «Ответственность перед близкими и забота о них», «Возможность сохранить честь и достоинство в глазах других людей», «Возможность чувствовать себя в безопасности, сохранять здоровье», «Общественная безопасность». Отметим, что их осознанная важность значимо выше, чем эмоциональная.

Средними по значимости оказались ценности: «Возможность получать удовольствия», «Постановка высоких целей и получение признания», «Справедливость и равенство возможностей» «Понимание и терпимость к другим», «Разнообразный жизненный опыт», «Не вызывать негативные эмоции у других людей». Здесь соотношение между ценностями на двух уровнях презентации радикально меняется, расхождение между ними меняется по «знаку», а по ценностям «Возможность получать удовольствие от жизни» и «Не вызывать негативные эмоции у других людей» расхождения не достигают статистической значимости. И в целом, для ценностей, имеющих «среднюю» значимость, величина переоценки уменьшается.

Низкими по значимости на осознанном уровне презентации оказались ценности: «Сохранение природы и окружающей среды», «Финансовая состоятельность», «Возможность следовать правилам и законам», «Скромность», «Возможность влиять на других людей, быть признанным, лидером», «Соблюдение традиций».

В “хвостовой части” ценностей, характер соотношения осознанной и эмоциональной оценки меняется на обратный: все низкорейтенговые ценности на эмоциональном уровне значимо оцениваются как более глубокие. При этом величина переоценки одной ценности относительно другой вновь увеличивается.

Литература

Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека/ Александр Асмолов. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2007. – 528 с

Бодалев А.А., Столин В.В. Общая психодиагностика. - СПб., 2000. - 440 с.

Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реаль- ности. 2-е, испр. изд. – М.: Смысл, 2003. – 487 с.

Петровский А. В., Петровский В. А. Категориальная система психологии. Опыт построения теории теорий психологии //Вопросы психологии. – 2000. – №. 5. – С. 3-17.

Schwartz, S. H. An Overview of the Schwartz Theory of Basic Values. Online Readings

Психология семьи и семейное консультирование

Пашкович Ника Владимировна

Костромской государственный университет

Роль родительских посланий в совладании учащихся средней школы с экзаменационным стрессом

Проблема стресса в последнее время набирает актуальность в мире и психологической литературе. Так же увеличивается и стресс школьников, которым в скором времени предстоит сдача экзаменов и выход на работу.А это в свою очередь так же является огромным стрессогенным фактором для подростка. Сдача экзаменов является очень важным аспектом жизни ребенка, а, следовательно, волнительным. Но лишь пройдя через это, он сможет идти дальше. Весь вопрос заключается в том, что поможет ему сделать этот шаг и как он с ним справиться? Родители часто пытаются поддержать детей и разговаривают по этому поводу с ними. Сами того не замечая они транслируют ребенку свои родительские послания. Редко кто не слышал от родителей слов «Ты родился в трудное время», «Ведешь себя, как маленький», «Я хочу, чтобы ты всегда оставался таким же маленьким», «Я лучше знаю что тебе нужно», «У тебя ничего не получится», «Тебе могут завидовать, не выделяйся», «Ты конечно слабенький/слабенькая, но сделал/сделала это», «Ничего не делай, это опасно для тебя», «Ты должен быть самым лучшим», «Никому не доверяй», «Мне некогда» Но существует ли связь между тем, что родители говорят своему ребенку и тем, какой способ совладания он выбирает?

Цели:

1)выявить связи родительских посланий и видом совладания у подростка

2) Выявить связи между родительскими посланиями школьникам, испытывающим экзаменационный стресс и спецификой их совладания с данным стрессом

Общая гипотеза: Наличие связи между определенными родительскими посланиями и выбором определенной копинг-стратегии;

Частные гипотезы:

1. Родительские послания влияют на совладающее поведение подростка с экзаменационным стрессом;

2.Особенности отношений, родителей с подростком, связанны с выбором копинг–стратегий при совладании подростка с экзаменационным стрессом

3. Особенности отношений, родителей с подростком, влияют на родительские послания, транслирующиеся ребенку.

Характеристики выборки: 80 учеников 9 и 11 классов школ города Костромы и Костромской области из полных и неполных семей в возрасте 15 и 17 (SD=0,97)лет. Из них 30 учеников 9 классов в возрасте 15 лет: 17 мальчиков и 13 девочек. И 50 учеников 11 классов в возрасте 17 лет: 18 мальчиков и 32 девочки. В полных семьях живут 51 ребенок, из них 23 мальчика и 28 девочек, средний возраст которых 16. В не полных семьях живут 29детей: из них 12 мальчиков и 17 девочек, средний возраст которых 16 лет.

Методики: 1. Детско-родительские отношения в подростковом возрасте – родитель глазами ребенка (ДРОП); 2. Список возможныхродительских посланий; 3. Юношеская Копинг - Шкала Э.Фрайденберг и Р. Льюис, в адаптации Крюковой Т.Л., 2002.

Предварительные результаты:Нами выявлено, что: 53,74% всех респондентов наиболее часто слышат от родителей фразу «Мне некогда». Она является самой популярной во всей выборке. Второе по распространенности родительское послание - «Ты должен быть самым лучшим», оно распространяется на 53,29% школьников. Так же популярными для нашей выборки оказались послания «Никому не доверяй» (46,9%).

71,67% юношей из неполных семейполучает от родителей послание «Мне некогда», 60% мальчиков слышат «Никому не доверяй» и «Ты должен быть самым лучшим». 51,67% родителей всегда говорят своим детям, чтобы они не выделялись, иначе им могут завидовать. «Я лучше знаю, что тебе нужно» - это послание транслируют своим детям 53,77% родителей. Послание: «Ведешь себя как маленький» слышат от своих родителей 58,33% детей. При этом мальчикам из полных семей мамы уделяют больше времени, поэтому, примерно, половина (45,22%) мальчиков слышат от своих мам, что им некогда

Однако, самой популярной фразой по всей выборке является: «Ты должен быть самым лучшим» - 52,17%. В полных семьях большинство матерей и отцов говорят девочкам, что они должны быть самыми лучшими (52,17%). Это послание является самым популярным. Причем, в неполных семьях девочкам (58,82%), так же как и мальчикам (71,67%), говорят, что на них нет времени. При этом чаще всего родитель сам знает, что важно его ребенку (43,38%). Это всего лишь малая часть результатов, но она показывает, насколько важно то, что родитель каж-

дый день говорит своему ребенку. Ведь именно это одно из важнейших составляющих того, каким способом ребенок будет приспосабливаться к окружающему миру и учится справляться с его трудностями.

Литература

1. Замышляева М.С. Оптимизм и пессимизм в совладающем поведении в юношеском возрасте: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13. М.: 2006. 22 с.

2..Научно-исследовательская лаборатория психологии совладающего поведения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.coping-kostroma.com/index.php/conf2016/conf2016, свободный. – Загл. с экрана.

Афанасьева Анна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Представление о собственном союзе партнеров с большой разницей в возрасте

Гипотеза исследования

Поскольку проводилось качественное исследование, вместо гипотезы в начале исследования были сформулированы исследовательские вопросы, которые определили состав исследовательского интервью:

Какие особенности характеризуют разновозрастный союз?

Как разновозрастные партнеры видят отличие своего союза от других вариантов союза, в чем особенности возникновения и существования такого союза?.

Наше исследование было спланировано как двухэтапное.

Первый этап – анализ текстов полученных в ответ на вопросы интервью. Интервью проводилось с 10 парами респондентов (среди них пары со старшим партнером-мужчиной – 6, пары со старшей женщиной – 3, гомосексуальная пара двух женщин – 1, разница в возрасте варьируется от 10 до 31 года)) и состояло из 2 блоков вопросов (социальный блок – 10 вопросов информационного характера, и 19 вопросов социального блока о, собственно, представлении пары о своих отношениях). Мы проанализировали методом качественного контент-анализа ответы всех пар на каждый из блоков интервью – выделили основные варианты полученных по каждой из обсуждавшихся тем ответов по всем парам. Затем мы объединили ответы в некие смысловые блоки, появившиеся внутри ответов по каждой теме и давали им возможное определение – т.е. предложили здесь основные «подкатегории» внутри каждой темы. На данный момент этот этап исследования завершен.

Результаты первого этапа исследования

Основными подкатегориями, в которых описывается особенности разновозрастного союза самими партнерами, являются:

- тема физического различия между партнерами – внешняя привлекательность младшего как некоторая «гарантированность» устойчивости союза для младшего и «престижность», источник вдохновения от союза для старшего. Вместе с тем, беспокойство «не синхронизированности» физиологических изменений старшего партнера, сложности с возможностью иметь детей и прочее (часто тре-

вога, страх, специальная задача, с который нужно было справляться).

- тема взаимообмена (духовного, интеллектуального): старший партнер в роли наставника, делится своим опытом, защищает младшего от ошибок; младший партнер поддерживает «молодость» отношений, мотивирует старшего быть в тонусе, следить за собой и т.п.
- тема особой близости или особого взаимопонимания такой паре: важность доверительности, «безопасного открытого» разговора, принятие и поддержка, для старшего как подтверждение его авторитета и контроля, для младшего – гарантированность поддержки, понимания, принятия.;
- понимание своей пары как особенной в сравнении с другим союзами и важность мнения ближайшего круга об отношениях разновозрастной пары.

Вторым этапом нашего исследования является анализ истории знакомства разновозрастной пары. Нам представляется, что можно выделить некоторые характерные особенности в том, как формируется и «санкционируются» отношения разновозрастной пары. Полагаем, что этот анализ может быть проведен с использованием метода обоснованной теории. На сегодня нами собраны истории 10 пар, интересные обозначившиеся темы - «санкционирующей, разрешающей, благославляющей третьей фигуры», тема общности (проблемы, травмы, некой жизненной задачи), которая, объединяя партнеров, как бы отодвигает на второй план разницу в возрасте, тема «комплементарного» договора и обмена.

Литература

Бусыгина, Н. П. (2013). Методология качественных исследований в психологии: Учебное пособие. М.: НИЦ Инфра-М.

Страус, А. И. Д. (2001). Корбин. Основы качественного исследования. Обоснованная теория. Процедуры и техники.

Быкова, Н. О. (2013). Социальная идентификация асимметричного по возрасту брака в современном российском обществе (Doctoral dissertation, Саратов: СГТУ, 2013).

Елютина, М. Э., & Быкова, Н. О. (2012). Асимметричный по возрасту брак в оценках супругов. Социологические исследования, (1), 83-93.

Рыжкова, А. А., & Казарян, И. Р. (2016). Разновозрастный брак: проблемы методологии. Вестник Забайкальского государственного университета, 22(5).

Leech, B. L. (2002). Asking questions: Techniques for semistructured interviews. PS: Political Science & Politics, 35(4), 665-668.

N Bhrolch in, M. (2005). The age difference at marriage in England and Wales: a century of patterns and trends. Population trends, 120, 7-14.

Strauss, A., & Corbin, J. M. (1997). Grounded theory in practice. Sage.

Weber, R. P. (1990). Basic content analysis (No. 49). Sage.

Психологическое благополучие одиноких матерей

и особенности их взаимодействия с детьми – дошкольниками и подростками

Ефимова А.А.[1], Харина П.А.[1,2], ЗЕ.Ю. ***Чеботарева Е.Ю.[2]***

[1] Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», [2] Московский государственный психолого-педагогический университет

Психологическое благополучие одиноких матерей и особенности их взаимодействия с детьми – дошкольниками и подростками

В современном мире традиционный уклад семьи уже не считается единственным позволяющим давать детям полноценное воспитание и всестороннее развитие. Значительную часть таких семей «нового» формата составляют одинокие матери. В обществе прослеживаются два параллельных процесса: за последние десятилетия отношение к одиноким матерям стало более лояльным [1], и количество женщин, самостоятельно воспитывающих детей, ежегодно растет. Естественно, было бы предположить, что проблемы, с которыми сталкиваются одинокие мамы, зачастую имеют схожий характер. Отсутствие мужчины в семье увеличивает экономическую, хозяйственную, воспитательную и эмоциональную нагрузку на женщину, оказывая влияние на её взаимоотношения с ребенком [3]. Всё вышеперечисленное затрагивает не только сферу детско-родительских отношений женщины, но и вопросы ее самореализации и самоидентификации во внесемейном пространстве [2]. Нам видится важным, определить взаимосвязи между тем, как одинокие матери организуют свою жизнь, выстраивают отношения с окружающими, ощущают свое психологическое благополучие в целом, и тем, какие стратегии они предпочитают в воспитании детей.

В эмпирическом исследовании мы применяли опросник «Взаимодействие родитель-ребенок» И.М Марковской в 2 вариантах: для родителей дошкольников и для родителей подростков и «Шкалу психологического благополучия» К. Рифф в адаптации Т.Д. Шевеленковой, Т.П. Фесенко.

В опросе приняли участие 63 женщины в возрасте от 20 до 53 лет, самостоятельно воспитывающих своих детей и определяющих себя как «матери-одиночки». 33 из них -матери дошкольников 4-7 лет, и 30 – матери подростков 10 – 18 лет. Примерно треть женщин в каждой группе никогда не жили вместе с отцом ребенка, остальные ранее состояли в зарегистрированном или незарегистрированном браке и разошлись. В среднем матери дошкольником самостоятельно воспитывают ребенка 4,5 лет, матери подростков – 9,5 лет. В 27% случаев в каждой группе отец принимает участие в воспитании ребенка, в 15% слу-

чаев – оказывает не только финансовую помощь матери. То есть речь идет о группе матерей с определенным восприятием своей семейной ситуации.

В результате сравнительного анализа групп была обнаружена тенденция к более высокому общему уровню психологического благополучия матерей подростков. Значимые различия выявлены в удовлетворенности взаимоотношениями с окружающими, степенью своей личностной автономии и в уровне самопринятия. Значимых различий в общем уровне удовлетворенности взаимоотношениями с ребенком не выявлено. Матери подростков значимо выше, чем матери дошкольников оценивают свою авторитетность для ребенка и степень согласия с ребенком. А матери дошкольников оценивают собственный стиль взаимодействия с ребенком как более строгий и требовательный.

В общем, стиль детско-родительского взаимодействия (ДРВ) связан с уровнем психологического благополучия матери. У матерей дошкольников эта связь более тесная. В обеих группах ДРВ в первую очередь связано с такими аспектами благополучия, как управление средой, осмысленность жизненных целей и самопринятие. Удовлетворенность личностным ростом матери в группе матерей подростков обнаруживает более последовательные связи с разными характеристиками ДРВ, а в группе матерей дошкольников – менее однозначные. Позитивные отношения матери с окружающими и ее личностная автономия значимо связаны с ДРВ только у матерей дошкольников, что возможно, объясняется более низким уровнем этих аспектов благополучия в данной группе.

Социально-демографические характеристики респонденток двух групп по-разному связаны с их психологическим благополучием и ДРВ. В частности, обнаружено, что помощь со стороны расширенной семьи прямо связана с общей удовлетворенностью отношениями с ребенком только у матерей дошкольников. Для матерей подростков этот фактор значимо связан с удовлетворенностью собственным личностным ростом. У матерей подростков большую роль играет пол ребенка (взаимодействием с девочками эти матери удовлетворены больше).

В общем, полученные результаты позволяют утверждать, что по мере взросления ребенка негативное влияние распада отношений матери с отцом ребенка во многом компенсируется. Хотя матери продолжают ощущать себя одинокими и испытывают немало трудностей во взаимодействии с подростками, в целом, они используют более гармоничный стиль воспитания и более позитивно оценивают собственную жизнь. Имеется прямая связь между общим уровнем психологическо-

го благополучия и удовлетворенностью взаимоотношениями с ребенком. Данные исследования позволяют предположить, что по мере гармонизации внесемейных аспектов жизни матери они начинают оказывать меньшее влияние на детско-родительские отношения. Но эта гипотеза требует дополнительной проверки в дальнейших исследованиях.

Литература

Еремеева А.И. (2015) Причины появления одинокого материнства как вариативной модели современной семьи // Вестник университета (Вестник ГУУ), 4, с. 328-331.

Овчарова Р.В. Мягкова М.А. Материнство в неполной семье: монография. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014. – 356 с.

Хитрук, Е.Б. Философские предпосылки формирования феномена «отсутствующий отец» в соверменной культуре // Вестник Томского государственного университета. – 2013. - №368. – с. 54-59.

Куклина Кристина Викторовна, Задорова Юлия Александровна

Костромской государственный университет

Исследование влияния привязанности на психическое здоровье дошкольников[1]

Проблема отношений привязанности в последние десятилетия находится в фокусе интересов ученых и практиков, представляющих различные направления психологической науки и медицины. В рамках классической трактовки привязанности в мировой психологии привязанность определяется как индивидуально направленная устойчивая эмоциональная установка, в основе которой лежит опыт аффективно насыщенных отношений ребенка с близким взрослым (обычно с матерью) (Бурменская, 2009). Так, основная функция привязанности заключается не в удовлетворении физиологических потребностей, а в обеспечении чувства безопасности. Именно поэтому наличие привязанности является необходимым условием развития познания и личности ребенка, кроме того предопределяет его психическое здоровье. Дж. Боулби и другие теоретики привязанности уверенно доказали, что ранние отношения со взрослым, осуществляющим уход, имеют решающее значение по причине того, что они представляют собой прототипы дальнейших отношений и способствуют будущей психопатологии, в то время как надежная привязанность ассоциируется с психическим здоровьем (Nakash-Eisikovits, Duti-aL Westen, 2000; Куфтяк, 2014).

Цель настоящей работы – изучение характера влияния качества привязанности к матери на психическое здоровье ребенка.

В исследовании приняли участие 97 детей старшего дошкольного возраста (количество мальчиков – 49, девочек – 48), посещающих дошкольные учреждения г. Костромы. Средний возраст составил – 6 лет. Оценка привязанности ребенка проводилась с использованием «Опросник оценки типов привязанности к матери» (Пупырева Е.В., 2007); для оценки здоровья была использована комплексная оценка здоровья (с определением группы здоровья), а также методика Р. Сирса, «Лист оценивания психологического здоровья» (Хухлаева О.В., 2011) и опросник «Сильные стороны и трудности» (Goodman et al., 2005).

---

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-01101

На основании оценки типа привязанности нами были выделены две группы детей с учетом типа привязанности. Соотношение дошкольников с надежной и ненадежной привязанностью в выборке составляло 62,9 и 37,1 %. Полученные результаты подтверждают известные данные об особенностях детей с ненадежной привязанностью (Bowlby, 1982; Куфтяк, 2015). Так, эти дети не обнаруживают признаков стремления к эмоциональной близости к матери, в отношении матери чувствуют ее неуверенность, непринятие и поддержку. Отметим, что дети как с надежной, так и ненадежной привязанностью испытывают потребность в присутствии своих матерей.

Далее на основе экспертных оценок специалистов дошкольных учреждений (воспитателей, психолога) был проведен анализ уровня психологического здоровья дошкольников с разным типом привязанности к матери. Дети с ненадежной привязанностью имеют более высокий уровень тревожности ($p=0,001$), высокий уровень проявлений эмоциональных симптомов ($p=0,003$). Различия в группах с надежной и ненадежной привязанностью обнаружены в проблемах со сверстниками ($p=0,018$) и поведении ($p=0,008$), экстернальных проблемах ($p=0,04$).

Последующий анализ выявил ряд значимых влияний степени надежности привязанности и ее показателей на психическое здоровье детей. Установлена взаимосвязь группы здоровья и показателей привязанности к матери. Так, показатель эмоциональной близости с матерью имеет связь с группой здоровья старших дошкольников ($x2=9,6$, при $p\leq0,05$). Было выведено уравнение множественной регрессии, которое прогнозировало тревожность, эмоциональные симптомы, гиперактивность и проблемы со сверстниками по показателям привязанности (таким как эмоциональная близость с матерью, эмоциональная чуткость матери и восприятие матери как источника помощи и поддержки).

Таким образом, статистический анализ данных по представленным в нашем исследовании методикам, действительно показал, что качество привязанности к матери оказывает влияние на психологическое здоровье детей старшего дошкольного возраста.

Литература

1. Бурменская, Г.В. (2009). Привязанность ребенка к матери как основание типологии развития. Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 14. Психология, 4, 17–31.

2. Куфтяк, Е.В. (2015). Привязанность ребенка к матери и отношения привязанности близких взрослых. Сибирский вестник психиатрии и наркологии, 1 (86), 78–83.

3. Куфтяк, Е.В. (2014). Семейно-поколенческое исследование: теория и практика. Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Серия «Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика», 1 (20), 64–68.

4. Bowlby, J. (1982). Attachment and Loss. Vol. 1. Attachment. N.Y.

5. Nakash-Eisikovits, O., Duti-aLWesten, D. (2000). Relationship between attachment patterns and personality pathology in adolescents. J. Am Acad Child Adolesc Psychiatiy, 41, 1111–1123.

Представления об отношениях привязанности у людей

с разными стилями привязанности

Чекалина Е.С.[1], Чеботарева Е.Ю.[1,2]

[1] Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», [2] Московский государственный психолого-педагогический университет

Представления об отношениях привязанности у людей с разными стилями привязанности

Проблема привязанности в супружеских отношениях становится все более актуальной и активно изучается в зарубежной психологии, но все еще остается малоисследованной на российской выборке. Вопрос о культурной специфике привязанности взрослых также остается открытым. В своем эмпирическом исследовании мы опирались на концепцию привязанности взрослых [2,3,5], согласно которой, стиль привязанности, с одной стороны, закладывается в ранних детско-родительских отношениях, с другой стороны, испытывает влияние тех отношений со значимыми людьми, в которых человек находится в течение жизни [4]. Мы предполагаем, что влияние жизненного опыта и культуры проявляется в установках и представлениях об отношениях привязанности и связано со стилем привязанности взрослых. Для проверки этой гипотезы было проведено исследование с использованием «Опросника привязанности к близким людям» Н.В. Сабельниковой, Д. В. Каширского [1], представляющего собой русскоязычную адаптацию опросника К. Бреннан, С. Кларк и Ф. Шейвера“Опыт близких отношений” (ECR, 1998).

Представления респондентов об идеальных отношениях привязанности изучались с помощью колоды метафорических ассоциативных карт (МАК) «Tandoo»,в которую входит 99 карт с изображениями сцен из жизни пар, символизирующие потребности, желания, чувства, конфликты и ресурсы, их которых испытуемым предлагалось выбрать одну, максимум 3 карты, которые по их мнению, метафорически отра-

жают их представление об идеальных отношениях в паре. После чего предлагалось в нескольких предложениях прокомментировать свой выбор.

В исследовании приняло участие 103 человека в возрасте от 24 до 55 лет (30 мужчин и 73 женщины), находящихся на момент исследования в браке или имеющих постоянного партнера. 80% респондентов имеют детей.

В соответствии с двухфакторной моделью индивидуальных различий привязанности взрослых[2, 3], мы на основании степени выраженности беспокойства и избегания определили стиль привязанности каждого респондента. 12 человек, набравших средние баллы по обеим шкалам, были исключены из данного этапа исследования.Оценка значимости различий с применением критерия Краскела-Уоллиса показала существенные различия между выделенными группами по параметрам привязанности: степени стремления к избеганию и беспокойства.

Анализ выбора метафорических карт, символизирующих идеальные отношения с партнером показал сходство и различия между группами в визуальных и вербальных ассоциациях. Наиболее популярными для всей выборки в целом, и встречающимися в каждой из рассматриваемых групп были карты, на которых изображены руки, держащиеся друг за друга (1), мужчина и женщина с младенцем (2) и пара, занимающаяся сексом, и открывающиеся у них чакры (3). Но анализ текстовых комментариев, сопровождавших выбор карт показал, что одни и те же изображения имеют для людей с разным стилем привязанности разный смысл. В целом, люди с надежным стилем привязанности представляют идеальные отношения привязанности как сочетающие близость и автономию партнеров, характеризующиеся доверием, заботой, нежностью, стабильностью.

Зависимый стиль больше, чем другие, акцентирует внимание на близости, единстве, целостности, связи (особенно показательно то, что они часто выбирают карту, где изображена пара, связанная вместе веревками). Также для этого стиля характерны ориентация на традиционные ценности, идеализация отношений, иногда оторванность от реальности (предпочтение сказочных сюжетов или сцен из других исторических периодов).

Избегающе-опасающийся стиль отличается вниманием к особой близости, интимности, чувственности, взаимной поддержке, совместному досугу и деятельности.

Отстраняющийся тип имеет наиболее абстрактные представления об отношениях привязанности. В комментариях говорится о гармонич-

ных, искренних, глубоких и равноправных отношениях, подчеркивается важность индивидуального развития в отношениях. Но в визуальных ассоциациях популярны изображения романтических отношений, выраженных в скульптуре, в абстрактных рисунках, изображения пары в масках.

Проведенное исследование позволяет сделать выводы о том, люди с разными стилями привязанности имеют как общие, так и специфические представления об отношениях привязанности. Метафорические ассоциативные карты (МАК) могут служить инструментом для диагностики и коррекции отношений привязанности. В дальнейшем предполагается разработка и апробация конкретных техник с использованием МАК.

Литература

СабельниковаН. В., КаширскийД. В. (2015) Опросник привязанности к близким людям // Психологический журнал, Т. 36, № 4, с. 84-97.

Bartholomew K., Horowitz L.M. (1991) Attachment styles among young adults: A test of a four-category model // Journal of Personality and Social Psychology. V. 61. P. 226–244.

Fraley R.C., Shaver P.R. (2000) Adult romantic attachment: Theoretical developments, emerging controversies, and unanswered questions // Review of General Psychology. V. 4. P. 132–154.

Franz, C. E., & White, K. M. (1985) Individuation and attachment in personality development: Extending Erikson's theory// Journal of Personality and Social Psychology. 1985. 53, 224–256.

Hazan C., Shaver P. (1987) Romantic love conceptualized as an attachment process // Journal of Personality and Social Psychology. V. 52. P. 511–524.

Пучек А.И., ***Чекалина А.И.***

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Импульсивность в семейных конфликтах

Современную социальную ситуацию можно охарактеризовать как в высшей степени стрессогенную среду, приводящую к регулярному возникновению конфликтных ситуаций разного рода: это и конфликты деловых организаций, группы и личности, межличностные конфликты и конфликтны внутриличностные. Высока степень риска нанести вред психологическому здоровью личности через деструктивное разрешение конфликта, что ставит психологов и конфликтологов в ситуацию необходимости поиска базовых детерминант конфликтов, в частности, конфликтов межличностных, наиболее часто встречающихся в обществе.

Конфликтологи и психологи вынуждены изучать взаимозависимость частоты и специфики конфликтных ситуаций с личностными свойствами индивидуумов, разными сторонами психики человека.

Семейные конфликты занимают важнейшую роль в сфере изучения конфликтов и являются одними из наиболее значимых и популярных для разрешения. Востребованность и актуальность изучения данных конфликтов, а так же детерминантов, обуславливающие их возникновение и динамику не вызывает сомнений.

Когнитивные стили являются одними из важнейших факторов, детерминирующих линию поведения человека. Понятие «когнитивный стиль» было введено в научный оборот психологом из Америки Г. Уиткином. Согласно его концепции, когнитивным стилем называется комплексное образование, объединяющее личностные психические свойства (такие как превалирующие мотивы, механизмы психологической защиты и др.) со спецификой механизмов мышления и восприятия личности (уровень развитости аналитичности-синтетичности, расчлененность и т.д.).(Холодная, 2002)

На основе исследований в данном направлении родилось представление о когнитивных стилях как устойчивых индивидуальных различиях в способах организации и переработки информации и приобретаемого опыта. Это наиболее обобщенное определение, которое может быть отнесено и к характеристике когнитивной сферы человека в целом, и к отдельным аспектам процесса переработки информации (например, к склонности подчёркивать или сглаживать различия между сравниваемыми объектами).

Импульсивность как когнитивный стиль широко исследуется и имеет важное значение для комплексного изучения импульсивности как черты личности. Импульсивность необходимо рассматривать с нескольких сторон, как динамическую характеристику мыслительного процесса, так и биологическую инвариантную структуру. В данном случае импульсивность измеряется как один из полюсов системного показателя темперамента и как черта личности.

Выявление взаимосвязи и влияния импульсивности как комплексной характеристики и межличностного внутрисемейного конфликта, проанализированного по методу Chain analysis.

Объектом исследования являются импульсивность как комплексное свойство и динамическая и семантическая природа конфликта.

Предмет исследования - их взаимосвязь и влияние импульсивности на все исследуемые стороны конфликта.

В работе использовались следующие методики:

Методика Яна Стреляу на измерение темперамента, в частности, показателя импульсивность;

Методика Лосенкова на диагностику коммуникативной импульсивности;

Тест Кагана на импульсивность;

Тест руки на склонность к агрессивному поведению.

Chain analysis.

В результате исследования прогнозируется подтверждение гипотез и проявление следующих результатов: выявление взаимосвязи импульсивности как комплексной характеристики и динамической и семантической структуры конфликта; проявление определённого уровня импульсивности в определённый момент конфликта, придаёт некоторому блоку при протоколировании конфликта наибольшую значимость; зависимость динамики конфликта от уровня выраженности импульсивности у двух человек.

Валиева С.В., ***Орлова Е.С., Геронимус И.А.***

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Особенности взаимосвязи зависимого поведения учеников старших классов с семейными факторами

В докладе представлены результаты исследования взаимосвязи выраженности различных видов зависимого поведения у подростков (потребления алкоголя, табака, интернет-зависимости) с особенностями представлений подростков о своих родителях, структурной организации их семей, а также с регулярным потреблением алкоголя в семье подростка и в среде близких сверстников. Исследование основывается на теоретических положениях системной семейной психотерапии и повторяет на российской выборке исследование иерархии факторов потребления алкоголя среди европейских подростков. проведенное на базе Швейцарского института профилактики алкогольных и наркотических проблем [1].

Гипотеза нашего исследования состоит в том, что выраженность зависимого поведения у подростков старших классов (потребление алкоголя, табака, интернет-зависимости) связана с характеристиками их семейной системы (структурной организации семьи, восприятием подростками своих родителей), а также с фактом регулярного потребления алкоголя в их семье и среди сверстников.

Используемые методики: опросник «Подростки о родителях» (Л.И.Вассерман, И.А Горьковая, Е.Е. Ромицина),. Опросник «Шкала семейной адаптации и сплоченности» (FACES 4) [2], опросник интернет-зависимого поведения Л.Н.Юрьевой, Т.Ю.Больбот, опросник ESPAD [3], направленный на выявление употребления и отношения подростков к алкоголю, табаку и наркотикам. Последняя методика была модифицирована в соответствии с целями и задачами исследования.

Эмпирическая база исследования. В исследовании приняли участие 113 подростков в возрасте от 15 до 16 лет одной из московских школ.

Результаты и их обсуждение

1. Взаимосвязь зависимого поведения подростков и структурных характеристик их семьи.

Были обнаружены следующие корреляционные взаимосвязи: между степенью компьютерной зависимости подростка и уровнем ригидно-

сти (r = 0,196; p = 0,041) и хаотичности (r = 0,28, p = 0,003) его семьи. Можно предположить, подросток, который в большей степени воспринимает свою семью как ригидную, т.е. имеющую жесткие правила взаимодействия и не способною адаптироваться к изменениям, или, наоборот. хаотичную (правила взаимодействия в семье и роли членов семьи не определены) больше времени проводит у компьютера; Взаимосвязь между выраженностью употреблением табака (тем, сколько сигарет подросток выкурил за последний год), уровнем сплочённости в семье (r = -0,259, p = 0,006) и открытостью семейной коммуникации (r = -0,186, p = 0,048). Связь между частотой потребления алкоголя подростком за последние 30 дней и за последний год и степенью слитности семьи (r = 0,314; p = 0,001, r = 0,276; p = 0,004), открытостью коммуникации в семье (r = -0,233; p = 0,013, r = -0,222; p = 0,019).

2. Анализируя взаимосвязи между выраженностью зависимого поведения подростков и особенностями восприятия подростками своих родителей мы установили следующее. Связь между уровнем восприятия враждебности родителей и степенью компьютерной зависимости подростка (r= 0,196, p= 0,041); связь между интенсивностью потребления табака, а именно сколько сигарет выкурил подросток за последние 30 дней и уровнем восприятия своей автономности в отношениях с родителями (r=-0,236, p= 0,012), уровнем восприятия удовлетворённости семейными отношениями (r=-0,191, p=0,042).

3. При сравнении выраженности зависимого поведения в группах подростков, в семьях которых присутствуют люди, регулярно потребляющие алкоголь с остальными подростками, были обнаружены следующие различия между группами: подростков, которые отметили, что кто-то из членов их семей употребляет алкоголь регулярно (n=17) указали большее по сравнению с другими подростками количество эпизодов употребления алкоголя за последний год (p= 0,040).

4. Кроме того, подростки, которые отметили, что кто-то из их близких сверстников употребляет алкоголь регулярно (n=38) указали большее по сравнению с другими подростками количество эпизодов употребления алкоголя в течение жизни (p= 0,013), за последний год (p=0,002) и за последний месяц (p=0,002).

Выводы

Полученные результаты свидетельствуют о том, что высокий уровень сплочённости, высокая степнны открытости коммуникации внутри семьи, восприятие подростком семейных отношений, как удовлетворительных, восприятие подростком родителей, как дающих автоном-

ность обратно связаны с выраженностью зависимого поведения у подростков. Таким образом, можно предположить, что сплочённая семейная система с налаженной коммуникацией «защищает» подростка от развития зависимого поведения . Если в семье хорошие, по мнению подростка, отношения и подросток считает, что ему предсотавляют достаточно самостоятельности, это также может снизить выраженность зависимого поведения у подростка. Наличие связи с регулярно употребляющими алкоголь сверстниками показывает более высокий уровень употреблением алкоголя самим подростком, чем наличие употребляющих алкоголь у подростка членов семьи.

Список литературы

1.Kuntsche, E.N., Kuendig, H. (2006). What is worse? A hierarchy of family-related risk factors predicting alcohol use in adolescence. Substance Use and Misuse: 4: 71-86.

2.ESPAD-2007. Европейский проект школьных исследований по алкоголю и наркотикам в Российской Федерации/ Под ред. Е.А. Кошкиной – М., ФГУ Национальный научный центр наркологии Роздрава, 2009. – 119 с.

3. Зеленская М.С. Адаптация методики FACES-IV на российской выборке подросткового возраста. Диссертация магистра психологии. Москва, НИУ ВШЭ. М. 2016, 106с.

Хохлова Ю.А.

Костромской государственный университет

Проявления холодности матери к сыновьям разного возраста

Данное исследование посвящено скрытой, негативной стороне материнства: в научной психологии не много работ, посвященных этой проблематике. Исследуется оценка взаимоотношений сыновей со своими матерями: еще Фрейд утверждал, что исключительно отношение матери к сыну приносит ей бесконечное удовольствие, т.к. это отношение является самым совершенным и свободным от двойственности среди всех видов отношений между людьми (Фрейд, 1917/1995). Однако, признается существование феномена «холодной матери» (Kendall-Tackett, 2001) или отсутствующей, отстраненной, не интересующейся ребенком, не эмпатичной и не способной испытывать к своему ребенку положительные, теплые чувства. Выявлено, что одним из шести типов отклонения от нормального процесса воспитания является – тип Мать - «призрак» или «холодная» мать (Базылева, 2014). Такая мать отсутствует физически и/ или эмоционально. Она не использует насилие над ребенком, но и не открывается для его эмоций, ребенок не учится от нее близости и открытости. Мать не удовлетворяет основные потребности ребенка в привязанности.

Гипотеза

В отношениях матери с сыновьями разных возрастов проявления «холодности» матери присутствуют в разной степени. «Холодность» матери более явно проявляется по отношению к сыну – подростку, нежели к взрослому сыну, в связи со специфичностью подросткового возраста.

Выборка

Подростки мужского пола в возрасте 14-16 лет (ср. возраст – 15; SD – 0,8), проживающие вместе с матерью (в одной квартире) – 15 человек, учащиеся разных городских школ; взрослые молодые люди в возрасте 20-30 лет (ср. возраст – 24,1; SD – 2,4), проживающие физически отдельно от матери – 15 человек. Методы: Опросник «Подростки о родителях» - ПОР (ADOR) Вассермана Л.И., Горьковой И.А., Ромицыной Е.Е, 2005; «Письмо о моей матери» вариант «Неоконченных предложений» Д. Сакса на основе проективной методики С.А. Белорусова (1998); два списка положительных и отрицательных качеств матери по Боулби Дж., 2003.

Результаты и их обсуждение

Среди взрослых молодых людей, физически отдельно проживающих от своей матери, есть такие, которые приписывают ей также и отрицательны качества. Такое качество как «холодная» выбрали 20 % взрослых молодых людей наряду с качествами «депрессивная, властная и эгоистичная». Схожие с холодностью качества - «отстраненная, невнимательная, избегающая» выбрали также взрослые юноши, что свидетельствует о проявлениях феномена холодности матери. Среди подростков по шкале «Враждебность» (матери по отношению к сыну) высокий балл набрали более трети выборки, что говорит о восприятии матери агрессивной, чрезмерной строгой в межличностных отношениях с сыном: мать нередко применяет физические наказания. Эмоциональная холодность к подростку маскируется (это социально неодобряемое качество) и часто выдается как «сдержанность, закрытость, скромность, следование этикету». Мы считаем, что можно говорить о явных проявлениях «холодности» матери по отношению к части сыновей-подростков. Анализ результатов проективного «Письма о моей матери» показывает значимые различия в отношении матери к сыну-подростку и взрослому сыну. Матери «всегда» уделяют время взрослым сыновьям чаще, чем подросткам ($F = 2.437$, $p < 0,05$). Они нейтральнее относятся к отрицательным эмоциям взрослого сына в свой адрес ($F = 2.437$, $p < 0,05$) – и значительно хуже к негативным эмоциям в свой адрес сына – подростка ($F = 2.437$, $p < 0,01$). Следовательно, матери более явно проявляют холодность по отношению к сыну-подростку, чем к взрослому сыну. Полученные результаты можно связать с тем, что по сравнению с сыновьями-подростками, взрослые сыновья, становясь старше, испытывают субъективное ощущение отделения от матери (сепарацию) (Крюкова, 2012). Матери реже видят сыновей, поэтому позитивные и негативные проявления в свой адрес воспринимают как внимание, неравнодушие к себе со стороны взрослого сына, становясь менее «холодными», начинают по-иному выстраивать отношения с сыновьями, больше принимая их.

Литература

Базылева Е. М. (2014). Общий формат. За гранью материнской любви // Журнал авторских статей о психологии, психосоматике и психотерапевтической практике. Получено с: http://psymagazine.ru/2014/05/фактор-матери/ (дата обращения: 3.10.2017).

Белорусов С. А. (1998). Общий формат. Вариант методики «Незавершенные предложения» - «Мое письмо о супруге» [Электронный ресурс] // Сайт о психологии. 2011. Получено с: https://pro-psixology.ru/

psixologicheskoe-obsledovanie-semi/627-variant-metodiki-nezavershennye-predlozheniya-moe.html (дата обращения: 24.03.2018).

Крюкова Т.Л. (2012). Взаимоотношения матери и взрослеющего сына в контексте современной российской семьи // Вестник Костромского государственного университета. Т. 18 (1), 175-178.

Психологическая методика «Подростки о родителях» и ее практическое применение / Л.И. Вассерман, И.А. Горьковая, Е.Е. Ромицына (2005). - СПб. - 3-е изд., дополненное и переработанное. - 65 с.

Фрейд З. (1995). Женственность. 33 – я лекция / Введение в психоанализ. Лекции. М.: Наука.

Kendall-Tackett et al., M.H. (2001). The Hidden Feelings of Motherhood: Coping with Stress, Depression, & Burnout. New Harbinger.

Маркитантова Ольга Анатольевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Семейные правила выживания у женщин разных поколений

Семья представляет собой открытую социальную систему, которая вырабатывает свои адаптационные механизмы для того, чтобы противостоять неблагоприятному внешнему воздействию. У поколения семьи, которое подверглось такому внешнему воздействию и нашло возможность справиться с ним, формируются определенные жизненные стратегии. [1] Под правилами выживания понимаются сообщения, с помощью которых эти жизненные стратегии транслируются потомкам, чтобы они имели возможность избежать или пережить травматический опыт [3].

Российское общество характеризуется трамоцентрической ментальностью, которая сформировалась под влиянием тяжелых событий, произошедших в истории России 20-го века [4].

Последующие поколения, которые не находятся в ситуации указанных трагических событий, могут использовать правила выживания в своей повседневной жизни вне их исторического содержания, и таким образом содействовать сохранению травмоцентрической ментальности. Исследование семейных правил выживания в контексте нескольких поколений может помочь понять исторические, психологические и культурные последствия травматизации, что в свою очередь может способствовать нахождению эффективных средств для предотвращения передачи травмы последующим поколениям и прерывания цикла травмы. [2, 5]

Целью проведенного исследования было выявление различий (особенностей) семейных правил выживания, которые транслируются предыдущими поколениями последующим. В исследовании проверялась гипотеза о том, что при передаче от предков потомкам семейные правила выживания различаются.

Выборка

В исследовании участвовали 54 женщины – представительницы трех поколений (бабушка, мама и дочка) из 18 семей. Возраст представительниц младшего поколения – от 17 до 37 лет; возраст представительниц среднего поколения – от 42 до 60 лет; возраст представительниц старшего поколения – от 67 до 84 лет.

Методика исследования

Для участия в исследовании респонденты заполняли анкету, состоящую из 13-и вопросов. Вопросы с 1-го по 3-й имели отношение к социальным данным опрашиваемых. Остальные вопросы – это открытые вопросы, касающиеся опыта выживания семьи респондента; семейных установок касательно общения с посторонними людьми и властями, отношения к пище и помощи; взгляда на страдания, свободу воли, судьбу и смерть; рекомендаций своим детям.

Для анализа ответов респондентов на вопросы анкеты использовались два способа. Первый способ (подсчитывание символов в ответах респондентов) позволил установить значимость вопросов анкеты для респондентов. Второй способ заключался в анализе содержания ответов на вопросы анкеты с помощью качественного контент-анализа с использованием категорий, которые были предложены Elena Cherepanov [4].

В результате анализа данных были сделаны следующие выводы:

Вопрос о рекомендациях участвующих в опросе своим детям был определён представительницами трёх поколений самым значимым из вопросов анкеты. Наиболее существенным опытом выживания для своей семьи представительницы старшего, среднего и младшего поколений указали следующие события. На первом месте указано военное время, на втором месте – 90-е годы прошлого века, на третьем месте – голод и нехватка продуктов питания.

Значительное количество тем в ответах представительниц трех поколений совпадают, есть отличия в ответах представительниц трех поколений. Прослеживается незначительная динамика изменений правил выживания у представительниц трех поколений.

Например, в своих ответах на вопросы анкеты все три поколения, упоминали, что для преодоления трудностей нужно работать, иметь сильный характер и полагаться на себя. При этом в рекомендациях среднего и младшего поколений своим детям появляются предписания о значимости профессии и образования. Каждое последующее поколение предлагает своим потомкам больше вариантов для решения проблемы, и эти варианты характеризуются, в том числе позитивным взглядом на жизнь, важностью образования, профессии и здоровья.

Информация о семейных правилах выживания и истории их происхождения может иметь большое значение для человека в процессе психотерапии. Помещение информации о происхождении правил выживания на сознательный уровень может позволить человеку сделать вы-

бор следовать им дальше или отказаться от них, чтобы улучшить свою текущую жизненную ситуацию. В то же время информированное принятие правил выживания позволяет человеку эффективно использовать уроки, полученные предыдущими поколениями его семьи. [3]

Литература

1. Варга А.Я. (2017). Введение в системную семейную психотерапию (3-е изд., стереотипное). Москва: Когито-Центр.

2. Варга А.Я., Маркитантова О.А., Черепанов Е. (2018). Семейные правила выживания: послания детям. Психология и Психотерапия Семьи, 1, 14-23.

3. Cherepanov, E. (2015). Psychodrama of Survivorship. The Journal of Psychodrama, Sociometry, and Group Psychotherapy, 1, 19-31.

4. Varga A., Cherepanov E. (September, 2016). The multigenerational transmission of social trauma. Presentation at the 9th Conference of the European Family Therapy Association. Athens, Greece.

5. Danieli Yael (1998). International Handbook of Multigenerational Legacies of Trauma. New York: Plenum Press.

Полякова Юлия Михайловна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Психологическая сепарация и удовлетворенность браком: особенности связи. Экспериментальное исследование

Исследование проводилось в 2016-2017 гг. в рамках магистерской программы по системной семейной психотерапии.

В ходе исследования была опрошена 31 супружеская пара в возрасте от 23 до 65 лет.

Для исследования стиля сепарации от родительской семьи использовалась методика Psychological Separation Inventory (PSI, Hoffman, 1984), адаптированная на русскоязычной выборке Дзукаевой В.П. и Садовниковой Т.Ю. (2014); для исследования уровня удовлетворённости браком использовался опросник Dyadic Adjustment Scale, DAS; Spanier G., 1976 (Шкала взаимной адаптации в отношениях Дж. Спаниера) и методика The Personal Assessment of Intimacy in Relationships, PAIR - Schaefer and Olson, 1981 (Личная оценка степени близости в отношениях).

Для эмпирической проверки были выдвинуты три гипотезы:

Уровень удовлетворённости браком выше у тех респондентов, чей стиль сепарации от родительской семьи соответствует или приближен к гармоничному.

Степень удовлетворённости браком и стиль сепарации от родительской семьи у мужей и жён не различается.

Характерологические особенности сепарации от родителей и степень удовлетворённости брачными отношениями у обоих супругов схожи.

Гипотеза 1 нашла полное подтверждение в нашем исследовании. При неконфликтном стиле сепарации от семьи родителей у респондентов отмечается более высокий уровень удовлетворенности супружеством. Так, «Стиль сепарации» от родителей связан со знаком плюс с уровнем супружеской адаптации в браке и со знаком минус связан с неудовлетворённостью отношениями в браке. Шкала опросника (PSI) «Стиль сепарации» носит процессуальный характер и отражает степень выраженности негативных и/или амбивалентных чувств к родителям у респондентов. Интенсивность чувств рассматривается как континуум – от ярко отрицательных («конфликтный стиль сепарации») до спокой-

ного, ровного отношения к родителям («неконфликтный, гармоничный стиль сепарации»). Таким образом, супругам, чей стиль сепарации приближен к гармоничному свойственен более высокий уровень удовлетворённость браком, и наоборот – мужчинам и женщинам с конфликтным стилем сепарации от родителей присуща большая неудоволетворённость брачными отношениями.

Гипотеза 2 не нашла подтверждения исследовании. Согласно полученным результатам, стиль сепарации и степень удовлетворённости супружеством у мужчин и женщин отличается. Средние показатели мужчин и женщин по опроснику Личная оценка степени близости (PAIR) различаются; жёны менее удовлетворены брачными отношениями, чем мужья.

Гипотеза 3 нашла частичное подтверждение в исследовании: стиль психологической сепарации от родителей у мужей схож по ряду параметров; степень удовлетворённости супружескими отношениями у обоих супругов различается. Согласно статистической проверке показатели мужей и жён различаются по шкале “Стиль сепарации от матери». Ответы мужей демонстрируют более гармоничный стиль сепарации от матери, т.е. уровень негативных или амбивалентных чувств в их отношениях низкий, а также редки конфликты. Данные результаты схожи с выводами Haws W.A. и Mallincrodt B. (1998), в которых сообщается о связи уровня удовлетворенности отношениями супругов и того, насколько мужчины хорошо ладят со своими матерями во взрослом возрасте.

Литература

Haws, A., Mallinckrodt, B. (1998). Separation-individuation from family of origin and marital adjustment of recently married couples. The American Journal of Family Therapy, 26, 293-306.

Hoffman, J.A. (1984). Psychological separation of late adolescents from their parents. Journal of Counseling Psychology, 31, 170–178.

Spanier, G. B. (1976). Measuring dyadic adjustment: New scales for assessing the quality of marriage and similar dyads. Journal of Marriage and the Family, 38, 15-28.

Румянцева Д.А. **, Сыромятникова А.В.**

Костромской Государственный университет, институт педагогики и психологии

Взаимосвязь типов привязанности, копинг-стратегий и способов разрешения конфликтов, у супругов с разным стажем брака.

Семья, по М. Боуэну, – самостоятельная динамическая система. Взаимоотношения между супругами, их уровень доверия, способ решения возникающих конфликтов формируют психологическую атмосферу и дальнейшее развитие этой системы, эмоциональный комфорт каждого члена семьи [5]. Предположив, что существует взаимосвязь типа привязанности, и стратегий совладания, поведения в конфликте у членов семей различных возрастов, имеющих различный стаж в браке, было проведено эмпирическое исследование. Метод. Выборка составила 106 человек– супруги, разной возрастной категории от 20 до 72 лет (SD=40,7) с разным стажем в браке от 1 года до 52 лет (SD=17,23). Было выделено две эмпирические группы, первая группа молодых супругов – 56 человек, равное количество мужчин и женщин, возраст от 20 до 37 лет (SD=28), стаж в браке от 1 года до 7 лет (SD=4). Вторая группа зрелые супруги – 50 человек, равное количество мужчин и женщин, возраст от 45 до 72 лет (SD=55), стаж в браке от 21 года до 52 лет(SD=31). В рамках исследования были использованы следующие методики:1. Шкалы взаимоотношений (основанных на привязанности) Д. Гриффина и К. Бартоломью RSQ- Relationships Scales Questionnaire (Griffin и Bartholomew, 1991); 2. Шкалы конфликтов и решения проблем CPS - Conflicts and Problem-Solving Scale (P.K. Kerig, 1996). 3. Опросник Способов Совладания (Ways of Coping Questionnaire - WCQ; Folkman и Lazarus, 1988). (Адаптирована Т.Л. Крюковой и др. в 2004 году). Остановимся на следующих. значимых результатов Молодые супруги в отличие от зрелых пар более склонны к конфронтации ($p \leq 0,047$), поиску социальной поддержки($p \leq 0,003$), избеганию($p \leq 0,001$), а также положительной переоценке проблемы($p \leq 0,047$). Были обнаружены значимые различия по показателям поведения в конфликте: так, молодые супруги оказались более склонны к проявлению физической агрессии($p \leq 0,001$), зрелые супруги чаще склонны вовлекать в возникший конфликт детей ($p \leq 0,037$) так как конфликтная ситуация для них имеет более высокую эмоциональную значимость ($p \leq 0,001$). Показатель эффективности разрешения конфликтных ситуаций ($p \leq 0,001$) и удовлетворенность

отношениями (p≤0,001) выше в группе молодых супругов. В результате проведённого корреляционного анализа были выявлены взаимосвязи между копинг - стратегиями и способами разрешения конфликта на уровне значимости (p≥0,05) У зрелых супругов копинг «положительная переоценка» оказался положительно связан с такими показателями как «планирование решения проблемы» (r=0,49) «самоконтроль»(r=0,41), «отрицательное разрешение конфликта» (r=0,29) и отрицательно связан с показателем «неразрешенность конфликта» (r=-0,37). Показатель «планирование решения проблемы» также оказался положительно связан с показателем «эффективность» (r=0,30) разрешения конфликтов. Показатель «вербальная агрессия» положительно связан с показателями «конфронтационный копинг» (r=0,37) и «самоконтроль» (r=0,31). Показатель «оппозиция» оказался положительно связан с показателями «поиск социальной поддержки» (r=0,38), «самоконтроль» (r=0,35) и «бегство/избегание» (r=0,29). Показатель «дистанцирование» оказался положительно связан с показателями «положительное разрешение конфликта» (r=0,41), «избегание» (r=0,54) и отрицательно связан с показателем «значимость» (r=-0,33). А показатель «избегание» оказался положительно связан с показателем «бегство/избегание» (r=0,32). В группе молодых супругов: Показатель «степень трудности проблемы» оказался отрицательно связан с показателями «конфронтационный копинг» (r=-0,27) и «поиск социальной поддержки» (r=-0,41). Показатель «бегство/избегание» оказался положительно связан с показателями «частота (тяжесть)» (r=0,30) и «оппозиция» (r=0,27). Показатель «дистанцирование» оказался положительно связан с показателем «значимость» (r=0,26). Доверительные крепкие отношения между супругами строятся на основе привязанности друг к другу. Тип привязанности оказывает влияние на выбор партнера, динамику отношений, способность преодолевать жизненные кризисы, используемые супругами копинг-стратегии. В результате проведённого нами корреляционного анализа было выявлено существование взаимосвязи между копинг - стратегиями, типом привязанности и способами разрешения конфликта. Преобладающий тип привязанности у молодых семей и семей, имеющих большой стаж в браке – отстраненный. Данный тип также называется «Отвергающий – избегающий» и характеризуется чувством самоценности которое сочетаются с недоверием. Представители такого типа склонны защищать себя от любых разочарования, стремятся поддерживать чувство независимости и неуязвимости. Преобладание отстраненного типа позволяет предположить существование определенной закономерности в российской семье, и отчасти позволяет объяснить количество разводов в нашей стране. На основе полученных

результатов можно заключить, что исследование о взаимосвязи типа привязанности, копинг-стратегий и поведения в конфликте в семьях с разным стажем брака – имеет широкий спектр возможностей, актуально для дальнейшего изучения.

Литература

Боулби Дж. Привязанность / Под ред. Г.В. Бурменской. - М.: Гардарики, 2003. -480 с.

Екимчик О.А. Любовь и привязанность в супружеских отношениях / Материалы III Международной научной конференции «Психологические проблемы современной семьи» в 2-х частях. Ч. 1 / Под общ. ред. А.Г. Лидерса. – М., 2007. С. 310-315.

Крюкова Т.Л., Сапоровская М.В.. Куфтяк Е.В. Психология семьи: жизненные трудности и совладание с ними. – СПб.: Речь, 2005.

Семья в современном мире / Сост. и ред. В.Н. Куницына. – Изд-во СПб университета, 2010.

Griffin, D. W., & Bartholomew, K. (1994). Models of the self and other: Fundamental dimensions underlying measures of adult attachment // J. of Personality and Social Psychology, 67, 430-445.

Степыгина И.С., ***Филиппова Е.В.***

Московский государственный психолого-педагогический университет

Представление отца и матери о ребенке и своих супружеских отношениях.

В настоящее время молодые семьи всё больше сепарируются от родительской семьи, что приводит к нарушению межпоколенной передачи семейного опыта. У молодых людей формируется свой «идеальный образ» ребенка, отношений между родителем и ребенком и между самими супругами. [1, 2] На представления об отношениях с ребенком и формирование его образа влияют и супружеские отношения, и тип семейного воспитания, и родительские установки. В настоящее время накоплен достаточно большой объем данных о характере детско-родительского взаимодействия и отношений родителей, и детей, но при этом тема влияния отношений между супругами на их представления о ребенке и отношениях с ним исследована явно недостаточно.

Целью работы являлось изучение связи между представлением о супружеских отношениях, удовлетворенностью в браке и представлением супругов (отца и матери) о ребенке.

Мы предположили, что чем выше удовлетворенность супругов браком, чем более успешно их общение, тем в большей степени согласованы их представления о ребенке, тем больше совпадает образ ребенка в глазах отца и матери.

В исследовании участвовали семьи с детьми раннего, дошкольного и младшего школьного возраста.

Для изучения представлений о ребенке в пилотном исследовании использовались следующие методики: анкета «Ребенок и семейные правила», методика «Незавершенные предложения» и сочинение «Мой ребенок».

Отношения в семье исследовалось методиками: опросник «Общение в семье» Ю.Е. Алешина, Л.Я. Гозман и опросник «Удовлетворенность браком» Т.Л. Романова и Г.П. Бутенко.

Результаты исследования оказались неожиданными. Они показали, что существует значимая отрицательная связь между удовлетворенностью браком и сходством в представлений о ребенке отца и матери, а именно, чем выше удовлетворенность браком, тем в большей степени различаются представления супругов о характере и способностях ребенка, и их отношениях с ребенком. Также выявлена отрицательная связь

между особенностями супружеского общения и представлением супругов о ребенке, то есть, чем больше у супругов сходство во взглядах на жизнь, тем больше различаются их представления о характере и способностях ребенка.

Выявлена значимая положительная связь между представлением о характере ребенка и общих символах семьи. Например, если в семье крепкие традиции, существуют совместные воспоминания супругов, и они общаются на «одном языке», то представление о характере ребенка являются близкими.

В настоящее время исследование семей проводится на большей выборке. Также увеличено количество методик. Добавлены методики: «Взаимодействие родителей с ребенком» И.М. Марковской [4] и методика родительских установок Е.С. Шефер и Р.К. Белл [3].

Литература

Адмиральская И. С. Отношение супругов к себе и друг к другу и удовлетворенность браком // Психологическая наука и образование. 2008. №5. – С. 5 – 11.

Варга А.Я. Семейные мифы в практике системной семейной психотерапии //Семейная психология и семейная терапия. - № 1-2, 2001. – С. 65-76.

Лидерс А.Г. Психологическое обследование семьи. М.: Академия, 2007. - 432 с.

Марковская И.М. Опросник для изучения взаимодействия родителей с детьми // Журнал практического психолога.- 1998.- №3.- с.51-5

Петрова И.А.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Особенности сепарации и представлений о романтических отношений у людей, имеющих трудности в построении отношений с противоположным полом

В настоящее время проблема построения романических отношений продолжает оставаться актуальной. К практическим психологам продолжают часто обращаться с подобным родом сложностей [1, 4]. Термином «сепарация» обозначается период нормативного кризиса, когда происходит расставание взрослого ребенка с родителем, при котором человек начинает взрослеть и индивидуализироваться. Отмечается, что взрослым людям, у которых незавершенный сепарационный процесс от родительской семьи, сложнее устанавливать близкие межличностные отношения. Таким людям свойственно наличие сложностей в построении романтических отношений и в создании собственной семьи [2].

Целью исследования было выявление особенностей психологической сепарации от родителей и особенностей представлений о романтических отношениях у людей, которые признают у себя наличие трудностей в создании романтических отношений. Количество принявших участие в исследовании составило 87 человек возрастной группы от 18 до 35 лет, (57 женщин, 30 мужчин). Уровень психологической сепарации от родителей измерялся с помощью опросника Psychological Separation Inventory [5] в адаптации Дзукаевой В.П., Садовниковой Т.Ю. [3]

Представления о романтических отношениях изучались с помощью опросника Boston Couple Study, который был разработан для кросскультурного лонгитюдного исследования авторами Zick Rubin, Letitia Anne Pelau, and Charles T. Hill (1972, 2016). Для статистического анализа данных применялся критерий Манна-Уитни.

По ходе данного эмпирического исследования были получены следующие результаты:

В настоящее время 66,7% респондентов (69% девушек и 31% юношей) отмечают, что им сложно строить романтические отношения с противоположным полом. Люди, имеющие такие трудности, отмечают, что им дискомфортно устанавливать близкие отношения, что присутству-

ет страх отвержения, тревога и ощущение, что никто не хочет с ними эмоциональной близости. Им свойственно опасение разрушить дружбу, если они проявят свои романтические чувства. Как правило, такие люди не находятся в отношениях или характеризуют эти отношения как несерьезные и проявляют интерес к поиску партнера и созданию отношений.

Выявлены значимые гендерные различия в психологической сепарации. Девушки, в отличие от юношей, эмоционально зависимы от своих отцов. Также девушки больше, чем юноши, нуждаются в советах от матери, чтобы принимать решения и совершить действия.

Представления юношей и девушек о романтических отношениях также отличаются. Девушкам более важны личность партнера и его социальный статус. Женщины, как правило, не вступают в брак, если родители против, они больше бояться разрушить дружеские отношения, если будут проявлять сексуальный интерес к другу. Также женщины ниже, чем мужчины, оценивают заинтересованность окружающих людей в эмоциональной близости с ними. Среди причин для вступления в брак женщины чаще, чем мужчины, выделяют эмоциональную близость, а мужчины чаще – наличие сексуальных отношений с партнером. Мужчины отличаются склонностью к более традиционному распределению гендерных ролей.

И мужчин, и женщин, признающих у себя трудности в создании романтических отношений, характеризует конфликтный, дисгармоничный стиль сепарации от родительской семьи. Люди, которым удается в процессе сепарации не потерять теплые и эмоционально-близкие отношения с родителями, не отмечают у себя трудности в построении отношений с противоположным полом.

Таким образом, мы приходим к выводу, что при сохранении теплых и близких отношений с родителями при сепарационном процессе, при наличии адекватных представлений о романтических отношениях, а также при хорошем психо-эмоциональном состоянии (уверенность в себе, отсутствие тревоги, беспокойства, разрушающих установок) происходит успешное построение романтических отношений с противоположным полом.

Полученные в исследовании результаты позволят поднять уровень эффективности работы в психологическом консультировании и психотерапии по проблемам создания отношений с противоположным полом и готовности к построению собственной семьи, а также в области психологического консультирования молодых семей.

Литература

1. Варга, А.Я. Анализ случая нарушенной сепарации. Дата обращения 4 Апр. 2018.

2. Варга, А.Я. (2012). Системная психотерапия супружеских пар. Москва: Когито-Центр.

3. Дзукаева, В.П., Садовникова, Т.Ю. (2014). Адаптация опросника PSI (Psychological Separation Inventory) на российской выборке. Семейная психология и семейная психотерапия, 1, 3-15.

4. Хамитова, И.Ю. (2014). Работа с парой в рамках теории семейных систем Мюррея Боуэна. Системная психотерапия супружеских пар. (стр. 170-232). Москва. Когито-Центр.

5. Hoffman, J.A. (1984). Psychological separation of late adolescents from their parents. Journal of Counseling Psychology, 31, 170-178.

Гусейнзаде Ш.Р.

Центр психолого-педагогической поддержки семьи «Ключи»

Особенности супружеских и детско-родительских отношений в полных семьях, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья

Рождение ребенка с особенностями в данный период развития нашей страны рассматривается и семьей, и окружающими как «несчастье », «горе», «непосильная ноша», «тяжкий крест» и т. д. Проведены достаточно много исследований о формировании переживания родителями, воспитывающих детей с нарушениям. Но при этом не маловажно тот факт, как родители совместно справляются с таким стрессом, и что им помогает сохранить целостность семьи. Так как по данной теме мало исследований , мы решили для начала проанализировать особенности взаимоотношений супругов, воспитывающих детей с ОВЗ , детско-родительские отношения.

В современной культуре человек, имеющий особенность в развитии воспринимается как «дефектный», «больной». Наверное, определяющим фактором в отношении современного общества к болезни является ее неприятие. С болезнью «борются», ее «побеждают», перед ней нельзя «склониться», «спасовать», «отступить», проигрыш здесь равносилен смерти.

Итак, в нашей работе мы соотносим выраженность предметного и личностного начала (т . е . какое из них доминирует) и их содержательное наполнение (как именно родитель выражает свою любовь и что мать или отец требуют от своего ребенка) с особенностями супружеских отношений. Также мы рассматриваем те ресурсы супружеских и детско-родительских отношений, которые позволяют семье сохранить свой развивающий потенциал, как для ребенка, так и для взрослых членов.

Целью нашей было изучить особенности супружеских и детско-родительских отношений в полных семьях с ребенком с ОВЗ.

Наша гипотеза: Мы предположили, что супруги, воспитывающие ребенка с ограниченными возможностями здоровья, с высоким уровнем удовлетворенности браком и приоритетом эмоциональной связи и поддержки в межличностных отношениях будут проявлять преобладание личностного компонента в родительской позиции над предметным. Низкий уровень удовлетворенности супружескими отношениями

будет связан с преобладанием в родительской позиции предметной составляющей.

Согласно данным статистики многие семьи не справляются с называемой авторами утратой образа здорового ребенка, супруги разводятся, ребенок остается с одним из родителей, чаще с мамой. Мы же обратились к исследованию тех семей, которые преодолели данный кризис и сохранили целостность семейной системы. В фокусе нашего внимания те ресурсы, характеристики супружеской и родительской подсистем, которые позволили семье сохранить свою целостность.

Для исследования мы использовали опросник удовлетворенности браком (В.В. Столин), методику «Типовое семейное состояние» (Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкис), метод семантического дифференциала (Ч. Осгуд) и дифференциации эмоциональной стороны значения семейного союза для супругов). Также мы применили методику PARI (Е.С.Шефер и Р.К.Белл) для изучения отношения родителей к разным сторонам семейной жизни.

Для выявления особенностей детско-родительских отношений разработали структурированное интервью и схему наблюдения за взаимодействием родителей с ребенком. Наше наблюдение проходило во время расставания и встречи родителя с ребенком в детском центре в процессе одевания/раздевания ребенка. Мы фиксировали шесть критериев и соответствующие им ситуации, например, встреча родителя с ребенком и качество их контакта, способ их взаимодействия в эмоционально-напряженных ситуациях, ориентированность на развитие ребенка в диалоге и другие.

Сравнили полученные данные о супружеском и детско-родительском взаимодействии в семьях со здоровыми детьми и в семьях, воспитывающих детей с ОВЗ.

Наиболее интересными результатами нашего исследования стали, во-первых, статистически достоверные различия в реализации родительской позиции матерей в полных семьях с детьми с ОВЗ, в сравнении с полными семьями со здоровыми детьми. Во-вторых, мы определили риски и трудности родителей, воспитывающих детей с ОВЗ и возможные «мищени» психолого-педагогической работы с семьей. В-третьих, выявили специфические характеристики супружеской подсистемы в семьях с детьми с ограниченными возможностями здоровья, являющиеся ресурсами для ее взрослых членов.

Литература

1. Селигман М., Дарлинг Р. Обычные семьи, особые дети / пер с англ.: 2-е изд. — М.,

2009.

2. Целуйко В.М. Психология современной семьи. — М., 2004 (2006).

3. Смирнова Е.О., Соколова М.В. Структура и динамика родительского отношения в онтогенезе ребенка // Вопросы психологии. — 2007. № 2. — С. 57–68.

4. Столин В.В. и др. Опросник удовлетворенности браком // Вестник Московского университета. Психология. — 1984. № 2.

Психология способностей и индивидуальных различий

Рагимова А.Г.

Бакинский филиал Московский Государственный Университет им. М.В.Ломоносова

Связь гендерных различий и социометрического статуса бакинских подростков с показателями склонности к зависимому от Интернета поведению

Актуальность темы исследования

В современной реальности компьютерным технологиям отнесено особое место. В связи с этим заметны попытки выделить новый вид зависимости – Интернет аддикцию, или Интернет-зависимость (Войскунский, 2013; Войскунский, 2010; Егоров, 2009; Интернет-зависимость..., 2009; Малыгин и др., 2015; Якоба, 2013). Она относится к т.н. нехимическим зависимостям.

Изучение проблемы склонности к зависимому от Интернета поведению (Интернет-зависимости) в подростковом возрасте дает возможность зафиксировать влияние Интернета на пользователя, когда он (пользователь) наиболее подвержен разнообразным личностным, познавательным, мотивационно-деятельностным, поведенческим изменениям; кроме того, подростки являются активными пользователями Интернета, их число превышает количество пользователей ряда других поколений в Интернете. Как замечено в социальной и в исследовательской средах, чрезмерное пользование Интернета способно приводить к негативным отклонениям в поведении подростка.

Гипотеза исследования

Показатели склонности к зависимому от Интернета поведению в подростковом возрасте связаны с гендерными особенностями подростков и структурой их межличностных отношений; а именно, наблюдаются возрастные различия в проявлении склонности к зависимому от Интернета поведению в связи с гендерными особенностями и социальным статусом подростков.

Методики исследования:

1.Методика, определяющая уровень Интернет-зависимости:

Шкала Интернет-зависимости Чен (шкала CIAS)

2.Методика на определение маскулинности-фемининности:

Опросник «Маскулинность, фемининность и гендерный тип личности» (О.Г.Лопуховой)

3.Социометрия для определения структуры межличностных отношений (в частности, предпочитаемых и не предпочитаемых подростков).

Характеристики выборки

В исследовании приняли участие учащиеся 7-11 классов бакинских общеобразовательных школ №214 и №20. Всего протестировано 262 школьника (135-м; 127-ж). Выборка исследования делится на 2 возрастные группы: группа старших подростков 10-11 классы (15-18 лет), куда вошли 80 респондентов (40-ж; 40-м); группа младших подростков 7-9 классы (12-15 лет), куда вошли 182 респондента (87-ж; 96-м).

Процедура исследования

Исследование проводилось в групповой форме на классных часах. Перед тем, как начать опрос (раздача опросников), была создана доверительная атмосфера между экспериментатором и учащимися. Каждый участник получает опросный бланк. По инструкции первым заполняется опросник для выявления Интернет зависимости, далее – опросник выявления гендерной принадлежности, последним заполняется социометрический тест.

Выводы

В исследовании была поставлена цель выявить гендерные и половые различия в проявлении склонности к интернет-зависимому поведению с различным социальным статусом у русскоязычных школьников в г. Баку. Для фиксации и измерения связей были применены такие виды обработки данных, как корреляционный анализ, эксплораторный факторный анализ, двухфакторный дисперсионный анализ, структурное моделирование. Анализ полученных результатов показал, что и биологический пол, и гендерные особенности, и социальный (групповой) статус испытуемых оказались специфическим образом связанными с их склонностью, а так же наблюдаются возрастные различия в проявлении Интернет-зависимого поведения. Поскольку исследование не носило причинно-следственный характер, мы не вправе судить о том, что именно повлияло на склонность некоторого количества принявших участие в исследовании испытуемых к Интернет-зависимому поведению. Можем лишь отметить, что вышеуказанные связи действительно наблюдаются, они могут быть зафиксированы и измерены, как это имело место в проведенном исследовании.

Литература

Войскунский, А.Е. (2013) Перспективы становления психологии интернета. Психологический Журнал, 3, 110–118.

Войскунский, А.Е. (2010) Психология и Интернет. Москва: Акрополь.

Егоров, А.Ю. Интернет-зависимость (2009). Интернет-зависимость: психологическая природа и динамика. А.Е. Войскунский (Ред.). Москва: Акрополь, 29-55.

Малыгин, В.Л., Меркурьева, Ю.А., Искандирова, А.Б. (2015) Особенности ценностных ориентаций у подростков с интернет-зависимым поведением. Медицинская Психология в России: научный сетевой журнал, 4 (33), 9. Электронный ресурс http://mprj.ru/archiv_global/2015_4_33/nomer02.php

Якоба, И.А. (2013) Гендер в интернет-коммуникации: динамика развития. Вестн. Иркут.гос. техн. ун-та, 1(72), 3.

Volkova Natalia Eduardovna

State Academic University for Humanities «GAUGN»

Peculiarities of conceptual abilities, hardiness and coping in students with different specialization

Our modern society to implement economic and social reform urgently needs highly professional, independent and active individuals. Organization of optimal professional training requires necessarily knowledge of individual psychological characteristics of students with different specializations. In modern psychology the considerable research devoted to studying of various types of professional activity has been accumulated. However, the changing social situation leads not only to the creation of new professions, but also makes its own adjustments to the previously obtained ideas about the integral individual profile of students with different specialization. Therefore, the research task was to establish a combination of intellectual (intellect, creativity, conceptual abilities) and personal (hardiness, coping strategy) skills associated with the chosen professional specialization.

Measures and procedures of the empiric study

1. Methods of diagnosis conceptual abilities by M.A. Kholodnya (categorical, conceptual and involuntary categorization) (Kholodnaya M.A., Volkova E.V.,2016).

2. Method of diagnosing the intellectual abilities (Raven's SPM / RPM).

3. Method of diagnosing creativity (Torrance's « Incomplete figures task»/ (TTCT-Figural) (E.P. Torrance, 1974).

4. The methodology for identifying coping behavior strategies («Adolescent Coping Scale» adapted by T.L. Kryukova) (T.L. Kryukova, 2004)

5. The methodology of diagnostics of hardiness («Hardiness Survey» by S. Maddi, adapted by D.A. Leontiev). (D.A. Leontiev,2006)

Statistical analysis was based on standard IBM SPSS software - 22: descriptive analysis techniques and identify connections - the nonparametric analogue of ANOVA (Kruskal-Wallis test for K-independent samples).

408 respondents of different humanitarian faculties («psychology» (n = 97), «primary education» (n = 110), «speech therapy» (n = 22) «defectology» (n = 15), «foreign languages» (n = 47), «history and social studies» (n = 32), «management» (n = 23), «social workers» (n = 11), «land registry» (n = 51)) from Kostroma, Moscow , Penza, Perm and Taganrog aged 18 to 24 years

(19.32 ± 1.48) took part in our research, among them were 79.2% female students.

For all the scales under study, the 2 indicator indicates a non-random character of the revealed connections between the intellectual-personal features and the chosen specialization. The confidence level varies from $p<0.027$ to $p<0.000$. Reduced index of IQ (46 to 52 points of SPM Raven) was revealed in all studied samples. However, the research findings showed some differences between the studied groups.

Despite the significant connection of intellectual and personal indices with the chosen specializations, their role in the assimilation of different professions differs. For example, students of the «management» and «land cadastre» faculties are characterized by high indices of hardiness. However, the indices of conceptual abilities of students of «management» faculty are significantly higher. In difficult life situations, they choose a sociotropic style (in terms of M.A. Kholodnaya (M.A. Kholodnaya, 2007)– Seek- Social- Support, Invest- in- Close Friends, Seek- to- Belong, Seek- Relaxing- Diversion) and a style of mobilization (Focus- on- the- Positive, Physical- Recreation). Students of the «land cadastre» faculty in difficult situations prefer the styles of an active social interaction (Social- Action, Seek- Professional- Help) and mobilization (Focus- on- the- Positive, Physical- Recreation). The students of the faculty «foreign languages» and «psychology» demonstrated low indices of hardiness. Students of the faculty «foreign languages» are distinguished by high creativity (elaboration and abstractness of titles), conceptual abilities, so in difficult life situations they prefer the styles of internalization (Worry, Self-blame) and the style of self-distance (Ignore- the- Problem, Keep- to- self). Students of the «history and social studies» faculty are characterized by low indices of conceptual abilities, creativity, average indices of hardiness. In difficult life situations, they prefer a style of active social interaction (Social- Action, Seek- Professional- Help).

The students of the faculty «primary education» and «speech therapy» demonstrated average indices of hardiness. In difficult life situations, they choose a sociotropic style (Seek- Social- Support, Invest- in- Close Friends, Seek- to- Belong, Seek- Relaxing- Diversion). At the same time, students of the faculty of «speech therapy» are distinguished by high indicators of conceptual abilities and elaboration, but low indices of abstractness of titles.

Conclusion

The obtained data show that the conceptual abilities, hardiness and coping strategies are included in the structure of the students' mental resources as subjects of educational and professional activity.

Reference

1.Kholodnaya M.A., Volkova E.V. Conceptual structures, conceptual abilities and productivity of cognitive functioning: the ontological approach // Procedia - Social and Behavioral Sciences (2016) Volume 217C. pp. 914-922.

2.Frydenberg E. Adolescent Coping. Theoretical and Research Perspectives. Ruothledge. London-New-York, 1997.

3.Kryukova T.L. Psychology of coping behavior. Kostroma, 2004.

4.Kholodnaya M.A. Styles of coping behavior: to the question of the constructive validity of the questionnaire «Youth Copy-Scale» / / Psychology of coping behavior: materials Int. scientific and practical work. Conf. / Ans. Ed .: E.A. Sergienko, T.L. Kryukova. Kostroma: KSU them. N.A. Nekrasov, 2007.

5.Leontiev, D. A., Rasskazova, E. I. (2006) Hardiness Survey. Moscow: Smysl.

6.Torrance, E. P. (1974). The Torrance Tests of Creative Thinking-Norms-Technical Manual Research Edition-Verbal Tests, Forms A and B- Figural Tests, Forms A and B. Princeton, NJ: Personnel Press.

Угланова И.Л.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Измерение креативности и критического мышления в начальной школе: валидизационное исследование

Исследования креативности и критического мышления имеют давнюю историю и продолжают набирать популярность. Так, сегодня активно развивается подход, в котором креативность и критическое мышление рассматриваются как ключевые компетенции 21го века (21st Century Skill) – компетенции, которые необходимы в современном обществе для решения сложных, неструктурированных задач (Griffin, McGaw, & Care, 2012). Для исследования сформированности креативности и критического мышления среди учеников начальной школы сотрудниками Центра мониторинга качества образования Института образования НИУ ВШЭ в 2017 году рамках проекта «4К современного мира. Формирование компетенций XXI века и оценка индивидуального прогресса в их развитии» была разработана теоретическая модель компетенций и создан прототип инструмента измерения.

Согласно теоретической рамке проекта, креативность и критическое мышление рассматриваются как компетенции с многокомпонентной структурой, т.е. представляют собой комплексные конструкты. Под креативностью понимается способность представить и разработать принципиально новые подходы к решению проблем, ответы на вопросы, стоящие перед субъектом или способы выражения идей в прикладных разработках (World Economic Forum, 2016). Критическое мышление трактуется как способность критически оценивать аргументы, допущения, абстрактные понятия и данные (которые могут быть неполными), чтобы вынести суждение, и сформулировать соответствующие вопросы для достижения решения – или набора решений (QAA, 2008).

Инструмент измерения креативности и критического мышления (в дальнейшем – «2К») представляет собой задания сценарного типа, предъявляемые в компьютерной форме. В заданиях испытуемый последовательно справляется с рядом отдельных элементов, чтобы решить основную проблему сценария, симулирующую контекст повседневной жизни ребенка. Инструмент прошел этапы разработки и апробационного сбора данных. В настоящее время поставлена задача по

исследованию психометрических свойств инструмента и доказательству валидности получаемых с его применением результатов.

Цель исследования – доказать качество инструмента «2К» с позиции соответствия теоретических представлений о внутренней структуре эмпирическим данным. Работа призвана ответить на два исследовательских вопроса: инструмент «2К» имеет удовлетворительные психометрические характеристики; теоретически ожидаемая структура компетенций подтверждается на реальных данных.

Выборка включала 513 учеников четвертого класса. Средняя продолжительность тестирования составила 40 минут, но время не было ограничено.

В качестве основного подхода к проверке психометрических характеристик «2К» были применены байесовские сети. Это вызвано тем, что при проверке качества внутренней структуры сложного инструмента измерения комплексных конструктов становится необходимо учитывать иерархическую структуру компетенций; ситуации, в которых один элемент задания относится к нескольким компетенциям; существование таких отношений между элементами задания, в которых для преодоления одного элемента необходимо справиться с предыдущим. Гибкость байесовских сетей позволяется справиться с поставленными задачами (Almond и др., 2007).

Применение байесовских сетей позволяет сделать вероятностный вывод об уровне подготовленности испытуемых, сделать заключение о согласии теоретических представлений о структуре конструктов и эмпирических данных, получить информацию о качестве отдельных элементов задания (Almond и др., 2013). Анализ проводился в программе Netica 5.22 (Norsys, 2004).

Анализ проверки внутренней структуры показал, что теоретически ожидаемая структура компетенций подтверждается, однако требуется дополнительное внимание к исследованию отношений компетенций и их компонентов. Анализ качества элементов задания выявил крайне трудные и легкие элементы, элементы с низкой дискриминативностью. Были вынесены рекомендации по улучшению качества элементов заданий и структуры сценариев. Результаты исследования выступают одним из первых шагов в исследовании валидности инструмента измерения креативности и критического мышления в начальной школе.

Литература

Almond, R., DiBello, L.V., Moulder, B., & Zapata-Rivera, J.D. (2007). Modeling Diagnostic Assessments with Bayesian Networks. Journal of Educational Measurement, 44(4), 341–359.

Almond, R., Kim, Y. J., Shute, V. J., & Ventura, M. (2013). Debugging the evidence chain. 2013 UAI Application Workshops: Big Data meet Complex Models and Models for Spatial, Temporal and Network Data (Association for Uncertainty in Artificial Intelligence).

Griffin, P., McGaw, B., & Care, E. (2012). Assessment and Teaching of 21st Century Skills. Dordrecht: Springer Netherlands. https://doi.org/10.1007/978-94007-2324-5

Norsys, Inc. (2004). Netica [Computer software manual]. Retrieved from http://www.norsys.com.

Quality Assurance Agency. (2008). The framework for higher education qualifications in England, Wales and Northern Ireland: August 2008. Mansfield, England: Author.

World Economic Forum Report. New vision for education. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_New_Vision_for_Education.pdf

Андреюк К.О.

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова

Соотношение возможностей ментализации и особенностей мышления у пациентов с шизофренией

Ментализация представляет собой способность понимать психические состояния, что становится особенно важным в условиях увеличивающегося числа коммуникативных контекстов, в которые включен современный человек. Зачастую нарушения в области ментализации приводят к снижению возможностей социальной адаптации пациентов с разного рода психическими расстройствами, что представляет собой актуальную проблему для их клинического сопровождения (Бейтман, Фонаги, 2014).

Возможности ориентации в пространстве межличностных отношений во многом связаны с особенностями репрезентативных образов себя и Другого, что операционализируется в модели Д. Вестена для анализа нарративов (Westen, 1995). Эта модель реализует интегративный подход, сочетая в себе как эмоционально-личностные («аффективный тон отношений» и «эмоциональный вклад в отношения»), так и когнитивные («сложность представлений» и «понимание социальной причинности») компоненты. Согласно положениям о системном характере функций (Соколова, 2017), имеет смысл рассматривать выделенные элементы в качестве взаимосвязных как между собой (внутрисистемно), так и с другими психологическими особенностями (межсистемно). Так, одним из направлений внутри исследований понимания психического выступает поиск взаимодействия между этой способностью и мышлением. Помимо анализа в этой связи таких категорий, как социальный, эмоциональный интеллект и т.п., ряд работ затрагивает проблему соотношения между трудностями ментализации и разными формами нарушения операционального компонента мышления. Снижение и искажение процессов обобщения рассматриваются в качестве соответствующих разным уровням снижения ментализации в форме психической эквивалентности, что предполагает слишком конкретное, материализованное представление о психическом мире, наряду с этим, псевдоментализация (как оторванная от реальности трактовка психического) полагается в качестве соответствующей нарушениям мотивационно-смысловой стороны мышления (Соколова, 2017). В данной работе предпринимается попытка выявления взаимосвязей

между особенностями мышления и ментализации, рассматриваемой как интегрированная система эмоционально-личностных и когнитивных компонентов.

Гипотеза: нарушения мышления окажутся в разной степени связанными с когнитивным и эмоционально-личностным компонентами ментализации.

Методика

ТАТ с описанием интрапсихических репрезентаций (Westen, 1995), субтест «Истории с завершением» из методики на социальный интеллект (Дж. Гилфорд), патопсихологическая методика «Классификация предметов» для характеристики уровня обобщения. Статистический анализ данных проводился в программе SPSS-21.

Исследуемые: 40 пациентов с параноидной шизофренией, 40 пациентов с вялотекущей шизофренией, 40 человек без психиатрического диагноза.

Результаты и их обсуждение

Полученные данные свидетельствуют о наличии статистически значимых различий во всех измеренных показателях между клиническими группами и контрольной ($p<0,05$), при этом статистических подтверждений существования различий между клиническими группами не выявлено. Таким образом, недифференцированные, бедные, лишенные эмоционального инвестирования репрезентации пациентов сочетались с бОльшим количеством ошибок обобщения.

Выраженные сложности в обобщении предметов (многочисленные искажения и снижения), характеризующие особенности мышления пациентов с шизофренией, оказались сопряженными с трудностями «понимания социальной причинности» (-0,432, $p<0,001$) и низкой «когнитивной сложностью представлений» (-0,399, $p<0,001$), а также с ограниченными способностями в области социального интеллекта (-0,353, $p<0,001$). Такое соотношение демонстрирует преимущественную взаимосвязь возможностей в сфере мышления и когнитивно-символической составляющей процессов ментализации. Описанные сложности обобщения могут раскрываться и в эмоциональном компоненте понимания психического, однако, по всей видимости, через опосредствующие процессы.

Выводы

Нарушения обобщения, описывающие трудности операциональной стороны мышления пациентов с шизофренией, оказались связа-

ны преимущественно с когнитивным компонентом ментализации, а именно со слабо разработанными, дезинтегрированными, лишенными психологического объяснения интерпретациями психического.

Литература

Бейтман Э., Фонаги П. Лечение пограничного расстройства личности с опорой на ментализацию. Практическое пособие. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2014. 248 с.

Соколова Е.Т. Нарушения ментализации в клинической и культурной парадигме Л.С.Выготского // Психологические исследования. 2017. Т. 10, № 56. С. 8.

Westen D. Social cognition and object relations scale (SCORS): manual for coding TAT data // Michigan: Department of Psychology, 1985. 106 p.

Горева К.Д.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Разработка параметров для измерения устойчивости к эвристикам на материале фреймов

Основная цель данного исследования – разработать локальную версию шкалы «Устойчивость к фрейминг-эффекту», которая является одной из субшкал методики CART (Stanovich, 2016), направленной на измерение коэффициента рациональности.

Основные гипотезы исследования

- существенной специфики в существовании и проявлении фрейминг-эффекта в русской культуре выявлено не будет
- задания на выявление и измерения фрейминга в других культурах будут так же успешно работать на русскоговорящей выборке
- полученные данные позволят сделать выводы о валидности, надежности, согласованности шкалы, а также о дальнейшей ее применимости

В процессе создания и адаптации методик обычно используется определенный алгоритм, включающий в себя качественные и количественные методы (ITC, 2017):

..... 1. Теоретическая разработка конструкта, его операционализация, а также разработка заданий для будущей методики:

Будет определено понятие «фрейминг», установлены поведенческие признаки проявления эффекта фрейминга, в соответствии с которыми будут подобраны или созданы задания

2. Экспертная оценка ведущими исследователями в области полученных теоретических разработок: насколько верно определен конструкт; насколько релевантны задания.

Несколько посторонних и независимых экспертов внимательно изучат имеющуюся теоретическую разработку и вынесут вердикт относительно их корректности и релевантности для русской культуры, а также дадут рекомендации по корректировке

3. Создание итоговой формы методики и сбор данных

Сбор данных предполагается либо в виде онлайн форм, либо в виде ручного сбора данных. Ожидаемая выборка составит около 150 русскоговорящих респондентов.

...4. Психометрический анализ собранных данных и выводы о качестве созданной методики.

В процессе психометрического анализа будет использована Современная Теория Тестирования, а не Классическая, т.к. первая обеспечивает больше возможностей для психометрических выводов относительно методики. Обработка данных будет проходить в программной среде R.

Примеры заданий (Stanovich, 2016):

Представьте себе, что на корабле разразилась эпидемия, способная унести жизни 600 человек. Вам нужно выбрать между двумя программами, предложенными медиками:

А. Если Вы выберете программу А, умрет 400 человек.

В. Если Вы выберете программу В, с вероятностью 2/3 умрет 600 человек, а с вероятность 1/3 не умрет никто.

А. Если Вы выберете программу А, будет спасено 200 человек.

В. Если Вы выберете программу В, с вероятностью 1/3 будет спасено 600 человек, а с вероятностью 2/3 никто не будет спасен.

Вам предстоит командировка, включающая перелет на самолете. Вы изучаете возможные авиакомпании. Статистика авиакомпании X показывает, что в среднем

12% ее рейсов задерживаются и не приходят вовремя ..... 88% ее рейсов приходят по расписанию

Насколько вероятно вы выберете рейс этой авиакомпании?

Очень вероятно, что выберу; Вероятно, выберу; Скорее, выберу; Скорее не выберу; Вероятно, не выберу; Очень вероятно, что не выберу

Мы ожидаем сконструировать валидную и надежную методику по измерению устойчивости к фрейминг-эффекту. Данная методика может быть использована в научных и практически целях, адаптация одной из шкал CART она станет первым шагом в сторону полноценной адаптации методики по измерению уровня рациональности на русскоязычной выборке.

Литература

International Test Commission. (2017). The ITC Guidelines for Translating and Adapting Tests (Second edition). [www.InTestCom.org]

Stanovich, K. E. (2016). The comprehensive assessment of rational thinking. Educational Psychologist, 51(1), 23-34. doi:10.1080/00461520.2015.1125787

Федорова А.А.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Взаимосвязь меры выраженности креативности и конфликтного поведения сотрудников организаций

Большинством современных исследователей под креативностью понимается способность к созданию продукта, отличающегося новизной, соответствием контексту , а также способность к продвижению своих идей в обществе . Р.Стернберг также уточняет необходимость адаптации конечного продукта к требованиям общества на основе индивидуального опыта .

В общем смысле, креативность личности рассматривается как свойство когнитивной системы. Предложенные в работе методики направлены на измерение когнитивных процессов и состояний и, соответственно, позволяют делать выводы о когнитивных свойствах личности.

Креативность рассматривается в трех измерениях: в качестве дивергентного мышления (Д.Гилфорд), компонента самоактуализации (А.Маслоу) и состояния потока (М.Чиксентмихайи).

Дивергентное мышление – способность к рассмотрению большого количества вариантов решений проблеме, комбинированию противоположных идей и общей широте интересов (Д.Гилфорд).

Креативность как самоактуализация – реализация творческого потенциала личности путем развития знаний, трансформации и усвоения идей общества, готовности к изменениям и нахождения собственного смысла (А.Маслоу).

Креативность как поток – состояние полной вовлеченности в деятельность, предполагающее уверенность в себе, ощущение самореализации, поиск нестандартных решений и увеличение общей активности (М.Чиксентмихайи).

Исследования связи конфликтности и творческих процессов в основном посвящены особенностям управления креативной командой , вероятности возникновения конфликта в креативной команде в зависимости от типа задач и статуса проекта , характеристикам творческих команд и руководителей .

Гипотезы исследования

Концепции креативности как дивергентного мышления, самоактуализации и состояния потока имеют значимую статистическую связь. Су-

ществует значимая статистическая связь между высокой мерой выраженности трех измерений креативности личности и фактом возникновения конфликта в диаде.

Существует значимая статистическая связь между высокой мерой выраженности трех измерений креативности личности и количеством предпринимаемых сотрудником попыток к разрешению конфликта.

В работе был использован ряд методик: методика «Тест вербальной креативности» Д.Гилфорда, шкала «креативность» методики «Самоактуализационный тест» А.Маслоу, методика «Способы совладающего поведения» Р.Лазаруса, методика «личностная агрессивность и конфликтность» Е.П.Ильина, разработанная авторская анкета, в основу которой легла концепция М.Чиксентмихайи о креативности как состоянии потока . Это позволило проанализировать еще один аспект феномена креативности и адаптировать феномен потока для количественного анализа. В эмпирическом исследовании во время индукции конфликтного поведения был использован кейс, предлагаемый в ассессмент-процедурах одной из компаний. Кейс предполагает работу респондентов в диадах по разрешению четырех предложенных вопросов. Один из участников диады при этом является заранее проинструктированным промощником экспериментатора, чьей задачей является провоцирование истинного респондента на конфликт во время решения задания путем отрицания предложенных им вариантов ответов.

Данные наблюдений за решением кейса фиксировались по трем показателям: факт возникноменя конфликта в бинарных значениях, количество предпринятых респондентом попыток разрешения конфликта и основная стратегия поведения в конфликте.

Эмпирическую базу исследования составили менеджеры среднего звена крупных компаний (n=7, с численностью сотрудников более пяти тысяч человек) г.Москвы (n=687, 358 мужчин и 329 женщин, максимальный возраст – 69 лет, минимальный возраст – 20 лет, в среднем возраст – 36 лет). Для анализа данных о мере выраженности креативности в трех измерениях были отораны респонденты, вошедшие в верхние и нижние 30% выборки по трем тестам на креативность.

Проведенное исследование позволило сделать ряд выводов:

Креативность как дивергентное мышление, как компонент самоактуализации и как состояние потока статистически связаны.

Существуют значимые различия в количестве предпринимаемых попыток разрешения конлфикта у сотрудников с высокой и низкой мерой выраженности креативности.

Существуют значимые различия в факте возникновения конлфикта у сотрудников с высокой и низкой мерой выраженности креативности.

Существует статистическая возможность предсказать тип копинг-стратегий личности на основе меры выраженности креативности по трем измерениям.

Гендерных различий в конфликтном поведении креативных сотрудников нет.

Котова А.М.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Специфика взаимосвязи общих когнитивных способностей и копинг-стратегий у будущих специалистов

Возникновение трудных жизненных ситуаций, необходимость соответствовать постоянно возрастающим требованиям со стороны среды и рынка труда способствуют усилению психоэмоционального напряжения и требуют от личности актуализации всех психологических ресурсов. В частности, перед студентами встают проблемы самоопределения, поступления в учебные заведения, социальной и профессиональной адаптации, что объясняет актуальность изучения особенностей выбора ими стратегий совладающего поведения (Хачатурова, 2015). Наше исследование направлено на изучение специфики проявления общих когнитивных способностей и их взаимосвязи с используемыми копинг-стратегиями у будущих специалистов.

Одним из наиболее важных ресурсов личности является интеллект, в частности аналитические и понятийные способности, которые способствуют вариативности и мобильности совладающего поведения. Креативность, трактующаяся как способность к поиску нестандартных решений, преодолению препятствий и разумному риску, помогает справляться со сложными жизненными ситуациями, воспринимать их продуктивно и конструктивно подходить к поиску ресурсов для их решения (Холодная, Хазова, 2017; Трифонова, 2016). Кроме того, была выявлена положительная связь самооценки интеллекта с толерантностью к неопределенности (Корнилова, 2012), что может говорить о значимой роли данного показателя в выборе продуктивных копинг-стратегий в трудных жизненных ситуациях, характеризующихся неизвестностью, неполнотой информации и ориентировки.

Гипотеза данного исследования заключается в предположении, что использование более продуктивных копинг-стратегий связано с высоким уровнем развития общих когнитивных способностей (в терминах аналитического интеллекта, понятийных способностей, вербальной и невербальной креативности). При проведении эмпирического исследования предполагается использовать следующие методики: «Стандартные плюс прогрессивные матрицы Равена» (Равен, 2001) для оценки уровня развития аналитического интеллекта; «Понятийный синтез» (Хо-

лодная, 2012) для оценки уровня развития понятийных способностей; «Необычное использование» для оценки вербальной креативности; «Незаконченные фигуры» (Туник, 2006) для оценки невербальной креативности; опросник способов совладания Фолкман С.И., Лазаруса Р. в адаптации Крюковой Т.Л., Куфтяк Е.В. и Замышляевой М.С. (Крюкова, 2010) для определения используемых копинг-стратегий. Также была разработана анкета, направленная не только на получение общей биографической информации о респондентах, но и на изучение их мнения относительно определения сложной жизненной ситуации и самооценки интеллекта и креативности. Участниками исследования выступят студенты московских вузов.

После проведения эмпирического исследования мы рассчитываем получить следующие результаты: условием выбора продуктивных копинг-стратегий является наличие тесных взаимосвязей между понятийными и аналитическими интеллектуальными способностями, вербальной и невербальной креативностью при адекватной самооценке перечисленных способностей. Поскольку аналитический интеллект заключается главным образом в способности к систематизированной и методичной деятельности, логичности мышления, то предполагается, что его высокие показатели будут связаны с использованием стратегии планирования решения проблемы, заключающейся в анализе сложившейся ситуации и имеющихся ресурсов. Учитывая, что понятийные способности обеспечивают возможность образования новых связей между объектами и выхода за рамки имеющегося опыта, то возможна их взаимосвязь с предпочтением стратегии положительной переоценки, предполагающей переосмысление проблемы и рассмотрение её с различных ракурсов. Использование продуктивных копинг-стратегий взаимосвязано с положительной самооценкой общих когнитивных способностей.

Литература

Корнилова Т.В., Новикова М.А. Самооценка интеллекта в структурных связях с психометрическим интеллектом, личностными свойствами и академической успеваемостью // Психологические исследования. 2012. Т. 5, № 23. С. 2.

Крюкова Т.Л. Методы изучения совладающего поведения: три копинг-шкалы. – Кострома: Авантитул, 2010. – 64 с.

Равен Дж., Равен Дж.К., Корт Дж. Стандартные Прогрессивные матрицы. Руководство к тесту Равена: Раздел 3. М.: Когито-центр, 2002. – 144 с.

Трифонова А.В. Вклад понятийных способностей в развитие интеллектуального ресурса личности // Психологические исследования: Вып. 8 / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. – М.: С. 155-166. – М.: Институт психологии РАН. – 2016. – С. 155-166.

Туник Е.Е. Диагностика креативности. Тест Торренса. Адаптированный вариант. СПб.: Речь, 2006. – 176 с.

Хачатурова М.Р. Совладающее поведение личности с конфликтами во время адаптации к обучению // В кн.: Сборник материалов всероссийского психологического форума «Обучение. Воспитание. Развитие-2015». Сочи: АВК Пресс, 2015. С. 102-108.

Холодная М.А. Психология понятийного мышления: От концептуальных структур к понятийным способностям / М.А. Холодная. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. – 288 с.

Холодная М.А., Хазова С.А. Феномен концептуализации как основа продуктивности интеллектуальной деятельности и совладающего поведения / Холодная М.А., Хазова С.А. // Психологический журнал. – 2017. - № 5. – С. 5-17.

Эфендиев З.Я.

Центр Политической Психологии

Влияние условий тестирования на социальную желательность ответов на примере психологической диагностики волонтеров IV Исламских игр в городе Баку

Развитие современных технологий способствовало появлению новых методов сбора данных при проведении психологических исследований. Наряду с облегчением процедуры сбора данных это привело к появлению вопросов относительно угроз валидности полученных данных. Одним из таких вопросов, чему и посвящена наша работа, является эффект социальной желательности ответов, которая в свою очередь является традиционным фактором, влияющим на валидность полученных данных при использовании методов субъективного самоотчета. Социальная желательность (СЖ) определяется как склонность респондента давать чрезмерно позитивное самоописание (Paulhus, 1984).

Среди факторов, определяющих выраженность социальной желательности, выделяется группа ситуативных факторов: цель исследования, степень анонимности, используемые методы исследования, уровень стресса, представление о потенциальной возможности и допустимости искажения ответов (Осин, 2011). Разработаны также приемы для контролирования и управления эффектами социальной желательности. В данной работе кратко опишем только метод измерения индексов социальной желательности пунктов, который мы использовали в нашем исследовании. Использование данного метода предполагает предварительное вычисление на основе экспертного оценивания индекса социальной желательности каждого пункта. Затем, для измерения выраженности социальной желательности, вычисляется взвешенная сумма ответов, где весами выступают полученные индексы (Hofstee, 2003).

Методы и процедура исследования

Наше исследование было проведено в рамках отбора волонтеров на Исламские игры солидарности в Баку в 2017 году. Процедура отбора состояла из трех этапов: 1) Онлайн регистрация на сайте соревнований; 2) Очное собеседование успешно прошедших регистрацию; 3) Участие в психологическом опросе.

Психологический опрос был организован в 2 формах: 1) сразу после прохождения собеседования волонтеры приглашались на участие в компьютеризированном опросе в специально отведенную комнату с 10 компьютерами. В организации опроса принимали участие не менее трех психологов. 2) через месяц после прохождения собеседования участники получили онлайн ссылку для участия в опросе в удаленной форме. Волонтеры, которые первыми прошли регистрацию, получили ссылку на опросник и удаленно проходили опрос, остальные участвовали в компьютеризированном опросе в специально отведенной комнате.

Выборка

В целом в тестировании приняли участие 6069 волонтеров в возрасте от 15 до 62 лет. Чтобы сделать выборку более однородной по возрастному параметру, в дальнейшей обработке оставили респондентов в возрасте от 18 до 25 лет включительно. После этого осталось 5531 респондентов (Мвозр = 20 и SD = 1,6). Из них в компьютеризованном очном опросе приняли участие 1451 волонтеров (N(M) = 713) и 4080 волонтеров (N(M) = 2003) прошли опрос по онлайн рассылке.

Для измерения выраженности социальной желательности ответов респондентов был рассчитан индекс социальной желательности пунктов с помощью экспертного оценивания. Для вычисления социальной желательности ответов респондента вычислялась взвешанная сумма ответов, где весами выступили индексы СЖ пунктов. Высокий балл по вычисленной СЖ означает сильную выраженность социальной желательности ответов респондента, а низкий бал - наоборот.

Результаты

Было проведено сравнение выраженности СЖ ответов между волонтерами принимавшими участие в компьютеризованно предъявленном опросе и в опросе с онлайн рассылкой.

По результатам Т-критерия СЖ ответов статистически значимо выше ($t=3,192$; $p<0.001$) при участии в онлайн проведенном опросе, чем в копьютеризированно проведенном опросе. Также по Т-критерию была проведена проверка различия СЖ в зависимости от формы проведения тестирования отдельно для мужского пола и отдельно для женского пола. У представителей мужского ($t = 2,012$; $p < 0,05$) и женского ($t = 2,512$; $p < 0,05$) пола выраженность социальной желательности ответов значимо больше в онлайн проведенном опросе, чем в компьютеризированном. Но у предстивителей женского пола статистическая значимость этого различия больше (р(ж) = 0,012, р(м) = 0,044).

Полученные различия в СЖ можно объяснить разной выраженностью воспринимаемого уровня допустимости искажения в ситуации онлайн рассылки и в компьютеризированно проведенном опросе. Так как компьютеризированный опрос проводился в специально отведенной комнате где присутствовал психолог, в связи с чем у респондентов могли появляться опасения о возможности экспериментатора выявить ложь в ответах. При заполнении же опроса по онлайн рассылке вероятность появления этих опасений уменьшается.

Литература

Осин Е. Н. Проблема социальной желательности в исследованиях личностного потенциала // В кн.: Личностный потенциал: структура и диагностика / Науч. ред.: Д. А. Леонтьев. М. : Смысл, 2011. С. 454-468.

Paulhus, D. L. (1984). Two-component models of socially desirable responding. Journal of Personality and Social Psychology, 46(3), 598-609. doi:10.1037/0022-3514.46.3.598

Hofstee, W. K. B. (2003). Structures of personality traits. In Handbook of psychology: Personality and social psychology, Vol. 5. (pp. 231-254). Hoboken, NJ, US: John Wiley & Sons Inc.

Петрова А.А.[1], Куминская Е.А.[2], Елистратова Е.И.[2,3]

[1]Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», [2] ФГБНУ «Психологический институт РАО», [3] МГУ имени М.В. Ломоносова

Связь личностных черт и депрессии с активностью пользователей социальной сети[1]

Актуальным направлением современных исследований является изучение параметров использования социальных сетей людьми с различными личностными чертами и психологическими состояниями. Хотя данные о связи личностных черт «большой пятерки» и депрессии получены довольно давно и воспроизведены в ряде недавних исследований (Jourdy, Petot, 2017; Spinhoven et al., 2017), ее исследование в контексте использования людьми социальных сетей открывает новые возможности. А именно, нам становятся доступны поведенческие маркеры – степень вербальной активности, количество интеракций с другими пользователями, включенность в различные социальные круги (со-

1 Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект №17-29-02225

общества и кластеры «друзей»). Ранее было установлено, что у пациентов с депрессией в среднем проявляются более высокие показатели по нейротизму, чем у неклинической выборки, и ниже по экстраверсии и добросовестности (Spinhoven et al., 2017). В недавнем же исследовании, с опорой на поведенческие данные 393 пользователей, была выявлена модерирующая роль нейротизма в связи показателей депрессии и использования Facebook (Wee et al., 2017). Влияние депрессии на степень активности в социальных сетях регулировалась личностными чертами: только если показатели нейротизма достигали определенного уровня, усиление депрессии вело к снижению активности в социальных сетях. В другом исследовании (Chow, Wan, 2017) на 282 участниках не была обнаружена значимая связь между временем, проведенным на Facebook, и депрессией. Однако, таковая была выявлена между временем, проведенным на Facebook, и нейротизмом у пользователей с депрессивными симптомами: эти признаки положительно коррелировали. Такие исследования набирают популярность во всем мире, но на русскоязычных выборках их крайне мало, хотя они имеют большой научный и прикладной смысл в плане выявления и профилактики депрессии.

Целью нашей работы выступает определение характера связи проявления депрессии, а также личностных черт, с активностью пользователей в социальной сети Vkontakte. Гипотезой стали предположения о том, что: 1) уровень проявления депрессии прямо связан с показателями нейротизма как черты личности, 2) активность в социальных сетях пользователей с выраженными признаками депрессии будет отличаться в подвыборках с высоким и низким нейротизмом. Исследование выполняется в сравнительном и корреляционном дизайне. Методиками, используемыми в исследовании, являются опросник личностных черт NEO-FFI, Шкала депрессии А. Бека. Также методом исследования выступает анализ данных об активности пользователей в социальных сетях. Выборку составили 107 человек.

Было установлено, что показатели шкалы «Нейротизм» положительно связаны с показателями когнитивно-аффективной субшкалы депрессии, и, аналогично, показатели нейротизма положительно, а сознательности – отрицательно связаны с субшкалой соматических проявлений депрессии (критерий Пирсона, $p<0.000$, с поправкой на множественные сравнения). Регрессионный анализ продемонстрировал, что переменная нейротизма вносит большой вклад в показатели по обеим субшкалам депрессии и объясняет 47% и 40% дисперсии соответственно (характеристики модели для субшкалы 1: $R2=0,466$; $F=77,643$;

p<0,000, для субшкалы 2: R2=0,399; F=59,091; p<0,000). Полученные результаты согласуются с данными зарубежных исследований и свидетельствуют в пользу первой из наших гипотез.

Для проверки второй гипотезы мы отобрали подвыборку респондентов с выраженными и тяжелыми признаками депрессии (33 человека), которую разбили на две подгруппы по низким и высоким показателям нейротизма (16 и 17 человек соответственно). Сравнительный анализ, произведенный с помощью критерия Манна-Уитни для несвязанных выборок, показал, что, в соответствии с выдвинутой гипотезой, респонденты с депрессией с высокими и низкими показателями нейротизма различаются по степени активности в социальных сетях (p<0.02). Характер этих различий на нашей выборке соответствует тому, что указан в исследованиях Chow, Wan (2017): респонденты с депрессией и высокими показателями нейротизма более активны в социальных сетях, чем с низкими показателями.

Перспективой исследования является, во-первых, построение регрессионной модели и модели путей с этими переменными, а, во-вторых, выявление содержательных отличий в мотивации и характере использования соцсетей разными группами пользователей на основе детального анализа параметров активности в соцсетях и данных полуструктурированного интервью.

Литература

Jourdy, R., Petot, J. (2017). Relationships between personality traits and depression in the light of the “Big Five” and their different facets. L’ volution Psychiatrique, 82 (4), 27-37. https://doi.org/10.1016/j.evopsy.2017.08.002

Spinhoven, P., Huijbers, M. J., Zheng, Y., Ormel, J., & Speckens, A. E. M. (2017). Mindfulness facets and Big Five personality facets in persons with recurrent depression in remission. Personality and Individual Differences, 110, 109-114. https://doi.org/10.1016/j.paid.2017.01.045

Chow, T. S., Wan, H. Y. (2017). Is there any ‘Facebook Depression’? Exploring the moderating roles of neuroticism, Facebook social comparison and envy. Personality and Individual Differences,119, 277-282. https://doi.org/10.1016/j.paid.2017.07.032

Wee J., Jang S., Lee, J., & Jang, W. (2017). The influence of depression and personality on social networking. Computers in Human Behavior, 74, 45-52. https://doi.org/10.1016/j.chb.2017.04.003

Муртазалиева К.М., ***Козлов Д.Д.***

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

Склонность принимать деонтологические или утилитарные решения в моральных вопросах: черта личности или специфика работы когнитивных механизмов?

В психологических исследованиях морали и моральных суждений основное различие проводится между деонтологическими решениями (ДР) и утилитарными (УР). Согласно деонтологической морали, нравственность действия зависит от его внутренней природы, в логике утилитарной морали нравственность действия определяется его последствиями (Greene & Haidt, 2002).

В настоящее время в психологии сложились два основных подхода к изучению морали и принятию моральных решений. Первый из них предполагает, что моральные решения связаны с устойчивыми личностными характеристиками. Здесь выделяют личностно-центрированное и морально-центрированное направления, в которых исследуются «нравственные эталоны» и моральные прототипы (Monin & Jordan, 2009).

Социально-психологические теории уделяют внимание влиянию ситуационных факторов на Я-концепцию и далее через неё на поведение. В частности это модели «морального баланса», «моральной компенсации», а также механизм «моральной обиды», которые могут смещать принимаемое решение в сторону деонтологического или утилитарного полюса (Ibid.).

Согласно теории двух процессов в принятии ДР большую роль играют имплицитные процессы, в то время как принятие УР, как правило, требует большей вовлеченности эксплицитных процессов (Bialek & De Neys, 2017).

В работах А. Бандуры описаны восемь когнитивных механизмов морального отчуждения. С. Мур предложен опросник, диагностирующий выраженность этих механизмов как личностной особенности, который был адаптирован на русском языке Я.А. Ледовой и др. (2016). Общий показатель морального отчуждения коррелирует с психопатией и макиавеллизмом, входящими в темную триаду черт личности (Ibid.), которые, в свою очередь, связаны с более частым принятием УР (Bartels

& Pizarro, 2011). В какой степени черты темной триады являются независимыми предикторами склонности принимать УР, а не следствием большей выраженности механизмов морального отчуждения? В контексте противопоставления личностно-центрированного и социально-когнитивного подхода этот вопрос является частным случаем более общей проблемы: в какой степени мы вообще можем говорить о склонности принимать УР или ДР как о личностной черте, которая проявляется в широком диапазоне ситуаций? Поиску ответов на эти вопросы и посвящено настоящее исследование.

Процедура исследования: испытуемым, студентам бакалавриата, получающим первое высшее образование (т.е. в возрасте около 17-22 лет), предъявляются 10 моральных дилемм, содержание которых максимально приближено к их жизненным реалиям и относятся к разным сферам жизни: семья (отношения с родителями), друзья, романтические отношения, учеба и т.п. Испытуемый должен выбрать один из четырех представленных вариантов решения проблемной ситуации: 1) ДР альтруистической направленности; 2) ДР эгоистической направленности; 3) УР альтруистической направленности; 4) УР эгоистической направленности или написать свой вариант ответа, если ни один из предложенных не будет его удовлетворять.

Личностные опросники: опросник морального отчуждения (Ледовая и др., 2016) и короткий опросник темной триады (Егорова, Ситникова, Парщикова, 2015). Порядок предъявления моральных дилемм и личностных опросников будет контрсбалансирован.

Гипотезы исследования и статистические методы их проверки:

Гипотеза 1. Ответы испытуемых (выбор ДР/УР) будут плохо согласованы для разных ситуаций.

Гипотеза 2. Выбор УР в большей степени связан с моральным отчуждением, чем с чертами темной триады.

Проверка данных гипотез будет проводиться методом многоуровневой логистической регрессии в соответствии с рекомендациями, изложенными в работе Nezlek (2007). Дополнительно для проверки первой гипотезы будет рассчитан KR20 (аналог сырой Кронбаха для бинарных пунктов).

Литература

Bartels, D. M., & Pizarro, D. M. (2011). The mismeasure of morals: Antisocial personality traits predict utilitarian responses to moral dilemmas. Cognition 121(1):154-61.

Bialek, M., & De Neys, W. (2017). Dual processes and conflict during moral and logical reasoning: a case for utilitarian intuitions? In Bonnefon, J.-F., & Tremolier, B. (Eds.). Moral Inferences. New York, NY: Psychology Press, p.123-136.

Greene, J. D., & Haidt, J. (2002). How (and where) does moral judgment work? Trends in Cognitive Sciences, 6: 517-523.

Monin, B., & Jordan, A.H. (2009). The dynamic moral self: A social psychological perspective. In Narvaez, D., & Lapsley, D.K. (Eds.). Personality, Identity, and Character: Explorations in Moral Psychology. New York, NY: Cambridge University, p. 341-354.

Nezlek, J.B. (2007) A Multilevel Framework for Understanding Relationships Among Traits, States, Situations and Behaviours. European Journal of Personality,21: 789–810.

Ледовая, Я. А. , Тихонов, Р. В. , Боголюбова, О. Н. , Казенная, Е. В., Сорокина Ю. Л. (2016). Отчуждение моральной ответственности: психологический конструкт и методы его измерения. Вестник СПбГУ. Сер. 16. Вып. 4:23-39.

Егорова, М.С., Ситникова, М.А., Паршикова, О.В. (2015) Адаптация короткого опросника темной триады. Психологические исследования, 8(43), 1.

Акопян К.Г.

Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”

“Темная триада” как предиктор нетранзитивности в ситуации предпочтения объектов

Феномен транзитивности в науке рассматривается как аспект рациональности принятого субъектом решения. В то же время нетранзитивность определяется с точки зрения алогичности человека в выборе. Таким образом, нетранзитивность можно определить как несогласованность субъекта в предпочтениях, при котором если один объект находится в определенном отношении ко второму, а второй к третьему, то это не значит что первый находится в том же отношении к третьему. Первоначально такая несогласованность в предпочтениях рассматривалась как противоречащая законам рациональности (2). Однако в современной психологии принимается во внимание персональный аспект нетранзитивности, а также наличие объективных обстоятельств ее существования (6, 7). Однако, несмотря на активное исследование такой несогласованности в предпочтениях, в современной психологии нет обобщенной модели индивидуальных характеристик, которые были бы связаны с проявлением нетранзитивности в выборе.

Характеристиками, которые влияют на проявление несогласованности в предпочтении объектов, могут быть “темные” стороны личности, такие как макиавеллизм, психопатия и нарциссизм (1). Нарциссизм определяется как склонность человека демонстрировать свое превосходство, что может быть связано с недостатком доступа к собственному “Я” (1, 3). Макиавеллизм понимается как стремление человека достигать собственные цели, игнорируя интересы других людей; психопатия как излишняя агрессивность и импульсивность (там же).

Целью исследования было выявление индивидуальных характеристик личности, которые связаны с проявлением нетранзитивности в предпочтении объектов.

В качестве объектов предпочтения выступали на эксплицитном уровне основные ценности по Ш. Шварцу (4), а на имплицитном - цвета М. Люшера.

Гипотеза данного исследования утверждала, что личности с высоким уровнем нарциссизма, психопатии и макиавеллизма чаще проявляют нетранзитивность в выборе ценностей и цветов.

Для выявления нетранзитивности респондентам предлагалось попарно сравнивать ценности и цвета на предмет большего предпочтения, а затем в тройках определялось наличие несоответствия. Для выявления черт “темной триады” использовался одноименный опросник Егоровой М.С., Ситниковой М.А., Паршиковой О.В. (1)

Выборка состояла из 250 человек в возрасте от двадцати до тридцати лет.

Дисперсионный анализ полученных данных показал значимые различия в нетранзитивности предпочтения ценностей в группах по нарциссизму ($p<0,01$) и психопатии ($p<0,01$). Апостериорный тест Шеффе показал наличие значимых связей между средней и низкой группой, а также низкой и высокой ($p<0,01$). При этом характер такой связи прямой: чем выше нарциссизм и психопатия, тем выше проявление нетранзитивности выбора ценностей.

Объяснение связи нарциссизма и нетранзитивности может строиться из понимания формирования нарциссизма, которое связано с недостаточной близости личности к собственной “Я” концепции, что создает сложности с занятием личностной позиции и, соответственно, с выбором. С другой стороны, наличие связи с психопатией может быть следствием неустойчивости и импульсивности личности, что влияет на несоответствие в предпочтениях.

Таким образом, результаты данного исследования выявляют наличие индивидуальных характеристик, влияющих на проявление нетранзитивности на эксплицитном уровне. Однако необходимо дальнейшее изучение данной области для построения полной модели личностных предикторов нетранзитивности.

Литература

Егорова М.С., Ситникова М.А., Паршикова О.В. Адаптация Короткого опросника Темной триады // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 43. С. 1. URL: http://psystudy.ru (дата обращения: 10.04.16).

Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. - М.: Прогресс, 1979. – 504 с.

Лэнгле А. Грандиозное одиночество. Нарциссизм как антропологическо-экзистенциальный феномен. // Московский психотерапевтический журнал, 2002, №2.

Митина О.В., Сорокина В. В. Ценности старшеклассников: разработка компьютерного диагностического инструментария // Вестник московского университета. Серия 14. Психология. - 2015.- №1 -с.42- 59.

Поддьяков А.Н. Непереходность (нетранзитивность) отношений превосходства и принятие решения Психология. Журнал Высшей школы экономики.2006. Т. 3, № 3. С. 88–111.

Bar-Hillel M., Margalit A. How vicious are cycles of intransitive choice? Theory and Decision, 1988, 24(2), 119–145.

Tversky, A. Intransitivity of preferences. Psychological Review, Vol 76(1), 1969, 31-48.

Амирасланова А.Н.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Адаптация методики «Benign and Malicious Envy Scale»

На протяжении долгого времени зависть является предметом исследования социальных наук. Несмотря на то, что большая часть исследований подчеркивает негативность переживания зависти, в настоящий момент нет единого подхода к пониманию этого феномена. В психологии зависть чаще всего рассматривают, как эмоцию, которая возникает, когда человеку хочется обладать тем, что есть у другого, либо желать, чтобы у другого этого предмета обладания не было (Parrott & Smith, 1993). В разных областях исследования был установлен вред зависти, как самому завистнику, так и тем людям, которым он завидует (Beckman et al. 2002; Duffy & Shaw, 2000). Проявление зависти можно обнаружить в конфликтах (Hoelzl & Loewenstein, 2005) и агрессивном поведении (Quintanilla & Jensen de L pez, 2013). Происхождение зависти связывают с механизмом социального сравнения, оказывающим большое влияние на отдельных людей и играющим ключевую роль в самооценке личности (Lockwood & Kunda, 1997; Heider, 1958). В переживании зависти чаще подчеркивают ее деструктивные аспекты (Duffy & Shaw, 2000; Parks, Rumble, & Posey, 2002), поэтому исследуя зависть, психологи чаще всего используют методики, изучающие только деструктивные проявления зависти (Smith & Parrott 1999). Однако, в нескольких исследованиях было обнаружено, что зависть бывает двух видов – безвредная зависть и злонамеренная зависть (Van de Ven et al. 2009; Crusius & Lange, 2014). Безвредная зависть связана с мотивацией двигаться вверх, в то время как злонамеренная зависть связана с желанием завистливого человека лишить преимущества в чем-либо более успешного человека. Так, во многих языках существуют два разных слова для определения зависти, подтверждающие такое различие. Например, в Голландии, есть слова benijden и afgunst, в Германии зависть определяют словами beneiden и missg nnen. Первое слово подразумевает более мотивирующую форму зависти, в то время как второе слово обозначает враждебную форму зависти. Возможно, наиболее явное проявление этого этимологического различия присутствует в русском языке, в котором есть белая и черная зависть. В то же время, в таких языках, как английский и испанский есть только одно слово для определения зависти. Тем не менее, когда носители этих язы-

ков рассказывают о переживании зависти, они описывают две ее формы, соответствующие различию между безвредной и злонамеренной завистью (Van de Ven et al. 2009). После обнаружения безвредной и злонамеренной зависти был создан опросник «Benign and Malicious Envy Scale» (Crusius & Lange, 2015). Опросник состоит из 10 утверждений, 5 из которых связаны с проявлением безвредной зависти, и 5 с проявлением злонамеренной зависти. Оценка утверждений проводится по шкале от 1 (абсолютно не согласен) до 6 (полностью согласен). Процедура адаптации опросника «Benign and Malicious Envy Scale» проводится мною в настоящий момент. Подготовлен перевод опросника на русский язык, прошедший экспертную оценку психологами и специалистами по английскому языку, запущен первый этап опроса, необходимый для эмпирической проверки методики с целью определения психометрических характеристик.

Результаты адаптации методики планируется представить на конференции молодых ученых «Актуальные проблемы психологической науки» в мае этого года.

Литература

Beckman, S. R., Formby, J. P., Smith, W. J., and Zheng, B.H. (2002). Envy, Malice and Pareto Efficiency: An Experimental Examination. Social Choice and Welfare, 19, 349–367.

Crusius, J., Lange, J. (2014). What catches the envious eye? Attentional biases within malicious and benign envy. Journal of Experimental Social Psychology, 55, 1-11.

Crusius, J., Lange, J. (2015). Dispositional Envy Revisited: Unraveling the Motivational Dynamics of Benign and Malicious Envy. Personality and Social Psychology Bulletin, 41(2), 284–294.

Duffy, M. K., and Shaw, J. D. (2000). The Salieri Syndrome: Consequences of Envy in Groups. Small Group Research, 31, 3–23.

Heider, F. (1958). The psychology of interpersonal relations. New York: Wiley, 127-158.

Lockwood, P., Kunda, Z. (1997). Superstars and me: Predicting the impact of role models on the self, Journal of Personality and Social Psychology, 73, 91-103.

Hoelzl, E., Loewenstein, G. (2005). Wearing Out Your Shoes to Prevent Someone Else from Stepping into Them: Anticipated Regret and Social Takeover in Sequential Decisions, Organizational Behavior and Human Decision Processes, 98, 15–27.

Parks, C. D., Rumble, A. C., and Posey, D. C. (2002). The effects of envy on reciprocation in a social dilemma. Personality and Social Psychology Bulletin, 28, 509-520.

Parrott, W. G. and Smith, R. H. (1993). Distinguishing the Experiences of Envy and Jealousy. Journal of Personality and Social Psychology, 64, 906–920.

Quintanilla, L., Jensen de L pez, K.M. (2013). The niche of envy: Conceptualization, coping strategies, and the ontogenesis of envy in cultural psychology. Culture & Psychology, 19(1), 76-94.

Smith, R. H., Parrott, W. G., Diener, E. F., Hoyle, R. H., & Kim, S. H. (1999). Dispositional Envy Scale. Personality and Social Psychology Bulletin, 25, 1011.

Van de Ven, N., Zeelenberg, M., & Pieters, R. (2009). Leveling up and down: The experiences of benign and malicious envy. Emotion, 9, 419-429.

Тарасюго В.С.

Академия психологии и педагогики Южного федерального университета

Особенности когнитивных стилей у танцоров и студентов, обладающих высоким уровнем креативности

Когнитивный стиль – определенный способ изучения реальности, индивидуальная настройка протекания когнитивных процессов. [2] Каждый когнитивный стиль отвечает за определенный аспект процесса принятия решений. В литературе можно встретить различные виды когнитивных стилей. В области изучения данного феномена и креативности чаще встречаются следующие стили: полезависимость - поленезависимость, познавательный контроль, импульсивность- рефлективность. [1,3,6] Полезависимость - поленезависимость представляет собой способность выделять часть из сложной фигуры. Познавательный контроль характеризуется степенью трудности переключения разных видов когнитивной деятельности. Импульсивность – рефлективность определяется как когнитивный темп, то есть скорость принятия решения.

Актуальность данного исследования имеет место, так как в последние десятилетия работы, посвященные когнитивным стилям, представлены в литературе в относительно небольшом количестве. Интерес исследователей к изучению когнитивных стилей и творчества постепенно набирает рост, но выборка в таких исследованиях не включает непосредственно творческих людей. [4,5]

Целью исследования является сравнение когнитивных стилей танцоров и студентов.

Гипотезы исследования:

1. Танцоры с высоким уровнем креативности обладают большей выраженностью поленезависимости в сравнении с контрольной группой.
2. Танцоры с высоким уровнем креативности имеют более гибкий познавательный контроль в сравнении с контрольной группой.
3. Танцоры с высоким уровнем креативности обладают большей выраженностью импульсивности в сравнении с контрольной группой.

В данном исследовании планируется выборка, состоящая из 40 девушек возрастом 19 – 22 лет. Группа танцоров будет включать 20 человек, в качестве контрольной группы выступят 20 студентов.

Для оценки уровня креативности будет использован опросник креативности Джонсона. Для определения полезависимости – поленезависимости планируется применить тест включенных фигур Готтшальдта. Оценка познавательного контроля будет осуществлена с помощью теста словесно – цветовой интерференции (тест Струпа). Определение импульсивности-рефлективности будет произведено с помощью теста «Сравнение похожих фигур» (Тест Кагана).

Предполагается, что выдвигаемые нами гипотезы подтвердятся: творческая деятельность будет достигать высокого уровня при условии наличия поленезависимости, гибкого познавательного контроля и импульсивности у человека, занимающегося творческой деятельностью.

Литература

Свидерская, Н. Е. (2011). Особенности пространственной организации ЭЭГ и психофизиологических характеристик человека при дивергентном и конвергентном типах мышления. Физиология человека, 37(1), 36–44.

Шкуратова, И. П. (2004). Когнитивные стили как регуляторы мировосприятия личности. Вестник МГУ.

Chadha, N. K. (1985). Creativity and cognitive style. Psycho-Lingua.

Noppe, L. D. (1985). The Relationship of Formal Thought and Cognitive Styles to Creativity. The Journal of Creative Behavior, 19(2), 88–96.

Spotts, J. V., & Mackler, B. (1967). Relationships of Field-Dependent and Field-Independent Cognitive Styles to Creative Test Performance. Perceptual and Motor Skills, 24(1), 239–268.

Zabelina, D. L., & Robinson, M. D. (2010). Creativity as flexible cognitive control. Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts, 4(3), 136–143.

Георгиевская М.А.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Особенности этических норм коммуникации в социальных сетях пользователей с различным уровнем социального интеллекта

Повсеместное распространение Интернета и социальных сетей во многом облегчило и ускорило процесс общения между людьми, однако, с другой стороны, возникновение виртуального пространства привело исследователей к вопросу создания новых этических норм общения, не сводимые к классическим нормам (Овчинников, Гришин, 2012). В связи с этим актуальной задачей психологического исследования стало выяснение того, от каких психологических конструктов зависит выбор пользователей этических норм общения. Согласно позиции К.Стейнфилда, Н. Эллисон и К. Лампре (2008), зная уровень социального интеллекта конкретного человека, можно предположить, как он общается с собеседниками в виртуальном пространстве. Уровень развития социального интеллекта также позволяет спрогнозировать степень ориентировки на существенные характеристики коммуникативной ситуации, приводящие к успешности межличностного взаимодействия (Чеснокова, 2005).

Основная гипотеза исследования заключалась в том, что пользователи, имеющие разные представления об этических нормах в социальной сети, будут различаться по уровню социального интеллекта: пользователи, ориентирующиеся на базовые этические нормы коммуникации (персональная ответственность за совершаемые действия в социальной сети, уважение партнеров по коммуникации, конфиденциальность, авторское право и неприкосновенность личной жизни) будут обладать более высоким уровнем социального интеллекта в отличие от пользователей, несклонных ориентироваться на вышеуказанные этические нормы коммуникации. В исследовании принимали участие пользователи социальной сети юношеского возраста (от 17 до 21 года). Объем выборки составил 66 респондентов.

Для проверки гипотезы был разработан авторский опросник, направленный на выявление характера реагирования на нарушения в социальной сети, а также на выявление декларируемых и реальных этических норм коммуникации. В опросник вошли задания на ранжирование нарушений в социальной сети, а также на решение ситуаций,

включающие в себя этические дилеммы. Ситуации этических дилемм сопровождались открытыми вопросами, направленными на выявление декларируемых и реальных этических норм коммуникации. Декларируемые этические нормы выявлялись через оценку пользователями поступка главного героя в ситуации дилемм, а реальные – через открытые вопросы, направленные на выявление того, как сам пользователь поступил бы на месте главного героя дилеммы. Уровень социального интеллекта измерялся с помощью опросника СОИНТ-1 Н. Ф. Калиной. Для подсчета значимости результатов исследования использовался непараметрический метод анализа различий между выборками (критерий Манна-Уитни для независимых выборок). Для качественного анализа ответов респондентов использовался метод контент-анализа.

Наиболее значимым нарушением общения в социальной сети для респондентов стало мошенничество и выкладывание личной информации других участников. Дилемма, связанная с неприкосновенностью личной жизни, оказалась самой сложной для респондентов - половина опрошенных была готова проигнорировать данное нарушение на месте главного героя, в то время как другая половина проявила активность в решении возникшей проблемы. Менее противоречивыми этическими дилеммами стали дилеммы, связанные с авторским правом, уважением партнеров по коммуникации, а также с персональной ответственностью за совершаемые действия в социальных сетях - декларируемые этические нормы в данных этических дилеммах почти всегда совпадали с реальными (> 80 % совпадений).

Статистический анализ различий между выборками, различающимися по решению этических дилемм, показал значимое различие в уровне социального интеллекта между соблюдающими и несоблюдающими авторское право ($U=138,000$, $p=0.013$), а также между уважающими и неуважающими партнеров по общению ($U=47,5$, $p=0.040$). То есть респонденты, склонные к соблюдению авторского права и уважению другого пользователя, в целом обладают более высоким уровнем социального интеллекта, чем пользователи, игнорирующие данные этические нормы. Вероятно, это связано с ориентацией пользователей с более высоким уровнем социального интеллекта на правила взаимодействия с собеседником.

Не менее интересно значимое различие в возрасте между пользователями, соблюдающими и несоблюдающими неприкосновенность личной жизни ($U=317,000$, $p=0.024$). Респонденты более старшего возраста были склонны к соблюдению данной этической нормы в отличие

от более младших респондентов. Вероятно, это связано с ориентацией младших респондентов на познание партнера и построения эго-идентичности.

Дополнительный анализ различий между выборками показал значимые различия между сферой обучения (гуманитарная/негуманитарная) со шкалой из опросника СОИНТ-1 «Умение наладить отношение с новичком» (U=286,000, p=0.016). Данное различие можно объяснить спецификой гуманитарной сферы обучения, заключающееся в построении субъект-субъектных отношений (в связи с чем важен диалог, общение с другим человеком для достижения результата).

Таким образом, наша гипотеза подтвердилась частично: в ситуации этических дилемм независимо от уровня социального интеллекта пользователи социальной сети обладают различной сенситивностью к нарушению этических норм, связанных с персональной ответственностью за совершаемые действия в социальных сетях, конфиденциальностью и неприкосновенностью личной жизни. В то же время пользователи, имеющие высокий уровень социального интеллекта, склонны опираться на этические нормы коммуникации, связанные с соблюдением авторского права и уважением партнера по общению.

Литература

1. Овчинников, С. А., Гришин, С. Е. (2012). Информационно-этические проблемы построения информационного общества. Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета, 1 (40).

2. Чеснокова, О. Б. (2005). Возрастной подход к исследованию социального интеллекта у детей. Вопросы психологии, 6, 35-45.

3. Steinfield, C., Ellison, N. B., & Lampe, C. (2008). Social capital, self-esteem, and use of online social network sites: A longitudinal analysis. Journal of Applied Developmental Psychology, 29 (6), 434-445.

Социальная и организационная психология

Krivoshchekov V.

National Research University Higher School of Economics

Connection between attitudes toward men and evaluation of men performing different family roles

The present study attempts to understand people's evaluation of men who violate and comply with attributed gender family roles within the framework of ambivalent sexism theory (Glick & Fiske, 2001). It extends previous studies on ambivalent sexism by focusing on the neglected issue of ambivalence toward men. Specifically, it pays close attention to ways in which ambivalent attitudes toward men shape people's traditional stereotypes about typical men's image and how the latter influence person's perception of men who violate their gender normative roles as breadwinners and those who conform to them. Furthermore, most previous studies on sexism have tended to use abstract category labels, whereas this research extends the literature by showing the effects of ambivalent sexism on traditional stereotypes about men and the latter on evaluation of individualized targets. To this end, we use hypothetical description of daily actions of an male individual and vary gender with the role of the target.

The goal of the study is to establish the relationship between ambivalent sexism toward men and the evaluation of men performing different family roles.

The hypotheses of this research are the following:

1.Benevolent attitudes toward men (BM) would be positively related to traditional stereotypes about men as a group;

2.Hostile attitudes toward men (HM) would not be related to traditional stereotypes about men as a group;

3.Traditional stereotypes about men would be related to positive perception of a male breadwinner;

4.Traditional stereotypes about men would be related to negative perception of a male caregiver.

Participants were 344 heterosexual people (94 men). People were invited to participate in experiment on 1ka.si platform via social media. The study was introduced to participants as investigating the process of forming impression of others. Participants (Mage = 24, SDage = 7.9) were randomly assigned to one of two conditions. One hundred seventy-eight participants read about a male caregiver, one hundred sixty-six read about a male breadwinner.

Survey consisted of the following questionnaires:

1. Ambivalent Attitudes Toward Men (The 20 items (Glick & Fiske, 2001) were translated into Russian and checked for fit in factor model and reliability);

2. Stereotypes about Men (participants were asked to evaluate the strength of expression of men's characteristics as a group within 10 items based on Bem's (1974) masculinity characteristics, items were checked for reliability);

3. Attribution of Warmth and Competence (perception of the target's warmth and competence was assessed within a 12-item measure consisting of six competence-related traits and six warmth-related traits based on characteristics selected by Aragon s and colleagues (2015));

4. Target Manipulation. Participants in breadwinning and caregiving conditions read the information about male target (he was working full day or taking care of children and home).

In order to test the theoretical model based on our substantive hypotheses, we performed structural equation modelling in Mplus 7.4 (MLM estimator). The model included 7 latent variables (Figure 1): benevolence toward men, hostility toward men, traditional stereotypes about men, warmth, competence, sympathy and desire to be friends. Moreover, the conditions (target male was a caregiver or a breadwinner) were used as a moderator. Although, the structural model showed a good fit to the data: 2(11) = 20.655, $p < .05$, CFI = .936, TLI = .884, RMSEA = .051, 90% CI [.012, .084], SRMR = .036, AIC = 10285.223, BIC = 10377.398.

In accordance with our hypotheses 1 and 2, BM was consistently related to the traditional set of stereotypes about men. BM suggests that men should be providers and protectors of women, hence, men have to be, for example, strong and competitive to comply with these roles. Moreover, there was not any connection between hostility and traditional stereotypes due to the strong association of HM with power.

Hypotheses 3 and 4 supposed that traditional stereotypes about man would predict positive evaluation of male breadwinner, whereas male caregiver would be evaluated negatively. Although our hypotheses were not fully confirmed, we found that condition (male caregiver or breadwinner) was a moderator of target's evaluation. No connection was found between traditional stereotypes and competence, and warmth was predicted by traditional stereotypes about men. Taken together, people tended to have negative views of a nontraditional man who returns from work early in the afternoon and takes care of his children while his wife is at work.

References

Aragon s, J. I., Poggio, L., Sevillano, V., P rez-L pez, R., S nchez-Bernardos M. (2015). Measuring warmth and competence at inter-group, interpersonal and individual level. Revista de Psicolog a Social, 30(3), 407–438.

Bem, S. L. (1974). The measurement of psychological androgyny. Journal of Consulting and Clinical Psychology, 42, 155–62.

Glick, P., & Fiske, S. T. (2001). Ambivalent sexism. Advances in Experimental Social Psychology, 33, 115–188.

Кутуев Р.М.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Экспериментальное исследование идентификации лжи в деловых переговорах

Феномен лжи выступает объектом изучения множества различных наук и направлений.

К таковым можно отнести и юриспруденцию, и криминалистику, и психологию, и многие другие науки. Особенно заинтересованы в результатах исследований лжи многие практические направления, где цена неправильной идентификации искренности/лжи собеседника может привести к потерям не только денег и инвестиций, но и порой, жизни человека.

Запросы из практического поля приводят к разработке новых более точных методов идентификации лжи. В настоящий момент существует множество методов и технологий обнаружения лжи, каждый из которых делает акцент на какой-то одной из сторон (иногда и нескольких) изучаемого феномена. В целом данные технологии ориентируются на три способа выявления лжи: 1) идентификация лжи на основе вербальных предикторов; 2) идентификация на основе невербальных предикторов; 3) идентификация на основе физиологических предикторов [4].

Для обнаружения лжи через вербальные проявления чаще всего исследователи пользуются такими инструментами как методика «Оценки валидности утверждений» Стеллера и Кёнкена, и методика «Мониторинг реальности» [9]. Однако данные методы обычно используются третьими людьми вовремя или после беседы (либо допроса) и сложны в своей обработке.

Что касается невербальных проявлений лжи, то наиболее популярным методом идентификации выступает FACS (Facial Action Coding System) П. Экмана [10]. Однако для использования данной методики необходимы специальные технические средства и подготовленный специалист.

Ну и наконец для идентификации лжи на физиологическом уровне чаще всего используют полиграф [9]. Также, как и с методикой П. Экмана, здесь необходимы качественная подготовка специалистов и особое оборудование.

Тем не менее, ни одна из данных методик не может быть в полной мере применена в переговорном процессе. Во-первых, переговоры это

«субъект-субъектный» процесс обмена информации участников, что подразумевает под собой активность, личные мотивы и возможные коммуникативные барьеры у всех задействованных лиц переговоров [2]. Во-вторых, обратимся к наиболее простому определению переговорного процесса: “- это процесс поиска условий необходимых для получения того, что нужно нам, у того, кто что-то хочет от нас” [цит. по 6, с.10]. Однако, чтобы переговоры были успешными необходимо выработать общие доверительные отношения, которых тяжело достичь, если мы будем открыто подозревать своего партнёра во лжи.

В связи с этим важной становится задача разработки подходящих для деловых переговоров методов идентификации лжи, которые повышают вероятность распознавания лжи и не нуждаются в специализированных технических средствах.

Ставя перед собой цель проверить, насколько информированность о признаках лжи может повысить уровень обнаружения лжи у переговорщиков, мы провели экспериментальное исследование.

В качестве гипотезы исследования, мы предполагали, что разработанная авторская схема распознавания лжи повышает частоту успешной идентификации лжи в переговорном процессе.

Основным методом исследования выступал эксперимент, который проводился в рамках специально разработанной деловой игры, моделирующей реальный переговорный процесс.

Выборка состояла из 28 респондентов, в возрасте от 18-45 лет. 20 респондентов уже имели опыт участия в переговорном процессе. Случайным образом респондентов разделили на 4-ре группы (2 экспериментальные и 2 контрольные). Далее участники также случайным образом делились на пары и моделировали переговорный процесс по специальным сценариям (инструкциям). Инструкцией устанавливалось, что один из субъектов переговорного процесса может лгать, а верификатор (второй участник) должен был сделать вывод: присутствует ли ложь и в каких темах она проявляясь. В качестве зависимой переменной выступала обучающая лекция для экспериментальной группы, на основе авторской схемы распознавания лжи. Экспериментальная группа слушала лекцию о предикторах лжи. Контрольная группа не проходила обучения через лекцию. В качестве независимой переменной выступал факт распознавания/не распознавания лжи. Также, перед игрой у каждого участника замеряли уровень развития эмоционального интеллекта и развитость интуитивного стиля, а также предпочитаемую роль из репертуара переговорщика [3,7,8].

Статистическая обработка с помощью критерия Манна-Уитни показала, что значимых различий в частоте идентификации лжи между группами по указанным признакам нет.

Полученные результаты могут свидетельствовать о том, что для идентификации лжи недостаточно простой информированности о предикторах лжи. Мы предполагаем, что данные знания должны быть усвоены и переработаны в качестве навыка верификации лжи обучающимся субъектом.

По нашему мнению, данные результаты поднимают вопрос о сложностях методологического характера исследования лжи через метод эксперимента. Об этих сложностях также указывали Ю.М. Жуков, Д.В. Хренов, Г.М. Андреева [1, 5]. Остаётся вопрос об экологической валидности деловых игр, моделирующих переговорных процесс и то, насколько данные результаты можно переносить на реальную ситуацию.

Данные вопросы остаются открытыми, дальнейшая проработка которых должна стать ключевыми в области разработки методов распознавания лжи в деловых переговорах.

Литература

Андреева Г.М. Ролевой репертуар руководителя в условиях социальных трансформаций. Социальная психология и общество. 2011. No 4. С. 5–14;

Андреева Г.М. Социальная психология. Учебник для высших учебных заведений. – М.: Аспект Пресс, 2001;

Базаров Т.Ю. Бизнес-образование: развитие организаций или организация развития?. Организационная психология. 2013. Т. 3. № 4. с. 92-108;

Базаров Т.Ю. Кутуев Р.М. Компетенции переговорщика как важный фактор успешности идентификации неискренности в деловых переговорах. Мотивация и оплата труда. 2016. № 3 (47). с. 194-202;

Жуков Ю.М., Хренов Д.В. Методический анализ исследований неискренности. Мир психологии. №3. 1999, с. 219-230;

Кеннеди Г. Переговоры. Полный курс. - М.: Альпина Паблишер, 2011;

Корнилова Т.В., Корнилов С.А. Интуиция, интеллект и личностные свойства (результаты апробации шкал опросника С. Эпстайна). Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 28. С. 5;

Люсин Д.В. Опросник на эмоциональный интеллект ЭмИн: новые психометрические данные. Социальный и эмоциональный интеллект:

от моделей к измерениям. Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Институт психологии РАН, 2009. С. 264 – 278.;

Фрай О. Ложь. Три способа выявления. Как читать мысли лжеца, как обмануть детектор лжи. Олдерт Фрай. – СПб: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006;

Экман П. Психология лжи. Обмани меня, если сможешь – Питер: 2010.

Лебедева Н.В.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Что важнее для женщины: семья или работа (на примере областей STEM)?

С активным ростом и расширением доступа к технологиям, информации и инновациям, области STEM (science, technology, engineering, mathematics) приобретают все большую популярность в современном обществе. По результатам исследований в областях STEM в основном работают мужчины: ни в одной стране мира средняя доля женщин, занятых в STEM, не превышает 50% (ЮНЕСКО, 2015). Эта ситуация является отражением того, что карьера в областях STEM традиционно связана с мужскими профессиями. В свою очередь, и исследователи, и политики отмечают значимость проблемы привлечения и закрепления женщин к работе в областях STEM (ЮНЕСКО, 2015).

Предикторами в выборе карьерной и образовательной траектории выступают ценности, мотивация, самооценка, интересы, стереотипы и другие близкие конструкты (Borg, 1999; Paolillo, Estes, 1982; Trauth, Quesenberry, Huang, 2008). Так, среди основных факторов выделяют стереотипные представления о работе, препятствующие выбору карьеры женщинами в областях STEM: «Работа в технических областях не для женщин», «Работа в технических областях не совместима с женской ролевой моделью – заботиться о семье» (Lubinski, Benbow, 2007; Fryer, Levitt, 2008; Beasley, Fischer, 2012; Hirnstein, Andrews, & Hausmann, 2014).

Цель данной работы – изучить выраженность стереотипного представления «Работа в технических областях не совместима с женской ролевой моделью – заботиться о семье» при выборе карьеры в областях STEM.

В качестве метода исследования был выбран метод полуформализованного интервью. Данная методика способствует более глубокому пониманию особенностей поступков, а в рассматриваемом случае определению выраженности гендерных стереотипов.

Было собрано 18 интервью с женщинами, которые имеют образование в областях STEM, возраст респонденток от 25 до 57 лет. В процессе сбора данных использовался принцип насыщения.

Интервью проводились по разработанному гайду (плану), в котором были отражены основные направления беседы. Гайд состоял из пяти

блоков: вводный, о школе, об университете, о карьере, о роли женщины. Транскрипты интервью были закодированы на основе стартовых кодов (первичное кодирование), затем проведено фокусированное кодирование в соответствии с концептуальными рамками исследования.

Таким образом, в результате анализа исследуемый стереотип «Работа в технических областях не совместима с женской ролевой моделью – заботиться о семье» действительно может выступать в качестве предиктора к выбору карьеры в STEM областях. В отношении исследуемого стереотипа респондентки высказывали разное мнение. Некоторые считают, что успех в карьере и высокая рабочая нагрузка в областях STEM, как постоянно развивающихся, требуют постоянного развития и совершенствования навыков сотрудников, что является проблематичным для женщин, которые уходят в отпуск по беременности или берут больничный по уходу за ребенком. Это приводит к сложностям в создании семьи, и, как следствие, недостатку времени для заботы о ней, например, респондентки связывали работу в STEM с одиночеством. При этом, если у женщин уже есть семья (муж и дети), они считают, что необходимо достигать баланса между карьерой и семьей. Тогда как респондентки, которые не замужем и без детей, предпочли бы в дальнейшем уделять больше времени именно семье.

Литература

1. Проект Global Classrooms («Международные аудитории») Американской ассоциации содействия Организации Объединенных Наций — мини-тренинг Тема: «Гендерные вопросы и наука» Комитет: ЮНЕСКО, 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.state.gov/documents/organization/240763.pdf

2. Beasley, M. A., & Fischer, M. J. (2012). Why they leave: The impact of stereotype threat on the attrition of women and minorities from science, math and engineering majors. Social Psychology of Education, 15(4), 427-448.

3. Borg, A. (1999). What draws women to and keeps women in computing? Annals of the New York Academy of Sciences, 869, 102–105.

4. Fryer Jr, R. G., Levitt, S. D., & List, J. A. (2008). Exploring the impact of financial incentives on stereotype threat: Evidence from a pilot study. American Economic Review, 98(2), 370-75.

5. Hirnstein, M., Andrews, L. C., & Hausmann, M. (2014). Gender-stereotyping and cognitive sex differences in mixed-and same-sex groups. Archives of sexual behavior, 43(8), 1663-1673.

6. Lubinski, D. S., & Benbow, C. P. (2007). Sex Differences in Personal Attributes for the Development of Scientific Expertise. American Psychological Association.

7. Paolillo, J. G., & Estes, R. W. (1982). An empirical analysis of career choice factors among accountants, attorneys, engineers, and physicians. Accounting Review, 785-793.

8. Trauth, E. M., Quesenberry, J. L., & Huang, H. (2008). A multicultural analysis of factors influencing career choice for women in the information technology workforce. Journal of Global Information Management, 16(4), 1.

Темиргалиева М.М.

О некоторых особенностях системы копинг-механизмов у людей с различной степенью зависимости от ПАВ

Изучение системы копинг-механизмов у зависимых людей является актуальной задачей. В нашем исследовании приняло участие 60 человек, 26 женщин и 34 мужчины. Выборка была разделена на 4 группы: 1) лица, не употребляющие или практически не употребляющие ПАВ; 2) лица, употребляющие ПАВ регулярно, но без развития зависимости; 3) лица, имеющие диагноз «синдром зависимости» без устойчивой ремиссии; 4) лица, имеющие диагноз «синдром зависимости» после прохождения реабилитации с ремиссией от 1 года. Были сформулированы следующие гипотезы:

Вероятно наличие определенного радикала, способствующего уходу от негативных переживаний без их ассимиляции в группе людей с активной зависимостью от ПАВ;

Вероятен высокий уровень ориентации на позитивную переоценку и поиск социальной поддержки в группе людей с зависимостью от ПАВ в ремиссии;

Участникам было предложено заполнить методику «Копинг-тест Р. Лазаруса». Полученные результаты были обработаны при помощи коэффициента корреляции Пирсона. Нами были получены следующие данные:

В группе людей не употребляющих ПАВ были обнаружены следующие корреляции: между конфронтацией и поиском социальной поддержки, позитивной переоценкой; между бегством-избеганием и поиском социальной поддержки, между планированием решения проблемы и самоконтролем, позитивной переоценкой; общей напряженностью копинг-поведения и самоконтролем, поиском социальной поддержки; отрицательная между принятием ответственности и дистанцированием, между планированием решения проблемы и бегством-избеганием.

В группе людей, эпизодически употребляющих ПАВ, была обнаружена положительная корреляция между принятием ответственности и конфронтацией, общим уровнем напряженности копинг-механизмов.

В группе людей с активной зависимостью от ПАВ были обнаружены следующие корреляции: положительная корреляция между конфронтацией и дистанцированием, поиском социальной поддержки и бег-

ством-избеганием; между дистанцированием и бегством-избеганием; между поиском социальной поддержки и принятием ответственности; между принятием ответственности и бегством-избеганием; между общим уровнем напряженности и всеми копингами, кроме планирования решения проблемы и позитивной переоценки.

В группе людей с зависимостью от ПАВ и последующей ремиссией была обнаружена положительная корреляция между поиском социальной поддержки и позитивной переоценкой, а также между общим уровнем напряженности копинг-механизмов и поиском социальной поддержки, позитивной переоценкой.

Данные результаты могут быть проинтерпретированы следующим образом:

В данной группе в процессе совладания со стрессом центральную роль играют самоконтроль и поиск социальной поддержки (часто именно эти функции выпадают у лиц, злоупотребляющих ПАВ), определяющие поведенческую активность. С данными стратегиями оказываются связаны позитивная переоценка и планирование решения проблемы, а дистанцирование оказывается в противовесе.

Вероятно, данному кругу людей свойственна центральная роль процесса принятия ответственности в совладании со стрессом, которая также способствует отреагированию эмоциального напряжения в конкретные действия.

Можно увидеть наличие взаимосвязей между несколькими копинг-стратегиями – дистанцирование, конфронтация и бегство-избегание. Вероятно, ведущий системоорганизующий конструкт в данном случае – уход от негативных переживаний, который обуславливает поведенческую активность данного круга людей. Вследствие отсутствия ориентации на поиск социальной поддержки и позитивную самооценку возникают феномены самоизоляции и самообвинения.

Чаще всего к данному кругу относятся люди прошедшие реабилитацию или находящиеся в группах взаимопомощи, вследствие чего можно увидеть овладение инструментами позитивной самооценки и преодоления самоизоляции, которые играют центральную роль в совладании со стрессом.

Выводы по результатам исследования:

Существует системоорганизующий конструкт в системе копинг-механизмов у людей с активной зависимостью от ПАВ – уход от негативных переживаний, который обуславливает поведенческую активность данного круга людей;

В процессе совладания со стрессом в группе людей с зависимостью от ПАВ в ремиссии центральную роль играет ориентация на позитивную переоценку и поиск социальной поддержки;

Литература

Корсакова Л. И. Копинг-поведение и защитные механизмы системы адаптации личности / Л. И. Корсакова // Труды СГА. - 2010. - №8. - С. 120–126

Мехтиханова Н. Н. Психология зависимого поведения. - М.: Флинта, 2008. – 250с.

Ерин Н.Д.

Российский Государственный Социальный Университет

Социально-психологические механизмы развития чувства юмора

На данный момент психологическое благополучие населения находится не на самом высоком уровне. К примеру, уровень счастья населения России не самый высокий. Но и не самый низкий - Россия находится выше середины рейтинга, занимая 49 место между Италией и Белизом. Показатель уровня счастья населения России равен 5.963 баллам по индексу уровня счастья на 2017 год. [1]

По данным Росстата, уровень некоторых социально-значимых заболеваний неуклонно растет. [2]

В трудных жизненных ситуациях человек нуждается в наличии ресурсов ее преодоления. Одним из таких ресурсов является развитие чувства юмора, которое можно рассматривать как специфический совладающий механизм и как копинг-стратегию для преодоления трудной жизненной ситуации.

На фоне невротизации населения и стремительно растущих заболеваний не заметен один из возможных способов совладаний стрессовых ситуаций - юмор, отношение к которому, по мнению автора, весьма преуменьшено.

Поэтому социальная значимость темы развития чувства юмора является несравненно высокой при нынешней социальной ситуации.

Тем не менее, существует некоторое количество исследований, которые подтверждают, что юмор способен помочь справиться с болезнями. Польза юмора заключается в стабилизации групповых отношений, регулировании психоэмоционального состояния, отсюда - к профилактике психосоматических нарушений.

Юмор помогает высвобождать агрессивные и сексуальные побуждения в социально приемлемом формате, следовательно, помогает отреагировать спектр эмоций, которые могут негативно сказаться на здоровье личности, будучи неотреагированными.

Исследование направлено на обучение механизмам развития чувства юмора и их применением. Механизмы развития чувства юмора представляют собой совокупность схем, которые человек использует в жизненных ситуациях, вызывающих смех, эмоцию радости, веселья, по большей части неосознанно и спонтанно. Эти схемы используются так

быстро, что человек может осознанно не отследить саму схему, но при наблюдении и анализе можно выявить данные механизмы - то, что вызывает у нас смешное.

Тренировка данных схем, проектирование жизненных ситуаций и внедрение человека вкупе с полученными схемами и отработанными примерами предположительно дают адаптивный результат: личность может применить эти механизмы в дальнейшей жизни, используя их как инструмент решения конфликтов меж- и внутриличностных, групповых, взятия на себя ответственность за собственную жизнь, совладания со стрессовыми ситуациями и улучшение психического и физиологического состояния.

Гипотезы

Предполагается, что чувство юмора и способность шутить можно развить путем экспериментального тренинга.

Самооценка чувства юмора может быть увеличена с помощью тренинга.

Методики

Методики были самостоятельно собраны автором и основаны на приемах остроумия, взятых из работ Зигмунда Фрейда “Остроумие и его отношение к бессознательному” и Крэга Дина “Step by Step to Stand-Up Comedy” [6,8]:

- сбор ассоциаций, их группировка и смысловое соединение;

- выбор конфликтной ситуации, захват любой детали в данной ситуации, присваивание ей ассоциаций/ранжирование данной ситуации по эмоциональной окраске (гиперболизация и приуменьшение) и внедрение ее в ситуацию;

- переключение внимания на иную деталь ситуации и ее интерпритация/внедрение.

На данный момент происходит подсчет результатов диагностических тестов.

Литература

http://worldhappiness.report/

http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/healthcare/#

Мартин Р. Психология юмора / Пер. с англ. под ред. Л.В. Куликова. СПб: Питер, 2009.

Positive emotional states and enhancement of the immune system.Dillon KM, Minchoff B, Baker KH.

Herbert M. Lefcour Humor: The Psychology of Living BuoyantlyThe Springer Series in Social Clinical Psychology Springer Science & Business Media, 2012

Фрейд, Зигмунд (1856-1939).Остроумие и его отношение к бессознательному [Текст] : [16+] / Зигмунд Фрейд ; [пер. с нем. Р. Додельцева]. - Санкт-Петербург : Азбука, 2015. - 281, [2] с.; 18 см. - (Азбука-классика. Non-Fiction).; ISBN 978-5-389-09552-6

The Game of Humor: A Comprehensive Theory of Why We Laugh by Charles R. Gruner

Step by Step to Stand-Up Comedy by Greg Dean, Steve Allen 13 July, 2000.

Потапова Ю.В., ***Кузьмин Б.В.***

ФГБОУ ВО Омский Государственный Медицинский Университет Минздрава России

Эмоциональный, когнитивный и поведенческий компоненты оценки пациентами образов врачей различных специальностей

В настоящее время отмечается тенденция увеличения конкурентных отношений на рынке труда медицинских специалистов, в особенности в частном секторе. Ранее существовавшая патерналистская модель взаимодействия [1], сменяется пациент-центрированной моделью, включающей ориентацию на субъективные переживания больного. Актуальность исследования заключается в поиске наиболее выгодных для данного вида взаимодействия психологических паттернов врачей, позволяющих осуществлять подготовку студентов-медиков, ориентированных на поддержание высококомплаентных отношений с будущими пациентами [2]. Объектом исследования является образ врача в сознании пациента, предметом – компоненты оценки образа врача в сознании пациента. Целью данной работы является исследование особенностей оценки пациентами образов врачей различных специальностей (терапевты, хирурги, гинекологи, педиатры). Задачи исследования: изучение эмоционального, когнитивного и поведенческого компонентов оценки пациентами образов успешного и неуспешного терапевта, гинеколога, хирурга, педиатра. Основная гипотеза заключается в том, что на основе данных контент-анализа сервиса отзывов о врачах, возможно определить эмоциональный, когнитивный и поведенческий компоненты оценки пациентами образа врачей различных специализаций и сформировать позитивные и негативные паттерны восприятия медицинских специалистов. Методом исследования явился контент-анализ интернет-сервиса отзывов о медицинских специалистах prodoctorov.ru. Выборкой явились авторы отзывов о 80-ти Омских врачах четырех специальностей: гинекология, терапия, педиатрия, хирургия. Выбрано 10 первых и последних по рейтингу врачей в каждой специальности. В отзывах фиксировались аспекты, отражающие эмоциональный (особенности построения контакта, проявления эмпатии по отношению к пациенту); когнитивный (описание знаний врача, компетентности в своей сфере); и поведенческий компонент (оценка лечебного процесса и его результата) образа врача в сознании пациента.

Результаты и их обсуждение

Эмоциональный компонент успешного врача включал в себя моральные (доброта, отзывчивость - 29%), коммуникативные (внимательное слушание - 22%) и этические качества (вежливость, тактичность - 10%), которые в целом производили благоприятное впечатление на пациентов и стимулировали у них проявление позитивных эмоций. Специфика обозначилась в описании образа педиатра (любовь к детям) и хирурга (доступность, человечность). Эмоциональный компонент образа неуспешного врача содержал отзывы о грубости, агрессивности, невнимательности к пациентам, у гинекологов специфичными были упоминания об оскорблениях, насмешках (13%), у терапевтов – об агрессивности (24%), вероятно из-за особой сенситивности гинекологических пациентов и напряженных условий работы самого врача.

Когнитивный компонент успешного врача проявляется в оценке его компетентности, объема знаний по специальности и умении ретранслировать их пациентам в доступной форме, допуская возможность задавать вопросы и отвечая на них. Спецификой хирургии была оценка не только теоретических знаний, но и мануальных навыков ("золотые руки" по словам пациентов), выраженных в аккуратном обследовании, проведении сложной операции. В негативных отзывах врачи проявляют неготовность разъяснять причины заболеваний и особенности их течения.

Поведенческий компонент успешных терапевтов включал удовлетворенность пациентов процессом, у хирургов – скорее результатом лечения, операции. Педиатрам важно всегда быть на связи, ответить родителям на волнующие их вопросы о здоровье детей (30%), а также обходиться без назначения большого количества лекарств (13%). В действиях гинеколога важной является оценка результата труда (58%) и способов диагностики (которые сами по себе могут становиться причиной дополнительных стрессов пациентки). Оценка поведенческого компонента неуспешных терапевтов и педиатров включала недовольство пациента процессом лечения, у хирургов - его результатом. Все эти категории врачей осуждались за нерациональную организацию приема (длительные очереди, опоздания врачей). У неуспешных гинекологов отмечались вопросы диагностики - либо недостаточной (17%), либо избыточной (14%), а также неверно поставленные диагнозы (15%).

Полученные данные позволяют заключить, что в структуре эмоционального компонента оценки образа врача превалирует упоминание морально-этических и коммуникативных качеств. Позитивные паттерны когнитивного компонента включают в себя проявление компетент-

ности врача как в узко медицинской сфере, так и в области педагогических умений (структурирование передача информации, готовность ответить на вопросы). Поведенческий компонент базируется на удовлетворенности пациента процессом и результатом лечения, методами диагностики.

Таким образом, успех деятельности врача заключается не только в правильной организации лечебного процесса и его эффективности, но и в умении поддерживать психолого-педагогический контакт с пациентом, заключающемся во внимательном и вежливом отношении, умении понятно и лаконично донести информацию о причинах, последствиях заболевания и возможностях его лечения.

Литература

Витч Р. (1994) Модели моральной медицины в эпоху революционных изменений. Вопросы философии, 3, 67-72

Лапин И.П. (2001). Личность и лекарство. Введение в психологию фармакотерапии. Санкт-Петербург, РФ: ДЕАН

Сощик И.Г.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Высокий интеллект и оправдание аморального поведения

Цель этого исследования - определить, как высокий уровень интеллекта влияет на оправдание сексуальных домогательств. Метод исследования - эксперимент, в котором субъект определяет свое отношение к происходящему в кейсе. Персонаж в текстовом кейсе выполняет действия, которые можно охарактеризовать как сексуальные домогательства. Персонаж меняет характеристики пола, статуса и интеллекта. Предполагается, что высокий уровень интеллекта будет способствовать оправданию сексуальных домогательств.

Исследование базируется на работах Дениэла Канемана, и Кэрол Двек, исследовавшим психологию принятия решений, процесс категоризации и теории неявного интеллекта. (Kahneman, 2014; Dweck, 1996)

Гипотезы

Основная гипотеза

Уровень интеллекта персонажа кейса будет влиять на силу оправдания сексуальных домогательств.

Гипотезы-следствия

Верование респондента в устойчивый интеллект будет приводить к более сильному оправданию, когда персонаж кейса будет иметь высокий статус, мужской пол и высокий уровень интеллекта.

Респонденты с более высокой толерантностью к сексизму будут наиболее сильно оправдывать персонажа кейса, когда он будет мужского пола иметь высокий статус и высокий уровень интеллекта.

Методы

Основным методом этого исследования является эксперимент. Участникам предлагается указать информацию про их пол, возраст и уровне образования. Затем субъектам необходимо оценить уровень их интеллекта и определить, какие действия, по их мнению, являются сексуальными домогательствами. Также испытуемым задаётся вопрос о том считают ли они интеллект врождённой чертой человека или развиваемой. Затем испытуемым предлагается прочитать кейс, в котором пер-

сонаж совершает действия, которые могут рассматриваться как сексуальные домогательства. С помощью этого кейса будет варьироваться представление испытуемого о герое кейса. Варьироваться будет уровень интеллекта персонажа в кейсе (высокий / низкий), пол персонажа (мужчина / женщина) и статус персонажа (высокий / низкий). Прочитав кейс, субъект отвечает на ряд вопросов, направленных на измерение его отношения к персонажу кейса. Таким образом, в этом эксперименте зависимой переменной будет отношение субъекта к персонажу кейса, уровень интеллекта персонажа кейса, его пол и статус будут независимыми переменными.

Этот метод исследования был выбран в связи с тем, что, таким образом, легче изменять независимые переменные, существует также возможность исключения побочных переменных, таких как внешний вид персонажа кейса, что может существенно повлиять на результаты исследования. После получения данных они будут проанализированы в программе R.

Предполагаемые результаты

Беря во внимание предыдущие исследования в этой области, ожидается, что будет обнаружено существенное различие между отношением к человеку с высоким уровнем интеллекта, выполняющим действия, которые можно рассматривать как сексуальное домогательство, и человеком с низким уровнем интеллекта, выполняющим те же самые действия.

Также предполагается, что самым мощным оправданием сексуальных домогательств будет мужской персонаж с высоким уровнем интеллекта и высоким статусом, если испытуемый верит в фиксированный интеллект. Это связано с тем, что, люди с верой в фиксированный интеллект склонны поддерживать существующие системы неравенства, такие как патриархат, доминирование высокого статуса и высокого интеллекта. Предполагается, что самым слабым оправданием сексуальных домогательств в этом случае будет персонаж женщины с низким уровнем интеллекта и низким статусом, если испытуемый верит в меняющийся интеллект.

Литература

Dweck, C. S. (1996). Implicit theories as organizers of goals and behavior. The Psychology of Action: Linking Cognition and Motivation to Behavior, 16(4), 69–90. https://doi.org/0803973233

Kahneman, D. (2014). Даниэль Канеман Думай медленно ... решай быстро.

Михеев В.Ю.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Влияние общей брезгливости и знаний по биологии на отношение к ГМО в России

Введение

Население развитых стран с недоверием относится к ГМО, хотя мало понимают в биотехнологиях. Например, 37% американцев считают, что генно-модифицированная пища опасна для здоровья, тогда как 88% членов Американской Ассоциации по продвижению науки считают, что она безопасна. (Pew Research Center, 2015) При этом 54% американцев оценивают свои знания в биотехнологиях как никакие. (Hallman, 2013)Исследование Евробарометра в 1996 году показало схожие результаты: 51% опрощенных были против ГМО, причем 21% были нетерпимы к риску их использования. При этом средний результат по 7-балльной шкале знаний о биологии и генетике составил 3.64. (Gaskell, 1999) Наконец, в 2014 году, согласно исследованию ВЦИОМ, 83% россиян поддерживали предложение запретить ГМО, из них 75% объяснили это тем, что ГМО наносят большой вред здоровью. Однако лишь 55% россиян могут правильно расшифровать аббревиатуру ГМО. (ВЦИОМ, 2014)

Сочетание неприятия ГМО со слабыми знаниями о биотехнологиях наводит на мысль, что подобное негативное отношение к биотехнологиям вызвано скорее интуитивными представлениями, чем рациональным расчетом рисков. Ученые из Пенсильваннского университета сумели доказать этот тезис. Они провели опрос среди около 800 американцев и выяснили, что желание запретить ГМО значимо коррелирует с возрастом и высоким уровнем общей брезгливости. (Scott, 2016) Более того, исследователи пришли к выводу, что более брезгливые люди не доверяют даже очень убедительным аргументам в пользу ГМО.

Мы реплицировали это исследование на российском материале, но также добавили еще один фактор, который не учла команда Scott - уровень знаний по биологии и генетике. Согласно их теории, люди с высоким уровнем брезгливости будут нечувствительны к любым аргументам в пользу ГМО. Однако, почти 70% членов Американской ассоциации по продвижению науки считают, что ГМО безопасны. Следовательно, или большинство ученых менее брезгливы, или авторы неправы и продолжительное обучение способно переубедить, даже брез-

гливых людей. Для того чтобы решить эту проблему мы решили посмотреть как коррелируют друг с другом показатели брезгливости, отношения к ГМО и знаний по биологии.

Исследовательский вопрос: как измениться корреляция между брезгливостью и неприятием к ГМО при учете такого фактора как высокий уровень знаний по биологии.

Предмет исследования: отношение россиян к ГМО, общий уровень биологических знаний и общей брезгливости. Объект исследования: влияние знаний и интуитивных суждений на отношению к ГМО.

Задачи исследования: узнать 1) подтвердить или опровергнуть гипотезу о связи общего чувства отвращения и желания законодательно запретить ГМО; 2) выяснить как уровень знаний о биологии и генетике влияет на эту корреляцию.

Исследование

Для проверки нашей гипотезы в марте 2018 года мы провели онлайн опрос (55 вопросов) на платформе Гугл-формы. При его составлении мы использовали и частично модифицировали опросники Хайда (Общая брезгливость), Евробарометра (Отношение к биотехнологиям, 1996) и Скотт (Отношение к ГМО, Убедительность аргументов в пользу ГМО). (Olatunji, 2007; Melich, 1998; Scott, 2016)

Мы собрали ответы двух групп респондентов: 249 человек без биологического образования вошли в контрольную выборку и 258 человек, потенциально обладающих высоким уровнем знаний о ГМО (медики, биологи, генетики), в целевую выборку. Респондентов мы находили в социальной сети «Вконтакте», в специализированных группах: людей, знающих биологию - в группах биологических факультетов, а контрольную - в тематических группах из разных регионов России. Мы ожидали, что эти две выборки покажут разные средние по тесту на биологические знания. В итоге данные по двум выборкам были объединены в одну базу данных: после удаления данных с пропущенными значениями в ней осталось 478 ответов (74% женщины, Медиана возраста – 27, дисперсия возраста – 9).

При анализе данных были созданы 3 модели, а результаты были посчитаны в программе R Studio с применением ордерной логистической регрессии и метода наименьших квадратов. В первой модели независимой переменной стало отношение людей к ГМО в виде трех номинальных переменных: Безусловный противник (против ГМО даже, если они несут пользу и не приносят вред), Противник и Сторонник.

В третьей модели независимей переменной выступало отношение респондентов к законодательному регулированию ГМО.

В результате этих статистических манипуляций было выяснено, что: 1) увеличение общей брезгливости и возраста на 1 показатель увеличивает шанс безусловного неприятия ГМО в 1 раз. В то же время мужской пол в 2.6 и знание по биологии на 1.8 раз увеличивают шанс, что респондент будет сторонником ГМО.

2) Желание законодательно запретить ГМО коррелирует положительно с возрастом (0.1) и высокой брезгливостью (0.32), тогда как мужской пол (4.25), проживание в Москве и Санкт-Петербурге (7.41 и 6.37) и высокие баллы по тесту на биологические знания (1.79) коррелируют с меньшим желанием регулировать ГМО.

Таким образом, мы подтвердили результаты команды Скотт о связи брезгливости и неприятия ГМО. В то же время мы установили, что знания по биологии оказывают положительное влияние к ГМО, при чем их эффект может перевесить влияние брезгливости. Следовательно, второй тезис пенсильванских ученых о невозможности переубедить безусловных противников ГМО можно подвергнуть сомнению. Как минимум, можно предположить, что первоначальная реакция на аргументы в пользу ГМО у таких людей будет отрицательная, однако продолжительное обучение в сфере биологии может переубедить их.

Литература

ВЦИОМ. «Пресс-выпуск №2599 от 05.06.2014. Генетически модифицированные продукты и с чем их едят» (https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114848, доступ от 25.03.2018)

Gaskell, G., Bauer, M. W., Durant, J., & Allum, N. C. (1999). Worlds apart? The reception of genetically modified foods in Europe and the US. Science, 285(5426), 384-387.

Haidt, J., Rozin, P., McCauley, C., & Imada, S. (1997). Body, psyche, and culture: The relationship between disgust and morality. Psychology and Developing Societies, 9(1), 107-131.

Haidt, J. (2012). The righteous mind: Why good people are divided by politics and religion. Vintage.

Haidt, J. (2001). The emotional dog and its rational tail: a social intuitionist approach to moral judgment. Psychological review, 108(4), 814.

Hallman, W. K., Hebden, W. C., Aquino, H. L., Cuite, C. L., & Lang, J. T. (2003). Public perceptions of genetically modified foods: A national study of American knowledge and opinion. New Brunswick, NJ: Food Policy

Institute, CookCollege, Rutgers—The State University of New Jersey. Retrieved from http://core.kmi.open.ac.uk/download/pdf/6435317.pdf

Melich, A. (1998). Eurobarometer 46.1: Modern Biotechnology, Privacy on Computer Networks, and the Common European Currency, October-November 1996. Inter-university Consortium for Political and Social Research.

Olatunji, B. O., Williams, N. L., Tolin, D. F., & Abramowitz, J. S. (2007). The Disgust Scale: Item analysis, factor structure, and suggestions for refinement. Psychological Assessment, 19, 281–297.

Pew Research Center. (2015, January 28). Public and scientists views on science and society. Retrieved from http://www.pewinternet.org/2015/01/29/public-and-scientists-views-onscience-and-society/pi_2015-01-29_science-and-society-00-01

Rozin, P., Haidt, J., & McCauley, C. R. (2008). Disgust. In M. Lewis, J. M. Haviland-Jones & L. F. Barrett (Eds.), Handbook of emotions, 3rd ed. (pp. 757-776). New York: Guilford Press.

Scott, S. E., Inbar, Y., & Rozin, P. (2016). Evidence for absolute moral opposition to genetically modified food in the United States. Perspectives on Psychological Science, 11(3), 315-324.

Tversky, A., & Kahneman, D. (1974). Judgment under uncertainty: Heuristics and biases. science, 185(4157), 1124-1131.

Карпук В.А.

Институт психологии им. Л.С. Выготского, Российский государственный гуманитарный университет

Особенности идентичности представителей субкультур «Ролевики» и «Косплееры»

У современного человека мы наблюдаем обострившуюся проблему поиска идентичности. Глобализация, постоянное расширение информационного пространства, пересечение культур, открытые границы - все эти феномены нашего века усложняют задачу поиска и отождествления себя. На фоне этого наблюдается повышение разнообразия сообществ и субкультур. [3] В нашем пилотном исследовании мы обратили наше внимание на те субкультуры, которые, по нашему мнению, наиболее четко манифестирует проблему поиска идентичности и связаны непосредственно с созданием и ношением костюмов и примеркой на себя новых образов. Такими субкультурами можно назвать сообщества Косплееров и Ролевиков. Движение косплееров уже в 80-х годах прочно вошёл в мировую поп-культуру и sci-fi, ассоциируясь с ней по сей день. В Россию движение пришло в 90-х годах и с тех пор исключительно увеличивается с каждым годом, проникая и укрепляясь в медиа пространстве так же бурно, как и во всём мире. Движение Ролевиков появилось в 70-х годах, благодаря настольным играм вроде «Dungeons and Dragons» где стало принято переодеваться в костюмы своих персонажей. А в Россию появилось в 80-х годах, благодаря поклонникам творчества Толкиена, желающих разыграть любимые сцены [6]. Однако, несмотря на широкое распространение этих субкультур, привлекающих к себе все большее число людей[4,5], психологических исследований специфики субкультур Косплееров и Ролевиков, также, как и особенностей идентичности и временной перспективы их членов до сих пор не проводилось. Именно это и стало предметом нашего исследования.

Гипотеза исследования: идентификация с ролью и/или костюмом героя помогает осознанию собственной идентичности и социализации.

В исследовании приняло участие 41 респондент: 56,1% женщин и 43,9% мужчин в возрасте от 16 до 40 лет. Методическим инструментарием выступили: 1) Методика «Я был. Я есть. Я буду» модификации Марцинковской Т.Д., [1]. Методика исследования самооценки Дембо-Рубинштейн с модернизированными шкалами [1]. 3) разработанная авторская анкета. Методы обработки данных: частотный анализ, кон-

тент-анализ, а также качественный и количественный анализ заявленных методик.

Результаты исследования

Из 41 опрошенных респондентов 20 человек четко отнесли себя к субкультуре – «Косплеер» и 13 человек к «Ролевик», 3 человека не смогли определиться, указав свою принадлежность к обеим субкультурами, остальные респонденты предложили свои категории, которые возможно потребуют дальнейшего уточнения. При этом 87,8% опрошенных ответили, что знают отличия предложенных категорий; 7,3% сомневались в различиях и 4,9% не знает и не выделяет для себя отличий между представленными субкультурами.

Большее число респондентов (87,8%) имеют более одного костюма. При этом лишь 34,1% выделяют любимый костюм, который стараются надевать чаще, остальные предпочитают носить разные костюмы и не могу выделить любимый среди них. 95,1% опрошенных собираются продолжать делать ещё костюмы, из них 90,2% хотят примерить на себя новые образы. Кроме того, для 41,5% наиболее привлекательным в их увлечении является как раз возможность примерить новую идентичность и ещё 29,3% выделяют для себя наиболее привлекательной чертой возможность примерить на себя образ любимого персонажа, что в контексте нашего исследования является одним – возможность игры идентичностей [2].

Методика «Каким я был. Какой я есть. Каким я буду» выявила чёткую положительную временную перспективу по содержанию идентичности. Большинство отрицательных субъективных оценок (61) приходится на образ прошлого и встречается у 68% респондентов, в образе настоящего фигурирует лишь 16 отрицательных оценок у 19,5% опрошенных

Интересным результатом стало неожиданно низкий уровень осознанности среди представителей обеих субкультур – 80,5% респондентов не смогли дать более 5 самоописаний. Эти результаты потребуют дальнейшего изучения.

Положительный образ будущего и общая позитивная временная перспектива объясняется так же высокими результатами по шкалам «авторитет у сверстников» - 68,4% высоких оценок, «уверенность в себе» - 48,9% высоких оценок и 24,4% средних, «умение многое делать своими руками» - 48,9% высоких оценок и 26,8% средних

Выводы

Полученные результаты показали, что обе субкультуры играют позитивную роль и в процессе социализации в современном изменяющемся мире, в при осознании и расширении содержания своей идентичности.

Игра с костюмом и своим образом повышает уверенность в себе и повышает позитивное представление о своем будущем

Поскольку субъективная оценка себя по шкалам, а так же положительная временная перспектива в целом совпадают у представителей субкультуры Косплееров и Ролевиков, можно предположить, что данные субкультуры не имеют существенных различий с точки зрения содержания идентичности. Однако, данный вывод нуждается в дальнейшей проверке на более широкой выборке.

Литература

Идентичность и социализация в современном мире. Сборник методик под ред. Марцинковской Т.Д. //МПГУ, 2015.

Марцинковская Т.Д. Картина мира, образ мира, представление о мире: константы и трансформация понятия и содержания/ Т.Д. Марцинковская, Н.А. Голубева, Н.И. Юрченко // Мир психологии. – 2017. – Т. 1, № 2. – С. 20-33.

Изотова Е.И. Роль культуры и искусства в формировании картины мира современных подростков/ Е.И. Изотова, Н.С. Полёва// Мир психологии. – 2017. – Т. 1, № 2. – С. 158-166.

http://www.gamescom-cologne.com/gamescom/trade

http://comicconrussia.ru/ http://expert.ru/russian_reporter/2014/33/est-li-u-kospleya-smyisl/

Воробьева О.А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы

при Президенте Российской Федерации

Исследование целей руководителей высшего звена управления на примере участников конкурса «Лидеры России»

Целью проведения исследования было изучение приоритетности целей деятельности руководителей высшего звена на примере участников конкурса «Лидеры России». Данное исследование представляется актуальным в виду того, что цели руководителей высшего звена во многом задают общее направление развития различных сфер в государственном и коммерческом секторе.

В рамках проведения исследования были проанализированы ответы участников конкурса на вопрос о целях, которые они ставят перед собой. При этом вопрос имел открытую форму, и респондент не был ограничен в выборе ответа. Гипотезой исследования стало выдвижение предположения о том, что приоритетными будут выделяться цели, связанные с карьерной деятельностью и профессиональными достижениями. Всего было проанализировано 928 ответов.

Распределение производилось по группам:

1. Физические потребности или потребности тела. В данную группу были включены ответы, содержащие в себе утверждения о целях поддержания здоровья, улучшения внешнего вида, поддержания хорошей физической формы. (примеры ответов: «отличное здоровье», «быть здоровым», «пробежать марафон»).

2. Достижения. В данную группу были включены ответы, содержание в себе утверждения о целях карьерного роста, профессионального становления, самообучения и развития, совершенствования прикладных навыков. Также к группе «Достижения» были отнесены ответы, связанные с целями достижения финансовой независимости, материальными достижениями и приобретениями, путешествиями, признанием своих заслуг перед обществом. (примеры ответов «собственный бизнес», «стать генеральным директором», «свой дом»).

3. Общение. В данную группу были включены ответы, содержание в себе утверждения о целях межличностного и группового общения, установления деловых контактов. (примеры ответов: «семья», «семья и дети», «воспитание детей хорошими людьми»).

4. Духовное развитие. В данную группу были включены ответы, содержание в себе утверждения о целях духовного развития и становления, улучшения личностных качеств, хобби и развлечений, а также принесения пользы обществу через профессиональную деятельность. (примеры ответов: «созидание», «достижение гармонии», «прожить жизнь достойно»).

Помимо группировки в зависимости от профиля цели, был проведен анализ целей с точки зрения ориентации руководителя на результат или на процесс деятельности. Под процессом понималось описание цели как совершение деятельности в течение определенного периода времени (например: «изменение», «реализация», «изучение» и т.д.). Под результатом понимались цели, ориентированные на получение конечного результата деятельности (например: «реализовать проект», «приобрести автомобиль», «получить должность», «получить диплом» и т.д.).

В результате анализа было выявлено следующее распределение целей по степени приоритетности:

1. Достижения (564 цели / 60,6%)

1.1 Карьера

1.2 Учеба, образование, самообучение

1.3 Финансовые достижения

2. Общение (семейные отношения, воспитание детей) (185 целей / 19,7%)

3. Духовное развитие (166 целей / 17,7%)

3.1 Духовно-эстетическое развитие

3.2 Принесение пользы

3.3 Хобби, получение удовольствий, развлечения)

4. Физические потребности или потребности тела (13 целей / 2%)

4.1. Улучшение состояния здоровья, здоровый образ жизни

4.2. Физические упражнения, физическая форма

4.3. Улучшение внешности

В распределении целей, ориентированных на процесс или на результат, было выделено 590 целей (63,6%), ориентированных на результат и 338 целей (36,4%), ориентированных на процесс.

Предварительные результаты анализа данных свидетельствуют о том, что для руководителей большое значение имеет вопрос самореализации через карьерное развитие, достижение высокого финансового ре-

зультата. В то же время, второй по приоритетности является цель общения с близкими, совместного времяпрепровождения с детьми, их воспитания и обеспечения благополучного будущего.

Меньшая доля ориентации руководителей на цели поддержания физического здоровья может быть сигналом того, что актуальным является вопрос риска выгорания руководителей, так как они не уделяют достаточного внимания вопросу сохранения собственного здоровья и, возможно, здоровья своих подчиненных.

Дальнейшее исследование будет направлено на более детальное изучение целей деятельности руководителей и выявление их мотивационной системы. На основе полученных результатов представляется возможным формирование системы мотивации, отвечающей актуальным потребностям руководителей для повышения результативности их работы.

Маркарян В.Г., ***Баркова Ю.К.***

Высшая Школа Государственного Управления Российской академии народного хозяйства и государственной службыпри Президенте Российской Федерации

Исследование готовности руководителей к работе в цифровом обществе

Искусственный интеллект давно стал частью обыденной жизни многих людей по всему миру и давно вышел за рамки научной фантастики, став новой реальностью. Изучение готовности людей к работе в мире цифровых технологий, анализ установок, мотивов и убеждений по отношению к внедрению искусственного интеллекта представляет практическую значимость для разных областей знаний в том числе психологии.

В связи с актуальностью темы сотрудниками Факультета оценки и развития управленческих кадров института «Высшая школа государственного управления» РАНХиГС под руководством доктора психологических наук, профессора Синягина Ю.В. было проведено исследование, участниками которого стали более 500 руководителей, среди которых были представители федеральных и региональных структур, мэры городов, руководители бюджетной сферы.

Первая исследовательская гипотеза заключалась в том, что чем выше управленческий уровень, тем больше перспектив видит человек в использовании систем искусственного интеллекта. Вторая гипотеза заключалась в том, что существует взаимосвязь между ожиданиями и установками и рядом личностных особенностей руководителей, их личностно-профессиональным и управленческим потенциалом. Наконец, третья гипотеза, заключалась в предположении наличия достаточно значимых отличий в ожиданиях и установках отечественных руководителей и установок массового сознания, зафиксированных в многочисленных опросах.

Проведенный n-gram анализ ответов на вопрос: «что такое, по Вашему мнению, искусственный интеллект» позволил выделилось три группы ответов. Во-первых, понимание искусственного интеллекта, как программного продукта. Во-вторых, как устройства, оснащенного соответствующей программой. Наконец, в-третьих, что достаточно интересно, как некого нового качественного сетевого продукта, реализованного в Интернете. Интересно, что частота групп ответов оказалась значимо связана с управленческим уровнем участников проведенного опроса.

Анализ полученных данных показал, что распределение представлений в группах участников во многом совпадает. Вместе с тем, у руководителей, занимающих наиболее высокие управленческие позиции, представление об искусственном интеллекте, прежде всего, как о каком-либо устройстве значительно меньше, чем у представителей других групп.

Проведенная классификация ответов, позволила, как определить сходство с аналогичными зарубежными исследованиями в США, Германии, и Японии, так и обнаружить довольно интересные различия. Весьма интересно то, что, если в зарубежных исследованиях в отличие от российских встречается упоминание о том, что развитие систем искусственного интеллекта может оказать существенную помощь государствам с социальными и экономическими проблемами.

Одним из преимуществ, которые отмечались многими респондентами, выступала возможность делегирования искусственному интеллекту ответственности за принимаемые управленческие решения. Такая тенденция характерна в значительно большей мере для руководителей функционального уровня управления. Для американской выборки повышение производительности и высвобождение свободного времени – основные возможности искусственного интеллекта. В тоже время для российских респондентов наиболее важным является возможность решения сложных задач (принятие решений) с помощью искусственного интеллекта.

Основными рисками для респондентов и американской выборки являются нарушении конфиденциальности, в то время как для российской выборки - потеря контроля над искусственным интеллектом. Обе группы респондентов также беспокоит увеличение безработицы.

Вместе с тем респонденты российской выборки обеспокоены утратой ценности биологического интеллекта, их труда и вклада. Таким образом в ответах российских респондентов прослеживается я-центричное мировоззрение, в то время как американских респондентов немало беспокоят техногенные катастрофы, безработица и иные факторы государственного масштаба.

В рамках проведенной работы был осуществлен корреляционный анализ взаимосвязи отношения к внедрению и развитию систем искусственного интеллекта с рядом личностно-профессиональных особенностей респондентов. Исследование проводилось с использованием личностно-профессионального опросника оценки управленческого потенциала (автор Синягин Ю.В.). Всего в этой части исследования приняло участие 323 человека.

Обнаружилась значимая взаимосвязь конструктивно-позитивного отношения к активному использованию систем искусственного интеллекта, как в различных сферах жизни вообще, так и в системе государственного управления, в частности с целым рядом личностно-профессиональных особенностей руководителей.

Прежде всего, это готовность к обучению, саморазвитию и изменениям (r=0,17, p<001), мотивацией достижения (r=0,13, p<001). В свою очередь, негативное отношение к этим процессам значимо взаимосвязано, как и ожидалось, со стремлением к безопасности и жесткостью (консервативностью) управленческой концепции (-0,13 и -0,14), соответственно.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что полученные данные показывают преобладание позитивных установок отечественных руководителей, однако уровень их содержательной готовности к работе в новых условиях все же недостаточно высок. Многие ожидания и перспективы рассматриваются ими довольно абстрактно.

Литература

1. H.Nitto, D.Taniyama, H.Inagaki. Social Acceptance and Impact of Robots and Artificial Intelligence: Findings of Survey in Japan, the U.S. and Germany in NRI Papers, 2017, No.211

2. One in three believe that the rise of artificial intelligence is a threat to humanity // BRITISH SCIENCE ASSOCIATION URL: https://www.britishscienceassociation.org/news/rise-of-artificial-intelligence-is-a-threat-to-humanity (дата обращения: 29.03.2018).

3. Синягин Ю. В. и др. Личностно-профессиональная диагностика как комплексный механизм оценки компетентностей и компетенций гражданских служащих //Теория и практика общественного развития. – 2013. – №. 11.

Содержание

Кросс-культурная психология 6
Баязитова Диана Анваровна
Взаимосвязь личностных метачерт и аккультурационных ожиданий принимающего населения России..... 7
В.Д. Косьмин
Проблема этнической толерантности (на примере исследования стереотипов восприятия японцев у российских студентов) 10
Азимзаде Айдан Алтай кызы
Межкультурные различия ценностных ориентаций азербайджанских и русских студентов 13
Чулюкин Кирилл Сергеевич
Творческое мышление младших школьников при разном уровне культурной конгруэнтности 17
Бомбиери Лучия
Teachers' role in facilitating cross-cultural attitudes among students. . 20
Психология развития и образования..... 21
Назаретян Аничка Самвеловна
Мотивация образования взрослых 22
Лункина Мария Владимировна
Здоровое самоуважение, как предиктор психологического благополучия, академической мотивации и успешности подростков 25
Горбунов Кирилл Александрович
Проект исследования особенностей рефлексивной сферы у асоциальных подростков..... 28
Гончарова Дарья Владимировна
Исследование мотивов деятельности волонтеров подросткового возраста 31
Чёрная Яна Евгеньевна
Связь эмоционального интеллекта и логического мышления .. 33
Бухаленкова Дарья Алексеевна

Развитие регуляторных функций у дошкольников с разным качеством образовательной среды 35

Сиповская Яна Ивановна

Влияние фактора образовательной среды старших подростков на проявления различной степени интенсивности сенсорных семантических способностей 38

Сайфуллина Надежда Алексеевна

Исследование уровня развития рече-коммуникативной функции прогностической компетентности младших школьников с тяжелыми нарушениями речи 41

Капуза А.В., Тюменева Ю.А., Вергелес К.П.

Исследование конструктной валидности метода концептуальных карт 44

Ефремова Татьяна Николаевна

Трансляция смыслов Учителем как фактор стабильной мотивации к обучению ученика и эффективности обучения.... 47

Владимиров Олег Сергеевич

Компьютерные игры как предмет гуманитарной экспертизы... 49

Левина Софья Дмитриевна

Исследование манипулятивных форм поведения у подростков 51

Зорина Валерия Сергеевна

Исследование оптимальных способов организации учебной деятельности школьников с учетом доминирующей перцептивной модальности 54

Когнитивная психология и нейронаука 58

Савинова Анна Джумберовна, Коровкин Сергей Юрьевич

Илияние степени загрузки рабочей памяти на решение мыслительных задач 59

Elizaveta Kuznetsova[1], Lucca Montero[1], Shelly Pisarenko[2], Marie Arsalidou[1,2]

Colour-word Stroop and English-Russian bilinguals..... 62

Tamara Khagabanova[1], Anastasia Liashenko[1], Marie Arsalidou[1,2]

Figural intersection task: Data from Russian children 64

Abdul-Raheem Mohammed, Dmitry Lyusin

The role of updating of valenced information in emotion regulation 66

Калинина Олеся Тимофеевна

Исследование переноса навыков зрительного поиска при выполнении заданий разного типа..... 69

Макаров И.Н., Маркина П.Н.

Возможно ли предсказать возникновение тупика в инсайтных задачах? 72

Valentina Bulgakova

Effects of focal vibration on spatial and temporal dynamics of sensorimotor brain activity..... 75

Макаров И.М., Горбунова Е.С.

Влияние перцептивно схожих стимулов на амплитуду «мигания внимания»..... 78

Проскурякова Елизавета Александровна

Нейродинамические свойства, обуславливающие воздействие городской среды на жителей..... 81

Reshetnikov Mikhail Leonidovich

Post-hypnotic suggestion in the experimental setting: a replication study 84

Новиковская Н.А., Щербакова О.В.

Вербализация определения понятия как фактор повышения качества его образной репрезентации 88

Горбатова К.В., Гершкович В.А.

Проявление иллюзии категории при увеличении требований к точности ответа..... 91

Лукьянов Евгений Сергеевич, Котов Алексей Александрович

Роль обратной связи в выборе стратегии категоризации..... 94

Грибкова Ольга Алексеевна

Эффект пропусков при продолжении поиска: влияние количества стимулов на экране 99

Nikolay Syrov

Investigation of effects of a BCI-FES system on the activity of the sensorimotor cortex. 101

Кожевникова Стефания Сергеевна, Юхненко Денис Вячеславович

Моделирование процесса принятия управленческих решений психологами МЧС России 104

Ksenia Volkova, Artur Petrosyan, Ignatii Dubyshkin and Alexei Ossadtchi

Decoding movement time-course from ECoG using deep learning and implications for bidirectional brain-computer interfacing 107

Зинченко Екатерина Михайловна, Матушкина Валерия Александровна, Лазунина Екатерина Алексеевна, Бакаева Ольга Владимировна, Князев Евгений Борисович

Особенности окуломоторной активности при решении финансовых задач с учетом степени рациональности студентов .. 110

Andrey S. Zyryanov, Svetlana A. Malyutina

Dynamic aphasia: the relation between executive functions and language deficits 113

Арутюнян Вардан Геворгович

Влияние плотности фонологического соседства на порождение и восприятие слов русскоязычными детьми 4-6 лет..... 116

Чистопольская Александра Валерьевна, Майорова Виктория Александровна

Ведущая роль моторной программы как низкоуровневого механизма решения инсайтной задачи «9 точек» 119

Березина Анна Андреевна, Гвоздецкий Антон Николаевич

Сравнительный анализ феномена «сдвига внимания» на эмоционально-значимые стимулы при алкогольной зависимости и рекуррентной депрессии 122

Бойко Любовь Алексеевна

Чтение с листа фортепианного текста: движения глаз и рабочая память..... 125

Чжао Дарисий Гуанлинович[1,2], Мельничук Евгений Валерьевич[1], Исаченко Андрей Валерьевич[1,2], Козырский Богдан Леонидович[1,3]

Электроэнцефалограмма при спонтанном прослеживании движущихся объектов и при выборе их с помощью взгляда: предварительное исследование..... 128

Ишмуратова Юлия Алексеевна

Стратегии обработки информации при решении химических задач экспертами и новичками: Анализ времени решения, ошибок и движений глаз 131

Карабанов Артем Петрович

Влияние ситуативных факторов принятия решений на предпочтения в игре с форой 134

Клепицкий Сергей Игоревич

Изменения в скорости гибридного поиска при поиске предметов одинаковой категории 137

Лазарева Наталья Юрьевна

Ключевые механизмы формирования и преодоления эффекта серии 139

Невесенко Анастасия Андреевна

Влияние спортивных упражнений на уровень когнитивной гибкости 142

Иванова Алина Павловна, Лошакова Екатерина Даниловна, Сломинская Софья Павловна

Использование обсценной лексики как копинг-стратегии 145

Остапенко Мария Юрьевна

Подавление и конфликт в когнитивном контроле на примере задачи Go/NoGo 147

Павлова А.Ю., Гершкович В.А.

Санкт-Петербургский государственный университет 150

Особенности атрибуции сгенерированных стимулов в условиях диадного взаимодействия 150

Попова С.С., Горбунова Е.С.

Роль рабочей памяти в возникновении «слепоты по невниманию». 153

Быкова Ольга Михайловна

Проекция состояния человека через эмоции другого 156

Андриянова Н. В., Бакулева К. К., Петров М. В., Голованова И. В.

Роль противоречивой информации в социальном восприятии159

Рубцова Ольга Сергеевна

Роль пространственного внимания при решении инсайтных задач 162

Красина Дарья Алексеевна, Бойко Екатерина Юрьевна

Средовое влияние сенсорных воздействий в ситуации конкретно-предметного выбора индивида. 165

Стародубцев Алексей Сергеевич, Сопов Михаил Сергеевич

Интерференционное влияние псевдослов в тесте Рисунок-Слово 167

Судоргина Юлия Владимировна, Котов Алексей Александрович

Эффект влияния артикуляции решения индуктивной задачи на перенос правила решения 170

Медведев Богдан Павлович, Яголковский Сергей Ростиславович

Исследование функциональной фиксированности в условиях поиска объектов с низкой выраженностью основного функционального свойства 173

Талантов Дмитрий Александрович

Интеллект и амплитудно-временные характеристики когнитивных вызванных потенциалов 176

Марков Юрий Алексеевич, Уточкин Игорь Сергеевич

Влияние сходства объектов на объектно-пространственное связывание в зрительной рабочей памяти 179

Зверев Илья Владимирович, Морошкина Надежда Владимировна

Имплицитное и эксплицитное игнорирование в ситуации применения имплицитных знаний..... 182

Ленчукова Елена Станиславовна

Эвристические стратегии в групповом решении задач (на примере игры «Что? Где? Когда?») 185

Лунева Александра Романовна, Коровкин Сергей Юрьевич

Исследование вклада межполушарного взаимодействия в решении задач..... 187

Ланина А.А., Горбунова Е.С.

Феномен «пропусков при продолжении поиска» в зрительном поиске: исследование методом стимуляции мозга..... 190

Бочкина Елена Валерьевна

Связь представлений о цикличности пространственно-временных процессов с когнитивным развитием у детей дошкольного возраста 193

Глазкова Алена Игоревна

Формирование произвольной памяти с помощью мнемотехнических приемов..... 196

Хвостов Владислав Александрович, Стакина Юлия Михайловна, Уточкин Игорь Сергеевич

Быстрая сегментация множественных сочетаний признаков на основе их сводной статистики 199

Толстова Ольга Игоревна

Особенности зрительной перцепции жителей виртуального пространства 202

Милн Анна Робертовна, Степаненко Владислава Геннадьевна, Горбунова Е.С.

Эффект “усиления внимания” в условиях разной перцептивной загрузки 205

Психология личности и психологическое консультирование ... 208

Яковлева Александра Евгеньевна

Особенности ценностно-смысловой направленности личности ВИЧ-инфицированных больных 209

Ковалева Маргарита Александровна

Особенности моральной мотивации лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации 211

Нуруллина Эллина Маратовна[1], Куминская Евгения Андреевна[2]

.....Использование социальных сетей людьми с разным уровнем удовлетворенности жизнью 214

Кумченко Сергей Константинович

Ресурсные звенья при различных трансгендерных идентичностях 217

Ремезов Дмитрий Андреевич

Значимый Другой и блокирование личностного потенциала . 220

Барановская Мария Сергеевна

Значение стереотипов о психологических практиках в отказе от получения психологической помощи потенциального клиента ... 223

Тонких Антон Игоревич, Костенко Василий Юрьевич

Взаимосвязь способности к осознанному присутствию (mindfulness) и личностной рефлексии 225

Байрамян Роксана Мамиконовна

Трудные жизненные ситуации младшего школьника при разном уровне нормативной ситуации 228

Гришутина Милена Максимовна, Костенко Василий Юрьевич

Возможные Я в романтических отношениях 231

Дымова Екатерина Николаевна

Посттравматический стресс у военнослужащих по призыву и гражданских лиц 235

Жаркой Сергей Юрьевич

Полипарадигмальное исследование чувства юмора как комплексной личностной характеристики 238

Зайка Анна Сергеевна

Исследование влияния параметров семейной системы в восприятии гомосексуальных подростков на уровень их самостигматизации 241

Меньщикова Анна Анатольевна, Фам Анна Хунговна

Основные различия выборов разного субъективного качества 244

Потехина Валентина Евгеньевна

Исследование феномена сексуальности личности в контексте романтических отношений 247

Лазарева А., Петелина В.Н.

Что такое счастье? 250

Галлямова Аделия Робертовна

Дружественность домашней среды и ценностно-смысловая сфера человека 253

Московченко Елизавета Николаевна

Добрый дом – злые люди? (Домашняя Среда как источник превенции черт Темной Триады) 255

Чукарина Анастасия Александровна

Становление экзистенциальных мотиваций в процессе личностного взросления 259

Смирнова Елизавета Дмитриевна

Исследование образа психолога в представлении современного человека: возрастные и гендерные аспекты..... 262

Боголюбова-Кузнецова Дарья Васильевна

Осознание себя ребенком с особенностями развития в рамках занятий арттерапией..... 264

Гошокова Татьяна Владимировна

Особенности мотивационной готовности к оказанию первой помощи..... 267

Билан Екатерина Максимовна

Образ дома как фактор позитивного функционирования личности 270

Назмутдинова Рината Хакимовна

Возможные «Я» как предикторы профессионального самоопределения и статуса профессиональной идентичности в старшем школьном возрасте..... 273

Никитина Дарья Алексеевна

Андреева Юлия Валерьевна, Золотова Ирина Александровна

Исследование психологических и социальных детерминант налаживания и сохранения естественного вскармливания недоношенных детей..... 279

Пецева Ольга Сергеевна

Исследование взаимосвязи прокрастинации и экзистенциальной исполненности..... 282

Сюй Идань

Значимость и доступность ценностей у китайских студентов, обучающихся по разным специальностям 285

Олькова Елизавета Максимовна

Личностные особенности и структура защитного функционирования молодежи, увлекающейся аниме 287

Чупахина Дарья Александровна

Взаимосвязь саморазрушающего поведения и дистимии у старших подростков 290

Краснова Ксения Александровна
Ценностный конфликт как стимул творческой активности.... 296
Чукарин Борис Алексеевич, Петровский Вадим Артурович
Динамика ценностного переживания на разных уровнях осознанности 299
Психология семьи и семейное консультирование..... 302
Пашкович Ника Владимировна
Роль родительских посланий в совладании учащихся средней школы с экзаменационным стрессом 303
Афанасьева Анна
Представление о собственном союзе партнеров с большой разницей в возрасте..... 306
Ефимова А.А.[1], Харина П.А.[1,2], 3Е.Ю. Чеботарева Е.Ю.[2]
Психологическое благополучие одиноких матерей и особенности их взаимодействия с детьми – дошкольниками и подростками ... 309
Куклина Кристина Викторовна, Задорова Юлия Александровна
Исследование влияния привязанности на психическое здоровье дошкольников..... 312
Представления об отношениях привязанности у людей с разными стилями привязанности..... 314
Пучек А.И., Чекалина А.И.
Импульсивность в семейных конфликтах 317
Валиева С.В., Орлова Е.С., Геронимус И.А.
Особенности взаимосвязи зависимого поведения учеников старших классов с семейными факторами 319
Хохлова Ю.А.
Проявления холодности матери к сыновьям разного возраста 322
Маркитантова Ольга Анатольевна
Семейные правила выживания у женщин разных поколений 325
Полякова Юлия Михайловна
Психологическая сепарация и удовлетворенность браком: особенности связи. Экспериментальное исследование 328
Румянцева Д.А. , Сыромятникова А.В.

Взаимосвязь типов привязанности, копинг-стратегий и способов разрешения конфликтов, у супругов с разным стажем брака. 330

Степыгина И.С., Филиппова Е.В.

Представление отца и матери о ребенке и своих супружеских отношениях. 333

Петрова И.А.

Особенности сепарации и представлений о романтических отношений у людей, имеющих трудности в построении отношений с противоположным полом 335

Гусейнзаде Ш.Р.

Особенности супружеских и детско-родительских отношений в полных семьях, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья 338

Психология способностей и индивидуальных различий 341

Рагимова А.Г.

Связь гендерных различий и социометрического статуса бакинских подростков с показателями склонности к зависимому от Интернета поведению..... 342

Volkova Natalia Eduardovna

Peculiarities of conceptual abilities, hardiness and coping in students with different specialization..... 345

Угланова И.Л.

Измерение креативности и критического мышления в начальной школе: валидизационное исследование 348

Андреюк К.О.

Соотношение возможностей ментализации и особенностей мышления у пациентов с шизофренией 351

Горева К.Д.

Разработка параметров для измерения устойчивости к эвристикам на материале фреймов 354

Федорова А.А.

Взаимосвязь меры выраженности креативности и конфликтного поведения сотрудников организаций..... 357

Котова А.М.

Специфика взаимосвязи общих когнитивных способностей и копинг-стратегий у будущих специалистов 360

Эфендиев З.Я.

Влияние условий тестирования на социальную желательность ответов на примере психологической диагностики волонтеров IV Исламских игр в городе Баку..... 363

Связь личностных черт и депрессии с активностью пользователей социальной сети..... 365

Муртазалиева К.М., Козлов Д.Д.

Склонность принимать деонтологические или утилитарные решения в моральных вопросах: черта личности или специфика работы когнитивных механизмов? 368

Акопян К.Г.

“Темная триада” как предиктор нетранзитивности в ситуации предпочтения объектов 371

Амирасланова А.Н.

Адаптация методики «Benign and Malicious Envy Scale» 374

Тарасюго В.С.

Особенности когнитивных стилей у танцоров и студентов, обладающих высоким уровнем креативности 377

Георгиевская М.А.

Особенности этических норм коммуникации в социальных сетях пользователей с различным уровнем социального интеллекта 379

Социальная и организационная психология 382

Krivoshchekov V.

Connection between attitudes toward men and evaluation of men performing different family roles 383

Кутуев Р.М.

Экспериментальное исследование идентификации лжи в деловых переговорах..... 386

Лебедева Н.В.

Что важнее для женщины: семья или работа (на примере областей STEM)? 390

Темиргалиева М.М.

О некоторых особенностях системы копинг-механизмов у людей с различной степенью зависимости от ПАВ 393

Ерин Н.Д.

Социально-психологические механизмы развития чувства юмора 396

Потапова Ю.В., Кузьмин Б.В.

Эмоциональный, когнитивный и поведенческий компоненты оценки пациентами образов врачей различных специальностей .. 399

Сощик И.Г.

Высокий интеллект и оправдание аморального поведения..... 402

Михеев В.Ю.

Влияние общей брезгливости и знаний по биологии на отношение к ГМО в России 404

Карпук В.А.

Особенности идентичности представителей субкультур «Ролевики» и «Косплееры» 408

Воробьева О.А.

Исследование целей руководителей высшего звена управления на примере участников конкурса «Лидеры России» 411

Маркарян В.Г., Баркова Ю.К.

Исследование готовности руководителей к работе в цифровом обществе 414

Научное издание

Актуальные проблемы психологической науки

Сборник статей и выступлений

международной научной конференции

г. Москва, 10-12 мая 2018 г.

Под редакцией Горбуновой Е.С.

Опубликовано в авторской редакции

Доступ к сборнику – свободный.
Режим доступа: http://nkras.ru/arhiv/2019/psychology.pdf
Сборник содержится в едином файле PDF.

Дата выхода в свет 21.01.2019.
Свободная цена. Заказ 2101/2019.

По вопросам приобретения и издания литературы обращаться по адресу:
Издательство «Научно-инновационный центр»
ул. 9 Мая, 5/192, г. Красноярск, 660127 Россия
тел. +7 (923) 358-10-20
Электронная почта: monography@nkras.ru
Дополнительная информация на сайте: www.nkras.ru